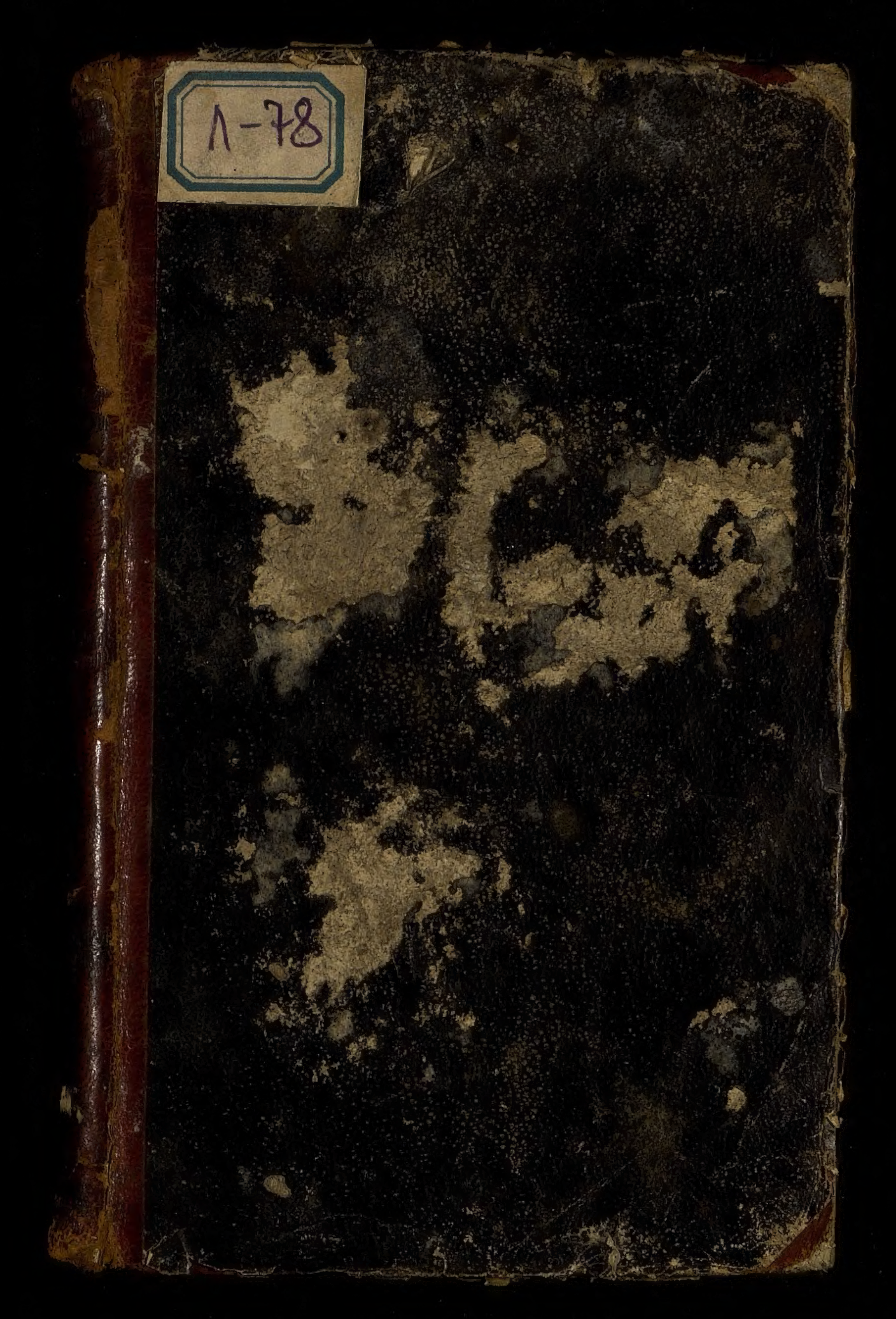
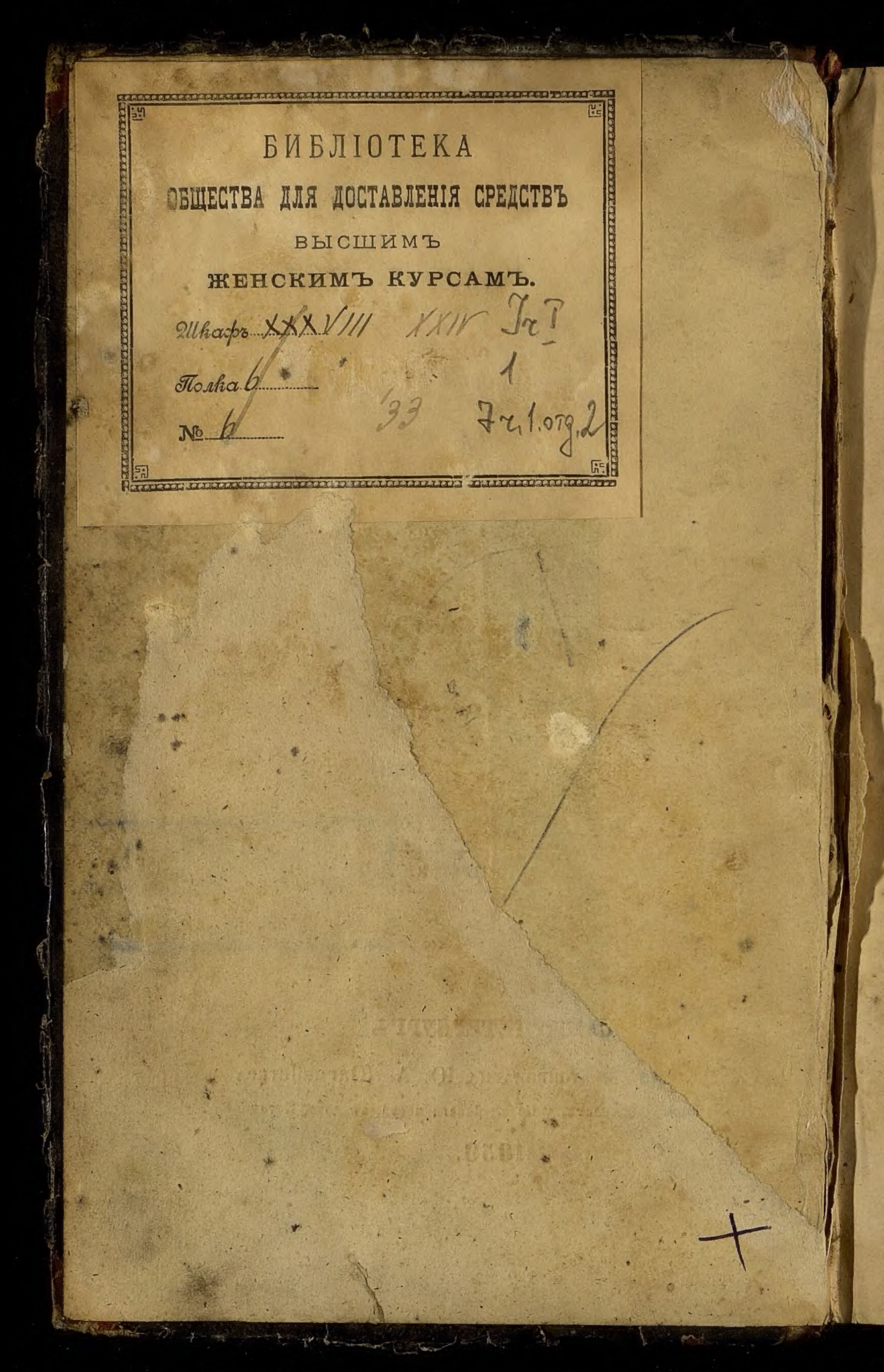

1-78

БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ
ВЫСШИМЪ
ЖЕНСКИМЪ КУРСАМЪ.
Шкафъ XXXVIII XXIV 7ч I
Полка 6 1
№ 6 33 7ч. 1. отд. 2

РУКОВОДСТВО

КЪ

ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

ЧАСТИ 1-ой ОТДѢЛЕНІЕ 2.

РУКОВОДСТВО

КЪ

ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

СОЧИНЕНІЕ

Dr. Фридриха Лоренца,

Орд. Профессора Главнаго Педагогическаго Института и Директора Главнаго Нѣмецкаго Училища при Евангелическо-Лютеранской Церкви Св. Петра.

Части I-ой Отдѣленіе 2.

Изданіе третье.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

У издателя, книгопродавца Ю. А. Юнгмейстера.

1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 22 Іюля 1857 года.

Ценсоръ *А. Фрейгангъ.*

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

III.

ИСТОРІЯ РИМА И РАСПРОСТРАНЕНІЯ ЕГО ВЛАДЫЧЕСТВА ДО РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА.

Римская исторія вводитъ насъ въ отношенія уже не такъ чуждыя новѣйшимъ временамъ, какъ гражданская жизнь греческихъ республикъ. Всѣ элементы древности, перешедшіе въ развитіи среднихъ вѣковъ въ жизнь новѣйшихъ народовъ, явились къ намъ въ той формѣ, въ которой развилъ ихъ и усвоилъ себѣ духъ римской націи. Это посредничество между двумя великими эпохами міра даетъ римской исторіи самое обширное значеніе, хотя большая часть умственныхъ элементовъ, переданныхъ римлянами германцамъ, развились не въ Римѣ, а въ Греціи. Впрочемъ и то, что произвелъ ихъ собственный геній — образованіе гражданскаго права — по своей важности обезпечиваетъ за ними мѣсто, занимаемое ими во всемірной исторіи. Поэзія, искусство,

философія и прочія заимствованныя ими отъ грековъ знанія разцвѣли у нихъ очень поздно, и то, подобно растеніямъ, пересаженнымъ съ другой почвы, междутѣмъ, какъ все, имѣвшее отношеніе къ практической пользѣ, находило самыхъ усердныхъ обработывателей въ самомъ Римѣ. Уже въ этомъ перевѣсѣ разума надъ прочими силами души заключается стремленіе къ пріобрѣтенію и обладанію, и слѣдовательно, съ одной стороны, потребность завоеваній, съ другой, стараніе объ устройствѣ и обезпеченіи за собою завоеваннаго. Первое сдѣлало римлянъ воинами, второе — правовѣдами. Въ самомъ дѣлѣ, и военное искусство, покорившее имъ вселенную, и право, доставившее огромной ихъ имперіи такое твердое устройство, что она существовала долѣе, нежели какая-либо другая всемірная держава — и то, и другое было развито ими до высочайшей степени совершенства. Итакъ назначеніе Рима во всемірной исторіи есть соединеніе всего образованнаго греками міра въ одно политическое и устроенное законами тѣло.

Собственные источники древнѣйшей исторіи Рима, какъ то: libri pontificum, содержащіе въ себѣ государственныя лѣтописи и фамильные архивы, равно какъ древнѣйшіе римскіе историки: Фабій Пикторъ, Катонъ и Мацеръ, до насъ не дошли. Посему мы должны держаться двухъ позднѣйшихъ писателей: одного грека *Діонисія Галикарнасскаго*, который въ своей археологіи пространно и подробно разсматриваетъ состояніе древней Италіи и Рима; онъ впадаетъ въ ту только ошибку, что все или производитъ отъ грековъ, или старается привести въ связь съ греческими элемен-

тами; — и другаго римлянина, *Тита Ливія* изъ Падуи, который изящнымъ слогомъ августова времени, повѣствуетъ древнѣйшую исторію Рима, согласно съ народными преданіями. Изъ новѣйшихъ важнѣйшее сочиненіе безспорно есть римская исторія *Б. Г. Нибура*, который строгою критикою отдѣлилъ историческое отъ преданій и разложилъ элементы, изъ которыхъ возникъ римскій народъ и образъ правленія.

Италія отдѣлена отъ остальной Европы Альпами, и въ видѣ полуострова на 150 географическихъ миль вдается въ Средиземное Море, въ направленіи отъ сѣвера къ югу. Аппенины раздѣляютъ ее на двѣ неровныя половины, изъ коихъ сѣверовосточная есть страна открытая и плодоносная, а югозападная изрѣзана горами и представляетъ узкія долины и малыя прибрежныя равнины.

По географическому своему дѣленію Италія распадается на три части: на Верхнюю, которую впрочемъ римляне стали причислять къ Италіи не прежде, какъ во времена императоровъ, Среднюю и Нижнюю. Верхняя Италія, простиравшаяся отъ подошвы Альпъ до рѣкъ Рубикона и Макры, заключала въ себѣ двѣ земли: *Галлію Цизальпинскую* и *Лигурію*. Первую рѣка Падъ раздѣляла на двѣ части: *Галлію Транспаданскую* и *Галлію Циспаданскую*. Въ Сѣверной или Транспаданской жили галльскія племена тавринцевъ, инсубровъ и ценомановъ; въ Южной или Циспаданской обитали бои, сеноны и лингоны — равномѣрно галлы. Города, находившіеся здѣсь, были по бо́льшей части военныя колоніи, основанныя римлянами по занятіи страны. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ въ Галліи Транспаданской были:

Aquileia, Patavium, Vincentia, Verona, Mantua, Cremona, Brixia, Mediolanum, Ticinum и Augusta Taurinorum. Въ Галліи Циспаданской: Ravenna, Bononia, Mutina, Parma и Placentia. Вторая часть Верхней Италіи, Лигурія, занимала прибрежную страну между рѣками Варомъ и Макрою, и главный городъ ея былъ Genua. Средняя Италія, которой предѣломъ съ одной стороны была рѣка Силаръ, а съ другой Френто, заключала въ себѣ шесть земель, изъ нихъ *Этрурія*, *Лаціумъ* и *Кампанія* лежали на западной, а *Умбрія*, *Пиценумъ* и *Самній* на восточной сторонѣ. Въ Этруріи (Тусціи, Тирреніи), отечествѣ и средоточіи процвѣтавшей до усиленія Рима могущественной этрусской націи, находилось двѣнадцать городовъ, составлявшихъ одинъ союзъ: Clusium, Perusia, Cortona, Arretium, Volaterra, Rusellae, Vetulonia, Faesulae, Tarquinii, Caere, Falerii и Veji. Изъ рѣкъ, протекающихъ здѣсь, примѣчателенъ только одинъ Арно. Лаціумъ, страна латинцевъ, отдѣлялся отъ Этруріи Тибромъ. Кромѣ латинцевъ здѣсь жили еще малочисленныя горныя племена: герники, сабинцы, эквы, марсы, волски, уртулы и аврунки. Первоначально Лаціумъ простирался только до мыса Цирцей, но когда впослѣдствіи къ нему присоединилось все пространство земли до рѣки Лириса, то первую страну назвали Latium vetus, а послѣднюю Latium novum. Такъ-какъ Римъ основанъ былъ латинцами, то латинская нація и языкъ ея сдѣлались въ Италіи господствующими. Кромѣ Рима здѣсь замѣчательны города: Ostia, Tibur, Tusculum, Alba longa, Lavinium, Antium, Gabii и Velitrae. Кампанія занимала остальную часть берега отъ Лириса до Силара. Важнѣйшіе города этой страны были: Capua, Cumae, Neapolis, Nola, Surrentum, Salernum и прославившіеся печальною своею участью Herculanum и Pompeji. Изъ странъ, занимавшихъ восточный берегъ Средней Италіи, Умбрія лежала между рѣками Рубикономъ, Эзи-

сомъ и Наромъ; изъ городовъ Ariminum, Spoletium и Narnia были самые примѣчательные. Пиценты населяли область нынѣшней Мархіи и Анконы съ городами: Ancona, Ascolum, Picentum, — страну ровную и плодоносную. Напротивъ, самнитяне владѣли страною гористою, простиравшеюся отъ рѣки Атарна до Френто. И хотя тяжелые труды, которыхъ требовало воздѣлываніе этой не вездѣ удобной къ обработанію почвы, дѣлали жителей грубыми и храбрыми, однако и самнитяне извѣстны какъ мирный, пастушескій и земледѣльческій народъ. Городовъ у нихъ было не много; примѣчательнѣйшіе изъ нихъ Beneventum и Caudium. Нижняя Италія называлась также *Великою Греціею* (Magna Graecia). Она заключала въ себѣ четыре страны, изъ которыхъ двѣ: *Луканія* и *Брутціумъ* расположены были на западной сторонѣ, а другія двѣ: *Апулія* и *Калабрія* — на восточной. Луканія простиралась отъ Силара до рѣчки Лауса, а далѣе, на постепенно съуживающейся косѣ, жилъ грубый и дикій народъ, бруттійцы; впрочемъ владѣнія ихъ ограничивались внутренними горами, берега же находились во власти грековъ и были заселены ихъ колоніями. Апулія, простиравшаяся по восточному берегу отъ Френто до того мѣста, гдѣ берега начинаютъ съуживаться, была весьма плодоносна. Изъ городовъ примѣчательны Sipontum, Luceria, Barium, Cannae и Venusia. Восточная коса, оканчивающаяся мысомъ Япигіемъ, называлась у древнихъ Калабріей или Мессаніей.

Что касается до состоянія Италіи прежде основанія Рима, то мы находимъ здѣсь четыре различные рода цивилизаціи: 1) этруской или тирренской націи, 2) латинской, 3) сабелльской и наконецъ 4) греческой. О трехъ первыхъ, оказавшихъ болѣе или ме-

нѣе вліянія, какъ на первоначальное образованіе, такъ и на дальнѣйшее развитіе Римскаго Государства, мы должны сказать прежде, нежели приступимъ къ исторіи самаго Рима. Притомъ имѣющій основательное понятіе о сихъ федераціяхъ итальянскихъ народовъ, легко убѣдится, что такое государство, какъ Римъ, возникшее въ то время, когда узы, связывавшія ихъ, ослабли, должно было сдѣлаться для нихъ опаснымъ.

О величіи и могуществѣ этрусской націи говорятъ памятники и развалины ея городовъ и дошедшія до насъ художественныя произведенія; но ея языкъ и исторія для насъ потеряны и только въ новѣйшія времена изысканіе ихъ, подобно египетскимъ, сдѣлалось предметомъ стремленія *). Изъ трехъ федерацій, на которыя раздѣлялись всѣ этрусскія племена, мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о тусской, находившейся въ нынѣшней Тосканѣ, потому-что она была въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ римлянами и состояла изъ двѣнадцати выше исчисленныхъ городовъ. Образъ правленія ихъ былъ аристократо-іерархическій. Господствующій классъ патриціевъ, называвшихся *лукумонами*, одинъ имѣлъ право на занятіе жреческихъ мѣстъ и на обладаніе жреческой мудростію. Лукумоны одни образовали сеймы, обыкновенно собиравшіеся при храмѣ Волтумны, на которыхъ были рѣшаемы дѣла государства. Во время нужды и опасности главою союза дѣлали одного, вручивъ ему верховную власть свѣтскую и духовную. Народъ составлялъ крѣпостныхъ подданныхъ

---

*) Изъ всѣхъ, доселѣ сдѣланныхъ опытовъ объясненія этрусской исторіи, самый удачный есть сочиненіе: Die Etrusker, vier Bücher von K. O. Müller. 2. Bände, Breslau, 1828.

лукумоновъ. Среднее сословіе свободныхъ граждапъ или вовсе не существовало, или было слишкомъ незначительно, чтобы могло быть замѣтнымъ. Сему послѣднему обстоятельству должно приписывать слабость Этруріи противъ Рима. Римлянамъ въ каждой войнѣ доставляла перевѣсъ отличная пѣхота, и ни богатство, ни искусство, ни высокія стѣны не спасли этрусковъ отъ ихъ владычества. Римляне заняли отъ этрусковъ нѣкоторыя учрежденія, между прочимъ знаки гражданскаго правительства, календарь и многія религіозныя церемоніи.

Союзъ латинцевъ состоялъ изъ 30 городовъ, между которыми Альбалонга, по своей древности и силѣ, занимала нѣкоторымъ образомъ степень столицы. Сеймы союза происходили въ рощѣ богини Ферентины. Политическія учрежденія латинцевъ послужили образцомъ для государственныхъ постановленій Рима, гдѣ ихъ сенатъ, ихъ преторы и диктаторы прожили еще долго, по-крайней-мѣрѣ, по имени. Верховныя божества ихъ, богъ солнца *Діанъ* и богиня луны *Діана*, приносящій плодородіе *Сатурнъ* и жена его *Опсъ*, перешли въ религію римлянъ. Но исторія сего союза, предшествовавшая основанію Рима, также неизвѣстна, и съ того времени, о которомъ извѣстія начинаютъ дѣлаться достовѣрнѣе, она сливается съ римскою. Самое многочисленное и владѣвшее обширною страною итальянское племя были сабеллы, къ которымъ принадлежали марсы, пиценты, пелигны, самниты, луканцы и сабинцы. «Не многія націи, говоритъ Нибуръ, были такъ «разнохарактерны въ своихъ племенахъ, какъ этотъ «великій народъ: самниты, марсы, пелигны отличались воинственностью и самою пламенною любовію «къ свободѣ, пиценты были слабы и трусливы, сабинцы набожны и справедливы, луканцы свирѣпы и «хищны. Всѣ сабеллы, а особливо марсы, занимались

«гаданіемъ по примѣтамъ, преимущественно по полету «птицъ.» Хотя въ основаніи образа правленія сабелловъ была, также какъ и у этрусковъ, аристократія и религія, однако ихъ аристократія, подобно той, не властвовала надъ народомъ неограниченно и религія не находилась въ рукахъ исключительно одного сословія жрецовъ, но сопровождалась письменными постановленіями. Большая часть сихъ племенъ жила въ неукрѣпленныхъ селеніяхъ, и ихъ трудолюбіемъ Аппенины были воздѣланы до самой снѣжной полосы. Самый знатный, равно какъ и самый низкій изъ сабелловъ обработывалъ землю своими руками. Но узы, связывавшія всѣ сіи племена, были такъ же слабы, какъ у латинцевъ и этрусковъ; прежде всѣхъ были присоединены къ Риму сабинцы, и позднѣйшіе римскіе писатели славятъ въ своихъ достойныхъ предкахъ сабинскую силу и добродѣтель.

Какъ ни различались между собою древнія племена Италіи, не смотря на то во многихъ постановленіяхъ примѣтно довольно сходства; посему мы имѣемъ достаточную причину полагать, какъ легко, на основаніи сихъ общихъ постановленій, могло образоваться государство, котораго элементы принадлежали всѣмъ нами исчисленнымъ, различнымъ племенамъ. Такое государство было Римъ; какъ ни сомнительны и баснословны могутъ быть подробности исторіи о происхожденіи Рима, но то должно принять за фактъ, что онъ возникъ изъ соединенія людей изъ различныхъ итальянскихъ народовъ въ одну гражданскую общину. Такого рода происхожденіе тотчасъ дало государству весьма опредѣленный характеръ: такъ; съ одной стороны, римская община

была какъ бы извлеченіемъ изъ всѣхъ итальянскихъ народовъ, съ другой, различные элементы, вошедшіе въ составъ его, не могли соединиться въ одно цѣлое безъ предварительныхъ законныхъ актовъ, согласія и договоровъ.

Исторія происхожденія и первыхъ постановленій Рима, въ томъ видѣ, въ какомъ она представлена намъ греческими и римскими писателями, есть чисто-народное преданіе, въ которомъ историческія истины едва просвѣчиваютъ изъ-за поэтическихъ прикрасъ. Но такъ-какъ поэты, ораторы и вообще всѣ писатели тѣсно соединили ее съ римскою религіею и государственнымъ бытомъ, и такъ-какъ она сдѣлалась существенною частію народныхъ повѣрій, то нужно познакомиться и съ нею. Для сего совѣтуемъ обратиться къ Ливію, который съ такимъ искусствомъ разсказываетъ эти преданія, что они, походя на исторію, нисколько не теряютъ своей поэтической прелести. По преданію, Римъ основанъ двумя близнецами, рожденными нѣкоторою царевною отъ Марса, бога войны. Малютки были брошены на погибель, но волчица вскормила ихъ, и такимъ образомъ они чудеснымъ образомъ избѣжали угрожавшей имъ смерти; подобное же разсказываютъ и о другихъ основателяхъ государствъ, напримѣръ въ преданіяхъ персовъ о Кирѣ. Впослѣдствіи они основали городъ и въ ссорѣ за то, какъ назвать его, одинъ изъ нихъ, Ромулъ, убилъ брата своего, Рема. Въ этомъ городѣ открывалось убѣжище всякому чужестранцу и бѣглецу; похищеніемъ сабинянокъ пополненъ былъ недостатокъ въ женахъ. Сказаніе подробно описываетъ происшедшую за это войну, опасность Рима, спасеніе его чрезъ посредничество похищенныхъ сабинянокъ и тѣсное соединеніе обѣихъ общинъ. Т. Тацій назывался

царь сабинскій, правившій вмѣстѣ съ Ромуломъ; онъ погибъ насильственною смертію. Поэтическое преданіе о Ромулѣ оканчивается переселеніемъ его на небо. Напрасно давать сему сказанію такое значеніе, что будто бы онъ былъ убитъ во время грозы сенаторами; подобнымъ объясненіемъ только отнимаютъ у него поэтическую прелесть, не пріобрѣтая ничего для исторіи. По народному повѣрью Марсъ во время страшной бури, среди грома, и молній, сошелъ съ неба и на огненной колесницѣ увезъ туда своего достойнаго сына. Сказаніе о второмъ царѣ римскомъ принимаетъ тонъ священной легенды. Этотъ царь былъ Нума Помпилій. Его чтутъ какъ основателя богопочитанія. Отъ Камены Эгеріи, удостоившей его дружескаго обхожденія, онъ получилъ наставленіе касательно учрежденія іерархіи, а Фавнъ и Пикъ, боги лѣсовъ, научили его, какъ можно заклинать даже самого Юпитера; впрочемъ, на это могъ отважиться только мужъ непорочный, посему въ преданіи повѣствуется, что третій царь Туллъ Гостилій, дерзнувшій на это съ нечистыми руками, былъ пораженъ карающимъ перуномъ разгнѣваннаго бога. Когда Нума, достигнувъ въ благословенномъ мирѣ глубокой старости, умеръ, нимфа Эгерія, оплакивая его, отъ горести превратилась въ ручей. Изъ сихъ сказаній о двухъ первыхъ царяхъ видно, что римская исторія начинается богами и героями: Ромулъ, сынъ бога, и самъ дѣлается богомъ; Нума, хотя и человѣкъ, по своею тѣсною связію съ божественнымъ существомъ, стоитъ гораздо выше обыкновенныхъ людей. Съ исторіею третьяго царя Тулла Гостилія сказаніе принимаетъ иной характеръ. Здѣсь есть уже историческій элементъ. Но битва Горацієвъ и Куріацієвъ и разрушеніе Альбылонги есть чистая эпопея. Четвертый царь Анкъ Марцій, сабинецъ и родственникъ Нумы, является въ томъ же отношеніи къ своему предше-

ственнику, въ какомъ Нума былъ къ Ромулу. Подобно Нумѣ, онъ особенно замѣчателенъ дѣлами религіи и мира. Имъ оканчивается періодъ, въ которомъ постоянно за латинскимъ царемъ слѣдуетъ сабинскій, и первый отличается какъ вождь и воинъ, второй какъ основатель богопочитанія. Сказанія о слѣдующемъ за симъ времени Нибуръ характеризуетъ слѣдующими словами: «Л. Тарквиніемъ Прискомъ начинается великая поэма, оканчивающаяся битвою при Региллѣ: эта пѣснь о Тарквиніяхъ, не смотря на свою прозаическую форму, заключаетъ въ себѣ весьма много поэзіи и совсѣмъ непохожа на собственную исторію. Прибытіе Тарквинія въ Римъ, какъ лукумона, его дѣла и побѣды, его смерть, потомъ чудесная исторія Сервія, преступный бракъ Тулліи, умерщвленіе законнаго царя, вся исторія послѣдняго Тарквинія, предвѣстія, приготовляющія къ его паденію, Лукреція, притворство Брута, смерть его, война съ Порсеною и наконецъ совершенно-гомерическая битва при Региллѣ,— образуютъ такую эпопею, которая силою и блескомъ фантазіи далеко оставляетъ за собою всѣ произведенія позднѣйшихъ римскихъ писателей. Чуждая единству совершеннѣйшей греческой поэмы, она дѣлится на отрывки, въ чемъ совершенно соотвѣтствуетъ приключеніямъ Нибелунгъ; еслибъ кто осмѣлился представить ее въ піитическомъ видѣ, тотъ весьма ошибся бы, избравъ не эту высшую и благороднѣйшую форму.»

Начало Рима, теряясь въ безконечности, сообразно съ достоинствомъ города, преимущественно предъ всѣми названнаго вѣчнымъ. Имя Римъ (Ῥώμη) намекаетъ на греческое происхожденіе; во всякомъ случаѣ оно не латинское. За несомнѣнный историческій фактъ можно принять только то, что городъ, име-

нуемый Римомъ, стоялъ уже на Палатинскомъ холмѣ, когда сабинцы внизъ по Тибру вторгнулись въ латинскія земли. Пришельцы поселились на Капитолинскомъ холмѣ, и изъ соединенія сихъ двухъ общинъ образовалось Римское Государство *). Первымъ и естественнымъ слѣдствіемъ соединенія ихъ было то, что онѣ, доселѣ отдѣльныя въ своемъ внутреннемъ управленіи, теперь согласились имѣть одного царя, одинъ сенатъ и одно общее народное собраніе. Царь долженъ быть избираемъ изъ обоихъ городовъ попеременно. Народъ сталъ теперь называться Populus Romanus et Quirites. Впослѣдствіи это названіе приняло форму Populus Romanus Quiritium. Первоначальная римская община, трибъ *Рамнесъ*, раздѣлялась на 10 курій; изъ нихъ избиралось 100 мужей, по 10 изъ каждой куріи, которые составляли сенатъ. По соединеніи съ сабинцами, въ семъ уст-

---

*) Общину, основанную сабинцами на Капитолинскомъ холмѣ, Нибуръ называетъ *Квиріемъ*. Не смотря на то, что промежутокъ, раздѣлявшій оба города, былъ слишкомъ малъ, каждый изъ нихъ составлялъ особенное государство, имѣлъ своего царя и свой сенатъ; упоминаемое въ народномъ преданіи двудержавіе царей Ромула и Т. Тація намекаетъ на это. Для совѣщанія о дѣлахъ общихъ, граждане обоихъ городовъ сходились въ лощинѣ между Палатинскимъ и Капитолинскимъ холмами: оттуда произошло *comitium*. Сказаніе о похищеніи сабинянокъ можетъ имѣть основаніе въ томъ, что сабинцы отказывали римлянамъ въ согласіи на взаимные браки (jus connubii), пока наконецъ послѣдніе не употребили насилія. Во всякомъ случаѣ сіи браки положили первое основаніе соединенію обѣихъ общинъ, въ воспоминаніе котораго на мѣстѣ ихъ соединенія былъ построенъ храмъ Януса — собственно двое воротъ, обращенныхъ къ тому и другому городу. Онъ отворялся во время войны, чтобы оба города могли оказывать другъ другу взаимную помощь, а въ мирное время запирался, можетъ быть, въ знакъ прежняго ихъ раздѣленія.

ройствѣ не произошло другой перемѣны, какъ только то, что число курій и сенаторовъ удвоилось. Сабинцы образовали трибъ *Тиціевъ.* Впослѣдствіи присоединился еще третій трибъ, *Луцересъ,* состоявшій преимущественно изъ этрусскихъ элементовъ, и этотъ также былъ раздѣленъ на 10 курій. Такимъ образомъ по соединеніи латинскаго, сабинскаго и этрусскаго элементовъ Римское Государство состояло изъ 3 трибъ, 30 курій и имѣло сенатъ изъ 300 членовъ.

Впрочемъ надобно замѣтить, что сіе дѣленіе, также какъ и имя populus, относится только къ патриціямъ. Кромѣ *популуса* или общины патриціевъ, скоро образовался, частію изъ переселенцевъ, частію изъ граждань завоеванныхъ городовъ, второй классъ — *плебсъ,* состоявшій изъ людей лично свободныхъ, но безъ всякихъ политическихъ правъ. Плебеи не имѣли никакого участія въ правленіи, никакого удѣла въ общественныхъ поляхъ (ager publicus) и не могли вступать съ патриціями въ брачные союзы (connubium). Но такъ-какъ между плебеями находились также богатыя, въ своемъ первомъ отечествѣ знатныя фамиліи, то естественно, что они, не уступая патриціямъ ни въ породѣ, ни въ богатствѣ, современемъ стали стремиться къ равнымъ политическимъ правамъ. Кромѣ сихъ двухъ сословій было въ Римѣ еще третье—*кліенты.* Кліентъ, въ отношеніи къ своему патрону, непремѣнно патрицію, былъ покорнымъ слугою, и за сію подчиненность и готовность на всякія услуги получалъ отъ него защиту и пособіе.

Главою Римскаго Государства былъ царь (rex), впрочемъ съ властію весьма ограниченною, такъ что

положеніе его можно сравнивать съ тѣмъ, въ какомъ находились цари гомеровскихъ временъ. Онъ былъ главнымъ военачальникомъ и верховнымъ жрецомъ, онъ созывалъ сенатъ и общины. Но отъ сихъ послѣднихъ зависѣло подтвержденіе предлагаемаго имъ закона войны или мира. Сперва каждое предложеніе разсматривалъ сенатъ или комитетъ изъ фамилій патриціевъ, потомъ рѣшеніе его (patrum auctoritas) было представляемо собравшемуся въ куріи всему сословію патриціевъ, которое наконецъ опредѣляло принять его или нѣтъ (jussus populi). Но, чтобы имѣть твердое основаніе и силу закона, оно должно быть подтверждено самими богами посредствомъ благопріятныхъ авспицій. Безъ одобренія авспицій въ Римѣ не предпринималось ничего важнаго, какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни *). Хотя верховная власть суда и расправы находилась въ рукахъ царя, однако и отъ его приговоровъ могла имѣть мѣсто апелляція собранію патриціевъ или популусу **). Только надъ плебеями и чужестранцами, и во время войны, какъ вождь, царь имѣлъ неограниченную власть. Твердо и стройно, какъ внутреннее управленіе государства, съ самаго начала былъ установленъ въ Римѣ и военный бытъ. Военныя силы Римлянъ, кромѣ ополченія плебеевъ и кліентовъ, состояли изъ

*) Ливій (lib. VI c. 41) въ рѣчи Аппія Клавдія показываетъ значеніе авспицій и влагаетъ въ уста его слѣдующія слова: auspiciis hanc urbem esse conditam, auspiciis bello ac pace, domi militiae que omnia geri, quis est qui ignoret?

**) Cicero de republ. lib. II c. 31: provocationem etiam a regibus fuisse, declarant pontificii libri, significant nostri etiam augurales.

3,000 пѣхоты, по 1,000 изъ каждой трибы, и 300 всадниковъ, называвшихся *celeres*. Римъ не принадлежалъ ни къ одному изъ союзовъ, на которые тогда раздѣлялись итальянскіе народы: ближе всѣхъ къ нему былъ латинскій, посему первымъ стремленіемъ и первымъ шагомъ его къ владычеству было пріобрѣтеніе гегемоніи надъ латинскими городами. Въ правленіе первыхъ пяти царей Римъ расширилъ свою область, переселеніемъ побѣжденныхъ умножилъ число своихъ гражданъ; въ то же время основаніе великолѣпныхъ зданій придало ему видъ столицы уже довольно сильнаго государства.

Первое значительное пріобрѣтеніе Рима было покореніе Альбылонги и принятіе жителей ея въ число своихъ гражданъ; за симъ въ царствованіе Тулла Гостилія и Анка Марція послѣдовали другія. Послѣдній заложилъ при устьѣ Тибра первую римскую колонію *Остію*. Наслѣдникъ Анка Марція, Л. Тарквиній Прискъ, былъ этрусскій переселенецъ, съ которымъ перешли въ Римъ этрусскія искусства. Въ его царствованіе построены эти удивительные клоаки, или подземные водопроводы, для стока нечистотъ въ Тибръ, своды для осушенія площади, и положено основаніе Капитолію. Такъ-какъ при сихъ постройкахъ всѣ работы и повинности долженъ былъ переносить народъ, то для увеселенія его Тарквиній ввелъ цирценскія игры, также этрусскаго происхожденія. Касательно веденныхъ имъ войнъ показанія Ливія и Діонисія такъ разногласны, что останавливаться на нихъ было бы совершенно безполезно. Римъ при немъ былъ ужъ довольно силенъ—такъ, что могъ распространить свои владѣнія и за предѣлы Этруріи и выдержать борьбу съ этрус-

скимъ союзомъ. Тарквиній былъ убитъ по наущенію дѣтей Анка Марція, но ни одинъ изъ убійцъ не достигъ престола; ему наслѣдовалъ зять его Сервій Туллій.

До Сервія Туллія въ образѣ правленія Рима не произошло другой перемѣны, кромѣ той, что трибы патриціевъ были удвоены принятіемъ знатныхъ плебейскихъ фамилій. Именно Тарквиній присоединилъ къ древнимъ родамъ патриціевъ столько же новыхъ изъ числа плебеевъ и назвалъ ихъ patres minorum gentium, для различія отъ первыхъ, которые теперь получили титулъ patres majorum gentium *). Безъ сомнѣнія эта мѣра имѣла цѣлію остановить стремленіе плебеевъ къ политическимъ правамъ и удовлетворить знатнѣйшимъ фамиліямъ изъ ихъ сословія. Но число плебеевъ возрасло до такой степени, что сія частная мѣра болѣе раздражила, нежели успокоила притязанія прочихъ. Чтобы предупредить грозившіе произойти отъ сего безпорядки, наслѣдникъ Тарквинія Сервій Туллій увидѣлъ себя вынужденнымъ доставить плебеямъ политическое значеніе въ государствѣ и допустить ихъ къ участію, вмѣстѣ съ патриціями, въ рѣшеніи важнѣйшихъ дѣлъ. Во-первыхъ, онъ раздѣлилъ городъ на четыре страны (regiones) и изъ населявшихъ ихъ плебеевъ образовалъ столько же

*) Cic. de republ. lib. II c. 20; principio duplicavit illum pristinum patrum numerum, et antiquos pâtres *majorum gentium* appelavit, quos priores sententiam rogabat; a se adscitos, *minorum*.

трибъ; жившіе въ селахъ получили ту же организацію по странамъ и трибамъ, которыхъ число впрочемъ неизвѣстно. Чтобы слить плебеевъ съ патриціями въ одну общину, онъ раздѣлилъ всѣхъ свободныхъ жителей города и его владѣній, не принимая въ расчетъ различія сословій, на *шесть классовъ по имуществу*, и каждый классъ долженъ былъ заключать въ себѣ извѣстное число курій. Итакъ собранія по куріямъ (comitia curiata) были чисто патриціанскія, собранія по трибамъ (comitia tributa) чисто плебейскія, но въ собраніяхъ по центуріямъ (comitia centuriata) оба сословія сходились вмѣстѣ. На сихъ собраніяхъ (надобно замѣтить, что на нихъ все рѣшалось не по голосамъ всѣхъ, а по центуріямъ) приняли теперь участіе, по количеству своего имѣнія и плебеи, и если сначала патриціи, какъ самые богатые, имѣли самое большое вліяніе на центуріи, не смотря на то, чрезъ сіе раздѣленіе политическихъ правъ по имуществу, основныя, государственныя начала совершенно измѣнились. Въ основаніи серві́ева ценза лежала мысль соединить популусъ и плебсъ въ одинъ народъ, и по степени состоянія распредѣлить права и оружіе. Посему на этомъ постановленіи основывалось и устройство римскаго войска. Здѣсь надобно замѣтить, что каждая центурія состояла изъ половины seniores и половины juniores, изъ которыхъ первые оставались для защиты города, въ то время, какъ другіе оставались въ полѣ.

Для поступленія *въ первый классъ* требовалось имущества, по меньшей мѣрѣ, на 100,000 ассовъ мѣди;

онъ заключалъ въ себѣ 80 центурій, кромѣ 18 центурій всадниковъ, равномѣрно къ нему причисляемыхъ. По мнѣнію Ливія сюда же принадлежали и обѣ centuriae fabrorum, но Діонисій гораздо справедливѣе относитъ ихъ ко второму классу. Оборонительныя оружія гражданъ этого класса, которыя они обязывались доставлять себѣ сами, были: galea, clypeus, ocreae и lorica — слѣдовательно тяжелое вооруженіе греческаго оплита, наступательныя — hasta и gladius. *Ко второму классу* принадлежали всѣ, имѣвшіе не менѣе 75,000 ассовъ, и составляли 20 центурій; сюда же причислялись, какъ выше замѣчено, двѣ центуріи кузнецовъ и плотниковъ. Оружіе ихъ было не такъ дорого, какъ у гражданъ перваго класса: у нихъ не было панцыря, и вмѣсто длиннаго щита (clypeus) они употребляли круглый и легкій, называвшійся scutum. *Въ третій классъ* поступали всѣ, имѣвшіе 50,000 ассовъ; они составляли 20 центурій и употребляли только шлемъ и щитъ для обороны, мечъ и копье для нападенія. *Четвертый классъ* требовалъ имущества не менѣе, какъ на 25,000 ассовъ и также содержалъ въ себѣ 20 центурій; онѣ употребляли легкое вооруженіе, только щитъ да копье. *Пятый классъ* заключалъ въ себѣ имѣвшихъ не меньше 11,000 ассовъ и, за исключеніемъ центурій, трубачей и флейщиковъ, раздѣлялся на 30 центурій, не употреблявшихъ другаго оружія, кромѣ пращи и камней (funda et lapides missiles). *Къ шестому классу* принадлежали люди безъ всякаго состоянія и поэтому неимѣвшіе никакого голоса (capite censi et proletarii). Различіе въ числѣ недѣлимыхъ въ центуріяхъ различныхъ классовъ должно быть очень значительно, такъ что безъ ошибки можно принять среднимъ числомъ слѣдующее отношеніе: 3 недѣлимыхъ перваго класса, 4 втораго, 6 третьяго, 12 четвертаго и 24 пятаго были равны по имуществу. Если 80 центурій перваго класса и 18 центурій

всадниковъ были согласны, то имѣли неоспоримый перевѣсъ надъ всѣми остальными. Итакъ очевидно, что первый классъ и слѣдовательно патриціи, какъ самые богатые, на дѣлѣ удержали прежнюю свою силу *); но во всякомъ случаѣ сервіевъ цензъ произвелъ важную перемѣну: именно, аристократія, какъ сословіе, пользовавшееся правами наслѣдственными, потеряла часть своего политическаго значенія. Дѣятельность курій современемъ сдѣлалась одною только формою: comitia curiata утверждали въ должности избранныхъ въ собраніяхъ по центуріямъ высшихъ чиновниковъ. Безъ приговора курій (lex curiata) ни одно изъ правительственныхъ лицъ не могло вступить въ свою должность, ни одинъ полководецъ не могъ принять начальства надъ войскомъ. Также усыновленіе, переходъ изъ патриціевъ въ плебеи и многія дѣла, относящіяся къ религіи, были предоставлены рѣшенію курій.

Хотя учрежденіе центурій сначала отнимало у патриціевъ очень мало ихъ дѣйствительной власти, но они были недовольны тѣмъ, что теперь и плебсъ получилъ достоинство и значеніе. Изъ сказанія видно, что поэтому патриціи составили противъ законодателя заговоръ, по-крайней-мѣрѣ, что Сервій Туллій былъ убитъ роднымъ своимъ зятемъ и что убійца вступилъ на престолъ. Преданіе, составленное въ плебейскомъ духѣ, окружило сіе дѣло всѣми ужасами, чтобы показать его ненавистнѣе, нежели какъ

---

*) Ливій (lib. I c. 43) говоритъ: gradus facti, ut neque exclusus quisquam suffragio videretur, et vis omnis penes primores civitatis esset. Equites enim vocabantur primi; octoginta inde primae classis centuriae; ibi si variaret, quod raro incidebat, ut secundae classis vocarentur: nec fere unquam infra ita descenderent, ut ad infimos pervenirent.

оно было въ самомъ дѣлѣ. Но правленіе убійцы представляется тиранніею, какъ для плебеевъ, такъ и для патриціевъ. По преданію, исторія послѣдняго римскаго царя была слѣдующая: Л. Тарквиній Гордый съ помощію патриціевъ умертвилъ своего тестя: всѣ права и достоинства, дарованныя плебеямъ Сервіемъ Тулліемъ, были отняты и сверхъ того произвольно ихъ заставляли платить разные налоги. Но скоро властолюбіе Тарквинія обратилось и на патриціевъ. Посему, хотя онъ велъ войну противъ латинскаго союза съ такимъ успѣхомъ, что заставилъ его признать Римъ своимъ главою, хотя, поразивъ волсковъ, онъ привезъ въ Римъ множество рабовъ и добычи, однако все это не утѣшало и не вознаграждало ни плебеевъ за претерпѣваемыя ими притѣсненія, ни патриціевъ за ослабленіе ихъ участія въ правленіи; были недовольные въ самой царской фамиліи. Патриціи и плебеи, соединенные взаимными интересами и предводимые двумя родственниками царскаго дома, Брутомъ и Коллатиномъ, подняли бунтъ въ то время, какъ царь отлучился изъ города. Приговоромъ курій онъ былъ лишенъ царскаго достоинства и осужденъ со всею своею фамиліею на вѣчное изгнаніе. Между-тѣмъ, какъ Тарквиній изъ лагеря, въ которомъ онъ тогда находился, бросился въ Римъ, гдѣ предъ нимъ затворили ворота, Брутъ по другой дорогѣ прибылъ къ войску. Центуріи войска подтвердили то, что́ опредѣлили въ Римѣ куріи, и царь, невпущенный въ городъ и оставленный войскомъ, сперва удалился въ Церы, а потомъ въ Тарквинію.

До сихъ поръ мы не рѣшались принять никакого хронологическаго показанія, потому-что въ столь малоизвѣстныя времена, когда едва можно распознать самые факты, опредѣленія времени бываютъ еще сомнительнѣе. Въ Римѣ было два лѣтосчисленія: отъ построенія Рима и отъ учрежденія республики. Относительно перваго, Катонъ и Варронъ не согласны между собою. Катонъ полагаетъ начало римскаго лѣтосчисленія между первымъ и вторымъ годами 7-й олимпіады, слѣдовательно въ 751 году до Р. Х., а Варронъ тремя годами ранѣе, т. е. въ 754. Мы будемъ держаться послѣдняго. Такъ-какъ по счисленію римлянъ время царей продолжалось 245 лѣтъ, то изгнаніе Тарквинія и введеніе республики должно отнести къ 509 году до Р. Х. Впрочемъ эти 245 лѣтъ раздѣлены между римскими царями слѣдующимъ образомъ: 1) *Ромулъ* 754 — 718.; 2) Нума Помпилій — 679; 3) Туллъ Гостилій — 640; 4) Анкъ Марцій — 617; 5) Тарквиній Прискъ—578; 6) Сервій Туллій 534; 7) Тарквиній Гордый — 509.

Перемѣна, происшедшая въ образѣ правленія вслѣдствіе изгнанія царя, состояла только въ томъ, что власть его перешла въ руки двухъ мужей, облекаемыхъ въ это достоинство на одинъ годъ, и по сложеніи его, подверженныхъ за свое правленіе отвѣтственности. Они назывались сперва praetores; названіе consules встрѣчается не прежде, какъ по уничтоженіи власти децемвировъ; впрочемъ мы намѣрены съ самаго начала означать ихъ симъ именемъ, такъ-какъ это принято римлянами въ ихъ исторіи *).

*) Имя consul происходитъ не отъ consulere, но, какъ показываетъ аналогія подобно образованныхъ словъ, означаетъ только товарища, соправителя. Это подтверждаютъ другія сложныя слова, какъ напр. praesul, exsul. Слогъ sul показываетъ, что предметъ есть то, что выражаетъ соединенный съ нимъ предлогъ.

Первый выборъ консуловъ, павшій на Л. Юнія Брута и Коллатина, по преданію, происходилъ по центуріямъ. Изъ сего, какъ равно и изъ другихъ случаевъ, усматривается, что сначала патриціи щадили плебеевъ и старались держать ихъ въ хорошемъ расположеніи, ибо легко было предвидѣть, что изгнанная фамилія, чтобы открыть себѣ возвратный путь, прибѣгнетъ или къ силѣ, или къ заговору съ благопріятною партіею въ городѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ она бралась за то и другое, но безуспѣшно. Хотя война съ сосѣдними народами, при помощи которыхъ изгнанный царь надѣялся снова овладѣть престоломъ, стоила Риму большихъ усилій и потерь, однако онъ спасъ свою независимость и удержалъ гегемонію надъ латинскими городами. Тарквиній удалился въ Кумы, къ другу своему тирану Аристодему, гдѣ и умеръ въ 495 году.

Изгнанный Тарквиній сперва завелъ связи въ самомъ городѣ, чтобы симъ путемъ достигнуть возстановленія своей власти; многіе граждане, даже одинъ изъ консуловъ, Коллатинъ, особенно городская молодежь, въ томъ числѣ и сыновья Брута, вступили съ нимъ въ переговоры. Но заговоръ былъ открытъ и виновники строго наказаны. Консулъ Брутъ, какъ говоритъ сказаніе, самъ произнесъ приговоръ надъ своими дѣтьми и спокойными глазами смотрѣлъ, какъ головы ихъ падали подъ сѣкирою палача. Коллатинъ долженъ былъ сложить съ себя консульское достоинство и удалиться изъ города: его мѣсто занялъ Валерій. Послѣ сего Тарквиній рѣшился самъ возвратить себѣ потерянную власть, при помощи сосѣдей и враговъ Рима. Исторія

этой борьбы совершенно исчезаетъ въ области эпоса. Первые союзники Тарквинія были города Тарквиніи и Вейи. При Арсійскомъ лѣсу произошло сраженіе. Въ преданіи, сохраненномъ Ливіемъ, находится драматическое описаніе поединка Арунса Тарквинія съ Брутомъ и смерти ихъ; здѣсь является и deus ex machina — голосъ лѣснаго бога разгоняетъ оба войска. Равнымъ образомъ бѣгство Тарквинія къ Порсенѣ и походъ сего царя противъ Рима принадлежатъ къ тому роду повѣствованій, съ которымъ мы познакомились, разсматривая двѣ первыя мессенскія войны въ греческой исторіи. К. Муцій Сцевола, Горацій Коклесъ и Клелія суть тѣ же лица, какъ тамъ Аристодемъ и Аристоменъ. Порсена вступилъ въ войну съ Римомъ не за права изгнаннаго царя: это показываетъ то, что, оставшись побѣдителемъ, онъ не включилъ въ условія мира возстановленія его власти. Повидимому этруски предприняли эту войну для возвращенія отторгнутыхъ Римомъ отъ ихъ союза областей и, достигнувъ своей цѣли, тотчасъ заключили миръ. Тарквиній, можетъ быть, сопровождалъ ихъ въ походѣ, какъ нѣкогда Гиппій персовъ въ походѣ противъ Аѳинъ. Также и латинцы соединились противъ юной республики, имѣя въ виду не столько возвращеніе изгнаннаго царя, какъ то, чтобы принудить Римъ отказаться отъ первенства надъ ихъ союзомъ. При небольшомъ озерѣ Региллѣ произошло сраженіе, вслѣдствіе котораго латинцы заключили съ Римомъ *вѣчный миръ.* Съ обѣихъ сторонъ клялись, пока будетъ стоять земля и небо, не вести между собою войны и не пропускать черезъ свои владѣнія взаимныхъ непріятелей; если латинцы и римляне вмѣстѣ пріобрѣтутъ добычу — дѣлить ее поровну; въ случаѣ жалобъ за долги, заимодавецъ обязанъ просить на своего должника въ мѣстѣ его жительства; рѣшенію происходить въ теченіе десяти дней.

Первый годъ правленія консуловъ примѣчателенъ двумя важными событіями во внутреннемъ устройствѣ государства: умноженіемъ числа сенаторовъ и закономъ Валерія. Курія отъ жестокостей Тарквинія потерпѣла значительное ослабленіе, посему для подкрѣпленія аристократіи были избраны изъ плебейскихъ всадническихъ фамилій новые сенаторы, которыхъ названіе conscripti въ соединеніи съ прежнимъ patres осталось титуломъ собранія сената до позднѣйшихъ временъ. Между-тѣмъ Валерій, преклонивъ консульскіе fasces предъ величествомъ сословія патриціевъ (populus) *) доставилъ и плебеямъ свободнѣйшее состояніе, распространивъ на нихъ право апелляціи въ трибы (jus provocationis). Консулъ, или вообще всякій сановникъ, облеченный верховною властію, изрекалъ смертные приговоры и денежныя пени, но патриціи имѣли право избѣгать его приговора апелляціею въ сенатъ; lex Valeria de provocatione доставилъ это важное право и плебеямъ. Оно впрочемъ простиралось не далѣе одной мили отъ города и совершенно исчезало предъ властію диктатора. Кромѣ-того Валерій предложилъ куріямъ еще законъ, которымъ объявлялась народная опала всякому подозрѣваемому въ стремленіи къ царской власти.

---

*) Liv. l. II c. 7; Vocato ad concilium populo, submissis fascibus in concionem escendit. Gratum id multitudini spectaculum fuit; submissa sibi esse imperii insignia, confessionemque factam, populi, quam consulis majestatem vimque majorem esse.

Договоръ, заключенный кароагенянами съ Римомъ, въ первый годъ по изгнаніи Тарквинія, и котораго статьи въ вѣрномъ греческомъ переводѣ сохранены Поливіемъ (lib. III cap. 22), показываетъ, что торговля и сношенія Рима въ это время не были незначительны.

Со смертью изгнаннаго Тарквинія во внутренней исторіи Рима начинаются перемѣны, потому-что теперь патриціи, избавившись съ этой стороны отъ всякой опасности, перестали щадить плебеевъ. Къ сему же времени относится переселеніе въ Римъ рода, извѣстнаго своею гордостію и славнаго знаменитыми мужами, изъ него происходившими. Аттусъ Клавзусъ, знатный сабинецъ, прибылъ сюда съ 5,000 способныхъ носить оружіе кліентовъ. Онъ самъ съ своею фамиліею поступилъ въ число патриціевъ и былъ родоначальникомъ gentis Claudiae (рода Клавдіевъ), и прибывшіе вмѣстѣ съ нимъ образовали клавдіанскій трибъ. Его прибытіе было для патриціевъ важнымъ подкрѣпленіемъ въ предстоявшей имъ борьбѣ съ плебеями; равно какъ и учрежденіе новой правительственной власти диктатуры. Имя и значеніе ея — происхожденія латинскаго. У латинцевъ избирались диктаторы не только отдѣльными городами, но и цѣлымъ союзомъ. Диктатура представляла сосредоточеніе верховной власти въ рукахъ одного, для сильнѣйшаго отпора въ случаѣ внѣшней опасности, или внутреннихъ безпорядковъ: на нее не было апелляціи; посему сначала цѣлію учрежденія ея было лишить силы валеріевъ законъ de provocatione, возстановить власть и право суда и рас-

правы надъ плебеями и внутри того пространства, гдѣ имъ позволялась апелляція въ трибы. Ибо законъ валеріевъ допускалъ апелляцію только на приговоры консульскіе, а не на эту новую и тогда еще неизвѣстную власть. Сначала патриціи также не имѣли права апелляціи на приговоры диктатора, но потомъ получили его. Въ ихъ куріяхъ происходило избраніе въ эту должность; начальника всадниковъ (magister equitum) диктаторъ назначалъ самъ.

Ливій (lib II. cap. 18) говоритъ: Creato Dictatore primum Romae, postquam praeferri secures viderunt, magnus plebem metus incessit. И въ-самомъ-дѣлѣ плебеи страшились не безъ причины, потому-что эта должность преимущественно была направлена противъ нихъ, такъ-какъ они начали роптать на притѣсненія патриціевъ. Ибо, какъ говоритъ Саллюстій, правительство оказывало умѣренность и справедливость только до тѣхъ поръ, пока страшенъ былъ Тарквиній и грозила опасностью этрусская война. Разсказываютъ, что тогда пошлины были сняты, налоги уничтожены и вооруженіе воиновъ производилось на счетъ казны. Правительство приняло на себя продажу соли, чтобы сколько возможно понизить на нее цѣну и прекратить лихоимство продавцевъ. Но когда страхъ внѣшней войны миновалъ, патриціи начали поступать съ плебеями, какъ съ рабами, злоупотребляли ихъ свободою и жизнію, отняли у нихъ все, чѣмъ они владѣли изъ общественнаго поля (ager publicus), такъ, что стѣсненные ростовщиками, въ то же время принужденные платить подати и служить на войнѣ, они произвели наконецъ возстаніе. Такъ разсказываютъ римскіе историки. Но кажется весьма невѣроятнымъ, чтобы въ самый годъ смерти

изгнаннаго царя поведеніе патриціевъ и положеніе обоихъ сословій такъ внезапно и до такой степени измѣнились; для этого нужно гораздо больше времени. Впрочемъ хронологическія показанія, до сожженія Рима галлами, довольно сомнительны; притомъ, вообще, въ духѣ преданій — отдаленныя причины тотчасъ связывать съ послѣдствіями. Но такъ-какъ Римляне ввели въ своей исторіи опредѣленную хронологическую систему, то мы не можемъ отъ нея уклоняться. Итакъ согласно съ римскими историками мы должны принять, что внутреннія безпокойства открылись въ Римѣ тотчасъ по окончаніи этрусской войны.

Ближайшимъ поводомъ къ обнаруженію ропота между плебеями былъ законъ о долгахъ, крайне тягостный для нихъ, потому-что должникъ со всѣмъ своимъ семействомъ головою былъ выдаваемъ заимодавцу. Право — въ случаѣ нужды продавать себя и своихъ домашнихъ, встрѣчаемое у іудеевъ и грековъ, было также и у римлянъ и основывалось на законѣ. Заимодавецъ могъ несостоятельнаго должника сдѣлать своимъ рабомъ, чтобы доставить себѣ вознагражденіе или работами его, или даже продажею его въ другія руки. Въ древнихъ римскихъ законахъ существовала форма, въ уничтоженіи которой Ливій полагаетъ истинное начало плебейской свободы—это была — кабала. Закабаленный (nexus) былъ тотъ, кто предъ свидѣтелями за извѣстную сумму отдалъ въ залогъ себя и свое семейство; и пока не подвергался законному взыску, какъ гражданинъ, онъ не терялъ ничего изъ своихъ правъ; но когда назначенный срокъ проходилъ и онъ не могъ заплатить,

тогда открывалась передъ нимъ тюрьма со всѣми ужасами рабства. Одной съ нимъ участи подвергались всѣ находившіяся въ его власти, слѣдовательно дѣти и внуки. Причиною, почему этотъ законъ довелъ плебеевъ до чрезвычайно бѣдственнаго положенія, было то, что они, будучи обязаны участвовать во всѣхъ походахъ, не были вознаграждаемы выгодами, которыя доставляла побѣда. Между-тѣмъ, ихъ лишали не только всякаго участія въ пріобрѣтенной завоеваніями землѣ (ager publicus), но даже не давали участія въ добычѣ *). Конечно, отъ этого бо́льшая часть плебеевъ впала въ ужасную нищету: но мы сдѣлали бы большую ошибку, еслибъ вздумали представлять себѣ плебеевъ въ видѣ голодной черни, или толпы нищихъ. Къ подобнымъ мнѣніямъ подали поводъ особенно греческіе историки, которые, описывая внутреннія отношенія римлянъ, не находили равносильныхъ выраженій для словъ populus и plebs; но мы недолжны соглашаться съ ними, если не желаемъ получить ложное понятіе о всей древней исторіи Рима. Между плебеями находились также знатныя и богатыя благородныя фамиліи; онѣ-то искали права на взаимные браки съ патриціями и на участіе въ высшихъ государственныхъ должностяхъ; онѣ-то, для достиженія своей цѣли, пользовались нуждами своихъ бѣдныхъ собратій. Законъ о долгахъ, какъ самый тягостный для бѣд-

---

*) Въ выраженіи Ливія: Quidquid captum est, vendidit consul ac redegit in publicum, подъ словомъ publicum должно разумѣть все сословіе патриціевъ въ совокупности.

ныхъ, первый подалъ поводъ къ обнаруженію неудовольствія и безпорядковъ. Они открылись явно, въ первый разъ, въ консульство Аппія Клавдія и П. Сервилія въ 259 г. отъ основанія города или въ 495 до Р. Х. Одинъ старикъ, вырвавшійся изъ тюрьмы, куда былъ посаженъ за долги, и своею наружностію обличая всѣ понесенныя тамъ мученія, воззвалъ о помощи къ квиритамъ. Стеклось множество народа; онъ показалъ на кровавые рубцы ударовъ, которые получилъ отъ жестокаго заимодавца, разсказалъ, что въ 28 битвахъ сражался за отечество, что во время войны домъ его былъ не только разграбленъ, но и сожженъ, что голодъ впродолженіе этрусской войны заставилъ его все продать; потомъ онъ принужденъ былъ занять, и когда по истеченіи назначеннаго срока не могъ заплатить, то жестокосердый заимодавецъ заключилъ его съ обоими сыновьями въ оковы. Жалкое положеніе старца, въ которомъ многіе узнавали своего прежняго легіоннаго начальника, произвело возмущеніе. Всѣ плебеи, задолжавшіе и свободные, громко и грозно требовали уничтоженія общаго зла. Средства, принятыя сенатомъ, какъ въ этомъ, такъ и въ слѣдующемъ годахъ, не только не успокоили, но еще усилили броженіе умовъ. Раздраженные упорнымъ сопротивленіемъ со стороны патриціевъ, плебеи рѣшились совсѣмъ отдѣлиться отъ нихъ и основать особенное государство. Подъ предводительствомъ Л. Сицинія они удалились на гору, которая впослѣдствіи названа Священною (mons sacer). Это отшествіе заставило патриціевъ сдѣлаться

уступчивѣе на требованія плебеевъ. Они обѣщали имъ подтвержденіе валеріева закона de provocatione, уничтоженіе заемныхъ контрактовъ и освобожденіе всѣхъ посаженныхъ за долги въ тюрьму, и въ обезпеченіе вѣрности сего обѣщанія согласились избрать изъ среды ихъ новыхъ чиновниковъ — народныхъ трибуновъ, которыхъ назначеніе было защищать и охранять ихъ отъ злоупотребленій консульской власти *). И прежде были трибуны, избиравшіеся въ головы плебейскихъ трибъ; но эта новоучрежденная должность считалась государственною, и особы трибуновъ священными и неприкосновенными. Домъ трибуна, какъ защитника плебеевъ, былъ открытъ во всякое время, днемъ и ночью. Впрочемъ трибуны не имѣли власти исполнительной, а только воспретительную. Они должны были отклонять своимъ veto все, что могло вредить ихъ сословію. И хотя сначала вліяніе трибуновъ было весьма-незначительно, но въ ихъ veto хранился зародышъ могущества страшнаго, которое впослѣдствіи изъ него и развилось. Касательно числа ихъ всѣ показанія согласно свидѣтельствуютъ, что сперва были назначены два трибуна; они тотчасъ избрали себѣ еще трехъ товарищей, въ числѣ которыхъ находился предводитель ихъ Л. Сициній. Впослѣдствіи это число удвоено и десять народныхъ трибуновъ неизмѣнно оставались до самаго паденія республики.

---

*) У Ливія это выражено: auxilii latio adversus consules; у Діонисія Галикарнасскаго — βοήθεια.

Тогда-какъ въ Греціи подобные раздоры доводили противныя партіи до жесточайшей ярости и рѣшались страшнымъ кровопролитіемъ, въ Римѣ, при всей важности спорныхъ интересовъ, не было пролито ни капли крови. Обстоятельства, бывшія причиною отшествія плебеевъ на Священную гору, были слѣдующія. Когда въ первый разъ между плебеями обнаружился ропотъ на законъ о долгахъ, сенатъ думалъ помочь себѣ тѣмъ, что отдалъ приказъ набирать легіоны, но плебеи отвѣчали на это насмѣшками. Тогда консулъ Сервилій велѣлъ объявить, что всѣ несостоятельные должники могутъ вступить въ военную службу, и что свобода и собственность дѣтей ихъ, впродолженіе всего похода, останутся неприкосновенными; послѣ сего всѣ закабаленные стали подъ знамена. Войско выступило въ походъ, — волски и сабинцы были тогда непріятелями. Плебеи сражались съ великимъ мужествомъ, чтобы заслугами пріобрѣсть облегченіе своей участи и воротились побѣдителями; но гордость и жестокосердіе Аппія Клавдія рушили всѣ ихъ надежды. Вопреки обѣщанію своего товарища, онъ велѣлъ всѣхъ должниковъ отвести обратно въ тюрьму, а кабальныхъ выдать заимодавцамъ. Плебеи препятствовали, гдѣ могли, исполненію этого рѣшенія силою; такъ протекло все время года и консулы сложили власть, не возстановивъ въ городѣ спокойствія. Посему консулы слѣдующаго года (494) А. Виргиній и Т. Ветузій нашли невозможнымъ набрать легіоны. Плебеи собирались на совѣщанія и положили не уступать; теперь первоначальная просьба ихъ о снисхожденіи обратилась въ требованіе совершеннаго погашенія долговъ. Умѣренные патриціи, устрашенные распространившимся между плебеями волненіемъ, хотѣли уступить, но Аппій настоялъ на строгости и предложилъ избрать диктатора. Хотя желаніе его и было исполнено, однакожь диктаторомъ сдѣлался

не онъ, но по стараніямъ консуловъ и партіи умѣренныхъ выборъ палъ на М. Валерія. Сколько ненавистна была плебсу фамилія Клавдіевъ, столько любима фамилія Валеріевъ. Посему Ливій говоритъ, что плебеи, хотя и видѣли, что диктаторъ избранъ собственно противъ нихъ, но, будучи увѣрены въ свойствахъ избраннаго, оставались спокойными: Nihil ex ea familia triste nec superbum (plebs) timebat. И Валерій тотчасъ показалъ, что они въ немъ не ошибались. Онъ подобно Сервилію издалъ эдиктъ, и плебеи въ такомъ множествѣ тѣснились подъ знамена, что можно было составить десять легіоновъ. Диктаторъ и консулы повели ихъ въ поле. Римляне повсюду одерживали побѣды, и скорѣе, нежели какъ бы желалъ того сенатъ, который старался занимать плебеевъ какою-либо войною и тѣмъ отклонять ихъ неудовольствіе. По возвращеніи въ городъ диктаторъ, согласно съ обѣщаніемъ, даннымъ въ эдиктѣ, потребовалъ освобожденія кабальныхъ (nexi) и, получивъ отъ сената отказъ, сложилъ съ себя достоинство и торжественно, въ сопровожденіи плебеевъ, удалился съ площади домой. Консульское войско стояло еще въ полѣ и, получивъ извѣстіе о поступкѣ патриціевъ, отказалось повиноваться, избрало предводителемъ Л Сициния и расположилось на Священной горѣ укрѣпленнымъ лагеремъ. Итакъ plebs и populus теперь стояли другъ противъ друга, и патриціи должны были предложить плебеямъ мирныя условія, если не хотѣли допустить ихъ основать особенное государство. Они отправили послами десять сенаторовъ, въ числѣ ихъ Менепія Агриппу. Въ томъ, что басня Агриппы о раздорѣ членовъ человѣческаго тѣла съ желудкомъ, главнымъ образомъ содѣйствовала къ примиренію, очень можно усомниться. Естественно, что плебеи согласились опять соединиться съ патриціями не прежде, какъ всѣ ихъ требованія были приняты и

они въ народныхъ трибунахъ получили себѣ защитниковъ. Послѣ сего они возвратились въ городъ и опять составили съ патриціями одно политическое общество.

Первымъ слѣдствіемъ учрежденія народнаго трибуната было то, что comitia tributa получили большее значеніе, и такъ-какъ сіи собранія происходили независимо отъ авспицій, то патриціи не имѣли на нихъ никакого вліянія. Подъ защитою трибуновъ, которые, искусно пользуясь обстоятельствами, непрестанно расширяли предѣлы своей власти, съ большею въ себѣ увѣренностію плебеи выступили противъ патриціевъ и начали оспаривать у нихъ одно право за другимъ. Съ этимъ споромъ тѣсно связанъ главный интересъ первыхъ временъ римской республики, потому-что чрезъ него оба сословія слились во едино, чрезъ него образъ правленія въ государствѣ получилъ полное свое образованіе. Сперва онъ обращался около слѣдующихъ трехъ пунктовъ: 1) трибуны хотѣли распространить судъ комицій по трибамъ (comitia tributa) на патриціевъ; 2) представляли о раздѣленіи общественнаго поля (ager publicus), и 3) требовали, чтобы comitia tributa сами избирали своихъ трибуновъ.

Къ первому пункту уже въ третій годъ по учрежденіи трибуната подали поводъ сами патриціи. Естественно, что они смотрѣли на возникающее значеніе плебеевъ завистливыми и недовѣрчивыми глазами, и одинъ молодой патрицій К. Марцій Коріоланъ предложилъ воспользоваться происшедшимъ въ Римѣ го

лодомъ, чтобы снова лишить ихъ пріобрѣтенныхъ правъ. Трибуны потребовали его на судъ предъ comitia tributa, но онъ съ презрѣніемъ отвергъ ихъ требованіе. Чѣмъ больше патриціи защищали его, тѣмъ упорнѣе плебеи настаивали на его наказаніи за-то, что онъ хотѣлъ нарушить договоръ, подтвержденный торжественною клятвою, и въ этомъ случаѣ упорство ихъ было справедливо, если они хотѣли надолго упрочить полученныя ими выгоды. Итакъ, хотя патриціи низошли до-того, что, признавая Марція совершенно виновнымъ, смиренно просили простить его изъ снисхожденія къ нимъ, однако плебеи остались непреклонны, и когда Марцій въ назначенный день не явился, то надъ нимъ былъ произнесенъ приговоръ. Въ преданіи повѣствуется, что осужденный Марцій, пылая мщеніемъ, удаляется въ городъ Анцій къ волскамъ и, предводительствуя сими давнишними врагами Рима, идетъ противъ своего отечества: римляне повсюду имъ разбиты; онъ достигаетъ стѣнъ Рима; уже городъ почти въ его рукахъ; онъ не трогается ни просьбами патриціевъ, ни моленіями жрецовъ, и наконецъ уступаетъ слезамъ своей матери и супруги. Онъ уводитъ войско назадъ, и по обоимъ сказаніямъ о дальнѣйшей его участи наказывается по законамъ поэтической справедливости: по первому, его убиваютъ волски; по другому, достигнувъ глубокой старости, онъ умираетъ изгнанникомъ. Итакъ осужденіемъ его трибуны присвоили своему сословію право судить патриціевъ. Во-вторыхъ плебеи объявили притязанія на ager publicus, и сей предметъ былъ зерномъ ужаснѣйшихъ раздоровъ, потрясавшихъ римскую республику до позднѣйшихъ временъ. Римляне поступали съ своими завоеваніями такъ: одну часть земли оставляли прежнимъ владѣльцамъ, другую отдавали римскимъ колонистамъ, а третью обращали въ общественное поле

(ager publicus). Одни патриціи имѣли право брать на откупъ эту землю и вносили за нее такую ничтожную плату, что государство не получало никакихъ почти выгодъ. Въ то же время они такъ перемѣшивали откупную землю съ своею собственною, что спустя нѣсколько поколѣній, весьма трудно было отдѣлить ихъ. Плебеи, храбро сражавшіеся въ войнахъ, доставившихъ государству эти земли, совершенно не пользовались плодами своихъ усилій; такая несправедливость, со стороны господствующей аристократіи, пробуждала по временамъ въ Римѣ мужей, которые старались прекратить злоупотребленіе. Первый, выступившій съ закономъ о поляхъ (lex agraria), былъ патрицій, именемъ Сп. Кассій. Въ третье свое консульство, въ 486 году, онъ предложилъ назначить коммиссію изъ десяти мужей, которая опредѣлила бы, сколько общественнаго поля отдать на откупъ и сколько раздѣлить между плебеями. Сенатъ противодѣйствовалъ ему тѣмъ, что обвинилъ его въ честолюбивыхъ замыслахъ и обѣщался предложить этотъ законъ добровольно. Плебеи тѣмъ легче повѣрили сенату, что казалось невѣроятнымъ, чтобы патрицій рѣшился измѣнить выгодамъ своего сословія, безъ честолюбивыхъ и своекорыстныхъ видовъ. Посему, какъ скоро имъ представилась возможность достигнуть желаемаго законнымъ путемъ, они презрѣли революціонный и предоставили Кассія мщенію патриціевъ. Одни разсказываютъ, что онъ былъ убитъ своимъ отцомъ, другіе, что казненъ по приговору патриціанскихъ курій. Но такъ-какъ сенатъ не сдержалъ своего обѣщанія, то трибуны возобновили требованіе. Въ 473 году трибунъ Генуцій объявилъ всѣхъ консуловъ со времени Кассія подлежащими передъ плебсомъ отвѣтственности, за-то, что они не дали обѣщаннаго тогда закона о поляхъ (lex agraria); но за всѣхъ онъ позвалъ на судъ только консуловъ

протекшаго года, Фурія и Манлія. Патриціи, не успѣвъ отклонить его отъ сего намѣренія ни просьбами, ни наложеніемъ на себя печальныхъ одеждъ, прибѣгли къ тайному убійству. Въ назначенный для суда день, Генуцій найденъ мертвымъ на своей постели. Теперь никто не отваживался продолжать обвиненія, и такъ-какъ новые трибуны были избраны въ комиціяхъ по центуріямъ, то патриціи, искусно пользуясь своимъ вліяніемъ, умѣли направить выборъ на людей имъ преданныхъ. Никто сильнѣе и открытѣе не возставалъ противъ этого, какъ Публилій Волеронъ; чтобы заставить его замолчать, консулы записали его въ число назначенныхъ поступить въ легіоны: онъ отказался повиноваться; консулы послали за нимъ ликтора: онъ оттолкнулъ его и воззвалъ къ плебеямъ о помощи. Открылся мятежъ, и консулы были прогнаны съ площади. Послѣ сего Публилій Волеронъ былъ избранъ плебеями въ трибуны и тотчасъ по вступленіи въ должность предложилъ законъ, чтобы на будущее время всѣ плебейскіе чины избирались въ комиціяхъ по трибамъ (comitiis tributis) *). Для аристократіи, лишавшейся по сему закону всякаго вліянія на избраніе трибуновъ, дѣло было весьма важно, и они употребили всѣ средства, чтобы воспрепятствовать принятію его, почему Публилій не могъ успѣть въ своемъ предпріятіи въ первый годъ; но ему удалось возобновить свое избраніе и на слѣдующій (471) годъ, и теперь lex Publilia былъ провозглашенъ, потому-что патриціи опасались дальнѣйшимъ сопротивленіемъ довести государство до совершеннаго разстройства.

---

*) Liv. II. 56: rogationem tulit ad populum, ut plebeii magistratus comitiis tributis fierent. Haud parva res sub titulo prima specie minime atroci ferebatur, sed quae patriciis omnem potestatem per clientium suffragia creandi, quos vellent, tribunos auferret.

Съ каждымъ новымъ правомъ, вырваннымъ у патриціевъ, въ плебеяхъ возрастало сознаніе справедливости своего стремленія къ большему, и можно было предвидѣть, что споръ сей прекратится не иначе, какъ совершеннымъ уравновѣшеніемъ правъ обоихъ сословій. Особенное преимущество патриціевъ состояло въ-томъ, что они не только одни занимали судейскія должности, но также одни знали и законы. Посему плебеи, не зная и не имѣя возможности узнать ихъ, жаловались на произвольный судъ и требовали письменнаго законодательства, которое, какъ право общественное, было бы извѣстно всѣмъ и не хранилось въ тайнѣ немногими. Для удовлетворенія сему желанію ихъ, въ 461 году (293 отъ осн. гор.) трибунъ Терентиллъ Арса сдѣлалъ предложеніе избрать пять мужей, которые на первый разъ опредѣлили бы власть консуловъ. Можно было ожидать, и весьма естественно, что со стороны патриціевъ оно встрѣтитъ самое жаркое сопротивленіе. И въ-самомъ-дѣлѣ, патриціи уступили и согласились на учрежденіе законодательной коммиссіи, которой члены впрочемъ всѣ были избраны изъ ихъ сословія, не прежде, какъ по прошествіи десяти лѣтъ, когда трибуны смягчили предложеніе Терентилла Арсы тѣмъ, что положили вообще пересмотрѣть и исправить законы (452).

Во время спора о терентилловомъ законѣ, со стороны патриціевъ особенно выказалъ презрѣніе къ плебеямъ сынъ Цинцинната Квинктій Цезонъ. Трибуны потребовали его на судъ, и когда ни просьбы

отца его, ни его собственныя, ни убѣжденія всѣхъ патриціевъ не могли преклонить справедливаго негодованія плебеевъ, онъ, не дожидаясь приговора, оставилъ городъ. Въ случаѣ его неявки на судъ поруки обязывались заплатить 30,000 ассовъ; эту сумму долженъ былъ заплатить его отецъ, который пришелъ оттого въ такую бѣдность, что, удалившись въ одно оставшееся у него небольшое помѣстье, началъ собственными руками воздѣлывать землю. Цинцинатъ представляетъ собою прекрасный образецъ доблестнаго, умѣреннаго и трудолюбиваго римлянина, и надобно прочесть у Ливія, съ восторгомъ припоминающаго, въ испорченный и утонченный вѣкъ Августа, такіе примѣры древней простоты, какъ по случаю войны съ эквами онъ былъ избранъ въ диктаторы, какъ посланные сенатомъ, возвѣстивъ ему объ этомъ назначеніи, нашли его въ полѣ за плугомъ, и какъ онъ, побѣдивъ враговъ, сложилъ съ себя власть и опять удалился къ своему плугу. Здѣсь мы видимъ благородное и патріотическое чувство патриція; но и плебеи, во время спора о законѣ Терентилла, показали не менѣе разительный примѣръ любви къ отечеству. Однажды, во время ночи, раздался крикъ: «къ оружію! непріятели въ городѣ!» Тотчасъ всѣ сбѣжались съ оружіемъ въ рукахъ, впрочемъ непріятеля узнали не прежде наступленія дня: это была шайка рабовъ, которые, овладѣвъ Капитолинскимъ холмомъ, укрѣпились на немъ. Какъ легко могли бы теперь плебеи вынудить у патриціевъ согласіе на принятіе закона, отказавшись въ противномъ случаѣ дѣйствовать противъ непріятеля. Но этого не случилось. Оба сословія соединенными силами сперва подавили мятежъ, а потомъ снова продолжали свой споръ до-тѣхъ-поръ, пока наконецъ, послѣ вышеприведенныхъ ограниченій, законъ не былъ принятъ.

Для приведенія въ исполненіе предположеннаго законодательства въ 451 г. назначена была коммиссія изъ десяти мужей съ чрезвычайною властію. Сначала плебеи хотѣли, чтобы въ числѣ членовъ оной находились нѣкоторые и изъ ихъ сословія, но потомъ согласились предоставить участіе въ составленіи законовъ исключительно патриціямъ, впрочемъ съ непремѣннымъ условіемъ, не уничтожать ни одного изъ уступленныхъ имъ и подтвержденныхъ клятвою правъ. Это было тѣмъ нужнѣе, что всѣ другія правительственныя лица и самые народные трибуны исчезали, и децемвиры должны были управлять всѣмъ государствомъ единовластно. О томъ, какимъ образомъ они чередовались въ отправленіи должности и во владѣніи соединенными съ нею знаками, древніе писатели между собою не согласны. По словамъ Ливія, они смѣнялись чрезъ каждые десять дней, впродолженіе которыхъ правящій децемвиръ предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ, имѣлъ двѣнадцать ликторовъ и давалъ судъ и расправу. Главнымъ слѣдствіемъ законодательства децемвировъ въ политическомъ отношеніи было то, что различіе между патриціями и плебеями начало мало-по-малу исчезать, и собранія по центуріямъ получили право суда надъ жизнію и смертью, такъ-что отселѣ особыя апелляціи къ популусу и плебсу не имѣли болѣе мѣста.

Всѣ писатели согласно утверждаютъ объ отправленіи посольства въ Грецію, съ порученіемъ узнать тамошнія постановленія и воспользоваться ими при составленіи новыхъ законовъ. Позднѣйшіе историки

прямо говорятъ, что именно въ Аѳины посланы три мужа, Сп. Постумій Альбъ, А. Манлій и П. Сульпицій Камеринъ. Въ доказательство тому приводили также стоявшую на площади деревянную статую грека Гермодора, который, по словамъ ихъ, прибылъ оттуда съ послами и помогалъ децемвирамъ своими совѣтами. Впрочемъ, эта статуя ничего еще не доказываетъ, потому-что ее вѣроятно поставили по сожженіи Рима галлами, а тогда легко могли народную повѣсть осуществить памятникомъ и сдѣлать историческимъ событіемъ. Впрочемъ, и какъ сказаніе, этотъ фактъ заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Децемвиры въ первый годъ своего правленія написали десять таблицъ, и такъ-какъ въ нихъ не содержалось всего, что должно опредѣлить, то нашли необходимымъ продолжить на нѣсколько времени врученную имъ чрезвычайную власть, чтобы они составили еще двѣ. Патрицій Аппій Клавдій управлялъ выборомъ новыхъ децемвировъ и, чтобы быть включеннымъ въ число ихъ, льстилъ плебеямъ, доставивъ и имъ право избираемости, и чрезъ-то достигъ своей цѣли. Вмѣстѣ съ нимъ были избраны также двое изъ плебеевъ. Новая коммиссія приняла совершенно отличный отъ прежняго характеръ. Вмѣсто-того, чтобы передавать другъ другу знаки отправленія должности по очереди, теперь каждый изъ децемвировъ постоянно ходилъ въ сопровожденіи двѣнадцати ликторовъ, которые притомъ носили предъ нимъ сѣкиру, въ знакъ того, что онъ имѣетъ власть надъ жизнію и смертію и что на приговоры его нѣтъ апелляціи, — хотя со времени валеріева за-

кона носить сѣкиру передъ консулами въ городѣ было запрещено. По истеченіи года они не сложили съ себя власти, но удержали ее за собою, заставивъ сенатъ дать на это подтвержденіе. Но такъ точно, какъ нѣкогда насильственные поступки съ жизнію гражданъ и честію женъ ихъ ниспровергли царскій тронъ, то же было причиною, въ 449 году, паденія децемвировъ. Плебеи отшествіемъ на Авентинскую гору вынудили у сената низложеніе и наказаніе ихъ и возстановленіе прежняго образа правленія.

Власть децемвировъ сходствовала съ тираннiею, такъ-какъ была захвачена противозаконно, и они пользовались ею какъ тираны особенно въ отношеніи къ плебеямъ. Сіи послѣдніе сначала переносили наложенное на нихъ иго терпѣливо, пока наконецъ два разительныя насилія не возбудили ихъ страстей и не заставили ихъ явно обнаружить свое неудовольствіе. Именно, децемвиры велѣли въ лагерѣ умертвить одного храбраго воина Л. Сикція Дентата. Подвиги этого мужа украшены до баснословія,—въ немъ мы видимъ идеалъ совершеннаго воина, какимъ представлялъ его себѣ римлянинъ; онъ былъ на 120 сраженіяхъ, восемь разъ побѣждалъ въ единоборствѣ вызывавшихъ его непріятелей, 45 ранъ на груди свидѣтельствовали о его геройскомъ мужествѣ, а неуязвленная спина показывала, что онъ никогда не обращалъ тыла къ непріятелю. Умерщвленіе этого воина произвело въ войскѣ ропотъ и негодованіе; въ то же время Аппій Клавдій злодѣйскимъ поступкомъ вооружилъ противъ себя всѣхъ въ городѣ. Дочь плебея Виргинія своею красотою плѣнила децемвира; одинъ изъ кліентовъ его объявилъ на нее свои притязанія, утверждая, что она рождена его не-

вольницею, и Аппій самъ, засѣдавшій въ судилищѣ, рѣшилъ дѣло въ его пользу. Случай тѣмъ болѣе обратилъ на себя вниманіе, что эта дѣвица была обручена Ицилію, который какъ прежній народный трибунъ пользовался большимъ уваженіемъ. Ицилій явился защитникомъ своей невѣсты и настоялъ на-томъ, чтобы отложить приговоръ до прибытія отца ея, находившагося въ войскѣ. Посланные ициліевы привезли Виргинія изъ лагеря скорѣе, нежели гонцы децемвира прибыли туда съ повелѣніемъ задержать его. Теперь преданіе повторяетъ ту же самую сцену, которая предшествовала изгнанію Тарквинія, только въ величественнѣйшемъ видѣ. Тамъ Лукреція умерщвляетъ себя, и Брутъ окровавленнымъ кинжаломъ возбуждаетъ народъ и войско къ возстанію противъ Тарквинія, здѣсь Виргиній совершаетъ то же предъ глазами всего народа: чтобы спасти свою дочь отъ поруганія, онъ умерщвляетъ ее на самой площади и съ ножемъ, еще дымящимся ея кровію, поспѣшно отправляется въ лагерь. Войско оставило свою позицію противъ непріятеля и расположилось лагеремъ на горѣ Авентинѣ; между-тѣмъ какъ сенатъ остался въ городѣ съ децемвирами, войско назначило десять трибуновъ и не хотѣло вступать въ переговоры до-тѣхъ-поръ, пока децемвиры не были низложены. Аппій, не желая подвергнуться суду, прекратилъ жизнь свою самоубійствомъ; прочіе спаслись бѣгствомъ. Послѣ сего торжественно были избраны и признаны сенатомъ новые десять трибуновъ; два патриція, съ самаго начала благопріятствовавшіе плебеямъ, Валерій и Горацій, поддерживали предложеніе трибуновъ о возстановленіи прежняго образа правленія.

Законодательство децемвировъ, между-тѣмъ, оставшись въ полной силѣ и теснѣйшими узами связавъ

оба сословія, послужило къ большему возрастанію значенія и силы плебеевъ. Опредѣленіе ихъ теперь простиралось и на патриціевъ, и рядомъ законовъ, изданныхъ непосредственно по низверженіи децемвировъ, они обезпечили за собою пріобрѣтенныя права *). И такъ если патриціи еще нѣсколько времени не уступали плебеямъ права на взаимные браки (jus connubii) и на участіе въ высшихъ государственныхъ должностяхъ, то это было для нихъ слабою преградою. Уже въ 445 г. трибунъ Канулей предложилъ законъ о дозволеніи брачныхъ союзовъ между фамиліями обоихъ сословій и о доставленіи плебеямъ права на занятіе консульской должности. Первая часть закона была принята въ томъ же году, и начавшіяся съ этого времени родственныя связи между патриціями и плебеями споспѣшествовали еще болѣе совершенному сліянію обоихъ сословій. Напротивъ споръ о консульствѣ долго еще оставался нерѣшеннымъ, но напослѣдокъ патриціи должны были раздѣлить съ плебеями и сіе достоинство, по-крайней-мѣрѣ въ сущности, хотя названіе его успѣли еще на время удержать за собою.

---

*) Законы эти исчислены у Ливія въ III к. г. 55: 1) legem centuriatis comitiis tulere, *ut, quod tributim plebs jussisset, populum teneret*. 2) *Ne quis ullum magistratum sine provocatione crearet; qui creasset, eum jus fasque esset occidi, neve ea caedes capitalis noxae haberetur.* 3) *Ut qui tribunis plebis, aedilibus, judicibus, decemviris nocuisset, ejus caput Jovi sacrum esset: familia ad aedem Cereris, Liberi, Liberaeque venum iret.* 4) M. Duilius, Tribunus plebis, plebem rogavit, plebesque scivit: *Qui plebem sine Tribunis reliquisset, quique magistratum sine provocatione creasset, tergo ac capite puniretur.*

Патриціи защищали свое исключительное право на консульство съ величайшимъ упорствомъ. Но такъ-какъ народные трибуны часто запрещали вербовать гражданъ въ военную службу, то патриціи въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ помогали себѣ тѣмъ, что вручали консульскую власть начальникамъ легіоновъ или военнымъ трибунамъ, которые могли быть избираемы и изъ плебеевъ. Посему во время спора о консульствѣ на мѣстѣ консуловъ весьма часто являлись Tribuni militum consulari potestate, и можно было предвидѣть, что плебеи, получивъ сущность власти, скоро достигнутъ и названія. Слѣдствіемъ спора было постепенное дробленіе консульской власти и образованіе новыхъ отдѣленныхъ отъ нея должностей, которыя патриціи хотѣли удержать за собою. Такимъ-образомъ, впродолженіе этой постоянной борьбы, образовалось внутреннее политическое устройство государства, которое, какъ плодъ долговременнаго развитія, заключало въ себѣ зерно долгой и полной силы жизни.

Казалось, должно было ожидать, что римская республика, раздираемая внутри безпрерывными распрями, сдѣлается легкою добычею своихъ завистливыхъ сосѣдей; но на самомъ дѣлѣ вышло противное: именно эта внутренняя борьба доставила государству силу къ быстрому расширенію и увеличенію извнѣ. Подобные споры и междоусобія, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, когда всякій имѣетъ въ виду свой собственный, а не общественный интересъ, когда страсти толпы служатъ орудіемъ честолюбію талантливыхъ демагоговъ, конечно довели бы государство до совершеннаго разстройства; напротивъ, въ тѣ до-

стойныя уваженія времена древности, когда каждый стоялъ за права цѣлаго сословія, а не за выгоды того или другаго лица, такой споръ напрягалъ и укрѣплялъ силы вмѣсто-того, чтобъ ослаблять ихъ. Ибо противъ внѣшнихъ враговъ оба сословія дѣйствовали не только единодушно, но даже наперерывъ старались, одно, чтобы заслугами утвердить за собою свои преимущества, другое, чтобы заслугами показать себя достойнымъ желаемыхъ правъ. Въ домашней жизни они соперничали въ бережливости и трудолюбіи, при понесеніи общественныхъ повинностей не уступали другъ другу въ любви къ отечеству, во время похода одно передъ другимъ выказывало храбрость и терпѣніе. Это-то соперничество и дѣлало сенатъ столь достойнымъ уваженія, вождей столь бдительными и дѣятельными и самое войско столь храбрымъ и послушнымъ. Посему не удивительно, что государство, такимъ образомъ устроенное, котораго силы никогда не находились въ усыпленіи, явилось побѣдоноснымъ противъ своихъ сосѣдей. Римъ, со времени регилльской битвы признанный главою латинцевъ, принудилъ и прочія сосѣдственныя племена признать свою гегемонію. Въ 448 г. (306 отъ о. г.) присоединены къ римскому союзу сабинцы, въ слѣдующемъ покорены и эквы и волски, и для удержанія ихъ въ вѣрности, въ землѣ ихъ заложены римскія колоніи. Около половины четвертаго столѣтія отъ построенія города, римская область была округлена и простиралась до моря и Фуцинскаго озера; но къ сѣверу оставались еще не-

покоренными города этрусскіе, и Вейи, находясь недалеко отъ Рима, своими твердынями преграждали путь къ распространенію его владѣній на сѣверъ отъ Тибра. Посему взятіе римлянами этого города въ 396 году было очень важнымъ событіемъ.

Огромныя стѣны защищали Вейи отъ набѣговъ непріятельскихъ: безъ осадныхъ машинъ и долговременнаго облежанія, для котораго впрочемъ надлежало содержать войско на жалованьѣ, эти твердыни, воздвигнутыя искусствомъ этрусковъ и удивляющія насъ и теперь своими развалинами, не могли быть разрушены. Безпрерывныя войны между Римомъ и Вейями были неизбѣжны; о нихъ повѣствуется и въ лѣтописяхъ. Между-тѣмъ, какъ Римъ возрасталъ въ силѣ, могущество этрусковъ клонилось къ паденію, и въ то время, когда римляне сдѣлали на Вейи рѣшительное нападеніе, этрускій союзъ, занятый войною съ пришедшими изъ-за Альпъ галлами, не могъ подать достаточной помощи стѣсненному городу. Впрочемъ, осада длилась цѣлые годы и могла быть поддержана только назначеніемъ жалованья гражданамъ, служившимъ въ войскѣ, которые доселѣ содержались въ походѣ на свой счетъ; сначала получала жалованье одна пѣхота, потому-что всадники по своему классу принадлежали къ числу богатыхъ, но впослѣдствіи стала получать и конница. Подробности этой осады относятся къ области сказаній: продолжительность ея — десять лѣтъ и десять зимъ — вмѣшательство дельфійскаго оракула и этрусскихъ гадателей, и вслѣдствіе ихъ предвѣщаній предпринятое отведеніе Альбанскаго озера огромнымъ каналомъ, и особенно подземный ходъ, посредствомъ котораго римляне вдругъ вышли изъ-подъ земли среди храма Юноны въ Вейяхъ, въ то время, какъ полководецъ вейен-

тянъ готовился къ жертвоприношенію и гадатель по внутренностямъ животныхъ (Haruspex) объявилъ, что то государство побѣдитъ, котораго гражданинъ принесетъ богамъ эту жертву — все это прикрасы изустнаго преданія. Вѣрно только то, что римляне подъ предводительствомъ искуснѣйшаго тогда своего полководца Л. Фурія Камилла овладѣли городомъ не прежде, какъ по преодолѣніи упорнаго сопротивленія. Это важное завоеваніе не только умножило народонаселеніе города (вейентяне должны были переселиться въ Римъ) и обогатило римлянъ добычею, награбленною въ стѣнахъ древняго и богатаго города, но еще увеличило владѣнія ихъ одною изъ плодоноснѣйшихъ областей Италіи.

Съ паденіемъ Вейевъ рушилась прегада, защищавшая этрусскій союзъ; также и галлы ослабленіемъ силъ его не мало способствовали возвышенію Рима, хотя сначала казалось, что и Риму должно отъ нихъ погибнуть. Первая встрѣча съ галлами такъ глубоко врѣзалась въ памяти римлянъ и такъ сильно подѣйствовала на ихъ фантазію, что не много событій встрѣчается въ ихъ исторіи, которыя были бы больше изукрашены. Послѣ пораженія римлянъ при рѣкѣ Аліи, въ 390 г, Римъ, за исключеніемъ Капитолія, былъ взятъ и сожженъ побѣдителями; онъ казался погибшимъ, но судьба и геройское мужество соединились для спасенія его, а мудрость удержала отъ намѣренія перенесть его на другое мѣсто; такимъ-образомъ Римъ снова возникъ изъ-подъ пепла и быстро оправился отъ паденія.

Со времени основанія Рима начались переселенія

цельтическихъ племенъ или галловъ, подобныя происходившимъ впослѣдствіи вторженіямъ германцевъ и, еще позднѣе, скандинавовъ. Ливій повѣствуетъ, что около того времени, какъ въ Римѣ царствовалъ Тарквиній Прискъ, два племянника гальскаго царя Амбигата, Сиговезъ и Белловезъ, предприняли походъ — первый на сѣверъ, а второй на югъ. Долго Альпы задерживали белловезовыхъ галловъ; наконецъ они нашли средства и путь, и перешли чрезъ эти высокія горы. Здѣсь встрѣтили они этрусковъ и по изгнаніи ихъ основали Медіоланъ, цвѣтущій и теперь еще столичный городъ Ломбардіи Миланъ; за Аппенины, противъ этрусскаго союза въ Тосканѣ, ихъ призвалъ одинъ клузіецъ, въ отмщеніе за нанесенное ему оскорбленіе. Они явились предъ стѣнами Клузія въ 364 г. отъ основанія города или въ 390 до Р. Х. Клузійцы обратились съ просьбою о помощи къ Риму, и когда галлы пришли и осадили Клузій, тамъ находились римскіе послы изъ роду Фабіевъ. Они съ свойственною римлянамъ національною гордостію, и тѣмъ болѣе, что происходили изъ древней и славной фамиліи, сдѣлали отъ имени римскаго народа галламъ предложенія и, не будучи выслушаны, приняли участіе въ одной вылазкѣ, сдѣланной осажденными; это было замѣчено галлами, ибо одинъ изъ князей ихъ палъ отъ руки Фабія. Говорятъ, что галлы, за такое нарушеніе народнаго права, потребовали удовлетворенія, и когда въ томъ не только получили отказъ, но еще виновные Фабіи, въ оскорбленіе имъ, были избраны въ военные трибуны, то пошли на Римъ. Если это справедливо, то галлы вели себя гораздо умѣреннѣе, нежели какъ должно бы было ожидать отъ варваровъ. Можетъ-быть, преданіе представляетъ это въ такомъ видѣ только для того, чтобы спасти честь римскаго оружія и показать, что несчастіе Рима было слѣдствіемъ нарушенія права.

Искуснѣйшій римскій военачальникъ, завоеватель Вейевъ, Л. Фурій Камиллъ, находился въ то время въ изгнаніи за свою патриціанскую гордость противъ плебеевъ. Трибуны приговорили его къ денежной пенѣ, но онъ по гордости предпочелъ ей изгнаніе. Онъ жилъ тогда въ Ардеѣ, выжидая случая, когда отечество будетъ имѣть въ немъ нужду; теперь желаніе его исполнилось и скорѣе и ужаснѣе, нежели какъ онъ самъ хотѣлъ бы этого. Войско, посланное римлянами на встрѣчу галламъ, не соотвѣтствовало опасности; посему пораженіе при Аліи было такъ рѣшительно, что остатки его не возвратились даже въ Римъ, но разсѣялись въ разныя стороны. Повидимому римляне оставили свой неукрѣпленный городъ на произволъ судьбы и укрѣпились въ одномъ только Капитоліѣ. По-крайней-мѣрѣ галлы, при вступленіи въ Римъ, не встрѣтили никакого сопротивленія: всѣ улицы были пусты, всѣ домы оставлены. Между-тѣмъ, какъ по сожженіи города они держали въ осадѣ Капитолій, отдѣльные отряды ихъ овладѣли всею открытою страною Лаціума. Римляне, уцѣлѣвшіе отъ алійской битвы, одни бросились за неразрушенныя еще стѣны вейскія и, усиленные сбѣжавшимися туда же поселянами, подъ предводительствомъ Цедиція, начали довольно-успѣшно дѣйствовать противъ разсѣянныхъ гальскихъ отрядовъ, другіе бѣжали въ Ардею къ Камиллу и подъ его начальствомъ совершенно уничтожили толпу занимавшихся грабежемъ галловъ. Въ исторіи освобожденія Рима не возможно съ безошибочной критикой отдѣлить историческихъ элементовъ отъ прибавленій и прикрасъ преданія. Древнѣйшая римская исторія содержитъ въ себѣ цѣлыя отдѣленія, нарочно составленныя для прославленія вѣчнаго города и тѣхъ, которые основали и возвеличили его: равномѣрно подобными вымыслами старались внушить юношамъ уваженіе къ закону и правительству, и

показать, что Римъ достигъ величія однимъ только строгимъ соблюденіемъ права и закона. Въ преданіи повѣствуется, что римляне, соединившіеся подъ начальствомъ Цедицiя, хотѣли избрать его въ диктаторы, но онъ объявилъ, что, по званію своему, не можетъ занять такой высокой должности. Послѣ-сего взоры всѣхъ обратились на Камилла, но, избранный единогласно, онъ не осмѣлился принять достоинства безъ соблюденія обычныхъ формъ. Такимъ-образомъ, позднѣйшимъ потомкамъ ставили въ образецъ, какъ непреложно соблюдали ихъ предки, даже въ величайшей опасности, отечественные законы и принятыя формы. Такъ Камиллъ, прежде нежели принялъ верховную власть, требовалъ подтвержденія отъ сената. Но сенатъ былъ въ Капитоліѣ; при этомъ случаѣ преданіе прославляетъ смѣлый подвигъ Понтія Коминія, который рѣшился пробраться въ осажденный городъ и принесть оттуда въ Веіи опредѣленіе сенаторовъ. Онъ переплываетъ Тибръ, съ самой крутой стороны всползаетъ на скалу и благополучно возвращается тѣмъ же путемъ. Итакъ съ позволенія сената народъ избираетъ диктатора, и выборъ падаетъ на Камилла. Въ заключеніе драмы являются и боги, которые пекутся о городѣ, назначенномъ владычествовать надъ вселенною, и эта запутанная завязка разрѣшается самымъ театральнымъ образомъ. Дѣло происходило такъ: галлы вздумали ночью ворваться въ Капитолій, они начали всходить на скалу, уже нѣкоторые взобрались на стѣну; между-тѣмъ стража спала, даже собаки были спокойны. Въ это время гуси, посвященные Юнонѣ, подняли такой шумъ и крикъ, что разбудили начальника стражи М. Манлія и обратили его вниманіе на опасность. Онъ приходитъ еще во-время, сталкиваетъ галловъ, взошедшихъ уже на стѣну, и отражаетъ прочихъ до-тѣхъ-поръ, пока не подоспѣваетъ къ нему на помощь весь гарнизонъ. Но

спасшись теперь, осажденные, по причинѣ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, принуждены были купить отступленіе враговъ за деньги; при взвѣшиваніи условленной суммы возникаетъ споръ о вѣсѣ, и надменный вождь галловъ, Бреннъ, въ отвѣтъ на жалобы римлянъ, съ словами: vae victis! бросаетъ на вѣсы еще тяжелый свой мечъ: тогда является Камиллъ, чтобы Римъ не запятналъ своей славы постыднымъ искупленіемъ своей свободы посредствомъ золота, а не желѣза, опрокидываетъ вѣсы и не только изгоняетъ галловъ изъ города, но и совершенно истребляетъ ихъ (389 до Р. Х., 365 отъ осн. г.). Теперь многіе хотѣли, вмѣсто-того, чтобъ снова отстроивать свои жилища, перейдти въ оставленные домы города Вейевъ. Безъ сомнѣнія это переселеніе имѣло бы самыя невыгодныя послѣдствія, ибо страна имѣетъ также весьма-важное значеніе: съ нѣкоторыми мѣстами тѣсно соединено столько историческихъ и религіозныхъ воспоминаній и съ ними вмѣстѣ столько патріотическихъ чувствованій, что съ переселеніемъ на другое мѣсто исчезло бы и все національное. Чтобы убѣдить народъ остаться въ Римѣ, сенатъ прибѣгнулъ къ религіи и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчилъ бѣднымъ постройку жилищъ денежнымъ пособіемъ изъ государственной казны. Впрочемъ Римъ теперь былъ возстановленъ безъ всякой правильности и порядка, и сдѣлался красивымъ городомъ не прежде, какъ во времена Нерона, когда еще разъ выгорѣлъ и былъ возобновленъ уже по лучшему плану.

Въ возстановленномъ Римѣ скоро возобновились и прежніе раздоры; ближайшимъ къ тому поводомъ была бѣдность, въ которую впали плебеи отъ несчастной войны и налоговъ, увеличенныхъ со времени введенія жалованія служащимъ въ войскѣ. Подобно,

тому, какъ прежде Сп. Кассій, теперь М. Манлій, спаситель Капитолія, явился защитникомъ плебса противъ своего сословія и подвергся одинакой съ нимъ участи. Манлій старался пріобрѣсть расположеніе плебеевъ, по словамъ враговъ его, для-того, чтобы захватить царскую власть, и освобожденіемъ изъ темницъ должниковъ, брошенныхъ туда своими заимодавцами, онъ внушилъ къ себѣ довѣренность этого сословія. Патриціи велѣли схватить его, но, вынужденные настойчивыми требованіями плебеевъ, освободили; впрочемъ онъ погибъ жертвою ихъ ненависти: лишенный ихъ происками защиты народныхъ трибуновъ, онъ былъ свергенъ съ Тарпейской скалы. Паденіе Манлія вмѣсто-того, чтобы прекратить вражду, послужило только къ большему ея воспламененію, и знатные плебеи воспользовались нуждою и неудовольствіемъ своихъ бѣдныхъ собратій противъ патриціевъ для достиженія послѣдней цѣли своихъ желаній. Чѣмъ болѣе плебеи сближались съ патриціями, послѣ того, какъ запрещеніе на взаимные браки было уничтожено, тѣмъ сильнѣе оскорблялись упорствомъ, съ какимъ они по прежнему старались отстранять ихъ отъ консульства, или лучше избѣгать сего спорнаго пункта избраніемъ военныхъ трибуновъ. Лициній Столонъ, происходившій изъ знатной плебейской фамиліи и въ то же время посредствомъ брака находившійся въ родствѣ съ одною изъ первѣйшихъ фамилій патриціанскихъ, побуждаемый честолюбіемъ какъ собственнымъ, такъ и жены своей, рѣшился доставить своему сословію

право на консульство. Согласившись съ другомъ своимъ Л. Секстіемъ Латераномъ, онъ искалъ вмѣстѣ съ нимъ трибунства и въ 376 г. получилъ его. Твердость, съ какою онъ впродолженіе девяти лѣтъ боролся за права своего сословія, наконецъ одержала побѣду надъ сопротивленіемъ патриціевъ, и въ 366 году *Л. Секстій былъ первый консулъ изъ плебеевъ.*

Законовъ, предложенныхъ Лициніемъ, было три: 1) объ измѣненіи постановленія о долгахъ, 2) объ участіи плебеевъ въ общественномъ полѣ и 3) о правѣ избранія въ консулы плебеевъ *). По первому, должникамъ дозволялось уплаченные уже проценты вычитать изъ капитала, что было очень-важно, потому-что число ихъ часто превышало 12. Слѣдовательно этотъ законъ доставилъ должникамъ большое облегченіе, не дѣлая притомъ заимодавцамъ другаго вреда, кромѣ ограниченія чрезмѣрнаго роста. Вторымъ опредѣлялось, что никто не можетъ имѣть во владѣніи болѣе 500 jugera (десятинъ) изъ общественнаго поля; кто имѣлъ больше, обязывался лишнее выдать, и это надобно было раздѣлить между плебеями. Обоими этими законами онъ склонилъ бѣдныхъ плебеевъ къ поддержанію третьяго, выгоднаго только для богатыхъ фамилій ихъ сословія, именно, чтобы были впредь избираемы не военные

*) Livius VI c. 35: C. Licinius et L. Sextius promulgavere leges omnes adversus opes patriciorum et pro commodis plebis: unam de aere alieno, ut, deducto eo de capite, quod usuris pernumeratum esset, id, quod superesset, triennio aequis portionibus persolveretur; alteram de modo agrorum, ne quis plus quingenta jugera agri possideret; tertiam, ne tribunorum militum comitia fierent, consulumque utique alter ex plebe crearetur, — cuncta ingentia et quae sine certamine maximo obtineri non possent.

трибуны, а консулы, и чтобы одинъ изъ нихъ былъ изъ плебеевъ. Патриціи успѣли привлечь на свою сторону восемь трибуновъ, и теперь противныя партіи привели въ дѣйствіе всѣ позволенныя законами средства. Народный трибунъ не могъ самъ читать своего предложенія: это дѣлалъ его писецъ, который, впрочемъ, подъ страхомъ смертной казни, долженъ былъ молчать, когда ему приказывалъ это другой трибунъ. Такимъ-образомъ патриціи впродолженіе девяти лѣтъ препятствовали подтвержденію лициніева закона. Лициній съ своей стороны воспользовался правомъ останавливать выборъ высшихъ правительственныхъ чиновниковъ, и упорство, съ какимъ дѣйствовали обѣ партіи, видно изъ того, что такое состояніе продолжалось цѣлые четыре года. Во все это время государственными дѣлами правилъ такъ-называемый Interrex, который чрезъ каждые пять дней смѣнялся другимъ. Но такъ - какъ подобныя отношенія не могли продолжительно существовать, то сенатъ наконецъ принужденъ былъ уступить и дать силу законовъ всѣмъ тремъ предложеніямъ Лицинія.

Хотя плебеи достиженіемъ консульства совершенно сравнялись съ патриціями, не смотря на-то, сіи послѣдніе все еще старались утвердить за собою преимущество тѣмъ, что удерживали за собою нѣкоторыя должности, частію отдѣленныя отъ консульства. Впрочемъ, по прошествіи нѣкотораго времени, плебеи успѣли получить участіе и въ сихъ должностяхъ, и только немногія остались исключительно въ рукахъ того или другаго сословія. Итакъ, если различіе между патриціянскими и плебейскими фамиліями и продолжалось, то онѣ перестали уже образовать полити-

ческія партіи. Напротивъ, отсюда въ Римѣ долженствовало начаться совсѣмъ иное развитіе: изъ патриціянскихъ и плебейскихъ фамилій, которыя по своему происхожденію и богатству имѣли большее вліяніе, и поэтому обыкновенно занимали всѣ высшія государственныя должности, возникло новое первенствующее сословіе (nobilitas), которому противополагался народъ, состоявшій изъ бѣдныхъ граждапъ и вольноотпущенныхъ. Посему между этимъ тѣснымъ кругомъ аристократовъ (nobiles) и тѣми, которые возбуждали простой народъ къ ниспроверженію ихъ, современемъ долженствовала произойдти борьба, совершенно-отличная отъ этой, теперь навсегда оконченной борьбы между популусомъ и плебсомъ.

Въ томъ же году, когда въ первый разъ плебей былъ облеченъ консульскою властію, патриціи потребовали отдѣлить отъ нея должность высшаго судьи и оставить ее исключительно за ними. Такимъ-образомъ возникла *претура*. Сначала преторъ былъ одинъ, и можно сказать—онъ нѣкоторымъ образомъ былъ третій консулъ. Онъ имѣлъ шесть fasces, между-тѣмъ, какъ оба консула вмѣстѣ имѣли двѣнадцать, и избирался съ соблюденіемъ тѣхъ же самыхъ авспицій, какъ и они. *Цензура* была вторая должность, еще прежде отдѣленная отъ консульства и также удержанная патриціями. Цензоры — ихъ было два — вели списки гражданамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ соединяли строгій надзоръ за жизнію ихъ и имѣли въ рукахъ своихъ великую власть, потому-что за дурное поведеніе могли наказывать переведеніемъ въ низшій классъ. Также саны диктаторскій и жреческій патриціи исключительно удержали за собою. Но когда плебеи однажды достигли консульства, то эти

отдѣльныя отъ нея должности не долго могли оставаться въ рукахъ патриціевъ. Въ 355 году плебеи получили диктатуру, въ 350 патриціи должны были уступить имъ цензуру, тринадцать лѣтъ спустя (337) плебеи допущены къ участію въ претурѣ, а съ 302 г. и въ жреческомъ достоинствѣ. За патриціями осталась должность курульныхъ эдилей, въ противоположность которымъ плебеи имѣли своихъ собственныхъ. Interrex могъ быть избираемъ только изъ патриціевъ, но плебеи имѣли на своей сторонѣ перевѣсъ въ трибунахъ, которые избирались исключительно изъ ихъ сословія, и въ число которыхъ не могъ поступить ни одинъ патрицій, не будучи усыновленъ какою-либо плебейскою фамиліею.

Теперь, по прекращеніи всѣхъ раздоровъ, Римъ могъ обратить свои силы, окрѣпшія во внутренней борьбѣ, противъ враговъ внѣшнихъ,—и съ сего времени начинается собственно героическій его возрастъ, который, подобно какъ у другихъ народовъ, все еще представляется въ картинѣ невѣрной, изукрашенной поэтическими вымыслами и сказаніями *). Исполинская сила римлянъ развилась въ войнахъ ихъ

*) Къ числу ихъ принадлежитъ сказаніе о самопожертвованіи М. Курція, относимое римскими хронологами къ 356 году. Именно Ливій повѣствуетъ (к. VII, г. 6), что вдругъ на площади открылась широкая и глубокая пропасть, которую по словамъ жрецовъ не иначе можно было засыпать, какъ бросивъ туда то, что̀ благороднѣйшаго имѣлъ Римъ. Въ то время, какъ всѣ недоумѣвали, что̀ должно подъ этимъ разумѣть, выступаетъ М. Курцій и спрашиваетъ: «развѣ есть что-нибудь въ Римѣ благороднѣе храбраго и любящаго свое отечество мужа?» Потомъ садится на своего боеваго коня и, посвятивъ себя богамъ, бросается въ пропасть, которая тотчасъ закрывается. Поэтическія украшенія далѣе замѣтны въ повѣствованіяхъ такихъ событій, каково напримѣръ описываемое Ливіемъ (к. VII, г. 26) единоборство М. Валерія Корва.

съ самнитянами: во время сей продолжительной борьбы, проложившей побѣдителю дорогу къ покоренію всей Италіи, образовалась ихъ тактика, такъ-какъ имъ представлялись случаи сражаться то въ горахъ, то на равнинахъ. Первая *самнитская война* (343 — 340) доставила римлянамъ владычество надъ Кампаніею, но была скоро прекращена, когда латинцы стали показывать видъ, что намѣреваются возстановить свою независимость.

Въ войну съ самнитянами римляне были вовлечены единоземцами ихъ, жившими въ Кампаніи. Еще прежде часть самнитянъ, которымъ съ увеличеніемъ народонаселенія въ горахъ сдѣлалось тѣсно, переселилась въ Кампанію и отняла эту страну у этрусковъ. Впослѣдствіи времени иной климатъ и иной образъ жизни ослабили ихъ силу, и ни нравы, ни политическія сношенія не связывали ихъ болѣе съ горными ихъ единоплеменниками. Теперь за сидицинцевъ они вступили между собою въ войну. Самнитяне напали на главный городъ сидицинцевъ Теанъ, а кампанцы взяли его подъ свою защиту. Но воинственные самнитяне были имъ не по силамъ; поэтому они скоро почувствовали нужду въ помощи и въ 344 г. (410 отъ о. г.) обратились къ Риму. Римскій сенатъ никогда не начиналъ войны, не имѣя на то формальнаго права; потому, чтобы пріобрѣсть не только право, но даже обязанность защищать ихъ, онъ потребовалъ, чтобы кампанцы объявили себя римскими подданными, и они въ крайности согласились лучше покориться римлянамъ, нежели своимъ единоземцамъ *). Послѣ сего сенатъ послалъ къ самни-

*) Формула признанія подданства была выражена такъ: Itaque populum Campanum, urbemque Capuam, agros, delubra Deûm, divina

тянамъ требованіе не притѣснять болѣе народа, подвластнаго римской республикѣ. Самнитяне не согласились на такое вмѣшательство римлянъ, поэтому въ 343 году имъ объявлена война. На помощь кампанцамъ выступили двѣ арміи, подъ предводительствомъ обоихъ консуловъ; одинъ изъ нихъ М. Валерій Корвъ занялъ на горѣ Гаврѣ, близъ Кумъ, такую выгодную позицію, что самнитяне проиграли битву съ перваго удара. Напротивъ, другой консулъ, Корнелій Коссъ, поставилъ свою армію въ горахъ, при Беневентѣ, въ весьма невыгодное положеніе, и спасенъ только прозорливостію и геройскимъ мужествомъ П. Деція, который за этотъ первый образцовый маневръ въ горной войнѣ получилъ блистательную награду; и когда послѣ сего самнитяне вышли изъ горъ, то были разбиты и Коссомъ; потомъ отъ обоихъ консуловъ вмѣстѣ потерпѣли третье пораженіе. Карѳагеняне привѣтствовали римлянъ чрезъ пословъ съ этими побѣдами и прислали въ даръ почетный золотой вѣнецъ. Впрочемъ эти удары не поколебали мужества самнитянъ, и когда сенатъ, въ 340 году, по причинѣ враждебнаго расположенія латинцевъ, почелъ за нужное заключить съ ними миръ, они не потеряли своей земли ни на шагъ. Они даже вступили съ римлянами въ союзъ, между-тѣмъ, какъ кампанцы перешли на сторону латинцевъ. Римскіе историки не даютъ никакого точнаго истолкованія этого перехода отъ непріязненныхъ къ дружественнымъ отношеніямъ. Кажется, дѣло происходило такъ: римляне предоставили сидицинцевъ, за которыхъ собственно возгорѣлась война, собственной ихъ участи, а ихъ приняли подъ свою защиту латинцы, чтобы по-

---

humanaque omnia in vestram, Patres conscripti, populique Romani ditionem dedimus.

средствомъ ихъ пріобрѣсть себѣ союзниковъ въ кампанцахъ въ предстоявшей имъ съ Римомъ войнѣ.

Латинцы сочли сіе время самымъ благопріятнымъ для достиженія желаемыхъ перемѣнъ въ своихъ отношеніяхъ къ Риму и потребовали, чтобы городамъ даны были равныя съ нимъ права и чтобы половина сенаторовъ и всѣхъ государственныхъ чиновниковъ состояла изъ латинцевъ. Такимъ-образомъ Римъ изъ повелителя всей страны, чѣмъ онъ конечно былъ до-сихъ-поръ на дѣлѣ, долженствовалъ превратиться не больше, какъ въ столицу римско-латинскаго союза. Римляне съ гордостію отвергли эти требованія и предоставили рѣшеніе дѣла оружію. Борьба была упорна и кровопролитна, потому-что римлянамъ предстояло теперь сражаться съ войсками одинаково вооруженными и равно искуными; впрочемъ она кончилась въ пользу Рима, латинскій союзъ былъ уничтоженъ, и латинцы подъ разными именами и формами сдѣлались подданными римской республики.

Театромъ войны была Кампанія, вступившая съ латинцами въ союзъ; ея исторія опять во многихъ мѣстахъ изукрашена сказаніями, и герои суть Т. Манлій Торкватъ и П. Децій Мусъ, которые, въ 339 году, при горѣ Везувіѣ, разбили въ открытой битвѣ соединенныя силы латинцевъ и кампанцевъ; первый представляется въ римской исторіи въ примѣръ строгости дисциплины, послѣдній — въ примѣръ самопожертвованія за отечество. Консулъ Т. Манлій Торкватъ предалъ казни собственнаго своего сына за то, что онъ противъ его повелѣнія совершилъ геройскій подвигъ. Ве-

личіе Рима опиралось на соблюденіи военной субординаціи, и подобный разсказъ, какъ о Торкватѣ, врѣзывалъ въ памяти это основное начало гораздо сильнѣе, нежели самыя убѣдительныя увѣщанія. Консулы запретили сражаться внѣ рядовъ; сынъ консула Манлія, посланный для рекогносцировки, сталкивается съ отрядомъ непріятельскихъ всадниковъ, которыхъ начальникъ своими насмѣшками дотого раздражаетъ юнаго римлянина, что онъ, забывъ о запрещеніи, принимаетъ вызовъ на поединокъ и низлагаетъ своего противника. По возвращеніи его въ лагерь, консулъ Манлій, собравъ все войско, объявляетъ, что подвигъ сына радуетъ его какъ отца, но что какъ консулъ онъ долженъ за это наказать, и приказываетъ казнить его, и онъ безропотно покоряется жестокому приговору, какъ справедливому и заслуженному. Равно достойно вниманія событіе самопожертвованія или обреченіе себя на смерть, которымъ прославился второй консулъ, П. Децій Мусъ *). Что въ древней Италіи было въ обыкновеніи приносить на жертву людей, это доказываетъ такъ-называемое devotio, которое въ сущности есть ничто иное какъ примирительная жертва за всѣхъ: одинъ за спасеніе всѣхъ обрекалъ себя на погибель. Ливій говоритъ, что каждому диктатору, консулу или претору позволялось, когда они захотятъ предать совершенному уничтоженію непріятельскіе легіоны, добровольно посвящать богамъ смерти не только себя, но и всякаго другаго служащаго въ легіонѣ. Если посвященный не находилъ смерти, которой долженъ былъ искать, въ такомъ случаѣ необходимо прибѣгали къ очистительной жертвѣ; она состояла въ томъ, что дѣлали изъ дерева статую человѣка въ семь или болѣе футовъ дли-

*) Liv. l. VIII c. 9 — 11.

ны, зарывали ее въ землю и на томъ мѣстѣ убивали быка. Не смотря на-то, этотъ человѣкъ впродолженіе всей своей жизни считался нечистымъ. Въ сраженіи при Везувіѣ Децій, когда увидѣлъ, что находившееся подъ его начальствомъ крыло стало колебаться, то, призвавъ первосвященника Валерія, сказалъ: «Deorum ope, Valeri, opus est; agedum, pontifex publicus populi Romani, praei verba, quibus me pro legionibus devoveam». Обрядъ этотъ происходилъ такъ: онъ надѣлъ на себя свою сенаторскую одежду и, ставъ ногами на мечъ, произнесъ за жрецомъ слѣдующее заклинаніе: «Jane, Jupiter, Mars pater, Quirine, Bellona, Lares, divi Novensiles, dii indigetes, divi, quorum est potestas nostrorum hostiumque, dii Manes, vos precor, veneror, veniam peto, feroque, uti populo Romano Quiritium vim victoriamque prosperetis hostesque populi Romani Quiritium terrore, formidine, morteque afficiatis. Sicut verbis nuncupavi, ita pro republica Quiritium, exercitu, legionibus, auxiliis populi Romani Quiritium, legiones auxiliaque hostium mecum diis Manibus Tellurique devoveo». Потомъ онъ бросился въ ряды непріятелей и въ самой тѣсной сѣчѣ нашелъ свою смерть. Наконецъ эта упорная битва рѣшилась въ пользу римлянъ; вскорѣ послѣ-того при Трифанумѣ, между Синуессою и Минтурнами, произошло новое сраженіе, въ которомъ соединенныя силы латинцевъ и кампанцевъ были совершенно уничтожены. Послѣ-сего латинцы защищались только въ укрѣпленныхъ городахъ своихъ, которые одинъ за другимъ были покорены и смотря по обстоятельствамъ подверглись различной участи. Древній союзъ латинскихъ городовъ былъ уничтоженъ, и различіе полученныхъ ими правъ раздѣлило ихъ интересы. Съ городами, оказавшими упорнѣйшее сопротивленіе, какъ напримѣръ съ Велитрами и Анціумомъ, было поступлено самымъ жестокимъ образомъ: велитрійцы были совсѣмъ вы-

гнаны изъ города, и земля ихъ раздѣлена между римскими колонистами; Анціумъ потерялъ право судоходства, носы кораблей ихъ послужили къ украшенію ораторской каѳедры въ Римѣ, которая отъ нихъ и получила свое имя Rostra. Нѣкоторые города пріобрѣли полное право римскаго гражданства, другіе только по имени, безъ соединенныхъ съ нимъ политическихъ правъ. Также поступлено было и въ Кампаніи. Такимъ-образомъ съ этого времени обѣ эти страны сдѣлались подвластными Риму.

Во время латинской войны самнитяне, какъ кажется, сначала помогали римлянамъ и послѣ, покрайней-мѣрѣ, не безпокоили ихъ. Но какъ скоро она была окончена, отношенія покоренныхъ странъ утверждены на прочномъ основаніи; между ними снова открылась война, къ которой въ поводахъ не могло быть недостатка съ-тѣхъ-поръ, какъ Кампанія находилась во власти римлянъ. Заложеніе римской военной колоніи Фрегеллъ въ самнитскихъ горахъ и нападеніе римлянъ на Неаполь послужили поводомъ къ открытію *второй самнитской войны* (326 — 305), вслѣдствіе которой римляне утвердились въ Апуліи.

Самнитяне доказывали, что Фрегеллы основаны на землѣ имъ принадлежащей, далѣе они поставили гарнизонъ въ Неаполѣ; но содержаніе его было для грековъ слишкомъ-тягостно и казалось даже опаснымъ; они сочли за лучшее вступить въ переговоры съ римлянами; партія, державшая сторону римлянъ, и особенно два гражданина, пользовавшіеся общимъ уваженіемъ, Нимфій и Харилай, успѣли наконецъ привести этотъ

планъ въ исполненіе, и Неаполь былъ первый греческій городъ, покорившійся (326 года до Р. Х., 428 отъ осн. г.) римлянамъ. Впрочемъ самнитяне были для римлянъ такими опасными врагами, что они противопоставили имъ опытнѣйшаго своего полководца, Л. Папирія Курсора, и онъ ограничился тѣмъ, что заставилъ ихъ признать превосходство римскаго оружія въ открытомъ полѣ. До 321 г. счастіе не оставляло римлянъ: часть Апуліи и особливо сильный городъ Луцерія приняли ихъ сторону, между-тѣмъ, какъ другіе апулійцы держали сторону самнитянъ. Но всѣ пріобрѣтенныя выгоды были потеряны, когда консулы Т. Ветурій Калвинъ и Сп. Постумій Альбъ, побужденные ложнымъ извѣстіемъ, что Луцерія осаждена самнитянами, вознамѣрились идти на помощь къ этому городу по кратчайшей дорогѣ, которая вела чрезъ долину, находившуюся между высокими, покрытыми лѣсомъ горами, и имѣвшую при входѣ и выходѣ тѣсные проходы, извѣстные подъ именемъ Кавдинскихъ. К. Понтій, полководецъ самнитскій, съ намѣреніемъ заманилъ римлянъ въ эту долину и такъ устроилъ, что они, какъ скоро вступили въ нее, тотчасъ увидѣли себя пойманными, какъ въ западнѣ. Послѣ сего имъ не оставалось дѣлать ничего другаго, какъ сдаться. Впрочемъ Понтій пришелъ въ затрудненіе: какимъ образомъ воспользоваться своею побѣдою, и изъ всѣхъ представлявшихся ему способовъ для утвержденія перевѣса за своимъ отечествомъ, онъ выбралъ самый дурной и безполезный. Именно, по заключеніи договора, по которому римляне обязывались оставить самнитскія владѣнія и разрушить всѣ заложенныя тамъ колоніи, и обоимъ народамъ, римлянамъ и самнитянамъ, предоставлялось жить по своимъ законамъ независимо одинъ отъ другаго, онъ отпустилъ консуловъ и войско, покрывъ ихъ величайшимъ безчестіемъ, какое только можно было

нанесть. Но такъ-какъ этотъ договоръ былъ заключенъ безъ религіознаго освященія, посредствомъ феціала, то сенатъ, пользуясь этимъ упущеніемъ, отказался подтвердить его. Постумій сдѣлалъ предложеніе выдать самнитянамъ всѣхъ чиновниковъ, участвовавшихъ при заключеніи договора и оно было исполнено. Но Понтій не принялъ ихъ и объявилъ, что если римляне хотятъ быть справедливыми, то пусть оставятъ все въ томъ положеніи, въ какомъ находилось до заключенія кавдинскаго мира. Но римляне, успокоивъ себя соблюденіемъ установленныхъ формъ, отвергли его предложеніе, посему война открылась снова и тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ, что римляне искали мщенія за нанесенное имъ посрамленіе, а самнитяне за оказанное противъ нихъ вѣроломство. По словамъ римскихъ писателей самнитяне теперь проигрывали битвы каждый годъ, въ которыхъ часто теряли отъ 20,000 до 30,000 убитыми; что это преувеличено, тому очевиднымъ доказательствомъ служитъ миръ, заключенный сенатомъ съ самнитянами, въ 305 г., по которому они не потеряли ничего изъ своихъ владѣній.

Еще до окончанія второй самнитской войны, римляне начали распространять свое владычество въ Этруріи и Умбріи. Побѣдою при Перузіи они расторгли древній этрусскій союзъ, и разъединенные города, если и оказывали сопротивленіе превосходнымъ силамъ римлянъ, то отдѣльно другъ отъ друга. Наконецъ, чтобы положить предѣлъ завоеваніямъ римлянъ, грозившимъ поглотить всю Италію, всѣ еще независимые народы соединились. Въ то же время и самнитяне снова взялись за оружіе и *третья самнитская война* (299 — 290) находилась въ связи

съ возстаніемъ этрусковъ, умбровъ и галловъ противъ римлянъ. Впрочемъ, самнитяне не были счастливѣе своихъ союзниковъ; по страшномъ опустошеніи страны, взятіи въ плѣнъ и умерщвленіи вождя ихъ, Понтія, они, равно какъ умбры и этруски, должны были покориться, и вся Италія, отъ предѣловъ Цизальпинской Галліи до Великой Греціи, теперь или сдѣлалась зависимою, или подпала подъ вліяніе римлянъ.

Столь нетвердый союзъ, какъ этрусскій, былъ слишкомъ безсиленъ противъ государства, утвержденнаго на такихъ прочныхъ основаніяхъ, каковъ былъ Римъ, и потому распался отъ одного удара. Посланный противъ этрусковъ, К. Фабій Максимъ, перешелъ Криминійскій хребетъ, покрытый лѣсомъ и столь непроходимый, что Ливій сравниваетъ его съ славившимся въ то время Герцинскимъ лѣсомъ. Путемъ, которымъ никогда еще не проходило войско, онъ достигъ земли умбровъ, заставилъ ихъ пристать къ своему войску и потомъ разлилъ опустошеніе по цвѣтущимъ областямъ Этруріи. Этруски, какъ кажется, составили поголовное ополченіе, потому-что въ битвѣ при Перузіи потерю ихъ убитыми и плѣнными считаютъ до 60,000 человѣкъ. Слѣдствіемъ этого пораженія было распаденіе этрусскаго союза: города Перузія, Кортона и Аррецій заключили перемиріе, а прочіе, хотя и продолжали сопротивляться, но уже не показывались въ полѣ. Впрочемъ, война приняла опаснѣйшій характеръ, когда и галлы, опасаясь постояннаго приближенія римлянъ къ своимъ предѣламъ, соединились съ этрусками, и когда къ этому союзу приступили также умбры и самнитяне. Римляне обнаружили при этомъ случаѣ великую энергію и необыкновенную быстроту въ движеніяхъ: они поспѣ-

вали вездѣ, въ одномъ мѣстѣ препятствовали соединенію непріятельскихъ войскъ, въ другомъ разбивали отдѣльные ихъ отряды. Противъ самнитянъ они дѣйствовали съ особенною жестокостью, и эта страна, приведенная трудолюбіемъ жителей въ самое цвѣтущее состояніе, была раззорена ими въ-конецъ, такъ-что слова Флора: «напрасно искать теперь Самнія въ Самніи» (ut hodie Samnium in Samnio requiratur), не есть преувеличеніе. Въ этой великой опасности римляне избрали въ консулы славнѣйшихъ мужей того времени, К. Фабія Максима, въ пятый разъ, и П. Декія Муса, въ четвертый. Союзники расположились станомъ по сю сторону Аппенинскихъ горъ при Сентинѣ, и еслибъ они держались вмѣстѣ, то, какъ сами римляне созпавались, побѣдить ихъ было бы очень трудно; но этруски пошли на защиту своей страны, опустошаемой римлянами, и такимъ-образомъ отдѣлились отъ союзниковъ. Не смотря на то, рѣшеніе сентинской битвы долго оставалось сомнительнымъ, и консулъ П. Децій Мусъ счелъ за необходимое, для оживленія колеблющагося мужества воиновъ, по примѣру отца своего, обрекшаго себя на смерть въ сраженіи при Везувіѣ, прибѣгнуть къ такому же самопожертвованію (devotio). Побѣда осталась за римлянами. Этою кровавою битвою силы союзниковъ были сокрушены, и они, если и оказывали еще сопротивленіе, то по одиначкѣ. Самнитяне покорились въ 290 году, послѣ того, какъ за два года передъ-тѣмъ полководецъ ихъ Понтій былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ. Ихъ примѣру послѣдовали умбры; этрусскіе города одинъ за другимъ должны были сдаться. Когда и галлы въ 284 году заключили съ римлянами миръ, то они не встрѣчали уже нигдѣ сопротивленія и могли устроить дѣла побѣжденныхъ совершенно по своей волѣ и согласно съ своими выгодами.

Военный характеръ римлянъ теперь достигъ полнаго своего развитія, и военная система ихъ смѣло могла соперничать съ совершеннѣйшею доселѣ системою греко-македонскою *). Скоро римскому легіону представился случай помѣряться силами съ македонскою фалангою. Поводъ къ этому примѣчательному столкновенію подалъ городъ Тарентъ, который, будучи угрожаемъ войною отъ римлянъ, призвалъ на помощь эпирскаго царя Пирра.

Большая часть греческихъ городовъ одинъ за другимъ отдалась подъ покровительство римлянъ, въ томъ числѣ и Ѳурій, тѣснимый луканцами и бруттійцами Когда римскій полководецъ Корнелій, посланный къ нему на помощь съ 10 кораблями, показался въ виду Тарента, то здѣсь произошло сильное волненіе. Тарентинскіе демократы вдвойнѣ страшились римлянъ, потому-что во всѣхъ греческихъ городахъ всегда аристократическая партія призывала ихъ и держала ихъ сторону. Демагоги раздражили противъ Рима народъ, и одинъ изъ нихъ, по имени Филохарисъ, склонилъ напасть на корабли Корнелія. И дѣйствительно, четыре изъ нихъ были потоплены и одинъ взятъ въ плѣнъ со всѣмъ экипажемъ. Въ то же время Тарентъ объявилъ себя защитникомъ демократіи и освободителемъ Великой Греціи. Ѳурійскіе демократы выгнали аристократовъ и римскій гарнизонъ, и вступили въ союзъ

*) Ливій (к. IX г. 17 — 20) представляетъ себѣ, что̀ бы было, еслибъ Александръ Великій прожилъ долѣе и въ дальнѣйшемъ распространеніи своихъ завоеваній на западѣ пришелъ въ непріязненное столкновеніе съ римлянами, и подробно разбираетъ, кто изъ нихъ остался бы побѣдителемъ.

съ Тарентомъ. Такіе поступки тарентинцевъ подали римлянамъ желанный поводъ подавить единственный городъ въ этой странѣ, могшій по своему богатству противопоставить значительныя силы. Они отправили въ Тарентъ Постумія съ требованіями: освободить взятыхъ въ плѣнъ римлянъ, ввести ѳурійскихъ изгнанниковъ въ ихъ отечество и возвратить имъ все, что они потеряли при своемъ изгнаніи, и вмѣстѣ выдать виновниковъ нарушенія мира. Тарентинское правительство сначала не хотѣло впустить пословъ въ народное собраніе, опасаясь отъ озлобленія демоса самыхъ несчастныхъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что послы требовали выдачи демагоговъ, которые имѣли въ народѣ гораздо-больше силы, нежели самое правительство. Но Постумій непремѣнно хотѣлъ выполнить данное ему порученіе и при этомъ случаѣ былъ оскорбленъ тарентинскою чернью самымъ грубымъ образомъ, такъ-что римское правительство тотчасъ послало къ Эмилію Барбулѣ, стоявшему съ войскомъ въ Самніи, повелѣніе отмстить Таренту за смертельную обиду, нанесенную республикѣ. Тарентинцы впутались въ эту войну съ такимъ легкомысліемъ, что подумали о средствахъ не прежде, какъ тогда, когда она была уже объявлена. Люди благомыслящіе хотя и совѣтовали, для отвращенія опасности, удовлетворить римлянъ, но когда страсти толпы одержали верхъ, рѣшили призвать на защиту республики какого-либо иноземнаго полководца. Тарентинцы обратились къ царю Пирру, и чтобы легче успѣть въ своемъ предпріятіи, уменьшали силы Рима и увеличивали собственныя. Впрочемъ, Пирръ не нуждался въ этихъ приманкахъ: онъ долженъ былъ воевать, чтобы быть въ состояніи содержать войско слишкомъ-многочисленное для его малыхъ владѣній, и такъ-какъ притомъ планы его противъ Македоніи не удались, то онъ охотно принялъ приглашеніе, въ надеждѣ

основать здѣсь блестящее царство. Въ его воображеніи Нижняя Италія, Сицилія и Африка были уже покорены, когда онъ въ 280 году прибылъ въ Тарентъ. Онъ привелъ съ собою 20,000 пѣхоты, 3,000 конницы, 2,000 стрѣлковъ и 20 слоновъ, и въ Тарентѣ тотчасъ все приняло новый видъ. Онъ заставилъ жителей города взяться за оружіе и вмѣсто увеселеній, которыя запретилъ, приказалъ прилежно заниматься военными упражненіями. Многіе, не желая подвергнуться такому принужденію, оставили городъ и бѣжали въ свои помѣстья. Это еще больше дало Пирру право дѣйствовать съ военною строгостью, такъ-что многіе города Великой Греціи стали просить себѣ гарнизоновъ у римлянъ, въ томъ числѣ и Регіумъ получилъ гарнизонъ, состоявшій изъ самнитско-кампанскихъ когортъ. Пирръ сперва опустошилъ земли городовъ, принявшихъ сторону римлянъ, а потомъ пошелъ на встрѣчу консулу П. Левину.

Пирръ считалъ римлянъ за народъ безъ высшаго образованія, и думалъ, что они доселѣ побѣждали только потому, что въ непріятеляхъ своихъ встрѣчали варваровъ еще грубѣйшихъ. Посему какъ велико было изумленіе, когда онъ увидѣлъ вооруженіе и движеніе легіоновъ и римскій станъ, и когда съ перваго взгляда убѣдился, что римляне своимъ умомъ довели военное искусство до высокой степени совершенства. Итакъ здѣсь мѣсто показать главныя черты ихъ военнаго устройства *).

---

*) Касательно римскаго военнаго быта см. Полибія к. VI гл. 19 — 42, и въ сравненіи съ македонскою фалангою, к. XVIII гл. 11 — 16.

У римлянъ политическое раздѣленіе народа тѣснѣйшимъ образомъ сливалось съ ихъ вооруженіемъ и военнымъ устройствомъ. Каждый гражданинъ уже по своему классу предназначался къ извѣстному роду службы и готовился къ ней отъ самой юности, и на каждомъ лежала обязанность прослужить не менѣе 16 до 20 лѣтъ. Военные списки ведены были съ величайшею точностью. Списки 16-ти лѣтнимъ юношамъ хранились въ храмѣ Ювенты, списки умершимъ въ храмѣ Венеры Либитинской, а новорожденныхъ вписывали въ реестръ цензоры, такъ-что государство знало всегда, сколько войска на лицо находится въ его распоряженіи. Избранные изъ способныхъ носить оружіе образовали легіонъ. Впрочемъ числа воиновъ, составлявшихъ легіонъ, опредѣлить съ точностію невозможно. Кажется, сначала оно простиралось до 3,000 человѣкъ, и впослѣдствіи возрасло до 4,200. Но въ особенныхъ случаяхъ оно увеличивалось еще болѣе и, можетъ-быть, отъ этого возникло въ показаніяхъ разногласіе. Такъ, напримѣръ, первоначально консульское войско состояло изъ двухъ легіоновъ, но если угрожала такая опасность, что непремѣнно нужно было войска гораздо-больше, въ такомъ случаѣ чаще усиливали тѣ же легіоны, не присоединяя къ нимъ новыхъ. Собственно офицерами, то есть такими чиновниками, которые удерживали соединенный съ чиномъ рангъ пожизненно, были только консулы съ своими легатами и трибуны; напротивъ, всѣ центуріоны оставались въ своемъ чинѣ только во время похода, для котораго были избираемы. Легатовъ назначалъ самъ консулъ, впрочемъ съ подтвержденіемъ сената; но выборъ трибуновъ происходилъ въ разныя времена различно. Сперва назначалъ ихъ консулъ или диктаторъ, но съ 312 года (442 отъ осн. г.) часть ихъ была избираема народомъ, которые и назывались tribuni comitiati. Это

было уже въ то время, когда государство поставляло много легіоновъ, и народъ избиралъ для нихъ 16 трибуновъ, а консулы 8; но съ увеличеніемъ числа легіоновъ въ этихъ выборахъ происходила запутанность, пока наконецъ сенатъ (585 г. отъ о. г.) не опредѣлилъ, что народъ и консулы должны избирать трибуновъ по ровному числу. Трибунъ имѣлъ право назначать подчиненныхъ ему офицеровъ или центуріоновъ. При каждомъ легіонѣ находилось по 6 трибуновъ и 60 центуріоновъ; у каждаго изъ сихъ послѣднихъ былъ помощникъ, который встрѣчается подъ разными именами: uragus, tergi dux, coactor agminis, subcenturio, optio. Легіонъ состоялъ изъ трехъ частей: hastati, principes и triarii. Первый разрядъ занимали тріаріи, избиравшіеся изъ самыхъ испытанныхъ и заслуженныхъ воиновъ. Первая центурія ихъ имѣла въ войскѣ первый рангъ, и центуріонъ ея, по чину, стоялъ на одной степени съ трибуномъ. Онъ назывался centurio primi pili или сокращенно primuspilus. Порядокъ, въ какомъ располагался легіонъ, походилъ на разстановку шашекъ шахматной игры; въ первомъ ряду стояли hastati, во второмъ principes, въ третьемъ triarii; притомъ легіонъ довольно-легко могъ принимать, смотря по обстоятельствамъ, всякій видъ или положеніе. Находившіеся при каждомъ легіонѣ легко-вооруженные, или velites, начинали битву, тяжело-вооруженные рѣшали ее. Римская конница была не многочисленна и служила болѣе къ преслѣдованію разбитаго непріятеля, нежели къ рѣшенію побѣды. Также оригинально было устройство римскаго стана. На мѣстѣ, гдѣ войско останавливалось, хотя бы на одну только ночь, тотчасъ являлся укрѣпленный городъ. Солдатъ, не смотря насвою усталость, долженъ былъ выкопать ровъ и насыпать валъ, прежде, нежели могъ разбить себѣ палатку и отдохнуть послѣ трудовъ похода. Римскій станъ обыкновенно

имѣлъ видъ четвероугольника, его окружалъ ровъ въ десять футовъ глубиною, и валъ, къ которому прилегалъ брустверъ. Шатры ставились въ опредѣленномъ порядкѣ и соотвѣтствовали расположенію войска во время битвы: отъ преторія, стоявшаго на срединѣ, пролегала широкая дорога къ обоимъ воротамъ, изъ которыхъ малыя обращены были къ непріятелю, а главныя или porta decumana находились позади. Палатки были кожанныя и каждая для десяти человѣкъ. Въ походѣ войска тянулись сомкнутыми рядами, обыкновеннымъ маршемъ (gradus militaris); онѝ проходили 20,000 римскихъ шаговъ въ 5 часовъ, скорымъ маршемъ (gradus plenus), въ то же время, 24,000 шаговъ. При каждомъ отрядѣ находился принадлежащій къ нему обозъ. Впрочемъ повозокъ было не много, потому-что воины, кромѣ тяжелаго вооруженія, носили на себѣ свои вещи и съѣстные припасы. Касательно жалованья въ Римѣ первоначально соблюдалось то же отношеніе, какое было у аѳинянъ, когда войска ихъ состояли еще изъ гражданъ. Рядовой получалъ половину жалованья центуріона, а трибунъ вчетверо больше рядоваго. Всадникъ получалъ третью больше пѣхотнаго центуріона. По свидѣтельству Полибія жалованье рядоваго состояло изъ 2 оболовъ въ день, слѣдовательно центуріонъ получалъ 4, всадникъ 6 и трибунъ 8 оболовъ. Двойное жалованье, равно какъ двойной раціонъ хлѣба, было знакомъ отличія, выдача ржи вмѣсто пшеницы — военнымъ наказаніемъ. Латинцы и прочіе итальянскіе союзники римлянъ, со времени латинской войны, болѣе не служили въ легіонахъ, но составляли особыя, соотвѣтствовавшія имъ, ополченія, которыя имѣли одинаковое вооруженіе и устройство, только занимали низшую степень. Такимъ-образомъ въ каждомъ легіонѣ всегда соединено было равное число союзниковъ. О силѣ римлянъ около времени Александра Великаго Ливій говоритъ

«Въ это время по цензу насчитано 250,000 человѣкъ, такъ-что когда отпали латинцы, изъ однихъ гражданъ римскихъ было составлено 10 легіоновъ. Тогда часто въ одно время стояло отъ четырехъ до пяти войскъ въ Этруріи, Умбріи, противъ галловъ, въ Самніи и Луканіи. Тогда весь Лаціумъ, земля сабинцевъ, волски, эквы, вся Кампанія, часть Умбріи, Этруріи, земли Пицентской, далѣе марсы, пелигны, вестницы, апулійцы и всѣ греческіе приморскіе берега отъ Ѳурія до Неаполя и Кумъ, а оттуда до Анціума находились или въ союзѣ съ римлянами, или были ими покорены.» Потомъ онъ сравниваетъ македонскую фалангу съ легіономъ; отдаетъ преимущество римскому pilum, которымъ можно колоть и метать, передъ тяжелою сариссою фалангита, и находитъ, что римскій щитъ гораздо-удобнѣе и полезнѣе македонскаго. Фалангитъ и легіонеръ сражались вблизи и въ сомкнутыхъ рядахъ: но привести въ движеніе фалангу было очень не легко, между-тѣмъ, какъ легіонъ могъ дѣлиться на нѣсколько частей и часто перемѣнять свой видъ, потому-что каждое подраздѣленіе его имѣло собственное устройство и такъ же удобно могло отдѣляться отъ цѣлаго, какъ и опять соединяться. Вотъ существенныя преимущества римскаго оружія, въ которыхъ нельзя не убѣдиться, и хотя римлянамъ труднѣе было побѣдить фалангу, нежели военное искусство всѣхъ доселѣ сражавшихся съ ними народовъ, однако побѣда осталась наконецъ за легіономъ.

При первой встрѣчѣ съ римлянами, въ 280 году, Пирръ одержалъ надъ консуломъ П. Левиномъ, при Сирисѣ, недалеко отъ Гераклей, рѣшительную побѣду, вслѣдствіе которой къ нему пристали самнитяне, и непостоянные греческіе города, за исключеніемъ Регіума, изгнали римскіе гарнизоны. Онъ

могъ бы принять на себя теперь ту же самую роль, которую впослѣдствіи игралъ Аннибалъ, еслибъ лучше умѣлъ судить о характерѣ противостоявшей ему націи и объ отношеніяхъ римскихъ союзниковъ, и искуснѣе ими пользоваться. Но у него не доставало терпѣнія. Не могши поколебать римской твердости ни побѣдами, ни мирными предложеніями, послѣ кровопролитной битвы при Аскулумѣ, въ которой ни одна сторона не побѣдила, онъ съ радостію принялъ приглашеніе въ Сицилію, чтобы подъ благовиднымъ предлогомъ оставить Италію.

При различіи вооруженія и устройства войскъ пиррова отъ римскаго подробное и точное описаніе этой войны было бы весьма-занимательно; но книги Ливія объ этомъ времени къ несчастію потеряны, а Плутархъ въ біографіи Пирра больше смотритъ на лица, нежели на дѣла. Изъ оглавленія книги Ливія, въ которой битва при Сирисѣ была описана обстоятельно, видно, что римляне складывали вину своего пораженія на слоновъ; напротивъ Плутархъ приводитъ изрѣченіе Фабриція, по которому это должно приписать неискусству Левина *). Впрочемъ, разбитіе римлянъ легко объясняется тѣмъ, что они не знали тактики своего противника и имѣли мало конницы; какъ-бы то ни было, оно доставило Пирру великое уваженіе и сдѣлало его средоточіемъ, вокругъ котораго собирались

---

*) Plutarch. Pyrrhus c. 18: Λέγεται, Γαῖον Φαβρίκιον εἰπεῖν, ὡς οὐχ Ἠπειρῶται Ῥωμαίους, ἀλλὰ Πύῤῥος νενικήκει Λαιβῖνον (то есть Фабрицій, какъ говорятъ, сказалъ, что не эпироты побѣдили римлянъ, но Пирръ Левина.

всѣ, желавшіе отпасть отъ Рима. Но какъ мало онъ понималъ духъ римскаго народа, это видно изъ того, что онъ старался подкупить К. Фабриція и хотѣлъ плѣнныхъ римлянъ помѣстить въ своемъ войскѣ. Онъ проникъ почти до самаго Рима, но, встрѣтивъ здѣсь готовое къ сраженію войско, между-тѣмъ, какъ Левинъ угрожалъ его тылу, отступилъ, и такъ-какъ у него началъ оказываться недостатокъ въ деньгахъ, то онъ рѣшился вступить въ переговоры. Сперва онъ обѣщалъ освободить всѣхъ плѣнныхъ римлянъ безъ выкупа и, думая, что этимъ совершенно расположилъ сенатъ въ свою пользу, отправилъ въ Римъ ѳессалійца Кинеаса—тонкаго политика и искуснаго оратора. Въ самомъ дѣлѣ Кинеасъ говорилъ такъ убѣдительно, что сенатъ, казалось, склонялся уже принять его предложенія. Уступчивость въ несчастіи потрясла-бы въ самомъ основаніи могущество Рима. Тогда престарѣлый, полуслѣпой Аппій Клавдій велѣлъ внести себя въ собраніе, и его рѣчь, которую съ удовольствіемъ читали еще во времена Цицерона, произнесенная въ духѣ національной римской гордости, убѣдила сенатъ прервать переговоры. Плутархъ разсказываетъ, что Кинеасъ въ отчетѣ своемъ Пирру сравнивалъ сенатъ съ собраніемъ царей, и конечно такое важное собраніе почтенныхъ отцевъ фамиліи должно было произвесть на греческаго оратора сильное впечатлѣніе, какого онъ не почувствовалъ бы ни въ одной изъ тогдашнихъ правительственныхъ коллегій въ Греціи. Мужи, посланные потомъ сенатомъ къ Пирру, для выкупа плѣнныхъ, не меньше были способны внушить грекамъ высокое понятіе о римскомъ характерѣ. К. Фабрицій, находившійся при этомъ посольствѣ, по множеству анекдотовъ, разсказанныхъ Плутархомъ, о его безкорыстіи и неустрашимости, вошелъ даже въ поговорку. Въ слѣдующемъ 279 году между Пирромъ и римлянами произошло сраже-

ніе при Аскулумѣ, которое осталось нерѣшительнымъ, и обѣ стороны понесли равно великія потери. Пирръ увидѣлъ, что ему не побѣдить римлянъ, и что дальнѣйшее продолженіе войны безъ пользы только погубитъ его войско. Союзники, спачала приставшіе къ нему въ надеждѣ, что битва при Сирисѣ будетъ имѣть самыя блестящія слѣдствія, сдѣлались холодны и помогали уже не такъ усердно: подкрѣплять свое войско новобранцами изъ Греціи было ему не такъ легко, какъ римлянамъ, которые могли пополнять свои легіоны на мѣстѣ. Посему онъ съ радостью принялъ предложеніе сикеліотовъ, приглашавшихъ его прекратить безпорядки, происходившіе на ихъ островѣ, и кажется, не заключивъ съ римлянами никакого договора, пришелъ въ Сицилію, оставивъ гарнизонъ въ одномъ только Тарентѣ, а прочихъ союзникоэъ предавъ собственной ихъ участи.

По смерти Агаѳокла дѣла Сициліи пришли въ великое разстройство, и къ обыкновеннымъ элементамъ безпорядковъ, такъ часто губившихъ благосостояніе острова, прибавился еще новый: то было занятіе Мессены толпою итальянскихъ наемниковъ, которые подъ именемъ *мамертинцевъ* основали здѣсь разбойническое готударство. Сиракузы, внутри раздираемые партіями, извнѣ тѣснимые карѳагенянами и мамертинцами, обратились къ Пирру, и онъ, не считая болѣе положенія своего въ Италіи надежнымъ, принялъ приглашеніе. Пирръ прибылъ въ Сицилію въ 278 году и первыми успѣхамя подалъ великія надежды, но конецъ не соотвѣтствовалъ началу. Онъ не умѣлъ пользоваться ни сча-

сіемъ, ни пріобрѣтенными выгодами, и скоро своею нетерпѣливостью и жестокостою поставилъ себя въ такое затруднительное положеніе, что ничего больше не желалъ, какъ благополучно удалиться отсюда назадъ. Итакъ, въ 276 году онъ снова отправился въ Италію и еще разъ испыталъ свое счастіе противъ римлянъ. Потерпѣвъ при Беневентѣ пораженіе, онъ принужденъ былъ предпринять обратный путь въ Эпиръ. Теперь онъ хотѣлъ въ Греціи и Македоніи осуществить любимую мечту свою — основаніе блестящаго царства, которое не удалось ему ни въ Италіи, ни въ Сициліи; но и здѣсь счастіе улыбалось ему только сначала, а кончилось тѣмъ, что онъ въ 272 г. погибъ смертью, недостойною его воинственной жизни, отъ руки одной старухи въ Аргосѣ.

Положеніе греческой части Сициліи было слѣдующее: агаѳокловы генералы провозгласили себя въ занятыхъ ими городахъ тираннами, и одинъ отрядъ его наемниковъ овладѣлъ Мессеною. Это были большею-частью кампанцы, которые, получивъ увольненіе, намѣревались черезъ Мессену пройдти обратно въ отечество. Граждане города приняли ихъ съ радушіемъ, какъ друзей и союзниковъ, и дали у себя помѣщеніе, пока не были сдѣланы всѣ нужныя приготовленія къ ихъ переправѣ; но за это гостепріимство грубые солдаты заплатили самою черною измѣною. Они умертвили своихъ хозяевъ, женились на ихъ женахъ и сдѣлались господами ихъ имѣнія, и такъ-какъ къ нимъ стеклось множество наемниковъ и также не малое число единоземцевъ, то подъ именемъ мамертинцевъ они основали здѣсь разбойническое государство. Сиракузы тотчасъ

по смерти Агаѳокла объявили себя республикою, впрочемъ не надолго; сперва захватилъ тираннію Гикетъ, его выгналъ Ѳойнонъ, но и противъ сего послѣдняго составилъ партію Сostратъ, такъ-что городъ снова раздѣленъ былъ между двумя враждующими партіями, и на улицахъ происходили стычки. Къ увеличенію бѣдствія, карѳагеняне, пользуясь сими безпорядками, заперли городъ съ суши и моря. Наконецъ обѣ партіи соединились и согласно положили призвать Пирра, который, какъ зять Агаѳокла, казалось, долженъ былъ принять участіе въ дѣлахъ Сиракузъ. Хотя карѳагеняне и мамертинцы составили противъ него союзъ, несмотря на-то, онъ успѣлъ благополучно переправиться изъ Локръ въ Тавроменій и оттуда проникъ въ Сиракузы, гдѣ былъ принятъ какъ спаситель, съ великимъ торжествомъ, и тотчасъ примирилъ всѣ партіи. Большая часть тиранновъ явилась къ нему въ Сиракузы съ изъявленіями покорности и, предводительствуя 30,000 пѣхоты и 5,000 конницы, онъ сперва принудилъ карѳагенянъ снять осаду Сиракузъ, а потомъ очистить одинъ за другимъ и прочіе города: Эриксъ былъ взятъ приступомъ, Панормъ осажденъ и сдался на условіяхъ, и карѳагеняне потеряли всѣ свои сицилійскія владѣнія, кромѣ Лилибея. Но нетерпѣливый и безпокойный характеръ помѣшалъ Пирру воспользоваться своимъ счастіемъ. Осада Лилибея казалась ему слишкомъ-продолжительною, и онъ вознамѣрился, подобно Агаѳоклу, сдѣлать высадку въ самую Африку. Это вовлекло его во вражду съ владѣльцами отдѣльныхъ городовъ, которые добровольно покорились ему и доставили вспомогательныя войска. Пирръ велѣлъ умертвить Ѳойнона. Раздраженные такимъ насильственнымъ поступкомъ, прочіе отпали отъ него и одни перешли на сторону карѳагенянъ, другіе на сторону мамертинцевъ. Тогда Пирръ, видя невозможность утвер-

диться здѣсь съ одними эпиротами, въ 276 году оставилъ островъ, въ состояніи нисколько не лучшемъ того, въ какомъ онъ находился до его прибытія. Онъ возвратился въ Италію, гдѣ между-тѣмъ римляне, пользуясь его отсутствіемъ, снова покорили бо́льшую часть греческихъ городовъ и привели самнитянъ и луканцевъ въ самое крайнее положеніе. Нуждаясь въ деньгахъ, Пирръ не задумался для пополненія своей казны ограбить богатую сокровищницу храма Прозерпины въ Локрахъ. Потомъ при Беневентѣ вступилъ съ консуломъ М. Куріемъ Дентатомъ въ битву и, потерпѣвъ пораженіе и прекративъ войну съ римлянами совершенно, удалился обратно въ Эпиръ. Здѣсь опять сначала игралъ блистательную роль, имѣвшую впрочемъ безславный конецъ. Въ войнѣ противъ Антигона Гонната, овладѣвъ бо́льшею частью Македоніи, онъ вторгнулся въ Пелопоннезъ и проникъ до самой Спарты. Эта нѣкогда столь славная и могущественная республика находилась въ такомъ упадкѣ, что отъ прежнихъ 9,000 спартіатовъ осталось теперь только нѣсколько сотенъ, и граждане ея жили грабежемъ. Въ то самое время, когда Пирръ явился передъ городомъ, одинъ изъ царей спартанскихъ, Арей, находился въ отсутствіи, предпринявъ именно подобный хищническій набѣгъ на Критъ. Впрочемъ, спартанцы показали при этомъ случаѣ мужество, достойное предковъ. Если бы Пирръ приступилъ къ городу въ тотъ же вечеръ, какъ пришелъ, то овладѣлъ бы имъ непремѣнно, но онъ вздумалъ дожидаться утра; спартанцы между-тѣмъ, пользуясь этимъ временемъ, окопали городъ рвомъ и укрѣпились за поставленными рядомъ повозками. Самыя жены ихъ взялись за оружіе и бились вмѣстѣ съ мужьями при отраженіи двукратнаго приступа, сдѣланнаго Пирромъ, такъ-что наконецъ сей послѣдній, когда еще къ осажденнымъ пришло вспомогательное вой-

ско отъ противника его Антигона, долженъ былъ отступить. Отсюда онъ пошелъ на Аргосъ, и хотя посредствомъ нечаяннаго нападенія городъ и былъ взятъ, но упорная битва завязалась на улицахъ,— и одна старуха, видя съ кровли своего дома, что царь заноситъ руку для пораженія ея сына, въ отчаяніи, одушевленная материнскою любовью, оторвала доску отъ кровли и бросила ее Пирру въ голову: оглушенный ударомъ, онъ упалъ съ коня и тогда уже былъ убитъ совершенно (272).

По удаленіи Пирра изъ Италіи, римляне овладѣли всею Великою Греціею. Тарентъ, въ наказаніе, долженъ былъ разрушить свои стѣны, выдать флотъ и произведенія искусствъ. Бо̀льшая часть греческихъ городовъ, хотя и удержала свои законы и постановленія, но за-то обязывалась безпрекословно присылать въ римскія арміи своихъ молодыхъ гражданъ и помогать римлянамъ дѣлать новыя завоеванія, отъ которыхъ сами не получали ни чести. ни пользы. Взятіемъ Регіума они довершили покореніе Италіи. Теперь римляне стали въ виду береговъ Сициліи; вмѣшательство ихъ въ дѣла этого острова было неминуемо, и Сицилія послужила имъ мостомъ ко всемірному владычеству. Съ того момента, какъ римляне вмѣшались въ дѣла Сициліи, борьба съ Карѳагеномъ была неизбѣжна, и окончаніе ея имѣло слѣдствіемъ владычество ихъ надъ странами, лежащими при западныхъ частяхъ Средиземнаго моря.

Мы выше замѣтили, что Регіумъ самъ выпросилъ себѣ римскій гарнизонъ и что туда былъ посланъ сам-

нитско-кампанскій легіонъ, подъ начальствомъ трибуна Деція Юбеллія. Примѣръ сосѣдей мамертинцевъ былъ очень-заманчивъ, и самнитяне въ Регіумѣ рѣшились подражать своимъ мессенскимъ землякамъ — изгнали или умертвили гражданъ и овладѣли городомъ. Римляне, занятые войною съ Пирромъ и покореніемъ Тарента, не имѣли времени подумать о наказаніи измѣнниковъ. Не прежде, какъ въ 272 году, консулъ Генуцій выступилъ противъ нихъ въ походъ и послѣ отчаянной обороны овладѣлъ городомъ: четыре тысячи кампанцевъ погибли въ самой битвѣ, триста попавшіеся въ плѣнъ казнены, изгнанные регійцы, находившіеся еще въ живыхъ, были возвращены и получили обратно отнятое у нихъ имѣніе. Взятіемъ Регіума покореніе Италіи было окончено. «Довольный господствомъ въ Италіи», говоритъ Нибуръ, «римскій народъ остался-бы счастливѣе, благороднѣе и неиспорченнѣе въ правахъ: но такъ-какъ въ этотъ періодъ, когда повсюду возникали великія государства, Карѳагенъ началъ распространять свое владычество на западѣ, то Римъ можетъ быть менѣе порицаемъ въ начатіи войны, непосредственно неимѣвшей для него благопріятныхъ слѣдствій, но по прошествіи нѣкотораго времени сдѣлавшейся неизбѣжною.» Поводъ къ этой войнѣ подали внутреннія отношенія Сициліи. Хотя по удаленіи Пирра прежній образъ правленія въ Сиракузахъ и былъ возстановленъ, однако внутреннія безпокойства не прекратились. Такъ-какъ по причинѣ опасности, грозившей городу, съ одной стороны, отъ карѳагенянъ, съ другой, отъ мамертинцевъ, содержаніе наемнаго войска сдѣлалось совершенно необходимымъ; то и несогласія между гражданами и наемниками были также неизбѣжны. Это продолжалось до Гіерона, избраніе котораго въ 268 году въ вожди, встрѣченное всеобщимъ одобреніемъ уважавшихъ его гражданъ, соединило наконецъ

интересы обѣихъ партій. Уничтоженіемъ старыхъ мятежныхъ наемниковъ и образованіемъ новаго войска Гіеронъ оказалъ государству великую услугу, и благодарный народъ послѣ одной побѣды, одержанной имъ надъ мамертинцами, провозгласилъ его царемъ. Сиракузскій демосъ, вручивъ власть и величество, которыми самъ не умѣлъ больше пользоваться, мужу благородному и справедливому, возвратившему уничтоженіемъ наемниковъ государству порядокъ и спокойствіе, и побѣдою надъ мамертинцами возстановившему прежнее его значеніе, не могъ благоразумнѣе поступить. Поразивъ мамертинцевъ, Гіеронъ непремѣнно овладѣлъ-бы Мессеною и разрушилъ-бы это разбойническое государство, если-бы кароагеняне изъ зависти къ Сиракузамъ не приняли его подъ свою защиту и не поставили въ Мессенѣ своего гарнизона. Мамертинцы, по удаленіи Гіерона, хотя и выгнали этотъ гарнизонъ, но когда кароагеняне показали видъ, что намѣрены соединиться противъ нихъ съ Гіерономъ, то между ними обнаружилось несогласіе: одна партія требовала возвращенія кароагенянъ, что и было исполнено, между-тѣмъ, какъ другая обратилась съ просьбою о помощи и покровительствѣ къ римскому сенату.

Кароагенъ, котораго исторія извѣстна намъ только отрывками, по извѣстіямъ народовъ, ведшихъ съ нимъ войну, именно грековъ и римлянъ *), при началѣ борьбы съ Римомъ находился въ полномъ развитіи своихъ силъ. Его владѣнія были гораздо-обширнѣе римскихъ и въ его цвѣтущей торговлѣ,

*) Новѣйшее и лучшее изслѣдованіе исторіи Кароагена есть: Geschichte der Karthager nach den Quellen bearbeitet von Dr. W. Bötticher. Mit einer Karte. Berlin 1827.

фабрикахъ и земледѣліи заключались неиссякаемые источники богатства и силы. Образъ правленія въ Карѳагенѣ, въ главныхъ чертахъ, сходствовалъ съ римскимъ *); верховная власть, подобно какъ въ Римѣ, находилась въ рукахъ сената, и при выборѣ высшихъ сановниковъ, равно какъ и при окончательномъ рѣшеніи важнѣйшихъ дѣлъ, имѣлъ значительное вліяніе народъ.

Карѳагенъ, съ самаго начала, вмѣстѣ съ торговлею занимался земледѣліемъ; многія знатнѣйшія и богатѣйшія фамиліи были обязаны и значеніемъ, и богатствомъ своимъ помѣстьямъ, и на этомъ владѣніи землею существенно основывалась аристократія, такъ-какъ торговля, по своей природѣ текучій элементъ, не представляетъ никакого твердаго и прочнаго основанія. Окруженный дикими и воинственными племенами, Карѳагенъ необходимо долженъ былъ принять систему покоренія сосѣдственныхъ народовъ и пріученія номадовъ къ осѣдлости и земледѣлію. Итакъ онъ не довольствовался только тщательнымъ обработываніемъ собственныхъ владѣній, промышленностью и обширною торговлею, но также стремился къ распространенію своего владычества въ глубинѣ Африки вооруженною рукою. На Средиземномъ Морѣ карѳагеняне преимущественно старались завладѣть лежащими въ западной части его островами: остр. Балеарскіе, Корсика, Сардинія и всѣ малые были ими покорены; напротивъ, за владѣніе Сициліею, какъ мы уже видѣли,

---

*) Поливій (к. VI г. 51) объ образѣ правленія карѳагенянъ говоритъ: καθόλου δὲ τὴν τῶν ὅλων ἁρμογὴν εἶχε παραπλησίαν τῇ Ῥωμαίων καὶ Λακεδαιμονίων. (т. е. Вообще же образъ правленія въ главныхъ чертахъ былъ похожъ на римскій и лакедемонскій).

между ними и греками возгорѣлась продолжительная война, кончившаяся послѣ того, какъ въ нее вмѣшались римляне ко вреду Карѳагена. Первоначальный образъ правленія Карѳагена повидимому былъ болѣе демократическій, но по прошествіи времени принялъ видъ болѣе аристократическій, хотя при этомъ народъ не потерялъ своего значенія совершенно; ибо, при выборѣ правительственныхъ особъ, рѣшающій голосъ принадлежалъ ему. О самыхъ государственныхъ чиновникахъ наши свѣдѣнія весьма-несовершенны. Мы знаемъ, что главами государства были *суффеты*, и основываясь на томъ, что Аристотель сравниваетъ ихъ съ спартанскими царями, а Ливій, напротивъ, съ римскими консулами, мы можемъ заключить только, что ихъ было *двое*; но удерживали-ли они это достоинство, подобно первымъ, пожизненно, или подобно послѣднимъ, на опредѣленное время, того не знаемъ. Сенатъ (βουλή въ тѣснѣйшемъ составѣ называвшійся также γερουσία), смотря потому, въ какомъ видѣ онъ встрѣчается въ исторіи, находился въ такихъ-же отношеніяхъ къ прочимъ властямъ, какъ и римскій. Совѣтъ ста — по Аристотелю ста четырехъ — управлялъ дѣлами судопроизводства, а пентархіи, о которыхъ Аристотель упоминаетъ, не опредѣляя ближе ихъ значенія, повидимому были то-же, что въ Венеціи государственная инквизиція, то есть полиція съ неограниченною властью на жизнь и свободу лицъ, подозрѣваемыхъ въ измѣнѣ интересамъ государства. Впрочемъ, отъ войны съ Римомъ образъ правленія Карѳагена потерпѣлъ сильное потрясеніе, которое если не коснулось его формъ, то во многомъ измѣнило духъ.

Не незамѣченнымъ отъ Карѳагена возрастало могущество Рима; еще въ 509 году до Р. Х. карѳаге-

няне заключили съ римлянами договоръ, который въ 345 году былъ возобновленъ, и впослѣдствіи, когда Пирръ не ограничивалъ своихъ плановъ одною Италіею, но простиралъ ихъ на Сицилію и Африку, перемѣненъ въ оборонительный и наступательный союзъ *). По покореніи Италіи, римляне, принявъ подъ свое покровительство мамертинцевъ, тотчасъ пришли въ непріязненныя отношенія къ Карѳагену и начали съ нимъ борьбу, предметомъ которой былъ не только островъ Сицилія, но и перевѣсъ на западѣ Средиземнаго Моря. *Въ первой пунической войнѣ* (264—241) побѣда осталась за римлянами, а карѳагеняне потеряли принадлежавшую имъ часть Сициліи.

Историкъ Филинъ упрекаетъ римлянъ въ томъ, что они, переправившись въ Сицилію, нарушили торжественный договоръ съ Карѳагеномъ. Впрочемъ, сенатъ повидимому не столько затруднялъ этотъ договоръ, сколько вопросъ: сообразно-ли съ достоинствомъ римскаго сената и народа принимать подъ свое покровительство разбойническое государство, тѣмъ-болѣе, что оно возникло посредствомъ такого-жь злодѣянія, за какое они такъ строго наказали въ Регіумѣ. Но прелесть выгоды рѣшила наконецъ противъ убѣжденій совѣсти въ пользу мамертинцевъ, и въ 264 году консулъ Аппій Клавдій получилъ повелѣніе идти къ нимъ на помощь. Сперва переправился черезъ проливъ трибунъ Клавдій: онъ хитростью заставилъ карѳагенскій

*) Содержаніе этихъ трехъ трактатовъ находится у Полибія (к. III г. 22 — 26).

гарнизонъ выйдти изъ Мессены, послѣ-чего этотъ важный пунктъ переправы изъ Италіи въ Сицилію былъ занятъ римлянами. Сколь важнымъ считали это карѳагеняне, видно изъ того, что они низложили и осудили на распятіе своего полководца, невоспрепятствовавшаго высадкѣ римлянъ въ Сицилію. Карѳагенское правительство заключило послѣ-сего союзъ съ царемъ сиракузскимъ Гіерономъ, который также не могъ равнодушно смотрѣть на утвержденіе римскаго оружія въ Сициліи, и вмѣстѣ съ карѳагенскимъ войскомъ двинулось къ Мессенѣ сиракузское. Хотя Аппій Клавдій могъ располагать небольшими силами, несмотря на-то, онъ напалъ на сиракузянъ, вытѣснилъ ихъ изъ позиціи и заставилъ удалиться въ свой укрѣпленный станъ. Гіеронъ скоро потомъ, не переговоривъ съ карѳагенянами, отступилъ обратно въ Сиракузы. Очевидно, онъ руководствовался въ этомъ случаѣ тою политикою, что хотѣлъ въ открывшейся теперь между двумя могущественными государствами борьбѣ, которой окончаніе было весьма-сомнительно, на первый разъ держать нейтралитетъ и своимъ присоединеніемъ впослѣдствіи усилить ту сторону, на чью будетъ склоняться побѣда. По отшествіи Гіерона и карѳагеняне должны были снять осаду Мессены; теперь римляне и мамертинцы прошли по всему острову, повсюду грабя и опустошая страну. Римляне собственно пришли только для освобожденія Мессены, но подобно тому, какъ признаніе ихъ власти кампанцами послужило имъ предлогомъ къ войнѣ противъ самнитянъ, такъ точно теперь они воспользовались къ продолженію войны дѣлами мамертинцевъ. Въ слѣдующемъ (263) году, явились въ Сициліи два консульскія войска и съ столь явнымъ намѣреніемъ завоевать ее, что Гіеронъ, котораго владѣнія прежде всѣхъ подвергались опасности, рѣшился заключить миръ; 100 талантовъ и освобожде-

ніе всѣхъ восполнѣнныхъ были платою за союзъ съ Римомъ. Этимъ рѣшительнымъ шагомъ Гіеронъ спасъ независимость Сиракузъ и упрочилъ ее, оставаясь вѣрнымъ союзникомъ римлянъ въ счастіи и несчастіи до конца своей жизни. Подкрѣпляемые Сиракузами римляне повидимому могли безъ труда выгнать кароагенянъ изъ Сициліи. Въ третій годъ войны они приступили къ Агригенту, который былъ главнымъ центромъ кароагенскихъ силъ; осада продолжалась семь мѣсяцевъ, и послѣ того, какъ кароагенское войско, посланное къ нему на помощь, потерпѣло пораженіе, онъ былъ взятъ: городъ былъ разграбленъ, граждане проданы въ рабство. Но римляне скоро увидѣли, что для совершеннаго ослабленія кароагенянъ въ Сициліи, должно побѣдить ихъ въ собственной ихъ стихіи — на морѣ, и перенесть театръ войны къ стѣнамъ самаго Кароагена. Должно удивляться той энергіи, какую они показали, рѣшившись принять столь отважный планъ; выполненіе его было впрочемъ невозможно безъ крайняго отягченія союзниковъ, на которыхъ возложена была обязанность, какъ скоро одинъ флотъ по неискусству адмирала погибалъ, строить другой. Но никакія препятствія не могли удержать ихъ, никакія потери не устрашали; больше всего потерпѣли при этомъ греческіе и этрусскіе приморскіе города и вообще всѣ жители прибрежныхъ областей, которые были раззорены въ конецъ *). Но всего удивительнѣе въ этой морской

---

*) Полибій, во всякомъ другомъ случаѣ писатель здравомыслящій, при описаніи этого, увлекшись реторическими прикрасами, чтобы возвысить римлянъ, составилъ довольно-забавное сужденіе. Въ кн. I. г. 20 онъ говоритъ, что одинъ кароагенскій корабль, попавшійся въ руки римлянъ, послужилъ имъ образцомъ, при постройкѣ ихъ флота, и присовокупляетъ: ὡς εἰ μὴ τοῦτο συνέβη γενέσθαι, δῆλον, ὡς διὰ τὴν ἀπειρίαν εἰς τέλος ἂν ἐκωλύθησαν τῆς ἐπιβολῆς. (т. е. Если бы этого не случилось, то очевидно, что они, по

войнѣ то, что сенатъ назначалъ адмиралами не грековъ или этрусковъ, а римлянъ, совершенно незнакомыхъ съ этою частью и, несмотря на-то, часто выигрывавшихъ побѣды. Въ томъ-же году, когда они въ первый разъ появились на морѣ (260), одинъ консулъ Сципіонъ былъ съ 17 кораблями окруженъ и взятъ въ плѣнъ, напротивъ, другой К. Дуилій одержалъ надъ карѳагенянами побѣду съ помощью имъ самимъ изобрѣтенной крючковатой машины, названной corvus. Карѳагеняне не были къ тому приготовлены, они обращали все вниманіе на маневры; посему первою своею побѣдою на морѣ римляне обязаны неожиданности употребленнаго ими способа. Что карѳагеняне нашли средство сдѣлать выдумку римлянъ безполезною, это видно изъ того, что впослѣдствіи corvus Дуилія, какъ кажется, больше не употреблялся, по-крайней-мѣрѣ въ исторіи войнъ онъ уже нигдѣ не встрѣчается. Но какъ ни блестящи были успѣхи римскаго оружія на сушѣ (въ рукахъ карѳагенянъ оставались только Панормъ, Эриксъ и Лилибей), какъ ни велики выгоды, пріобрѣтенныя ими на морѣ, однако, они не могли долго вести войну такимъ образомъ. При всѣхъ своихъ побѣдахъ они должны были наконецъ истощиться въ силахъ, потому-что имъ недоставало тѣхъ денежныхъ источниковъ, какіе имѣлъ Карѳагенъ, для котораго проигранное сраженіе значило то же, что неудачная торговая спекуляція. Посему сенатъ положилъ дать

неопытности, наконецъ были бы удержаны отъ нападенія на карѳагенянъ на морѣ.) Римляне владѣли многими приморскими городами, этрусскими и греческими; Мессена и Сиракузы, уже не разъ встрѣчавшіяся на морѣ съ карѳагенянами, находились съ ними въ союзѣ, слѣдовательно какъ могло у нихъ не быть искусныхъ корабельныхъ мастеровъ и матросовъ? Это мѣсто Поливія есть примѣчательный образецъ того, до какой нелѣпости могутъ довести самаго умнаго писателя реторическія преувеличенія въ исторіографіи.

войнѣ другое, болѣе смѣлое и рѣшительное направленіе и повелѣлъ консуламъ 257 года Л. Манлію и М. Аттилію Регулу переправиться въ Африку. Отъ его предусмотрительности можно ожидать, что онъ напередъ собралъ свѣдѣнія о положеніи страны и также не пропустилъ безъ вниманія похода агаѳоклова, и конечно, что̀ удалось сицилійскому тиранну, предводительствовавшему наемниками, какъ могъ не успѣть въ томъ римскій консулъ съ своими легіонами? Консулы собрали множество кораблей и частью прикрѣпили ихъ одинъ къ другому, чтобы при нападеніи карѳагенянъ удержаться въ соединеніи и сдѣлать безполезнымъ ихъ искусство въ маневрахъ *). Экипажъ римскаго флота состоялъ изъ 140,000 человѣкъ, у карѳагенянъ было 10,000-ми болѣе, и конечно величественное зрѣлище представляли двѣ такія массы людей, сражающіяся на морѣ. Карѳагеняне, не могши разстроить порядка римскихъ кораблей и потерпѣвъ сами небольшой уронъ, прекратили сраженіе, въ намѣреніи напасть на нихъ послѣ того, какъ сухопутное войско высадится на берегъ; но не успѣли и въ этомъ, потому-что римляне, высадившись, вытащили на сушу и корабли и окружили ихъ рвомъ и валомъ. Послѣ-сего они напали на городъ Клупею или Аспидъ, который долженъ былъ сдаться прежде, нежели карѳагеняне опомнились отъ перваго страха, ибо воспоминаніе объ Агаѳоклѣ было слишкомъ-памятно, чтобы имъ не страшиться отъ вторженія римлянъ еще бо̀льшей опасности; кромѣ-того они такъ мало были къ ней приготолены, что въ самой Африкѣ не имѣли никакого войска. Посему римляне безъ всякаго сопротивленія могли отвесть на-

---

*) Описаніе этого расположенія римскаго флота находится у Поливія (к. I г. 26).

грабленную добычу, цѣлыя стада рогатаго скота и болѣе 10,000 рабовъ на корабли, съ которыми консулъ Манлій предпринялъ обратный путь въ Сицилію, между-тѣмъ, какъ товарищъ его, Регулъ, остался въ Африкѣ, имѣя подъ командою 15,000 пѣхоты, 500 всадниковъ и 40 кораблей. Когда карѳагенское правительство увидѣло, что цѣлію высадки римлянъ былъ не одинъ только грабежъ, то вызвало изъ Сициліи своего полководца Амилькара и сверхъ-того назначило военачальниками собраннаго ими войска двухъ самыхъ знаменитыхъ въ республикѣ мужей, Асдрубала и Бостара. Но они приняли весьма-худыя мѣры, между-тѣмъ какъ консулъ искусно привлекъ на свою сторону нумидійцевъ; посему успѣхи его были блистательны. По покореніи Туниса онъ угрожалъ осадою самому Карѳагену. Карѳагеняне рѣшились просить мира, но Регулъ предложилъ имъ столь суровыя условія, что они отвергли ихъ и объявили, что готовы лучше подвергнуться самой жестокой участи, нежели согласиться на такой унизительный миръ. Теперь они ввѣрили свое войско иноземцу, который лучше понималъ тактику сухопутной войны, нежели ихъ собственные полководцы. Этотъ иноземецъ былъ спартанецъ Ксантиппъ. Онъ вполнѣ оправдалъ ихъ довѣренность, однимъ ударомъ извлекши изъ стѣсненнаго положенія Карѳагенъ и сокрушивъ силы Регула, который въ качествѣ проконсула удержалъ начальство надъ войскомъ въ 256 г. Стратегическими соображеніями Ксантиппа римское войско было поставлено въ такое положеніе, что только нѣсколько когортъ успѣло спастись бѣгствомъ въ Клупею; самъ Регулъ попался живой въ руки карѳагенянъ *). Несмотря на это пораженіе, се-

*) Римляне изъ ненависти выдумали, что Ксантиппъ получилъ за свою услугу худую награду,—будто бы карѳагенское правительство матросамъ корабля, на которомъ онъ долженъ былъ отпра-

натъ не хотѣлъ прекратить военныхъ дѣйствій въ Африкѣ, но когда въ слѣдующемъ (255) году римскій флотъ погибъ у береговъ Сициліи отъ бури, то онъ принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія и вызвать назадъ когорты, державшіяся еще въ Клупеѣ. Однакожь сенатъ началъ снова заготовлять морскія силы и умножилъ число морскихъ колоній, заведенныхъ въ началѣ этой войны, которыя несли на себѣ всѣ морскія повинности, и за это, въ видѣ вѣчной привилегіи, получили такъ-называемую sacrosanctam vacationem или совершенное освобожденіе отъ сухопутной службы. Съ какимъ ожесточеніемъ дѣйствовали обѣ стороны, какія дѣлали издержки и какъ мало дорожили человѣческою жизнію, видно изъ того, что современи несчастной экспедиціи Регула до 253 г. римляне потеряли 700 кораблей. Посему они должны были оставить на время войну на морѣ, ибо итальянскіе города

виться въ отечество, дало повелѣніе умертвить его, чтобы онъ не сталъ превозноситься своимъ подвигомъ (Appian. lib. VIII cap. 4). Полибій ничего не знаетъ о такой неблагодарности; онъ говоритъ только, что Ксантиппъ вскорѣ послѣ того возвратился въ Грецію, и называетъ этотъ поступокъ весьма-благоразумнымъ, справедливо замѣтивъ, что въ такомъ государствѣ, какъ Карѳагенъ, которое не можетъ обойтись безъ наемныхъ войскъ, чужестранецъ, заслужившій уваженіе наемниковъ, непремѣнно долженъ казаться слишкомъ-подозрительнымъ, чтбы не обратить на себя глазъ правительства. Не менѣе преданіе возвеличило Регула: разсказы о его бѣдности и неустрашимости, о его пламенномъ патріотизмѣ и мученической кончинѣ до позднѣйшихъ временъ служили римскимъ ораторамъ и поэтамъ неисчерпаемымъ источникомъ къ оживленію національнаго духа. Но вѣнецъ славы плѣннаго героя есть посольство его въ Римъ, куда, какъ говорятъ, онъ отправленъ былъ карѳагенянами для содѣйствія переговорамъ о размѣнѣ плѣнныхъ. Здѣсь противъ всякаго ихъ ожиданія, вмѣсто-того, чтобы стараться объ этомъ, онъ убѣждаетъ римлянъ не соглашаться, и, вѣрный данной клятвѣ, возвращается въ Карѳагенъ и тамъ отъ мести озлобленныхъ враговъ погибаетъ мученическою смертью. Впрочемъ, уже разность въ показаніяхъ о родѣ его смерти доказываетъ баснословность этой исторіи. См. A. Gellii noct. Att. l. VI, c. 4.

не могли больше выставить требуемаго числа людей и кораблей, а доводить ихъ до крайности не хотѣли. Война ведена была снова въ Сициліи, и впродолженіе двухъ лѣтъ съ большимъ счастіемъ для карѳагенянъ. Они особенно наводили на римлянъ страхъ своими слонами. Прежде эти животныя не были у карѳагенянъ въ употребленіи, о нихъ не упоминается во время войны съ Агаѳокломъ, хотя тогда они составляли уже существенный элементъ военныхъ силъ наслѣдниковъ Александра. Посему кажется, что карѳагеняне узнали употребленіе и способъ обученія слоновъ во время войны съ Пирромъ, потому-что отселѣ начали сами употреблять ихъ, вмѣсто прежнихъ своихъ боевыхъ колесницъ. Чѣмъ ужаснѣе были для римлянъ слоны, тѣмъ славнѣе побѣда, одержанная надъ карѳагенянами Л. Цециліемъ Метелломъ въ 251 г. при Панормѣ, гдѣ онъ отнялъ у нихъ 120 этихъ страшныхъ звѣрей. Посему и тріумфъ его былъ однимъ изъ самыхъ блистательныхъ: на немъ римляне въ первый разъ увидѣли слоновъ побѣжденными. Вслѣдствіе этой побѣды карѳагеняне были сбиты со всѣхъ своихъ позицій, и только Дрепанумъ, Эриксъ и Лилибей остались въ ихъ власти. Теперь, при осадѣ Лилибея, чтобы запереть этотъ городъ со стороны моря, еще разъ римляне выставили флотъ и еще разъ потеряли его. Аппій Клавдій Пульхеръ, въ 249 г., вступилъ при Дрепанумѣ въ морское сраженіе, презрѣвъ предвѣщавшія несчастіе авспиціи, чему римляне и приписываютъ его пораженіе, при чемъ погибло 117 кораблей и 20,000 человѣкъ. Послѣ-сего римляне во второй разъ должны были уступить море карѳагенянамъ, и занятіе консуломъ Юніемъ горы и крѣпости Эрикса представляло слабое вознагражденіе за эту великую потерю. При обоюдномъ изнеможеніи противниковъ война ведена была нѣкоторое время не съ такимъ жаромъ, какъ падле-

жало бы ожидать отъ важности соединенныхъ съ окончаніемъ ея послѣдствій и отъ взаимной ихъ ненависти. Поливій (lib. 1, cap. 58) сравниваетъ эту войну съ боемъ двухъ пѣтуховъ, которые, выбившись изъ силъ, расходятся, чтобы, немного отдохнувъ, съ новою яростью напасть другъ на друга и биться до-тѣхъ-поръ, пока одинъ изъ нихъ не падетъ. До выступленія на военное поприще Амилькара Барки, на сушѣ господствовали римляне, на морѣ карѳагеняне; онъ, возвысившись надъ всѣми карѳагенскими полководцами, началъ стараться о доставленіи своему отечеству перевѣса и на твердой землѣ. Смѣлость, предпріимчивость и личное мужество этого вождя прославляютъ даже приверженные къ римлянамъ греческіе писатели, и можно сказать, что въ Карѳагенѣ только и было два великихъ полководца: Амилькаръ и сынъ его Аннибалъ; они одни дѣйствовали не массою войскъ, а съ небольшимъ числомъ опытнаго войска совершали то, для чего другіе карѳагенскіе вожди считали необходимымъ имѣть цѣлыя сотни тысячъ. Въ 247 г. карѳагенское правительство отправило Амилькара Барку съ порученіемъ опустошить берега Италіи. Согласно съ этимъ повелѣніемъ, раззоривъ землю бруттійцевъ и область Локрійскую, онъ вдругъ явился на берегу Сициліи и занялъ возвышенность, находившуюся между Панормомъ и Эриксомъ, называвшуюся Эрктою; отсюда онъ началъ нападать на римлянъ, въ Панормѣ и Эриксѣ, и дѣлать опустошительные набѣги на Италію; особенно онъ сталъ опаснымъ для римлянъ съ-тѣхъ-поръ, какъ посредствомъ нечаяннаго нападенія овладѣлъ Эриксомъ; тогда они рѣшились сдѣлать новое и послѣднее усиліе: но общественная касса ихъ была пуста, союзники истощены, и тѣмъ менѣе можно было надѣяться на новыя пожертвованія отъ приморскихъ городовъ, въ то время, какъ высадки и опустошенія кар-

ѳагенянъ въ самой Италіи раззорили ихъ въ конецъ. Римская аристократія, сенаторы и всадники взялись за свое имущество и рѣшились построить флотъ на свои издержки. Они сдѣлали это подобно аѳинскимъ тріерархамъ; иной брался одинъ снарядить цѣлый корабль, другіе - соединялись для этого по нѣскольку человѣкъ. Конечно они получили впослѣдствіи всѣ издержанныя ими суммы обратно изъ денегъ, которыя долженъ былъ заплатить Карѳагенъ, — впрочемъ; это вознагражденіе нисколько не отнимаетъ у нихъ чести; потому-что они были обязаны имъ только счастію, и флотъ ихъ очень-легко могъ подвергнуться той же участи, какая постигла прежніе. Начальство надъ этимъ флотомъ принялъ Л. Лутацій Катулъ, и совершенно-неожиданно явился съ нимъ у береговъ Сициліи. Карѳагеняне, впродолженіе шести лѣтъ спокойно владычествуя на морѣ, распустили свои корабли: посему Катулъ заперъ Лилибей и Дрепанумъ безпрепятственно также и со стороны моря, такъ-что рѣшеніе войны теперь зависѣло отъ морскаго сраженія. Немногія морскія битвы рѣшали политическую судьбу какой-либо націи; къ этимъ немногимъ принадлежитъ происшедшая теперь между римскимъ и карѳагенскимъ флотами. Карѳагеняне послали въ Сицилію флотъ подъ начальствомъ Ганнона, давъ ему повелѣніе не вступать въ битву, пока не облегчитъ судовъ отъ провіанта, которымъ они были нагружены, и не приметъ на бортъ Амилькара съ его отборнымъ войскомъ. Естественно, римскій адмиралъ для своей пользы долженъ былъ воспрепятствовать этому и, не допуская до берега, принудить непріятелей къ сраженію. Катулъ сталъ у острова Эгузы, насупротивъ Лилибея, и приготовился къ битвѣ, несмотря на-то, что карѳагенянамъ благопріятствовалъ вѣтеръ и море сильно волновалось. Катулъ основывалъ свои надежды на состояніи непрія-

тельскихъ кораблей, везшихъ тяжелый грузъ и поэтому слабо вооруженныхъ; и въ самомъ дѣлѣ, это обстоятельство много способствовало къ побѣдѣ римлянъ, равно-какъ и искусство, показанное ими въ сраженіи. Пятьдесятъ карѳагенскихъ кораблей было потоплено и девяносто взято вмѣстѣ съ экипажемъ. Эта рѣшительная побѣда положила конецъ войнѣ. Впрочемъ, карѳагенское правительство не отчаявалось еще и теперь, но предоставило рѣшить: полезнѣе ли для государства продолжать войну или заключить миръ, — мужу, который доселѣ съ ревностью и славою сражался съ непріятелемъ — Амилькару Баркѣ, и вручило ему на то совершенное полномочіе. Амилькаръ вступилъ съ Катуломъ въ переговоры. Сей послѣдній сначала предложилъ такія же жестокія условія, какъ и Регулъ, но когда Амилькаръ съ твердостію отвергъ ихъ, то Катулъ, чтобы не лишиться чести окончанія войны, сдѣлался умѣреннѣе. Карѳагеняне уступили римлянамъ свои владѣнія въ Сициліи, обязались освободить римскихъ плѣнныхъ безъ выкупа и впродолженіе двадцати лѣтъ заплатить 1,200 талантовъ. Когда этотъ договоръ представленъ былъ на подтвержденіе сената, то условія показались ему все еще слишкомъ-легкими, и, чтобы разсмотрѣть состояніе дѣлъ на мѣстѣ, онъ отправилъ въ Сицилію коммиссію изъ десяти человѣкъ. Впрочемъ, эта коммиссія въ сущности не сдѣлала никакой перемѣны, только прибавила къ условленной суммѣ еще 1,000 талантовъ и сократила срокъ уплаты въ половину; сверхъ-того карѳагеняне должны были принять еще условіе — очистить всѣ острова между Сициліею и Италіею. Амилькаръ согласился и на это, потому-что карѳагенскіе финансы были слишкомъ истощены, и онъ считалъ невозможнымъ съ успѣхомъ продолжать войну. Это случилось въ 241 г. до Р. Х., въ 513 отъ осн. города.

Первая пуническая война имѣла для Карѳагена важнымъ слѣдствіемъ измѣненіе военной системы. Какъ Римъ, по своему положенію былъ сухопутною державою, такъ Карѳагенъ морскою; но такъ-какъ сей послѣдній встрѣтилъ въ собственной своей стихіи въ римлянахъ не только соперниковъ, но и побѣдителей, то стремился теперь въ противоположность Риму усилиться на сушѣ. Это направленіе далъ и, несмотря на всѣ оппозиціи, привелъ въ исполненіе подкрѣпляемый одобреніемъ исполненнаго ненависти къ Риму народа, Амилькаръ Барка. Его вліяніе въ государствѣ возрастало особенно оттого, что онъ успѣлъ подавить крайне-опасное возмущеніе наемниковъ, и такъ-какъ Римъ, недостойнымъ образомъ пользуясь этимъ несчастіемъ, отнялъ у карѳагенянъ островъ Сардинію и наложилъ на нихъ новую денежную контрибуцію, то ненависть ихъ къ нему возрасла до такой степени, что ей пожертвовали всѣми основными правилами государства. Вотъ почему политика фамиліи Барки была впродолженіе нѣкотораго времени политикою карѳагенской республики.

Истощеніе финансовъ Карѳагена, по окончаніи войны съ Римомъ, было такъ велико, что онъ не могъ заплатить жалованья наемникамъ. Это произвело въ наемныхъ войскахъ бунтъ, поставившій республику на край погибели. По заключеніи мира, Амилькаръ Барка сложилъ начальство и поручилъ Гисгону распустить наемниковъ. Такъ-какъ невыплаченное имъ жалованье составляло весьма-большую сумму, то Гисгонъ распорядился такъ, что они переправлялись въ Африку не

вдругъ, а отдѣльными отрядами, чтобы правительство между-тѣмъ успѣло прiискать средства къ удовлетворенiю ихъ. Но требованiя наемниковъ были гораздо-больше, нежели какъ ожидали карѳагеняне: они просили вознагражденiя за потерянныхъ ими лошадей и выдачи жалованья за павшихъ въ Сицилiи товарищей, и когда стали угрожать въ случаѣ отказа нападенiемъ на самый Карѳагенъ, то правительство въ страхѣ согласилось на все; несмотря на-то, войско, повѣривъ словамъ кампанца Спендiя и африканца Маѳоса, что карѳагеняне хотятъ только его провести, и прельстившись надеждою на разграбленiе богатаго торговаго города—взбунтовалось. Государство могло противопоставить имъ не больше 10,000 человѣкъ, и начальство надъ этою армiею, по зависти нѣкоторыхъ аристократическихъ фамилiй, не получилъ мужъ, который одинъ показалъ полководческiй талантъ, а Ганнонъ, глава противной Амилькару Баркѣ партiи. Но дѣйствiя его были такъ неудачны, что мятежники осадили самый городъ Карѳагенъ. Теперь къ нимъ присоединились и подвластные карѳагенянамъ африканцы, которые значительно усилили ихъ войско. Когда такимъ-образомъ опасность достигла высшей степени, начальство надъ войскомъ получилъ Амилькаръ, и онъ тотчасъ показалъ свой талантъ тѣмъ, что умѣлъ раздѣлить войско мятежниковъ, потому-что въ такомъ только случаѣ возможна была надъ ними побѣда. Также Гiеронъ сиракузскiй помогалъ карѳагенянамъ и въ этомъ случаѣ, какъ замѣчаетъ Поливiй, держался вѣрной политики, хорошо понимая, что Сиракузы до тѣхъ только поръ сохранятъ свою независимость, пока Римъ будетъ находиться въ равновѣсiи съ Карѳагеномъ. Амилькаръ, нападая на отдѣльныя толпы мятежниковъ, поражалъ и истреблялъ ихъ безъ пощады, и взятiемъ Туниса, въ которомъ искалъ себѣ спасенiя Маѳосъ, въ

237 г. кончилъ эту опасную войну. Наемники взбунтовались также и въ Сардиніи, и когда карѳагеняне стали дѣлать приготовленія къ усмиренію ихъ, они обратились съ просьбою о защитѣ и покровительствѣ къ Риму. Римляне овладѣли Сардиніею и объявили вооруженіе Карѳагена нарушеніемъ мира, такъ-что эта истощенная республика для отклоненія новой войны принуждена была согласиться на уплату 1,200 талантовъ. Послѣ такого поступка римлянъ непріязнь къ нимъ карѳагенянъ должна была превратиться въ самую непримиримую ненависть.

Для Рима важнѣшимъ слѣдствіемъ первой пунической войны было распространеніе его владычества за предѣлы Италіи. Ею оканчивается чисто-итальянскій періодъ римской исторіи; отсюда чуждые элементы начинаютъ вторгаться неудержимо въ жизнь римлянъ. Внутреннее устройство государства находилось теперь въ полномъ своемъ развитіи; три сословія — патриціи, всадники и плебеи — образовали одно политическое тѣло populus Romanus. Всадники получили политическое значеніе со времени сервіева ценза, потому-что при выборѣ ихъ не смотрѣли на происхожденіе, а только на цензъ. Съ давнихъ временъ они были откупщиками общественныхъ налоговъ и пошлинъ, причемъ чрезвычайно обогащались, а вмѣстѣ съ тѣмъ усвоивали себѣ духъ лихоимства, который впослѣдствіи не мало содѣйствовалъ къ разстройству государства. Римляне, доколѣ ограничивались одною Италіею, сохраняли и первобытную простоту нравовъ и не были знакомы съ изнѣженностью и утонченностью образованной жизни.

Государство покрывало свои издержки доброволь-ными приношеніями гражданъ, доходами съ пошлинъ и съ общественнаго поля, отдававшагося на откупъ частнымъ лицамъ. Пріобрѣтенная на войнѣ добыча была обращаема на общественныя постройки. Замѣчательнѣйшее изъ всего сооруженнаго римлянами со времени изгнанія царей была via Appia; ее проложилъ тотъ самый Аппій Клавдій, который съ такою твердостью и патріотизмомъ отвергъ заманчивыя предложенія Пирра. Эта военная дорога послужила образцомъ для всѣхъ прочихъ шоссе, впослѣдствіи перерѣзывавшихъ римскую имперію во всѣхъ направленіяхъ. Она простиралась отъ Рима да Капуи и была устлана квадратными плитами, такъ тѣсно сплоченными, что вовсе нельзя было примѣтить спайки, усыпана крупнымъ пескомъ и обставлена столбами, съ означеніемъ разстоянія; съ теченіемъ времени по обѣимъ сторонамъ безпрестанно являлись новыя украшенія, различные памятники и богатыя гостинницы. Впрочемъ, государство вознаграждало себя за издержки, которыхъ стоило проложеніе и поддерживаніе такихъ дорогъ, возвышеніемъ пошлины за проѣзды. Аппію Клавдію же Римъ обязанъ устойствомъ большихъ водопроводовъ. Римляне особенно заботились о хорошей и здоровой водѣ, посему, гдѣ могли провесть ее къ себѣ, не жалѣли ни трудовъ, ни денегъ, и часто прорывали изъ отдаленныхъ мѣстъ. Но при всемъ блескѣ общественныхъ предпріятій въ частной жизни сохранялась прежняя простота: до самой войны съ Пирромъ,

домы гражданъ были, если не всѣ, по-крайней-мѣрѣ, большая часть, деревянные; также чеканить серебро въ Римѣ, по всѣмъ признакамъ, стали не прежде, какъ по покореніи Тарента, а золото по окончаніи второй пунической войны. Семейную жизнь римлянинъ обыкновенно проводилъ еще на своей нивѣ и являлся въ городъ только тогда, когда его призывали для занятія какой-либо должности, по истеченіи срока которой возвращался опять къ своему плугу. Дома, среди своихъ кліентовъ, отецъ фамиліи былъ нѣкоторымъ-образомъ независимый владѣлецъ: государство не имѣло права ни на малѣйшее вмѣшательство въ его семейныя дѣла; онъ былъ господиномъ надъ жизнью и смертью своей жены и дѣтей, и какъ ни легко такая власть могла быть употреблена во зло, несмотря на-то въ этомъ періодѣ встрѣчается немного тому примѣровъ. Также и рабы находились совсѣмъ въ другихъ отношеніяхъ къ своимъ господамъ, нежели какъ впослѣдствіи. Патрицій самъ трудился еще на нивѣ вмѣстѣ съ своими рабами, ибо только чрезъ воздѣлываніе земли тогда въ Римѣ достигали благосостоянія; между-тѣмъ какъ всѣ ремесла, искусства и торговля считались занятіями недостойными римскаго гражданина. Посему съ давнихъ временъ въ Римѣ и Остіи поселились многіе этруски и другіе иностранцы, которые пользовались этимъ національнымъ предразсудкомъ римлянъ для своихъ выгодъ. Празднества и увеселенія римлянъ совершенно соотвѣтствовали суровости и грубости ихъ характера. Съ-тѣхъ-поръ, какъ введены были гла-

діаторскія игры (онѣ получили свое начало въ самый годъ открытія первой пунической войны), битвы и травли звѣрей сдѣлались любимыми увеселеніями римскаго народа и оставались ими до позднѣйшихъ временъ.

Литературное образованіе было еще для римлянъ роскошью, а не потребностью; ихъ умъ, въ стремленіи своемъ къ практическому и существенному, чуждался теоретическихъ умозрѣній *). Посему нечего говорить о литературной образованности римскаго духа въ этомъ періодѣ, и мы ограничимся нѣсколькими замѣчаніями касательно религіи римлянъ и итальянской народной поэзіи. Религія ихъ была съ древнѣйшихъ временъ одною изъ пружинъ государственной машины и находилась подъ руководствомъ

---

*) Цицеронъ въ своихъ «Тускуланахъ» набрасываетъ слѣдующее изображеніе духа римлянъ въ сравненіи съ греческимъ: Meum semper fuit judicium, omnia nostros aut invenisse per se sapientius, quam Graecos, aut accepta ab illis fecisse meliora, quae quidem digna statuissent, in quibus elaborarent. Nam mores et insituta vitae resque domesticas ac familiares nos profecto et melius tuemur et lautius, rem vero publicam nostri majores certe melioribus temperaverunt et institutis et legibus. Quid loquar de re militari? in qua quum virtute nostri multum valuerunt, tum plus etiam disciplina. Jam illa, quae natura non literis assecuti sunt, neque cum Graecia neque cum ulla gente comparandi sunt. Quae enim tanta gravitas, quae tanta constantia, magnitudo animi, probitas, fides, quae tam excellens in omni genere virtus fuit, ut sit cum majoribus nostris comparanda? Doctrina Graecia nos et omni iterarum genere superat, in quo erat facile vincere non repugnantes. Потомъ присовокупляетъ, что греки имѣли своего перваго поэта уже въ Гомерѣ, а римляне не прежде, какъ въ 510 г. отъ основ. Рима, разумѣя подъ тѣмъ *Ливія Андроника*, и какъ ни смѣшнымъ кажется такое соединеніе, однако можно сказать, что въ-самомъ-дѣлѣ это есть отличительная черта римской литературы въ отношеніи къ греческой.

того же ума, который управлялъ и государствомъ. Всѣмъ относившимся къ религіи завѣдывала коллегія изъ четырехъ понтифексовъ подъ предсѣдательствомъ старшаго понтифекса. Это были люди испытанные, самой строгой жизни, и обыкновенно достигавшіе жреческаго сана не прежде, какъ по отправленіи всѣхъ свѣтскихъ государственныхъ должностей. Когда плебеи достигли равенства правъ съ патриціями, то были присоединены еще четыре понтифекса изъ плебеевъ. Вся религія состояла въ формахъ, къ которымъ понтифексы придумывали правила и церемоніи. Независимо отъ понтифексовъ, подъ властію которыхъ находились всѣ жреческія общества, служившія отдѣльнымъ божествамъ, находилась еще коллегія авгуровъ; впрочемъ и они не составляли особеннаго сословія жрецовъ, но также избирались изъ государственныхъ чиновниковъ, чтобы пріобрѣтеннымъ ими въ государствѣ авторитетомъ поддерживать предразсудокъ, которымъ правительство такъ хорошо умѣло пользоваться. Такъ-какъ жрецы могли быть вмѣстѣ и свѣтскими чиновниками, что обыкновенно и бывало, и такъ-какъ вся должность ихъ состояла въ строгомъ соблюденіи внѣшнихъ формъ, то наше сужденіе не будетъ слишкомъ-рѣзкимъ, если назовемъ римскую религію политическимъ учрежденіемъ для поддержанія посредствомъ суевѣрія, жертвоприношеній и праздниствъ въ народѣ старыхъ нравовъ, или для направленія его къ цѣли, предположенной правительствомъ. Безъ позволенія сената и народныхъ трибуновъ не могло

быть введено никакой новой церемоніи, ни воздвигнуто новаго храма или новаго алтаря. Съ религіозными праздпествами соединена народная поэзія этого періода *); впрочемъ о фесценнинахъ, сатурнинахъ, ателланахъ и объ оскійскихъ забавахъ мы знаемъ только то, что здѣсь повидимому главное мѣсто занимали переодѣванія и сатурнальскія забавы. Римляне немного успѣли и въ точныхъ наукахъ: Цицеронъ прямо говоритъ, что всѣ ихъ математическія знанія ограничивались умѣньемъ межевать землю и считать **). По причинѣ такой недостаточности свѣдѣній они не только не имѣли правильнаго календаря, но и допустили вкрасться въ него столькимъ ошибкамъ, что наконецъ сдѣлалось необходимымъ повѣрить счисленіе въ самомъ основаніи, что впрочемъ было исполнено не прежде, какъ въ правленіе Цезаря, и не иначе, какъ при помощи греческой учености. Если подвести эти отдѣльныя черты подъ одну общую характеристику, то можно сказать, что римляне, при всей своей грубости и воинственности, во всей жизни показывали великое единство въ стремленіяхъ и сохраняли какой-то важный тонъ. Римлянинъ дома является трудолюбивымъ и бережливымъ земледѣльцемъ, въ полѣ — храбрымъ воиномъ, въ городѣ — патріотомъ, гражданиномъ и по-

---

*) Horat. Epp. lib. II, ep. 1, vs. 139—156.

**) In summo apud Graecos honore geometria fuit, itaque nihil mathematicis illustrius. At nos metiendi ratiocinandique utilitate hujus artis terminavimus modum.

литикомъ, онъ знаетъ и цѣнитъ только то, что̀ имѣетъ для него практическую пользу, и его добродѣтель незыблемо основывается на простотѣ нравовъ, еще незараженныхъ пороками.

Въ томъ, что̀ римляне вполнѣ развили до распространенія своего владычества за предѣлы Италіи, видна великая послѣдовательность и постоянство въ стремленіяхъ къ предположенной цѣли и въ образѣ мыслей, также оригинальная и сообразная съ цѣлью организація войска. Безъ первыхъ Римъ едва либы устоялъ противъ опасности, грозившей ему отъ Аннибала; при помощи послѣдней онъ, по отвращеніи этой опасности, былъ въ состояніи покорить вселенную. Что̀ касается до военныхъ силъ Рима, то, до начала второй пунической войны, войско, всегда находившееся наготовѣ, состояло изъ 4 легіоновъ, считая въ каждомъ по 5,200 пѣхоты и 300 всадниковъ; къ нему же принадлежало потребное число латинцевъ, до 30,000 пѣхоты и 2,000 всадниковъ. Прочіе итальянцы должны были выставлять вспомогательнаго войска 50,000 пѣхоты и 4,000 всадниковъ. Но по численію Поливія, сенатъ въ то время, какъ Аннибалъ не болѣе какъ съ 20,000 напалъ на Римъ въ самой Италіи, могъ располагать силами до 700,000 пѣхоты и 70,000 всадниковъ *). Важнѣйшія событія, проиходившія между первою и вто-

*) Polyb. lib. II. c. 24: τὸ δὲ σύμπαν πλῆθος τῶν δυναμένων ὅπλα βαστάζειν, αὐτῶν τε τῶν Ῥωμαίων καὶ τῶν συμμάχων, πεζῶν μὲν ὑπὲρ τὰς ἑβδομήκοντα μυριάδας, ἱππέων δὲ εἰς ἑπτὰ μυριάδας. Ἐφ᾽ οὓς Αννίβας, ἐλάττους ἔχων δισμυρίων, ἐπέβαλεν εἰς τὴν Ιταλίαν. (т. е.

рою пуническою войною, были—пораженіе галловъ въ Верхней Италіи и утвержденіе римлянъ въ Илиріи. Первымъ изъ этихъ событій, къ счастію Рима, галлы были ослаблены въ то самое время, когда явился въ Италіи Аннибалъ; послѣднее вовлекло въ борьбу римлянъ съ кароагенянами грековъ и македонянъ. Такимъ-образомъ кругъ римской политики постепенно получалъ бóльшій объемъ.

Съ галлами не было войны съ 282 г., когда заключенъ съ ними миръ, и во время войны съ Пирромъ, еще болѣе во время первой пунической, сенатъ берегся нарушить его. Въ 232 году враждебныя дѣйствія открылись снова, и поводомъ къ тому послужило предложеніе, сдѣланное однимъ народнымъ трибуномъ. Римляне заложили въ землѣ сенонскихъ галловъ военную колонію Сену и часть жившихъ здѣсь сеноновъ изгнали или совсѣмъ истребили. На этомъ такимъ образомъ опустѣломъ участкѣ земли сосѣдніе галлы стали пасти свои стада, въ чемъ доселѣ никто имъ не препятствовалъ; посему предложеніе народнаго трибуна К. Фламинія, того самаго, который впослѣдствіи какъ консулъ былъ такъ несчастливъ противъ Аннибала, раздѣлить эту землю между бѣдными римскими гражданами, они сочли притѣсненіемъ своихъ законныхъ правъ. Они призвали на помощь многочисленныя толпы своихъ единоплеменниковъ изъ-за Альпъ, но какъ ни опасною казалась сначала эта война, потому-что при первомъ ихъ нападеніи римляне, захваченные врасплохъ, были разбиты; несмотря на-то одна воинствен-

---

всѣхъ могущихъ носить оружіе, изъ самихъ римлянъ и изъ союзниковъ, было болѣе 700,000 пѣшихъ и до 70,000 всадниковъ. Противъ нихъ Аннибалъ пошелъ въ Италію, имѣя менѣе 20,000).

ность безъ искусства не могла долго противостоять образованной тактикѣ римлянъ. Между 225 — 222 годами галлы были оттѣснены назадъ, самый Миланъ взятъ Марцелломъ и заложены римскія колоніи Кремона и Плаценція. Такимъ-образомъ римляне счастливо успѣли смирить и значительно ослабить галловъ прежде, нежели въ Италію прибылъ Аннибалъ. Въ то же время римляне распространили свое вліяніе за берегами Адріатическаго Моря и пришли въ такое тѣсное соприкосновеніе съ греками и македонянами, что они необходимо должны были принять участіе въ борьбѣ ихъ съ Карѳагеномъ. Иллиріійцы, населявшіе противоположные Средней и Верхней Италіи берега Адріатическаго Моря, по возвышеніи Македонскаго Царства, которое прежде они часто безпокоили своими набѣгами, были оттѣснены въ горы и на острова. Отсюда они начали производить морскіе разбои; ихъ корабли господствовали на Адріатическомъ Морѣ и опустошали берега Греціи и Италіи. Это наконецъ побудило прибрежныхъ жителей настоятельно требовать отъ римлянъ прекращенія такихъ безпорядковъ. Тогда надъ иллиріійцами, по смерти супруга своего Агрона, за малолѣтняго сына, царствовала Тевта; къ этой-то бранноносной женѣ сенатъ отправилъ пословъ съ представленіями о морскихъ разбояхъ ея подданныхъ. Римскіе послы уже тогда позволяли себѣ гордый и повелительный тонъ, какъ будто бы были уже владыками всей земли. Оскорбленная поведеніемъ ихъ Тевта велѣла одного изъ нихъ умертвить, а другихъ захватить въ плѣнъ. За такое нарушеніе народнаго права римляне отомстили оружіемъ: въ 229 г. они овладѣли островомъ Корцирою, который имъ предалъ начальствовавшій на немъ Димитрій Фаросскій. Онъ находился въ родствѣ съ царствовавшею въ Иллиріи фамиліею и надѣялся чрезъ присоединеніе къ римлянамъ достигнуть престола; посему открылъ имъ

путь и въ Иллирію, но Тевта смирилась и стала просить мира, который и былъ ей данъ въ 228 г., съ условіемъ уступить южную часть своего царства римлянамъ и не болѣе какъ на двухъ корабляхъ, и то невооруженныхъ, выѣзжать изъ Адріатическаго Моря. Иллирійцы, принужденные этимъ договоромъ лишиться добычи, которую доселѣ пріобрѣтали своими разбоями, столько же были недовольны, сколько и Димитрій, ожидавшій отъ благодарности римлянъ для себя великихъ выгодъ. Итакъ онъ вздумалъ теперь дѣйствовать самъ, подобно прежнимъ иллирійскимъ царямъ, и вынудилъ римлянъ послать противъ него флотъ. Прогнанный, онъ бѣжалъ ко двору царя македонскаго, но это случилось въ тотъ самый годъ, когда Аннибалъ такъ явно выказалъ свою непріязнь къ Риму, и эта война естественно отвлекла римлянъ отъ преслѣдованія чужихъ интересовъ, потому-что теперь предстояло защищать не только Италію, но даже свои собственныя жилища.

Первая пуническая война поставила Римъ и Карѳагенъ въ такое отношеніе, что они необходимо должны были наблюдать другъ за другомъ съ подозрительностью соперниковъ. Несправедливость Рима, который, пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ карѳагенской республики, овладѣлъ Сардиніею, перемѣнила это соревнованіе со стороны сего послѣдняго въ ненависть. Главою партіи, пылавшей самою непримиримою враждою къ Риму, была фамилія Барка: Ганнонъ, его родъ и приверженцы, съ неменьшею ревностію старавшіеся о сохраненіи мира, составляли ея оппозицію. Впрочемъ, Амилькаръ Барка дѣйствовалъ предусмотрительно и хотѣлъ вовлечь свое отечество въ новую войну не прежде, какъ доставивъ

ему новыя силы и средства: онъ предложилъ правительству планъ вознаградить себя за потерю острововъ Сициліи и Сардиніи покореніемъ Испаніи; выгоды этого предложенія были слишкомъ-очевидны и правительство не могло не принять его. Испанія доставляла лѣса для кораблей, солдатъ для арміи и изъ богатыхъ серебряныхъ рудниковъ своихъ деньги, и покореніе такой всѣмъ изобилующей страны, въ случаѣ удачи, обѣщало карѳагенянамъ больше выгодъ, нежели еслибъ они въ первую пуническую войну успѣли удержаться въ Сициліи. Но предпріятіе было не легко, и въ Карѳагенѣ доселѣ никто еще не отваживался подумать о немъ, не говорю уже, привести въ исполненіе. Это совершилъ Амилькаръ Барка и послѣдовавшій ему въ начальствѣ надъ арміею Асдрубалъ; дѣйствуя частью силою, частью кротостью, они покорили бо̀льшую часть Испаніи. На восточномъ берегу полуострова Асдрубалъ основалъ столичный городъ, Новый Карѳагенъ. На томъ же берегу находились также греческія колоніи, которыя до-сихъ-поръ извлекали большія выгоды изъ торговли съ туземцами. Могущественнѣйшею изъ нихъ былъ Сагунтъ или Заканѳъ — колонія острова Закинѳа, время основанія которой впрочемъ неизвѣстно. Съ утвержденіемъ карѳагенянъ въ Испаніи, греческія колоніи потеряли не только часть выгодъ, которымъ были обязаны своимъ цвѣтущимъ состояніемъ, но должны были еще страшиться за свою свободу и существованіе. Посему они обратились съ просьбою о защитѣ къ Риму. Римляне съ радостью

схватились за этотъ случай, чтобы положить конецъ преграду давно уже безпокоившимъ ихъ успѣхамъ карѳагенянъ въ Испаніи. Вслѣдствіе сего съ Асдрубаломъ заключенъ былъ договоръ, по которому Сагунтъ принятъ подъ покровительство Рима и рѣка Иберъ назначена предѣломъ карѳагенскихъ владѣній въ Испаніи. Переходъ чрезъ эту рѣку съ войскомъ, равно-какъ и всякое враждебное дѣйствіе противъ Сагунта должно было считать за нарушеніе мира. Таковы были отношенія между Римомъ и Карѳагеномъ, когда по смерти Асдрубала, павшаго отъ руки убійцы въ 221 году, начальство надъ карѳагенскимъ войскомъ получилъ сынъ Амилькара Аннибалъ, который тотчасъ сдѣлалъ все, что могло послужить поводомъ къ замышляемой давно уже войнѣ противъ Рима.

Альмикаръ Барка высадился на испанскій берегъ въ 236 году при Гадесѣ и впродолженіе девяти лѣтъ велъ войну съ такимъ успѣхомъ, что по смерти его въ 227 году владычество Карѳагена въ Испаніи было уже поставлено на твердомъ и прочномъ основаніи. О смерти его разсказываютъ различно: по Аппіану онъ палъ въ битвѣ съ испанцами, по Діодору — утонулъ въ рѣкѣ. Войско, образованное имъ, было такъ предано ему и его фамиліи, что карѳагенское правительство не могло не утвердить въ начальствѣ надъ арміею зятя его Асдрубала. Новый вождь дѣйствовалъ болѣе переговорами, нежели подобно своему предшественнику, оружіемъ и, если вѣрить Діодору, то своими дружественными и благородными поступками такъ привлекъ къ себѣ испанскія племена, что они добровольно

избрали его своимъ главою *). По словамъ того же писателя, силы Асдрубала простирались до 60,000 пѣхоты, 8,000 всадниковъ и 200 слоновъ. Когда римляне объявили себя защитниками греческихъ колоній, то онъ, для отклоненія войны, заключилъ съ ними вышеупомянутый договоръ, потому-что владычество карѳагенянъ въ Испаніи было еще слишкомъ-ново и мало утверждено, чтобы теперь же начать борьбу съ Римомъ. Въ 221 году Асдрубалъ былъ убитъ однимъ испанцемъ, изъ личной мести, и его мѣсто занялъ сынъ Амилькара Аннибалъ. И его провозгласило вождемъ войско, а правительство только подтвердило выборъ. Аннибалу было не болѣе 25 лѣтъ, но, возросши среди войнъ и походовъ, онъ наслѣдовалъ отъ отца и геній, и ненависть его къ Риму. Такъ-какъ борьбу съ Римомъ онъ считалъ назначеніемъ и задачею своей жизни, то не замедлилъ открыть войну, которая рано или поздно была неизбѣжна. Никакія послѣдующія событія, какъ бы они ни были занимательны въ своемъ явленіи и важны по своимъ слѣдствіямъ, не могутъ уменьшить того великаго интереса, который имѣла въ древности эта война, *вторая пуническая*, какъ называютъ ее римляне, или *аннибалова*, какъ называютъ ее греки, и къ счастію мы богаты касающимися до нея извѣстіями. Книги *Ливія*, потерянныя съ 11-й, начинаются въ 21-й открытіемъ второй пунической войны. Описаніе, составленное *Поливіемъ*, хотя дошло до насъ въ отрывкахъ, но и каждый отрывокъ изъ сочиненій этого хорошо-знавшаго дѣло историка самъ по себѣ

---

*) Diodor. Ecl. I. XXV (T. II p. 511 ed. Wesseling) говоритъ объ немъ: ὑπὸ πάντων τῶν Ἰβήρων ἀνηγορεύθη στρατηγὸς αὐτοκράτωρ. (т. е. Всѣми иберійцами былъ провозглашенъ самодержавнымъ полководцемъ.)

занимателенъ и важенъ. Наконецъ, изъ *аппіановой* исторіи войнъ, описаніе аннибаловой сохранилось въ цѣлости: Аппіанъ, александрійскій грекъ, писавшій во времена императора Траяна, принадлежитъ если не къ самымъ лучшимъ, то по-крайней-мѣрѣ къ однимъ изъ лучшихъ писателей. Часто у него нѣтъ критики, часто замѣтенъ недостатокъ силы въ изображеніи, равно-какъ и власти надъ предметомъ, но онъ никогда не доходитъ до безвкусія и напыщенности, и если не достигаетъ высоты своего идеала, за-то никогда не унижается до пошлости. Имъ лучше всего можно пользоваться для сравненія съ описаніемъ Ливія.

Аннибалъ открылъ *вторую пуническую войну* (219—201) осадою и завоеваніемъ Сагунта и потомъ быстро направилъ смѣлый маршъ чрезъ Альпы въ Италію. Онъ зналъ отношенія этой страны и былъ увѣренъ, что если вторгнется въ Италію съ Альпъ, то всѣ гальскія племена примутъ его сторону. Притомъ онъ надѣялся произвесть сильное впечатлѣніе и возбудить довѣренность къ своимъ талантамъ и счастію неожиданностью и смѣлостью предпріятія. Несмотря на великія потери, крѣпость и храбрость войска, перенесшаго съ нимъ всѣ трудности похода, были надежнымъ залогомъ успѣха, такъ-что онъ смѣло могъ вступить въ битву, даже съ превосходными непріятельскими силами, и одна побѣда, думалъ онъ, будетъ для всей Италіи сигналомъ къ возстанію противъ Рима.

Въ 219 году Аннибалъ подступилъ къ Сагунту и осадилъ его. Сагунтинцы защищались довольно-долго

и римляне успѣли бы подать имъ помощь; но сенатъ вмѣсто войска отправилъ къ Аннибалу пословъ, которые отъ него должны были ѣхать въ Карѳагенъ, гдѣ ихъ задерживали переговорами, въ то время, какъ Аннибалъ ревностно продолжалъ осаду. Послѣ осьмимѣсячной осады, онъ овладѣлъ наконецъ городомъ; впрочемъ каждую улицу и каждый домъ должно было брать приступомъ, такъ-что покореніе его было вмѣстѣ и совершеннымъ разрушеніемъ. Взятіе Аннибаломъ Сагунта, по существовавшему договору, было явнымъ нарушеніемъ мира и объявленіемъ войны; несмотря на-то, сенатъ рѣшился еще попытаться кончить дѣло переговорами и отправилъ въ Карѳагенъ четырехъ мужей съ порученіемъ требовать въ удовлетвореніе за нарушеніе мира выдачи Аннибала. При этомъ случаѣ въ карѳагенскомъ сенатѣ произошелъ жаркій споръ. Ганнонъ поддерживалъ требованіе римскихъ пословъ и предостерегалъ отъ войны несправедливо начатой, но партія барцинской фамиліи, опираясь на мнѣніи народа, ненавидѣвшаго римлянъ, съ шумными восклицаніями объявила себя на сторонѣ войны, и съ этимъ объявленіемъ посольство воротилось въ Римъ. Римляне всего менѣе ожидали видѣть непріятеля въ самой Италіи и заботились только о безопасности Сициліи, поэтому и операціонный планъ перваго похода состоялъ въ томъ, что одинъ изъ консуловъ 218 г. Тиб. Семпроній долженъ былъ идти въ Сицилію, а другой П. Корнелій Сципіонъ напасть на непріятеля въ Испаніи. Но Аннибалъ началъ уже славный походъ свой; впродолженіе пятимѣсячнаго марша отъ береговъ Ибера до Пада онъ находился въ безпрестанной борьбѣ то съ непріятелями, то съ погодою, то съ препятствіями, представляемыми мѣстоположеніемъ. Отъ 50,000 пѣхоты и 9,000 всадниковъ онъ привелъ въ Италію пѣхоты только двадцать и всадниковъ шесть

тысячъ. Какъ ни старались согласно съ описаніемъ Поливія опредѣлить направленіе аннибалова похода въ точности, при всемъ томъ все еще остается и навсегда останется нерѣшеннымъ, черезъ которую часть хребта перешелъ онъ — черезъ Большой или Малый С. Бернардъ или чрезъ Ценисъ *).

Аннибалъ, при вторженіи своемъ въ Италію, явно стремился къ тому, чтобы рѣшительными ударами быстро сокрушить могущество Рима, въ чемъ не мало ему содѣйствовала пылкость высылаемыхъ противъ него вождей, неумѣвшихъ оцѣнить ни его стратегическаго генія, ни духа его войскъ; каждый изъ нихъ считалъ себя довольно-сильнымъ, чтобы побѣдить карѳагенскаго вождя, и ни одинъ не хотѣлъ уступить другому чести избавленія отечества отъ этого опаснаго врага. Такимъ-образомъ, спустившись съ Альпъ, Аннибалъ въ томъ же году разбилъ обоихъ консуловъ, Сципіона на Тицинѣ, а Семпронія на Требіи. Въ слѣдующемъ (217) году Аннибалъ вторгнулся въ Этрурію и при озерѣ Тразименѣ разбилъ консула К. Фламинія, который самъ, съ большею частью войска, погибъ въ сраженіи. Хотя Кв. Фабій Максимъ, сдѣланный теперь продиктаторомъ, и показалъ, что искусно-веденная оборонительная война и уклоненіе отъ всякой рѣшительной

*) О переходѣ Аннибала черезъ Альпы написано очень много; укажемъ на сочиненіе докт. Зандера: der Heereszug Hannibals. Hamb. 1823, въ которомъ собраны всѣ результаты новѣйшихъ изслѣдованій.

битвы есть единственное средство, если не побѣдить, то по-крайней-мѣрѣ сдѣлать менѣе страшнымъ искуснаго врага, не смотря на-то, пылкій Терентій Варронъ, консулъ 216 года, вступилъ при Каннахъ съ нимъ въ битву, и римляне еще разъ потерпѣли ужасное пораженіе. Почти вся Южная Италія, считая Римъ совершенно погибшимъ, пристала къ побѣдителю. Впрочемъ этотъ ударъ, хоть и потрясъ, но не сокрушилъ силы римлянъ. Держась отселѣ системы Фабія, они отважились вступать въ сраженіе въ такомъ только случаѣ, когда могли быть увѣрены въ побѣдѣ, и такимъ-образомъ мало-по-малу ослабили и сдѣлали безвреднымъ своего великаго противника. Итакъ битва при Каннахъ вмѣсто того, чтобы быть смертельнымъ ударомъ, какъ это сначала казалось, была обратнымъ пунктомъ къ лучшему, и государство, поставленное опрометчивостью прежнихъ полководцевъ на край погибели, принявъ теперь за правило осторожность и медлительность, избавилось отъ угрожавшей ему участи *).

Консулъ П. Корнелій Сципіонъ только-что приготовился отплыть въ Испанію, какъ получилъ извѣстіе о переходѣ Аннибала чрезъ Пиренеи и о появленіи его въ Галліи; посему онъ высадился при устьѣ Родана, въ намѣреніи заложить дорогу карѳагенянъ въ нынѣш-

---

*) Фабій получилъ за свою систему войны съ Аннибаломъ прозваніе Cunctator, и поэтъ Энній въ стихѣ, который приводитъ Цицеронъ (de officiis lib. I. c. 24), говоритъ о немъ: Unus homo nobis cunctando restituit rem. Сравн. Virgil. Aen. VI. v. 846.

немъ Провансѣ, но Аннибалъ перешелъ уже черезъ Роданъ, и консулъ счелъ за лучшее ждать непріятеля въ самой Италіи, и напасть на него, когда онъ, утомленный трудностями долговременнаго похода, станетъ спускаться съ Альпъ; но и здѣсь Аннибалъ опередилъ консула, который имѣлъ при себѣ одну конницу, когда при Тицинѣ напалъ на непріятеля. Конница аннибалова состояла изъ нумидійцевъ и ею начальствовалъ опытный по этой части генералъ, Магарбалъ; притомъ во время похода, онъ особенно берегъ всадниковъ: это видно изъ того, что изъ 9,000 онъ привелъ въ Италію 6,000, между-тѣмъ какъ пѣхоты потерялъ больше половины. Итакъ, первое сраженіе выигралъ Аннибалъ, и консулъ, тяжело раненный, съ трудомъ былъ спасенъ сыномъ своимъ П. Корнеліемъ Сципіономъ. Сколь незначительна была сама по себѣ эта стычка конницы, столь велико и обильно слѣдствіями произведенное ею впечатлѣніе. Галлы тотчасъ отпали отъ римлянъ и подкрѣпили войско Аннибала, и Кластидіумъ, первое укрѣпленное мѣсто въ Италіи, отворилъ ворота побѣдителю. Второй консулъ Тиб. Семпроній, находившійся въ Сициліи, поспѣшилъ сюда на помощь и присоединилъ къ своему войску сципіоновы легіоны, но, вмѣсто того, чтобы слѣдовать совѣту своего товарища и уклониться отъ сраженія, онъ нарочно искалъ его. Въ декабрѣ 218 года Семпроній рѣшился воспользоваться краткимъ временемъ своего начальства къ пораженію непріятеля, и Аннибалъ, который ничего такъ не искалъ, какъ битвы, потому-что каждая побѣда внушала большую къ нему довѣренность, доставилъ ему желаемый случай при Требіи. На сторонѣ римлянъ были всѣ невыгоды; напротивъ, карѳагеняне имѣли многія выгоды и хитрый карѳагенянинъ одержалъ верхъ надъ запальчивымъ консуломъ. Семпроній спасся бѣгствомъ въ Плаценцію только съ 10,000 человѣкъ.

Впрочемъ, въ Римѣ еще совсѣмъ не понимали ни всей величины опасности, ни духа своего противника. Надлежало выдержать рядъ жесточайшихъ ударовъ, прежде нежели сенатъ принялъ чрезвычайныя мѣры. Консулы слѣдующаго (217) года Кн. Сервилій и К. Фламиній выступили въ походъ отдѣльно и самый пылкій изъ нихъ, къ несчастію Рима, первый встрѣтилъ Аннибала. Этотъ послѣдній чрезъ непроходимыя болота проникъ въ Этрурію; во время этого труднаго перехода онъ подвергся глазной болѣзни, отъ которой лишился одного глаза. Примѣръ Семпронія, казалось, долженъ бы былъ удержать Фламинія отъ битвы, въ которую онъ намѣревался вступить при озерѣ Тразименѣ, до соединенія съ товарищемъ, но онъ презрѣлъ неблагопріятныя ауспиціи, и римляне утѣшались въ несчастіи тѣмъ, что онъ заслужилъ это наказаніе неуваженіемъ къ религіи. Онъ былъ разбитъ на-голову и самъ погибъ въ сраженіи. Тогда только римляне почувствовали свою опасность. Преторъ Помпоній собралъ народъ и, не скрывая ничего и не уменьшая потери, представилъ ему настоящее положеніе дѣлъ. Сенатъ надѣялся на твердость народа и не обманулся. Никто не совѣтовалъ предлагать мира, но всѣ твердо держались того правила, которое со времени вторженія Пирра въ Италію сдѣлалось основнымъ закономъ республики, не прежде вступать съ непріятелемъ въ переговоры, какъ пока онъ не оставитъ предѣловъ Италіи. Положили, какъ это дѣлали прежде, во время великой опасности, вручить неограниченную власть одному и для того избрать диктатора. Но по формѣ римскихъ постановленій, диктатора долженъ былъ предложить одинъ изъ консуловъ. Но такъ-какъ одинъ изъ нихъ палъ въ сраженіи, а другой находился въ отсутствіи, то военноначальника съ неограниченною властью назначилъ народъ, и, чтобы не нарушить формы, онъ получилъ титулъ не диктатора, но

продиктатора. Выборъ палъ на Кв. Фабія Максима, и начальникомъ всадниковъ онъ назначилъ Минуція Руфа. Фабій понялъ, какимъ образомъ должно дѣйствовать противъ карѳагенскаго полководца. Послѣ сраженія при Тразименѣ Аннибалъ направилъ путь чрезъ Умбрію и Пиценумъ въ Апулію. Освобождая постоянно взятыхъ въ плѣнъ итальянцевъ, онъ надѣялся чрезъ нихъ пріобрѣсть себѣ друзей и приверженцевъ, но страхъ, внушаемый Римомъ, былъ такъ еще великъ, что только немногіе города пристали къ нему. Посему Фабій принялъ систему уклоняться отъ сраженій и выбирать такія позиціи, въ которыхъ трудно было напасть на него, между-тѣмъ, самъ вездѣ старался перехватывать у непріятеля продовольствіе и при всякомъ удобномъ случаѣ наносить ему вредъ. Послѣдствія доказали, какъ вѣрны были принятыя имъ мѣры, но онѣ не соотвѣтствовали воинственному духу римлянъ. Пылкій и нетерпѣливо-желавшій боя предводитель всадниковъ пріобрѣлъ на воиновъ такое вліяніе, что Фабій долженъ былъ согласиться дать ему равное участіе въ начальствѣ, или лучше раздѣлить съ нимъ войско. Но Аннибалъ скоро поставилъ Минуція въ такое положеніе, что онъ погибъ бы непремѣнно, еслибъ его не спасъ Фабій. Подобное доказательство превосходства Фабіевой системы, казалось должно бы было побудить консуловъ слѣдующаго года (216) послѣдовать его примѣру; но одинъ изъ нихъ Л. Терентій Варронъ думалъ иначе. Римляне выставили 80,000 пѣхоты и 6,000 всадниковъ, и конечно, имѣя подъ начальствомъ такую армію противъ непріятеля въ половину слабѣйшаго, трудно было удержаться отъ сраженія. Но Варронъ не вѣрилъ, что перевѣсъ карѳагенскаго оружія заключается въ геніи Аннибала и, несмотря на всѣ предостереженія товарища своего Л. Эмилія Павла, который хорошо понималъ это, настоялъ на своемъ мнѣніи. Такимъ-обра-

зомъ произошла самая несчастная для римлянъ битва при Каннахъ; въ ней погибъ консулъ Павелъ, также консулы прошедшаго года, знатные мужи и сенаторы, равнымъ-образомъ большая часть всадниковъ и по самому меньшему показанію до 50,000 рядовыхъ. Римляне приняли извѣстіе объ этомъ пораженіи съ великою твердостію и достоинствомъ, и тѣмъ показали, что сила ихъ еще не сокрушена. Варронъ, виновникъ всего несчастія, получилъ отъ сената торжественный пріемъ и благодарность за то, что сохранилъ себя для государства и не отчаялся въ его спасеніи. Хотя теперь съ каждою минутою ожидали увидѣть у воротъ непріятеля, однако никто не помышлялъ о мирѣ, но всѣ готовились защищать городъ — избрали М. Юнія въ диктаторы и приняли рабовъ въ легіоны. Впрочемъ, противъ всеобщаго ожиданія, Аннибалъ не пошелъ къ Риму. Многіе изъ приближенныхъ къ нему порицали его за это и говорили, что онъ лучше умѣетъ одерживать побѣды, нежели пользоваться ими, но Аннибалъ остался при своемъ мнѣніи и безъ сомнѣнія имѣлъ на то основательныя причины. Отъ мужества и отчаянія римлянъ онъ ожидалъ такого сопротивленія, что боялся при нападеніи на Римъ потерпѣть неудачу. Онъ хотѣлъ сперва довѣренностью къ себѣ и своимъ талантамъ отвлечь отъ Рима всю Италію и, такъ-сказать, совершенно уединить его; но какъ сильно поколебалась бы эта довѣренность и ослабѣло впечатлѣніе, произведенное каннскою побѣдою, еслибъ онъ тотчасъ пошелъ къ Риму и принужденъ былъ отступить? Итакъ, онъ обратился въ Капуу, которая, равно-какъ и вся Кампанія, перешла на его сторону. Капуа первая подала примѣръ, какъ къ отпаденію, такъ и въ жестокости противъ римлянъ. Всѣ римскіе граждане, находившіеся въ этомъ городѣ, были задушены въ баняхъ. Большая

часть Нижней Италіи *) пристала къ побѣдителю и власть Рима удержалась только въ римскихъ колоніяхъ и въ занятыхъ римскими гарнизонами городахъ. Несмотря на то, что силы Аннибала получили значичельное приращеніе, страшный кризисъ, послѣ битвы при Каннахъ, прошелъ для Рима благополучно, и счастіе обратилось теперь къ нему. Нѣкоторые стараются объяснить этотъ странный переворотъ пребываніемъ Аннибала въ Капуѣ, гдѣ его воины, отъ изнѣженной жизни, потеряли прежнюю силу, и Capuam Hannibali Cannas fuisse обратились даже въ поговорку. Но если и допустить, что пребываніе въ стѣнахъ роскошной столицы Кампаніи имѣло вредное дѣйствіе на нравы карѳагенскихъ солдатъ **), то изъ этого не объясняется еще перемѣна, происшедшая въ ходѣ войны, веденной въ Италіи, потому-что Аннибалъ по-прежнему былъ страшенъ римлянамъ и могъ еще держаться здѣсь впродолженіе 15 лѣтъ ***). Справедливѣе отыскивать

*) Liv. I. XXII c. 61: Defecere autem ad Poenos hi populi: Atellani, Calatini, Hirpini, Apulorum pars, Samnites praeter Pentros, Brutii, omnes Lucani; praeter hos Surrentini et Graecorum omnis ferme ora, Tarentini, Metapontini, Crotonienses, Locrique et Cisalpini omnes Galli.

**) Ливій (lib. XXIII c. 18) о дѣйствіи роскошной жизни въ Капуѣ на аннибаловы войска говоритъ: Itaque, velut si cum alio exercitu a Capua exiret, nihil usquam pristinae disciplinae tenuit: nam et redierunt plerique scortis impliciti, et ubi primum sub pellibus haberi coepti sunt, viaque et alius militaris labor excepit, tironum modo corporibus animisque deficiebant.

***) Liv. lib. XXVIII, cap. 12; Ac nescio, an mirabilior fuerit Hannibal adversis quam secundis rebus, quippe qui cum et in hostium terra per annos tredecim, tam procul ab domo, varia fortuna bellum gereret, exercitu non suo civili, sed mixto ex conluvione omnium gentium, quibus non lex, non mos, non lingua communis, alius habitus, alia vestis, alia arma, alii ritus, alia sacra, alii prope Dii essent, ita quodam uno vinculo copulaverit eos, ut nulla nec inter ipsos, nec adversus ducem seditio exstiterit, cum et pecunia saepe in stipendium et commeatus in hostium agro deessent, quorum inopia priore Punico bello multa infanda inter duces militesque commissa fuerant.

причину переворота въ томъ, что римляне, наученные горькими опытами, оставивъ повергшую ихъ въ несчастіе систему войны, начали дѣйствовать согласно съ планомъ Фабія и вступали въ сраженіе только въ случаѣ вѣрнаго успѣха. Это препятствовало Аннибалу удовлетворять надеждамъ своихъ новыхъ союзниковъ, которые ожидали отъ него по-прежнему побѣды за побѣдою, и когда это не сбывалось и онъ долженъ былъ сдѣлаться имъ еще въ тягость, то ревность ихъ охладѣла. Но больше всего вредила его предпріятію и приносила пользу римлянамъ партія Ганнона, старавшаяся лишить барцинскую фамилію и ея интересы народной довѣренности, чего наконецъ и достигла въ то самое время, когда война начала принимать неблагопріятный оборотъ для Карѳагена. Правительство не посылало къ Аннибалу никакой помощи, и его войско подъ-конецъ состояло изъ смѣшенія различныхъ народовъ, изъ которыхъ ни одинъ не принималъ непосредственнаго участія въ дѣлахъ Карѳагена. Но величіе Аннибала видно изъ того, что онъ умѣлъ и такое войско привязать къ своей особѣ и вмѣстѣ держать въ страхѣ Римъ. Битва при Каннахъ, вмѣсто того, чтобы низвергнуть Римъ въ погибель, возвысила только энергію народа. Римское войско вскорѣ снова явилось въ полѣ, и междутѣмъ, какъ Фабій, дѣйствуя съ большою осторожностью, утомлялъ карѳагенскаго полководца искусными маневрами, М. Клавдій Марцеллъ, поразивъ его въ 215 году при Нолѣ, разрушилъ мнѣніе о его непобѣдимости. Итакъ здѣсь переворотъ аннибаловой войны въ Италіи: теперь мы можемъ смотрѣть на нее, какъ на рѣшенную и обратиться къ другимъ частямъ военныхъ дѣйствій. Прежде всего бросимъ взглядъ на Сицилію.

Въ то время, какъ Аннибалъ вторгнулся въ Италію, карѳагеняне пытались снова утвердиться въ Си-

циліи, но встрѣтивъ неудачу, не дѣлали дальнѣйшихъ покушеній; эта попытка повторена была только тогда, когда Аннибалъ, находясь въ Италіи, старался отвлечь островъ отъ союза съ римлянами. Царь сиракузскій, Гіеронъ, съ равнымъ постоянствомъ и искренностью оставался вѣрнымъ союзникомъ Рима, какъ въ счастіи, такъ и въ несчастіи, и великія побѣды Аннибала столь же мало могли склонить его къ расторженію союза съ римлянами, сколь мало онѣ могли смирить римлянъ. Со смертью его въ 215 году положеніе дѣлъ въ Сициліи измѣнилось. Ему наслѣдовалъ 15-ти-лѣтній внукъ его, Гіеронимъ, и такимъ-образомъ, именно въ то время, когда особенно нужна была сильная рука и зрѣлый умъ, господство надъ Сиракузами перешло въ руки безразсуднаго отрока. Гіеронимъ вступилъ съ Аннибаломъ въ сношенія, и хотя былъ въ слѣдующемъ году убитъ, но въ Сиракузахъ, которыя снова объявили себя республикою, при помощи черни захватили правленіе аннибаловы послы, Эпикидъ и Иппократъ, которые постоянно дѣйствовали, какъ враги Рима. Посему М. Клавдій Марцеллъ началъ осаду Сиракузъ; онѣ защищались съ помощью архимедовыхъ машинъ впродолженіе двухъ лѣтъ и были взяты наконецъ посредствомъ нечаяннаго нападенія во время ночи. *Сиракузы потеряли свою независимость и весь островъ Сицилія сдѣлался теперь римскою провинціею.*

Царь Гіеронъ умеръ въ 215 году на 90-мъ году отъ рожденія, послѣ 54-хъ-лѣтняго царствованія. Поливій

называетъ его отличнѣйшимъ государемъ своего времени, который въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ не ошибался въ выборѣ политики и постоянно умѣлъ держать себя и государство на истинной стезѣ. Единственный сынъ его Гелонъ умеръ за годъ передъ нимъ, и наслѣдникомъ престола остался 15-тилѣтній сынъ Гелона, Гіеронимъ. Гіеронъ передъ смертью самъ еще составилъ совѣтъ изъ 15 членовъ, которымъ вручилъ правленіе до совершеннолѣтія своего внука, и послѣднимъ его увѣщаніемъ было — не нарушать впродолженіе 50 лѣтъ сохраненной имъ вѣрности къ Риму. Тотчасъ по смерти этого отличнаго государя, Сиракузы, во все время долгаго и благодѣтельнаго правленія его наслаждавшіяся величайшимъ спокойствіемъ, снова сдѣлались жертвою безпорядковъ и бурныхъ распрей партій. Андраподоръ, одинъ изъ 15 опекуновъ, не желая дѣлиться властью съ другими, для утвержденія своего вліянія провозгласилъ Гіеронима совершеннолѣтнимъ и способнымъ къ правленію. Удаливъ отъ двора всѣхъ имѣвшихъ равный съ нимъ доступъ и уваженіе, посредствомъ интригъ, или освободившись отъ нихъ посредствомъ убійства, онъ въ-самомъ-дѣлѣ пріобрѣлъ полное вліяніе на юнаго царя. По его совѣту Гіеронимъ вступилъ въ сношенія съ Аннибаломъ, и карѳагенскій вождь отправилъ къ нему послами двухъ сиракузянъ, уроженцевъ карѳагенскихъ, Эпикида и Иппократа *). Аппій Клавдій, римскій преторъ

---

*) **Polyb. rel. lib. VII, cap. 2:** Αννιβας ἀπέπεμπε τοὶς Συρακουσιους Ιπποκράτη καὶ τὸν ἀδελφὸν αὐτοῦ τόν νεώτερον Ἐπικύδη. Συνέβαινε δὲ τούτους τοὺς ἄνδρας καὶ πλείω χρόνον ἤδη στρατεύεσθαι μετ' Ἀννὶβου, πολιτευομένους παρὰ Καρχηδονίοις, διὰ τὸ φεύγειν αὐτῶν τὸν πάππον ἐκ Συρακουσῶν, δόξαντα προσενηνοχέναι τὰς χεῖρας ἑνὶ τῶν Αγαθοκλέους υἱῶν, Ἀγαθάρχῳ. **(т. е. Аннибалъ отослалъ Сиракузянъ Иппократа и младшаго брата его Эпикида. Эти мужи уже долгое**

въ Сициліи, нѣсколько времени спокойно смотрѣвшій на эти движенія, теперь также послалъ къ Гіерониму посольство, чтобы возобновить съ нимъ союзъ. Насмѣшка царя надъ пораженіемъ при Каннахъ оскорбила и раздражила пословъ. Они выѣхали изъ Сиракузъ, сдѣлавъ строгое предостереженіе, чтобъ онъ берегся разорвать союзъ, заключенный его дѣдомъ съ республикою и существующій столько времени ко взаимной пользѣ обоихъ государствъ. Но Гіеронимъ не обратилъ вниманія на ихъ слова, напротивъ-того, тайно заключилъ съ Кароагеномъ договоръ, котораго главною статьею было изгнать римлянъ изъ Сициліи и потомъ раздѣлить островъ между собою, назначивъ границею рѣку Гимеру. Когда же непостоянный принцъ, вскорѣ послѣ того, потребовалъ себѣ уступки всего острова, то кароагеняне согласились и на это, потому-что впослѣдствіи отъ нихъ зависѣло удержать за собою столько земли, сколько имъ заблагоразсудится. Какъ-скоро римляне получили извѣстіе объ ихъ переговорахъ, то тотчасъ потребовали окончательнаго рѣшенія, и царь, посовѣтовавшись съ своими приближенными, далъ слѣдующій отвѣтъ: онъ охотно останется въ союзѣ съ римлянами, если они возвратятъ всѣ полученные ими отъ дѣда его дары деньгами и съѣстными припасами и уступятъ ему во владѣніе землю до рѣки Гимеры. Такія требованія рѣшили разрывъ римлянъ съ Сиракузами. Гіеронимъ своимъ легкомысліемъ возбудилъ уже противъ себя ненависть подданныхъ тѣмъ болѣе, чѣмъ разительнѣе былъ контрастъ между по-

---

время сопровождали Аннибала въ его походахъ, пользуясь у кароагенянъ правомъ гражданства, потому-что дѣдъ ихъ, подозрѣваемый въ убіеніи Агаоарха, одного изъ сыновей Агаоокла, бѣжалъ изъ Сиракузъ).

ступками его и дѣлами его дѣда *), и въ 214 году, когда, предводительствуя 15,000 войскомъ, выступилъ для занятія римскихъ владѣній, былъ убитъ недовольными, составившими противъ него заговоръ. Двое заговорщиковъ, тотчасъ по совершеніи убійства, бросились въ Сиракузы и вооружили гражданъ, прочіе склонили на свою сторону наемниковъ. Только Ортигія находилась въ рукахъ Андранодора, но и онъ сдалъ ее безъ сопротивленія, вручивъ вмѣстѣ съ-тѣмъ ключи отъ царской сокровищницы, и этимъ видимымъ безкорыстіемъ пріобрѣлъ себѣ значительное мѣсто въ республикѣ, ибо въ Сиракузахъ былъ возстановленъ прежній образъ правленія, введенный Діокломъ. Прежде-нежели эта новая республика рѣшила, держаться ли ей заключеннаго Гіеронимомъ союза съ кареагенянами, или опять перейдти на сторону римлянъ, въ Сиракузы прибыли аннибаловы послы, Эпикидъ и Иппократъ. Они просили только о препровожденіи ихъ въ Локры, въ чемъ имъ, какъ государственнымъ посламъ, и не могло быть отказано; но вмѣсто-того, чтобы тотчасъ исполнить ихъ просьбу и какъ можно скорѣе выпроводить этихъ опасныхъ людей изъ города, правительство не обратило на нихъ должнаго вниманія. Этимъ воспользовались послы и пріобрѣли себѣ многочисленныхъ приверженцевъ между низшимъ классомъ народа: между рыбаками и матросами, большею-частью бѣглецами съ римскаго флота. Они обвиняли новое правительство въ намѣреніи предать городъ римлянамъ и представляли бѣглецамъ, какой участи они должны будутъ

*) Поливій, въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ седьмой книги своей исторіи, дѣлаетъ очень-хорошія замѣчанія о характерѣ Гіеронима и тогдашнемъ положеніи Сиракузъ, и изъ нихъ можно видѣть, какъ много мы потеряли, лишившись его основательнаго изображенія паденія самостоятельности столь древняго и славнаго государства, каковы были Сиракузы.

подвергнуться тогда отъ строгости римской дисциплины. Происшедшими вслѣдствіе этого волненіями хотѣлъ воспользоваться Андраподоръ для пріобрѣтенія власти, но онъ открылъ свой планъ актеру Аристону, котораго считалъ за друга, а тотъ донесъ объ этомъ правительству. Андраподоръ былъ казненъ и вся Гіеронова фамилія погибла отъ ярости раздраженнаго народа. Для замѣщенія по случаю этого убійства упразднившихся мѣстъ было открыто народное собраніе, но оно происходило съ такимъ смятеніемъ, и матросы, и бѣглецы подняли такой страшный крикъ, что согласно съ ихъ желаніемъ выборъ палъ на Эпикида и Иппократа, и такимъ-образомъ въ высшемъ государственномъ совѣтѣ сиракузской республики заняли мѣсто карѳагенскіе послы. При извѣстіи объ этихъ безпорядкахъ римскій сенатъ отправилъ въ Сицилію М. Клавдія Марцелла, который и заключилъ съ Сиракузами миръ. Римляне признали ихъ республикою, при тѣхъ же владѣніяхъ, какія имѣлъ Гіеронъ. Эпикидъ, посланный комендантомъ въ Леонтины, нарушилъ миръ и Марцеллъ потребовалъ отъ Сиракузъ выдачи его вмѣстѣ съ братомъ его Иппократомъ. Сей послѣдній тотчасъ бѣжалъ къ Эпикиду въ Леонтины, гдѣ они оба укрѣпились и отказали правительству въ повиновеніи. Противъ нихъ изъ Сиракузъ отправили войско, которое должно было вмѣстѣ съ римскимъ покорить отложившійся городъ. Сиракузское войско находилось еще на пути, когда пришло извѣстіе, что Марцеллъ овладѣлъ уже Леонтинами и умертвилъ тамъ всѣхъ мужей. Войско пришло въ величайшее изумленіе, и когда, вскорѣ послѣ того, прибыли и Иппократъ и Эпикидъ, и не только увеличили эту саму по себѣ ложную молву, но и стали съ самымъ жалобнымъ видомъ умолять о защитѣ, оно подняло открытый бунтъ. Настоящіе начальники, страшась за свою жизнь, бѣ-

жали, и Иппократъ съ Эпикидомъ сдѣлались предводителями того самаго войска, которое противъ нихъ же послано было правительствомъ. Они двинулись къ Сиракузамъ, ворота были предъ ними отворены, и вступленіе ихъ въ городъ было ознаменовано умерщвленіемъ или изгнаніемъ всѣхъ принадлежавшихъ къ противной партіи. Въ слѣдующій день рабы были объявлены свободными, темницы отворены и оба брата провозглашены главами. Этотъ переворотъ рѣшилъ судьбу Сиракузъ. Такъ-какъ правленіе перешло теперь въ руки отъявленныхъ враговъ Рима, Марцеллъ тотчасъ выступилъ противъ нихъ въ походъ и осадилъ съ моря и суши. Эта осада есть одна изъ самыхъ примѣчательныхъ во всей исторіи войнъ. Мы видѣли уже при осадѣ Родоса Дмитріемъ Поліоркетомъ, какимъ образомъ тогда приспособляли математическія свѣдѣнія къ усовершенствованію военныхъ машинъ и осадныхъ орудій. Съ того времени всѣ эти знанія подвинулись, ибо въ греко-азіятскихъ государствахъ познали важность реальныхъ наукъ относительно торговли, судоходства и промышленности, и посему занимались ими съ великою ревностью. Главнымъ мѣстомъ этихъ занятій была Александрія и посему можно даже весь такъ-называемый александрійскій періодъ назвать періодомъ развитія полезныхъ въ практической жизни наукъ и искусствъ. Сиракузы, какъ морское и торговое государство, не могли также не принимать участія въ новыхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, и Гіеронъ съ этою цѣлію отправилъ въ Александрію одного изъ родственниковъ своихъ, по имени Архимеда. Сей послѣдній не только усвоилъ себѣ всѣ современныя свѣдѣнія но и пополнилъ ихъ новыми изслѣдованіями и открытіями. Онъ приспособилъ пріобрѣтенныя имъ свѣдѣнія къ дѣлу на защиту Сиракузъ. Что въ разсказахъ историковъ объ этой славной оборонѣ встрѣчаются преувели-

ченія, о томъ нечего и говорить: въ самыхъ описаніяхъ Плутарха и Ливія видно больше краснорѣчія, нежели знанія дѣла, такъ-что трудно составить себѣ опредѣленное понятіе о машинахъ Архимеда. Плутархъ повѣствуетъ, что Архимедъ, по приказанію Гіерона, приготовилъ множество машинъ оборонительныхъ и наступательныхъ, но что онѣ оставались безъ употребленія, пока наконецъ, подъ руководствомъ самого изобрѣтателя не были направлены противъ римлянъ. Архимедъ бросалъ тяжелѣйшіе камни такъ метко, что каждый разъ достигалъ своей цѣли, и стрѣлялъ изъ своихъ машинъ такимъ огромнымъ количествомъ снаряду, что еще вдали разстроивалъ нападенія римлянъ; ставили-ль они подъ выстрѣлы свои корабли, то подвергались еще вѣрнѣйшей гибели: тогда со стѣнъ опускались на нихъ бревна съ крючьями, на подобіе желѣзной руки, которыя подымали ихъ на воздухъ и потомъ, или бросали обратно, къ верху дномъ, въ море, или разбивали о скалистые берега. Зонара разсказываетъ даже, что Архимедъ, посредствомъ зажигательнаго зеркала, произвелъ пожаръ въ римскомъ флотѣ. Что это не невозможно, доказывается опытами, но возможность не есть еще доказательство дѣйствительности. Ливій и Плутархъ въ жизнеописаніи Марцелла не говорятъ о томъ ни слова, а вѣрно они не прешли бы молчаніемъ такого удивительнаго факта, еслибъ нашли что-нибудь о немъ въ находившихся у нихъ источникахъ. Но если это и должно считать преувеличеніемъ позднѣйшихъ писателей, то по-крайней-мѣрѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Архимедъ своими оборонительными орудіями уничтожилъ всѣ нападенія римлянъ, со стороны моря, да и на сухомъ пути они не были счастливѣе — и здѣсь машины Архимеда наводили на нихъ такой страхъ, что они, по выраженію Плутарха, трепетали при видѣ каждаго куска дерева,

выдавшагося изъ-за стѣны, считая это за новую машину великаго математика *). Посему Марцеллъ принужденъ былъ перемѣнить осаду въ облежаніе и ограничить свои дѣйствія пересѣченіемъ къ городу подвоза съ моря и суши, а между-тѣмъ покорилъ прочіе отпавшіе отъ Рима сицилійскіе города. Облежаніе Сиракузъ длилось цѣлые два года (214—212), пока наконецъ римляне, пользуясь безпечностью стражи, предавшейся пьянству по случаю праздника Артемиды, не сдѣлали приступа во время ночи и не проникли въ городъ. Но они успѣли захватить только три части: Эпиполе, Неаполь и Тихе; между-тѣмъ, въ Ахрадинѣ и Ортигіи держался еще Эпикидъ. Говорятъ, что когда Марцеллъ прошелъ чрезъ Гексапилонъ и съ высоты Эпиполе увидѣлъ передъ собою необъятный городъ, величайшій изъ всѣхъ городовъ греческаго міра, то заплакалъ частью отъ радости, что совершилъ такое великое дѣло, частью вспомнивъ о прежней славѣ этого города. Эпикидъ бѣжалъ изъ занятыхъ имъ частей Сиракузъ, и въ то время, какъ граждане вступили съ Марцелломъ въ переговоры, переметчики и наемники, соединившись, захватили правленіе, и Марцеллъ долженъ былъ взять Ахрадине приступомъ. Эта часть города испытала всѣ

---

*) **Polybius (rel. lib. VIII. cap. 9)** прекрасно выражаетъ это такъ: Οὕτως εἷς ἀνὴρ καὶ μία ψυχὴ δεόντως ἡρμοσμένη πρὸς ἔνια τῶν πραγμάτων, μέγα τι χρῆμα φαίνεται γίγνεσθαί καὶ θαυμάσιον. Ἐκεῖνοι γοῦν, τηλικαύτας δυνάμεις ἔχοντες καὶ κατὰ γῆν καὶ κατὰ θάλατταν, εἰ μὲν ἀφέλοι τις πρεσβύτην ἕνα Συρακουσίων, παραχρῆμα τῆς πόλεως κυριεύσειν ἤλπιζον τούτου δὲ σημπαρόντος, οὐκ ἐθάῤῥουν οὐδ᾽ ἐπιβαλέσθαι κατά γε τοῦτον τὸν τρόπον, καθ᾽ ὃν ἀμύνασθαι δυνχατὸς ἦν Αριμήδης. (т. е. Такъ одинъ мужъ и одинъ духъ, достаточно-приготовленный къ какимъ-либо занятіямъ, представляетъ великое и удивительное явленіе. Римляне, обладая такими силами на сушѣ и на морѣ, надѣялись тотчасъ овладѣть городомъ, если бы не было одного сиракузскаго старца; при немъ же они не смѣли и нападать, по-крайней-мѣрѣ такъ, какъ могъ отражать ихъ Архимедъ).

ужасы грабежа и опустошенія, и между многими жертвами ярости и хищничества солдатъ погибъ и Архимедъ, хотя Марцеллъ строго повелѣлъ щадить его жизнь *). Добыча, взятая въ Сиракузахъ, была такъ велика, что Ливій не знаетъ, можно ли было найдти больше въ самомъ Карѳагенѣ. Болѣе всего Марцеллъ вывезъ отсюда статуй и картинъ, чтобъ придать ими большій блескъ своему тріумфу и украсить храмы Чести и Добродѣтели, которые далъ обѣтъ воздвигнуть **). Взятіе Сиракузъ имѣло слѣдствіемъ возвращеніе къ покорности большей части отпавшихъ городовъ. Немногія мѣста, еще находившіяся во власти карѳагенянъ, не получая подкрѣпленій, сдались римлянамъ, и въ 210 году преторъ Левинъ довершилъ завоеваніе всего острова, и Сицилія была теперь обращена совершенно въ римскую провинцію.

Также успѣшно дѣйствовало римское оружіе и въ Испаніи. Римляне не прекращали тамъ военныхъ дѣйствій, даже находясь въ самыхъ крайнихъ об-

---

*) Различные разсказы о смерти Архимеда приводитъ Плутархъ (vit. Marcell. cap. 19).

**) За ввозъ въ Римъ этихъ произведеній изящныхъ искусствъ Марцеллъ подвергся обвиненію, ὅτι τὸν δῆμον, εἰθίσμενον πολεμεῖν ἢ γεωργεῖν, τρυφῆς δέ καὶ ῥαθυμίας ἄπειρον ὄντα, σχολῆς ἐνίπλησε καὶ λαλίας περὶ τέχνης καὶ τεχνίτων, (т. е, что въ народѣ, привыкшемъ воевать или заниматься земледѣліемъ, незнающемъ роскоши и легкомыслія, онъ распространилъ праздность и толки объ искусствахъ и художникахъ). И Ливій (lib. XXV, cap. 40) о томъ же говоритъ: ornamenta urbis, signa tabulasque, quibus abundabant Syracusae, Romam devexit. Hostium quidem illa spolia et parta belli jure: ceterum inde primum initium mirandi Graecarum artium opera, licentiaeque hinc sacra profanaque omnia vulgo spoliandi factum est; quae postremo in Romanos deos, templum id ipsum primum, quod a Marcello eximie ornatum est, vertit.

стоятельствахъ, и слѣдовали при этомъ весьма-мудрой политикѣ, потому-что собственно въ Испаніи заключалась сила барцинской фамиліи, и слѣдовательно, уничтоженіе въ этой странѣ ея вліянія было вмѣстѣ ослабленіемъ Аннибала. Оба Сципіона, Кней и Публій, до 212 года вели войну съ братьями Аннибала, Асдрубаломъ и Магономъ, съ перемѣннымъ счастіемъ, и естественно каждая партія дѣйствовала болѣе силами Испаніи, нежели своими собственными. Посему много зависѣло отъ того — былъ ли главнокомандующій вмѣстѣ хорошимъ дипломатомъ и умѣлъ ли привлечь къ себѣ испанцевъ. Эти качества вмѣстѣ съ блестящимъ талантомъ полководца и благороднымъ характеромъ соединялъ въ своей особѣ юный П. Корнелій Сципіонъ, получившій по смерти отца своего и дяди, въ 212 году, начальство надъ войскомъ въ Испаніи. До 206 года онъ успѣлъ совершенно уничтожить вліяніе карѳагенянъ въ этой странѣ—дѣло, стоившее Амилькару Баркѣ столькихъ трудовъ, и лишить ихъ всѣхъ средствъ, которыми они доселѣ здѣсь пользовались.

Прибывъ въ Испанію, Сципіонъ нашелъ дѣла римлянъ въ весьма-неблагопріятномъ положеніи; посему онъ тотчасъ начертилъ себѣ планъ великаго предпріятія, которое долженствовало самымъ блистательнымъ образомъ возвысить славу римскаго оружія, возбудить довѣренность къ его талантамъ и ослабить карѳагенянъ. Это предпріятіе было завоеваніе Новаго Карѳагена, гдѣ находился главный пунктъ карѳагенскихъ силъ въ Испаніи, и, дѣйствуя съ быстротою, онъ счастливо достигъ своей цѣли. Въ 209 г., прежде не-

жели какое-либо кареагенское войско могло предупредить его, онъ явился предъ стѣнами города, между-тѣмъ какъ другъ его Лелій заперъ гавань флотомъ, и, напавъ съ незащищенной стороны, которая считалась неприступною, овладѣлъ имъ; вмѣстѣ съ нимъ онъ захватилъ въ свои руки содержавшихся здѣсь испанскихъ заложниковъ и воспользовался этимъ счастливымъ обстоятельствомъ къ пріобрѣтенію расположенія ихъ единоплеменниковъ. Щедро одаривъ, онъ распустилъ ихъ по домамъ, и они славили повсюду между своими земляками юнаго римскаго героя. Посему неудивительно, что большая часть испанскихъ народовъ отпала отъ кареагенянъ и перешла на сторону римлянъ. Кареагенскіе полководцы, несмотря на подкрѣпленія, присылаемыя изъ Кареагена, были разбиты Сципіономъ во многихъ сраженіяхъ; въ 208 г. оставилъ Испанію Асдрубалъ, для соединенія съ Аннибаломъ, а въ 206 вышли отсюда и прочіе, такъ-что отъ сего времени эта страна сдѣлалась совершенно-зависимою отъ римлянъ. Съ мыслью перенести войну въ Африку и тамъ рѣшить ее, осенью 206 года прибылъ Сципіонъ въ Римъ.

Счастливые успѣхи оружія въ Сициліи и Испаніи привели почти у римлянъ въ забвеніе прежнія пораженія; итакъ они вооружились и въ Италіи для покоренія отпавшихъ городовъ, впрочемъ избѣгали еще, сколько возможно, вступать въ открытый бой съ самимъ Аннибаломъ; то, что онъ не могъ спасти Капуу, доказываетъ, что и въ Италіи счастіе перешло на сторону римлянъ, и когда братъ его Асдрубалъ, шедшій для соединенія съ нимъ изъ Испаніи, и встрѣченный римлянами, погибъ со всѣмъ своимъ

войскомъ, то Аннибалъ убѣдился въ неизбѣжности несчастія Карѳагена. Онъ своими талантами могъ облегчить, но не отвратить роковой ударъ. Рѣшеніе послѣдовало въ Африкѣ, куда Сципіонъ перенесъ театръ войны и куда для спасенія стѣсненнаго отечества поспѣшилъ также и Аннибалъ. Послѣ пораженія при Замѣ, карѳагеняне должны были принять миръ на условіяхъ, предложенныхъ римлянами; они, хотя и остались независимыми и удержали свои владѣнія въ Африкѣ, но вмѣстѣ-съ-тѣмъ были лишены всѣхъ средствъ когда-либо снова сдѣлаться опасными для Рима.

Покореніе отпавшей къ Аннибалу Италіи въ конецъ раззорило и опустошило эту страну: ибо если съ одной стороны города были разрушаемы въ наказаніе за отпаденіе, то не менѣе терпѣли оставшіеся вѣрными, будучи доведены до крайняго истощенія. Изъ 34 колоній, не покорившихся непріятелю, 13 уже въ 212 году объявили, что не въ состояніи долѣе чѣмъ-либо служить республикѣ, а остальныя 21 могли быть силою принуждены къ доставленію такъ-называемыхъ добровольныхъ приношеній. Впрочемъ, въ сенатѣ мнѣнія о томъ, какъ должно поступать съ отпавшими союзниками: привлекать ли ихъ къ себѣ кротостью или внушать страхъ строгостію и дѣлать безвредными на будущее время, были несогласны; поэтому военачальнику предоставлялось дѣйствовать по своему личному характеру. Противъ Капуи, которая первая показала примѣръ отпаденія, былъ направленъ и первый походъ римлянъ, совершенный въ 211 году, подъ начальствомъ консуловъ Аппія Клавдія и Фульвія Флакка и чѣмъ больше римляне были раздражены неблагодар-

ностью этого облагодѣтельствованнаго ими города тѣмъ горшая угрожала ему отъ нихъ участь. Посему Аннибалъ, сколько изъ собственныхъ выгодъ, столько и по обязанности долженъ былъ употребить для спасенія его всѣ зависѣвшія отъ него средства. Онъ хотѣлъ принудить консуловъ къ прекращенію осады тѣмъ, что пошелъ прямо на Римъ и въ первый разъ показался въ виду города, но не имѣлъ и въ томъ успѣха. За пять лѣтъ прежде, тотчасъ послѣ битвы при Каннахъ, появленіе Аннибала произвело бы великое впечатлѣніе; теперь же Hannibal ante portas было для римлянъ больше предметомъ любопытства, нежели страха. Итакъ судьба Капуи была рѣшена. Многіе знатные капуанцы не дождались приговора римскаго сената и передъ сдачею города, собравшись на пиръ, приняли ядъ; нѣсколько сотъ было казнено, остальные заключены въ вѣчное заточеніе, а Капуа, лишенная всѣхъ своихъ привилегій, обращена въ префектуру. Хотя Аннибалъ и оставался еще въ Италіи, впрочемъ дальнѣйшее его пребываніе здѣсь важно только потому, что держало римлянъ въ постоянномъ вниманіи и напряженіи, чтобы новыя и сильныя подкрѣпленія не привели его въ состояніе снова предпринять обширнѣйшій кругъ дѣйствій. Но карѳагенское правительство не посылало къ нему ничего, поэтому братъ его Асдрубалъ, оставивъ Испанію, въ которой уже все для Карѳагена было потеряно, въ 208 году отправился къ нему на помощь. Онъ счастливо перешелъ черезъ Альпы, и его соединеніе съ Аннибаломъ конечно могло бы дать войнѣ новый и опасный для Рима оборотъ, но онъ слишкомъ-долго промедлилъ въ Верхней Италіи, и Аннибалъ вмѣстѣ съ извѣстіемъ о его прибытіи узналъ и о пораженіи его. Консулы 207 г. М. Ливій и Клавдій Неронъ напали на него при Метаврѣ, гдѣ, потерявъ все свое войско, Асдрубалъ самъ погибъ въ

битвѣ. Говорятъ, что, получивъ извѣстіе объ этомъ несчастіи, Аннибалъ произнесъ слѣдующія слова: agnosco infelicitatem Carthaginis! Онъ былъ теперь оттѣсненъ въ Бруціумъ, и Римляне, не дѣлая на него здѣсь нападеній, обратили всѣ свои силы на покореніе еще неприведенныхъ въ повиновеніе городовъ и на Африку, куда рѣшились перенесть войну, такъ-что Аннибалъ долженъ былъ наконецъ оставить Италію, чтобы идти на помощь собственному своему отечеству. Завоеватель Испаніи, Сципіонъ, понялъ, что легче всего можно побѣдить Аннибала, высадившись на берега Африки; поэтому, лишь только получилъ назначеніе въ консулы на 205 г., тотчасъ положилъ перенесть туда войну. Хотя политическіе его противники, въ томъ числѣ и самъ Кв. Фабій Максимъ, старались воспрепятствовать принятію этого плана, несмотря на то, Сципіонъ принялъ исполненіе его на свою отвѣтственность, и сенатъ былъ такъ благоразуменъ, что не только не лишилъ начальства лучшаго своего полководца, но и продолжилъ его власть до самаго окончанія войны. Въ 204 году Сципіонъ въ Лилибеѣ сѣлъ на корабли и счастливо, не встрѣтивъ сопротивленія, высадился на африканскій берегъ. Здѣсь онъ нашелъ дѣла въ весьма благопріятномъ положеніи для римлянъ. Нумидійскій царь Массинисса тотчасъ принялъ его сторону, и хотя сей послѣдній имѣлъ при себѣ только 200 всадниковъ, но онъ надѣялся, что при первой побѣдѣ ему покорится вся Нумидія. Въ Нумидіи въ то время царствовали два царя — Сифаксъ и Массинисса; съ первымъ Сципіонъ началъ переговоры, находясь еще въ Испаніи, но кароагеняне склонили его на свою сторону, выдавъ за него дочь одного изъ первыхъ лицъ республики, Асдрубала, сына Гисгонова, славную по своей красотѣ и несчастной участи, Софонисбу, хотя она уже была обручена Массиниссѣ. Смер-

тельно оскорбленный этимъ Массинисса взялся за оружіе, но долженъ былъ уступить своему сопернику, который былъ сильнѣе его. Это случилось въ то самое время, когда прибылъ въ Африку Сципіонъ, и Массинисса для удовлетворенія своему мщенію вступилъ съ нимъ въ союзъ. Итакъ цѣлію первыхъ предпріятій Сципіона было доставить Массиниссѣ владычество надъ всею Нумидіею, и онъ успѣлъ въ этомъ, поразивъ карѳагенянъ въ двухъ сраженіяхъ и взявъ въ плѣнъ царя Сифакса. Массинисса за эту услугу показалъ такую благодарность, что союзу съ римлянами пожертвовалъ Софонисбою, которая, попавъ въ плѣнъ, сдѣлалась уже его супругою *). Карѳагенское правительство, не столь твердое какъ римское, предложило миръ, и когда условія его показались слишкомъ-жестокими, то старались переговорами по-крайней-мѣрѣ удержать римлянъ отъ военныхъ дѣйствій до прибытія Аннибала. Великій полководецъ повиновался повелѣнію своего правительства, онъ высадился въ 201 г. при Адруметѣ; не предвидя добраго конца, онъ не прежде вступилъ въ сраженіе, пока всѣ просьбы его о мирѣ не были отвергнуты Сципіономъ. Теперь всѣ выгоды были на сторонѣ римлянъ: довѣренность къ полководцу и отличная нумидійская конница, предводимая царемъ, который имъ обязанъ своею короною. Итакъ самый геній Аннибала не могъ отвратить несчастнаго рѣшенія битвы при Замѣ. Онъ потерпѣлъ здѣсь столь рѣшительное пораженіе, что самъ совѣтовалъ карѳагенянамъ просить мира, и доводы его были такъ убѣдительны, что народъ согласился принять миръ, диктованный римлянами, какъ-бы жестоки ни были его условія. Карѳагеняне хотя сохранили свою независи-

---

*) Livius lib. XXX, cap. 12 — 16.

мость и не потеряли ничего изъ своихъ владѣній въ Африкѣ, но были лишены всѣхъ средствъ еще когда-нибудь сдѣлаться опасными для римлянъ. Они должны были выдать всѣ военные корабли, исключая десяти, всѣхъ боевыхъ слоновъ съ обязательствомъ не набирать новыхъ. Безъ согласія римлянъ не смѣли начинать войны ни внутри, ни внѣ Африки. Такимъ-образомъ Карѳагенъ былъ какъ бы совсѣмъ обезоруженъ, и въ Массиниссѣ, тѣсно связанномъ съ интересами Рима и сдѣлавшемся теперь царемъ всѣхъ нумидійцевъ, получилъ зоркаго стража *). Наконецъ они должны были впродолженіе 50 лѣтъ выплатить 10,000 талантовъ и позволить Сципіону выбрать себѣ сто заложниковъ. Итакъ, если Карѳагенъ и существовалъ еще, въ политическомъ отношеніи былъ обезсиленъ и доведенъ до совершенной незначительности. Теперь Аннибалъ, съ тою же дѣятельностью, какую показалъ на войнѣ, принялся за внутреннее управленіе государства, и его строгой экономіи Карѳагенъ обязанъ тѣмъ, что не только могъ заплатить огромныя суммы, требуемыя римлянами, но даже мало-по-малу отдохнуть отъ ударовъ, нанесенныхъ войною.

Вліяніе этой продолжительной войны, грозившей Риму столь близкою опасностью, на внутреннее устройство государства состояло въ томъ, что нѣко-

---

*) Въ этомъ отношеніи особенно важна слѣдующая статья договора, Polyb. lib. XV, cap. 18: Οἰκίας καὶ χώραν καὶ πόλεις, καὶ εἴ τι ἑτερόν ἐστι Μασσανάσσου τοῦ βασίλεως, ἢ τῶν προγόνων, ἔντος τῶν ἀποδειχθησομένων ὅρων αὐτοῖς, πάντα ἀποδοῦναι Μασσανάσσῃ. (т. е. Домы, землю, города или что-либо другое, принадлежавшее царю Массиниссѣ или его предкамъ, въ предѣлахъ, которые должны быть назначены имъ, все отдать Массиниссѣ.)

торыя фамиліи примѣтно возвысились надъ другими въ силѣ и значеніи. Естественно, что мужи, отличавшіеся въ этой опасности своими талантами и внушившіе къ себѣ довѣренность, постоянно удерживали начальство надъ войскомъ. Уваженіе, пріобрѣтенное ими, распространилось и на ихъ фамиліи, и такимъ-образомъ въ нѣдрахъ аристократіи составилась еще тѣснѣйшая аристократія, которая захватила въ свои руки всѣ важнѣйшія государственныя дѣла. Что отсюда не могла возникнуть олигархія, причина тому заключалась частью въ самомъ характерѣ римской республики, частью въ томъ, что противъ этихъ первенствующихъ фамилій образовалась оппозиція; она сохраненіемъ старыхъ римскихъ нравовъ и обычаевъ умѣла сдѣлаться народною, между-тѣмъ, какъ тѣ фамиліи предались греческому образованію и своею жизнію весьма-замѣтно отличались отъ прочихъ своихъ соотечественниковъ. Это различіе естественно еще болѣе увеличилось, когда римляне вскорѣ по окончаніи аннибаловой войны вмѣшались въ дѣла грековъ и покорили ихъ. Итакъ, мы должны здѣсь снова взяться за прерванную нами нить исторіи Греціи, которая отселѣ приходитъ въ тѣснѣйшую связь съ римскою.

Мы оставили Македонію во власти наслѣдниковъ Димитрія Поліоркета и Грецію въ состояніи совершеннаго разстройства: въ нѣкоторыхъ городахъ ея господствовали тиранны, другіе были заняты македонскими гарнизонами, только одни этолійцы успѣли сохранить свою независимость. Двѣ страны, доселѣ

незначительныя и рѣдко упоминаемыя въ греческой исторіи, Этолія и Ахайя, сдѣлались теперь средоточіемъ, къ которому примкнула греческая жизнь въ послѣдній періодъ своего развитія, и *этолійскій* и *ахейскій союзы* были послѣдними формами, которыми греческая нація заключила долгое и славное свое бытіе *). Они оба вышли изъ своихъ первоначальныхъ предѣловъ и приняли въ свой кругъ другія греческія республики; этолійскій союзъ увеличился частію посредствомъ симполитіи, частію симмахіи, Ахейскій же, основанный на совершенномъ политическомъ равенствѣ союзныхъ городовъ, распространился надъ большею частію Греціи, послѣ того какъ былъ, по присоединеніи къ нему Сикіона, извлеченъ дѣятельностью гражданина сего города, Арата, изъ прежней своей незначительности.

Изъ всѣхъ греческихъ племенъ — этолійское было самое грубое, поэтому между ними сохранились и воинственный духъ и строгость нравовъ, въ то время, когда эти качества исчезли въ другихъ процвѣтавшихъ прежде греческихъ республикахъ. Союзъ этолійцевъ существовалъ издревле и основывался на общемъ ихъ происхожденіи, одинакихъ обычаяхъ и одномъ нарѣчіи. Но непрочность этой связи оказалась во время пелопоннезской войны, когда они дѣйствовали безъ всякаго единодушія, и только по окончаніи ламійской

---

*) Geschichte Griechenlands von der Entstehung des ätolischen und achäischen Bundes bis auf die Zerstörung Korinths, von Dr. Wilh. Schorn. Bonn, 1833.

войны, когда имъ угрожала опасность, быть переселенными Антипатромъ въ Азію, страхъ вдохнулъ въ нихъ новую жизнь. Этолійцы соединились тѣснѣе и рѣшились защищаться общими силами. Обитаемая ими гористая страна, по своему неплодородію немогшая доставлять достаточнаго продовольствія для всего народонаселенія, принудила жителей къ набѣгамъ. Высшій государственный сановникъ, стратегъ, былъ главою союза. Общія собранія этолійцевъ происходили въ Ѳермѣ при храмѣ Аполлона. Избиравшійся изъ среды ихъ комитетъ, апоклеты, занимался разсматриваніемъ дѣлъ, которыя потомъ стратегъ представлялъ на рѣшеніе народному собранію. Дѣла, обыкновенно рѣшаемыя здѣсь, были война или миръ, выслушаніе иностранныхъ пословъ и выборъ чиновниковъ. Второе мѣсто послѣ стратега занималъ иппархъ, или предводитель конницы, и грамматеисъ, или статсъ-секретарь. Чрезвычайные чиновники были номографы, предлагавшіе новые законы и доказывавшіе народу ихъ пользу. Этолійскій союзъ особенно распространился со времени счастливой обороны отъ галловъ, и многія области и города присоединились къ нему, чтобы въ одно и то же время быть въ безопасности отъ набѣговъ этолійцевъ и отъ ига македонскаго. Къ этолійскому союзу принадлежали Фокида, Локрида, часть Аркадіи и многіе города въ Ѳессаліи; другіе, какъ напр. Элида, были соединены съ нимъ симмахіею.

Союзъ городовъ ахейскихъ, основанный совсѣмъ на другихъ началахъ, нежели этолійскій, имѣлъ и совершенно-отличное отъ него устройство. По завоеваніи Пелопоннеза дорянами, ахейцы утвердились въ странѣ, названной по имени ихъ Ахайею, и составили союзъ изъ двѣнадцати городовъ. Эти города были: Патры, Димы, Фары, Тритея, Леонтіонъ, Эгира, Пеллене, Эгіонъ, Бура, Кериней я, Оленъ и Гелике. Они были не-

значительны и доселѣ мало принимали участія въ великихъ политическихъ событіяхъ Греціи; впрочемъ сохранили свой союзъ до того времени, когда наслѣдники Александра Великаго вступили въ споръ за владѣніе Греціею, и доставленіемъ большихъ выгодъ одному государству передъ другимъ старались усиливать свои партіи. Бури этого безпокойнаго времени потрясли и ахейскій союзъ: каждый городъ искалъ сколько возможно больше выгодъ, и всѣ сдѣлались добычею или тирановъ подъ вліяніемъ Македоніи, или македонскихъ гарнизоновъ *). Такое бѣдственное состояніе пробудило въ ахейцахъ желаніе возстановить свой прежній союзъ: начало сему положили города Димы, Патры, Тритея и Фары, которыхъ соединеніе, по свидѣтельству Поливія, относится къ тому времени, когда Пирръ предпринялъ походъ въ Италію, слѣдовательно къ 281 г. до Р. Х. Поливій также говоритъ, что нѣтъ ни памятника, ни договорныхъ актовъ объ этомъ соединеніи, очевидно потому, что оно было только возобновленіемъ древнихъ, разстроенныхъ несчастными обстоятельствами отношеній. Послѣ сего одинъ городъ за другимъ, какъ скоро успѣвалъ выгнать македонскій гарнизонъ или освободиться отъ тиранна, тотчасъ приставалъ къ союзу, и со времени присоединенія Эгіона, въ 276 г., для вступающихъ были постановлены опредѣленныя условія, которыя они обязывались принимать. Отличительнымъ характеромъ ахейскаго союза отъ всѣхъ прежнихъ греческихъ федерацій было совершенное политическое равенство и неприкосновенность внутренняго устройства всѣхъ союзныхъ горо-

---

*) Polyb. lib. II. cap. 41. Изъ двѣнадцати ахейскихъ городовъ два, Оленъ и Гелике, были разрушены землетрясеніемъ и морскимъ наводненіемъ.

довъ. Сначала главами союза были грамматейсъ и два стратега, ежегодно смѣнявшіеся и избиравшіеся попеременно, то изъ одного, то изъ другаго изъ союзныхъ городовъ. Въ двадцать пятомъ году по возобновленіи союза въ этомъ устройствѣ произошла та перемѣна, что верховная власть сосредоточилась въ рукахъ *одного* стратега. Это случилось въ то время, когда ахейскій союзъ, возвышенный дѣятельностью сикіонянина *Арата,* изъ федераціи небольшихъ мѣстечекъ, явился первенствующимъ государствомъ Греціи. Сикіонъ, подобно большей части пелопоннезскихъ городовъ, попалъ въ руки тиранновъ, которые безпрестанно низвергали одинъ другаго. Во время одного такого переворота, отецъ Арата, Клиній, былъ убитъ, и самъ Аратъ, бывшій тогда еще дитятею, съ трудомъ спасенъ въ Аргосъ. Тамъ онъ воспитывался до того возраста, когда почувствовалъ въ себѣ довольно силы, чтобы подумать объ освобожденіи своего отечества; онъ могъ рѣшиться на это тѣмъ съ большею увѣренностью, что вокругъ него собрались всѣ сикіонскіе изгнанники и отецъ его находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ царями Антигономъ Гонатомъ и Птоломеемъ Филадельфомъ, которые слѣдовательно навѣрно не отказали бы въ помощи сыну. Впрочемъ, по зрѣломъ размышленіи, Аратъ отвергъ союзъ обоихъ этихъ царей, опасаясь принятіемъ иностраннаго гарнизона впослѣдствіи быть принужденнымъ подчинить и освобожденный городъ игу иноземцевъ. Онъ обратилъ взоры на ахейскій союзъ, котораго основныя начала—изономія и автономія—казались ему вѣрнѣйшими залогами независимости отечества; итакъ онъ положилъ, въ случаѣ успѣха своего предпріятія присоединить Сикіонъ, несмотря на его дорійское происхожденіе, къ союзу ахейцевъ. Съ столь же великою хитростью какъ смѣлостью, Аратъ, съ своими приверженцами, занялъ стѣны Сикіона, и такъ-какъ

граждане приняли его сторону, то революція кончилась безъ кровопролитія и безъ всякаго другаго насилія, кромѣ сожженія дома тирана. Послѣ сего, въ 252 г. (Ол. 132. 1.), Аратъ вступилъ въ ахейскій союзъ. Естественно, что такой знаменитый человѣкъ скоро пріобрѣлъ преимущественное вліяніе, и его исторія впродолженіе нѣкотораго времени была вмѣстѣ исторіею союза. Но его превосходный во всякомъ другомъ отношеніи характеръ имѣлъ ту дурную черту, что онъ слишкомъ надѣялся на свои таланты и способности, и, будучи только отличнымъ политикомъ, хотѣлъ также прославиться какъ полководецъ *). Что касается до внутренняго устройства союза, то хотя въ каждомъ городѣ и были свое особенное народное собраніе, свой сенатъ или совѣтъ и свои судьи, но нѣкоторые законы имѣли равную силу во всѣхъ; такъ наприм. во всѣхъ союзныхъ городахъ существовали одинакая мѣра, вѣсъ и монета. На общихъ собраніяхъ союза, постоянно происходившихъ чрезъ извѣстное время сперва въ Эгіонѣ и потомъ въ Коринѳѣ, могъ присутствовать каждый гражданинъ: каждый имѣлъ право говорить и дѣлать предложенія, но такъ-какъ изъ другихъ городовъ уже по причинѣ путевыхъ издержекъ сюда могли съѣзжаться только люди достаточные, то этимъ была устранена охлократія. Собраніе обыкновенно продолжалось только три дня, поэтому трудно допустить, чтобы тутъ происходили какія-нибудь пренія, но, кажется, прямо приступали къ собиранію голосовъ въ пользу

---

*) Аратъ самою природою не былъ созданъ полководцемъ, ибо τὸ πάλλεσθαι τὴν καρδίαν και τὸ χρῶμα τρέπεσθαι παρὰ τὰ φαινόμενα δεινὰ (т. е. біеніе сердца и измѣненіе въ цвѣтѣ лица при появленіи страшнаго.) (Плутархъ. Аратъ гл. 29) — качества менѣе всего приличныя военачальнику.

или противъ сдѣланныхъ предложеній. Главное управленіе дѣлами союза находилось въ рукахъ стратега и государственнаго совѣта изъ десяти членовъ, называвшихся δημιουργοί. Всѣ они смѣнялись ежегодно; впрочемъ, сложившій должность стратегъ тотчасъ могъ быть избираемъ снова; если стратегъ умиралъ до конца года, или впродолженіе своего правленія найденъ былъ виновнымъ въ измѣнѣ, то его мѣсто занималъ его предшественникъ. Но стратегъ имѣлъ только исполнительную власть, дѣятельность государственнаго совѣта ограничивалась однимъ предварительнымъ разсматриваніемъ дѣлъ: собственное же рѣшеніе зависѣло отъ народа. Предложенія, поступившія на рѣшеніе общаго собранія, были не только произносимы изустно, но и выдаваемы письменно. Въ дѣлопроизводствѣ впродолженіе трехъ дней собранія наблюдался слѣдующій порядокъ: въ первый день разсматривали внѣшнія дѣла, допускали къ выслушанію иностранныхъ пословъ и давали имъ отвѣтъ; во второй дѣлали новыя предложенія; въ третій большинствомъ голосовъ рѣшали ихъ. Однако, при своемъ чисто-демократическомъ устройствѣ, образъ правленія союза имѣлъ одну сторону, которою къ своей пользѣ весьма приближался къ монархическому, именно: мужъ отличный по своимъ заслугамъ и талантамъ могъ такъ долго оставаться главою государства, что его власть можно назвать почти пожизненною; такъ напр. Аратъ былъ стратегомъ 17 разъ. Захвативъ въ свои руки ключъ Пелопоннеза — Коринѳъ, онъ особенно возвысилъ силу союза. Антигонъ Гоннатъ овладѣлъ этимъ городомъ посредствомъ хитрости, Аратъ въ 244 г. отнялъ его у македонянъ и присоединилъ къ ахейскому союзу; къ нему пристали также Мегара, Трезене и Эпидавръ. Это возбудило соперничество и вражду въ этолійцахъ, но Аратъ мудрою политикою умѣлъ поставить себя въ та-

кое положеніе, что эта непріязнь не могла быть ему опасна. Антигонъ Гоннатъ умеръ въ 243 г. и ему наслѣдовалъ сынъ его Димитрій (243—233). Сей послѣдній, чтобы не потерять совершенно вліянія на Грецію, поставилъ себѣ за правило, сколько возможно поддерживать власть слабыхъ тиранновъ, которые еще господствовали въ нѣкоторыхъ городахъ Пелопоннеза, и этимъ обстоятельствомъ, равно-какъ неспособностію Арата въ военномъ дѣлѣ, можно объяснить, почему покушеніе ахейцевъ, освободить Аргосъ, не имѣло успѣха. Но по смерти Димитрія положеніе дѣлъ измѣнилось. Димитрій оставилъ сына Филиппа еще несовершеннолѣтнимъ, и правленіе принялъ его опекунъ, впрочемъ съ титуломъ царя, Антигонъ II Досонъ *) (233—221). Занятый внутри и на сѣверныхъ предѣлахъ своего царства, онъ не подкрѣплялъ больше греческихъ тиранновъ. Посему они сочли за лучшее отказаться отъ власти добровольно. Лизіадъ, тираннъ Мегалополя, тогда многолюднѣйшаго города въ Пелопоннезѣ, первый подалъ примѣръ, ему послѣдовали Клеонимъ Фліунтскій и Ксенонъ Герміонскій. Также и Аѳины, по смерти царя Димитрія, пристали къ ахейскому союзу, купивъ за 150 талантовъ выступленіе изъ своихъ стѣнъ македонскаго гарнизона. Вмѣстѣ съ Аѳинами присоединились Саламинъ и Эгина, а въ 228 году и Аргосъ, и теперь было самое удобное время распро-

---

*) Родство Антигона съ Филиппомъ явствуетъ изъ слѣдующей генеалогіи;

Димитрій Поліоркетъ

Антигонъ Гоннатъ.	Димитрій Киренейскій.
Димитрій II.	Антигонъ II. Досонъ.
Филиппъ.	

странить союзъ по всему Пелопоннезу и въ большей части внѣ его лежащихъ странъ.

Столкновеніемъ съ Спартою остановленный на половинѣ пути своего развитія, ахейскій союзъ принялъ ложное политическое направленіе. Спарта въ это время пыталась, возстановленіемъ находившагося въ упадкѣ ликургова устройства, возвратить себѣ прежнее значеніе, и хотя насильственное принятіе старой политической формы, лишенной оживлявшаго ее духа, обыкновенно имѣетъ слѣдствіемъ скорѣе разстройство, нежели истинное возрожденіе, несмотря на то личныя качества царя Клеомена, успѣвшаго совершить это преобразованіе, дали спартанской республикѣ новый полетъ. Ахейцы подъ начальствомъ невоинственнаго Арата были побѣждены спартанцами, предводимыми Клеоменомъ. Побѣдоносный царь предложилъ ахейцамъ миръ вмѣстѣ съ условіемъ сдѣлать его своимъ главою — и въ такомъ случаѣ древній пелопоннезскій союзъ подъ гегемоніею Спарты былъ бы возобновленъ. Но тогда бы Аратъ сдѣлался совершенно-незначительнымъ и долженъ былъ сойдти со сцены; его тщеславіе не вынесло этого, и, чтобы только спасти свое вліяніе, онъ предалъ ахейскій союзъ въ руки его естественнаго врага, царя македонскаго. Антигонъ Досонъ съ радостью схватился за этотъ случай, подававшій ему надежду, при помощи ахейцевъ, возстановить въ Греціи совершенно-потерянное вліяніе Македоніи; онъ вступилъ съ ахейцами въ союзъ, и теперь

между Мекедоніею и Спартою открылась война, кончившаяся не только гибелью Клеомена, но и рушеніемъ новаго введеннаго въ Спартѣ устройства и уничтоженіемъ послѣднихъ остатковъ древне-спартанской жизни.

Могущество Спарты пало съ того времени, какъ ея гегемонія была ниспровергнута Ѳивами; ни противъ Филиппа, ни за или противъ Алексаняра Спарта не ознаменовала себя ничѣмъ особеннымъ; самое возстаніе 330 года противъ македонскаго владычества было предпринято не совокупными силами республики, но однимъ изъ царей, Агисомъ. Спарта находилась въ видимомъ упадкѣ, да и не могло быть иначе при совершенномъ противорѣчіи законовъ съ нравами и при существованіи формъ, лишенныхъ духа, долженствовавшаго ихъ оживлять. Современникъ Филиппа Эфоръ Эпитадей сдѣлалъ постановленіе, по которому позволялось продавать недвижимое имѣніе: отъ этого мало-помалу образовалась олигархія, потому-что вмѣсто 9,000 фамилій, получившихъ по дѣленію ликургову въ удѣлъ большіе участки земли, теперь вся поземельная собственность скопилась въ рукахъ не болѣе ста владѣльцевъ. Легко понять, какъ тягостна была происшедшая отсюда несоразмѣрность въ имуществѣ, когда представимъ, что въ Спартѣ все еще не занимались ни ремеслами, ни торговлею, и слѣдовательно не было средствъ къ пріобрѣтенію. Итакъ грабительство сдѣлалось необходимымъ, чтобы чѣмъ-нибудь занимать и поддерживать обѣднѣвшихъ гражданъ; и въ самомъ-дѣлѣ, со времени владычества македонянъ въ Греціи, мы видимъ, что спартанскіе цари превращаются въ майнотскихъ атамановъ. Женскій полъ имѣлъ значительное вліяніе, и особенно дѣвицы-наслѣдницы родительскаго

имѣнія имѣли въ своемъ распоряженіи многочисленную свиту женниховъ, и такъ-какъ въ обращеніи ихъ сохранилась прежняя вольность, между-тѣмъ какъ духа прежняго воспитанія, дѣлавшаго ее безвредною, уже не существовало, то поэтому въ отношеніи обоихъ половъ обнаружилась величайшая безнравственность *). Таково было состояніе Спарты, когда въ 244 году Агисъ III наслѣдовалъ во власти отцу своему Евдамиду и, проникнутый мыслью возстановленія прежней славы своего отечества, прежде всего сталъ заботиться объ уничтоженіи основнаго зла, противорѣчія нравовъ съ законами. Онъ строго наблюдалъ старину въ одеждѣ, кушаньѣ и омовеніи, и, имѣя не болѣе двадцати лѣтъ отъ-роду, нашелъ между своими сверстниками, и вобще между всѣми молодыми людьми, приверженцевъ и подражателей. Но исполненіе этого плана было невозможно безъ ниспроверженія настоящаго порядка вещей, и такъ-какъ царская власть доставляла слишкомъ-мало силы, то надлежало дѣйствовать съ большою предусмотрительностью и благоразуміемъ. Въ то время вся государственная власть находилась въ рукахъ эфоровъ, посему склонить одного изъ нихъ на свою сторону было необходимо, и Агисъ успѣлъ въ этомъ, помѣстивъ въ число эфоровъ Лизандра, человѣка, согласнаго съ его планами и положеніями. Въ-самомъ-дѣлѣ Лизандръ тотчасъ предложилъ народному собранію уничтожить всѣ долги и сдѣлать новое дѣленіе земли. Число участковъ, назначенныхъ Ликургомъ, должно было уменьшить вполовину, именно составить 4,500 для спартіатовъ и 15,000 для лакедемонянъ. Вся аристократія вмѣстѣ съ другимъ царемъ Леонидомъ воспротивилась этому, но

---

*) Общее изображеніе испорченности спартанскаго устройства и причины онаго представляетъ Плутархъ. Agis, cap. 5.

Агисъ съ своими приверженцами обратился къ народу и объявилъ, что не только самъ выдастъ всѣ свои деньги, поля и имѣнія своей матери и бабки, но что имѣетъ также порученіе отъ своихъ родственниковъ принесть въ жертву государству и ихъ имущества. Однако герузія отвергла предложеніе и слѣдовательно оно не могло быть приведено въ исполненіе законнымъ образомъ; оттого прибѣгли къ интригамъ и во-первыхъ старались удалить Леонида. Обвиненный въ одномъ незначительномъ проступкѣ, онъ былъ низложенъ, и на его мѣсто поставленъ зять его Клеомбротъ. Опираясь на немъ, Агисъ началъ дѣйствовать смѣлѣе, и объявилъ, что возобновитъ древнія права царей и не допуститъ болѣе эфоровъ управлять всѣмъ единовластно. Это прошло не безъ насилій: молодежь вооружилась за Агиса; должники были освобождены, эфоры низложены и замѣщены новыми, благопріятствовавшими его намѣреніямъ. Въ числѣ ихъ находился дядя Агиса, Агезилай, и этотъ корыстолюбецъ обманулъ благороднаго и исполненнаго пламенной ревности къ благу отечества царя. Агезилай, имѣя на себѣ множество долговъ, склонилъ Агиса объявить уничтоженіе долговъ прежде раздѣленія земли. Когда это было исполнено и онъ увидѣлъ себя освобожденнымъ отъ долговъ, то не спѣшилъ раздѣломъ и старался подъ разными предлогами отсрочивать дѣло. Въ это самое время случилось, что Агисъ выступилъ въ походъ противъ этолійцевъ; пользуясь его отсутствіемъ, противная партія усилилась снова. Именно Агезилай, по удовлетвореніи своихъ своекорыстныхъ видовъ, такъ далеко уклонился отъ плановъ племянника, что вмѣсто облегченія состоянія бѣдныхъ, сдѣлалъ его еще болѣе тягостнымъ, умноживъ мѣсячныя подати прибавленіемъ къ году 13 го мѣсяца. Естественно, что обманутый въ своихъ ожиданіяхъ народъ былъ весьма озлобленъ,

и когда въ 241 г. олигархи взялись за оружіе, онъ не оказалъ царю никакой помощи. Низложенный и изгнанный царь Леонидъ возвратился, напротивъ Агисъ и Клеомбротъ искали защиты у алтарей. Клеомбротъ былъ спасенъ просьбами жены своей, дочери Леонида, и удалился въ изгнаніе, а Агисъ сдѣлался жертвою своихъ враговъ. Вѣроломно-лишенный свободы, онъ съ презрѣніемъ отвергъ предложенное ему средство спасти жизнь на счетъ своей чести и справедливости; онъ объявилъ, что дѣйствовалъ не по принужденію, а изъ любви къ отечеству, и послѣ этого былъ удавленъ вмѣстѣ съ матерью и бабкою. Конечно нельзя отказать Агису въ величіи души, и Плутархъ особенно смотрѣлъ въ немъ на эту сторону и, по своему обыкновенію старался представить въ блестящемъ видѣ, но при всемъ томъ въ способѣ, принятомъ имъ для приведенія предпріятія въ исполненіе, онъ обнаружилъ только юношескую опромечтивость. Планъ Агиса возобновилъ сынъ самого Леонида, Клеоменъ, который, находясь въ болѣе-зрѣломъ возрастѣ и имѣя въ характерѣ больше энергіи, дѣйствовалъ благоразумнѣе и рѣшительнѣе. Онъ видѣлъ, что совершенное измѣненіе внутренняго состоянія Спарты невозможно безъ насильственнаго низверженія олигархіи и слѣдовательно безъ оружія, и тогдашнія обстоятельства доставили ему случай образовать преданное себѣ войско. Итакъ здѣсь тотъ пунктъ, въ которомъ дѣла Спарты приходятъ въ тѣсную связь съ исторіею ахейскаго союза. Мы видѣли, какимъ образомъ Аратъ мало-по-малу распространилъ союзъ надъ большею частію Пелопоннеза; постоянно приближаясь къ предѣламъ Лаконіи, онъ вознамѣрился наконецъ присоединить къ себѣ всю Аркадію, которой часть находилась въ союзѣ съ этолійцами. Такимъ-образомъ онъ въ одно время возбудилъ соревнованіе въ спартанцахъ и этолійцахъ, которыхъ

взаимные интересы побудили къ соединенію, чтобы общими силами противостать своекорыстнымъ видамъ ахейцевъ. Клеоменъ вторгнулся въ сопредѣльныя Лаконіи владѣнія союза, и Аратъ, страшась войны, не прежде рѣшился мстить за это нарушеніе мира и въ собраніи союза не прежде положилъ объявить войну, какъ когда уже спартанцы утвердились въ области Мегалополя. Во время этой войны, продолжавшейся три года (228 — 226), Аратъ совсѣмъ почти упалъ въ уваженіи своихъ союзниковъ, между-тѣмъ какъ Клеоменъ достигъ своей цѣли: пріобрѣлъ славу отличнаго вождя и образовалъ преданное себѣ войско. Съ отборнымъ отрядомъ изъ своего побѣдоноснаго войска онъ не медля отправился въ Спарту и совершилъ тамъ возстановленіе ликурговыхъ законовъ совершенно иначе, нежели Агисъ. По его повелѣнію эфоры были умерщвлены, кресла, на которыхъ они засѣдали, разбиты въ куски и должность ихъ объявлена уничтоженною; вмѣстѣ съ тѣмъ 80 знатнѣйшихъ олигарховъ удалены въ изгнаніе. Послѣ этого онъ и друзья его выдали свои имущества, и кто изъ владѣвшихъ землею не хотѣлъ добровольно послѣдовать ихъ примѣру, того заставляли силою; такимъ-образомъ новый раздѣлъ земли въ самомъ дѣлѣ могъ быть приведенъ въ исполненіе. Онъ далъ спартіатамъ 4,000 участковъ, а сколько составилъ для лакедемонянъ—неизвѣстно, вѣроятно также 15,000. Онъ самъ первый подавалъ примѣръ въ соблюденіи старыхъ обычаевъ, но, руководствуясь и благоразуміемъ, допустилъ перемѣны въ томъ, что уже не согласовалось болѣе съ вѣкомъ. Возвышенною его дѣятельностью Спарта сдѣлалась такъ могущественною, что ахейцы вездѣ терпѣли пораженія. Еслибъ не честолюбіе Арата, то ахейцы, признавъ главою Клеомена, вступили бы съ спартанцами въ союзъ. Но для Арата мысль потерять все значеніе въ томъ самомъ союзѣ,

который ему главнымъ образомъ обязанъ своимъ могуществомъ, была несносна, и онъ воспользовался всѣмъ своимъ вліяніемъ, чтобы отвергнуть это предложеніе. И когда Клеоменъ вознамѣрился принудить къ тому ахейцевъ силою, то Аратъ вступилъ въ союзъ съ Антигономъ Досономъ. Въ 224 г. ахейцы назначили Арата стратегомъ съ неограниченною властью, и въ этомъ достоинствѣ онъ отдалъ царю македонскому коринѳскій акрополь и своего сына отправилъ заложникомъ. Спартанскій царь укрѣпился на Истмѣ, куда устремился Антигонъ, предводительствуя 20,000мъ войскомъ; но когда въ тылу отъ него отпалъ Аргосъ, онъ не могъ удержаться въ своей позиціи. Итакъ онъ отступилъ къ предѣламъ Лаконіи, и Антигонъ вторгнулся въ Пелопоннезъ. Съ обѣихъ сторонъ война ведена была съ равною жестокостью противъ частныхъ лицъ и опустошеніемъ земель и городовъ. Но положеніе Клеомена становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ, когда египетскій царь Птоломей III Евергетъ пересталъ доставлять ему денежныя пособія. Посему Клеоменъ прибѣгнулъ къ другому средству: каждому илоту, заплатившему пять минъ, онъ давалъ свободу и такимъ-образомъ собралъ довольно-значительную сумму, такъ-что могъ нанять новое войско; съ нимъ онъ напалъ на Мегалополь и овладѣлъ имъ, и на награбленную здѣсь богатую добычу успѣлъ еще болѣе усилить свое войско. Поэтому Антигонъ и Аратъ рѣшились наконецъ соединить свои силы и напасть на непріятеля въ самой Лаконіи. При Селлазіи въ 222 г. произошло кровопролитное сраженіе. Побѣда союзниковъ была столь рѣшительна, что Клеоменъ, отчаявшись въ спасеніи отечества, съ своею фамиліею и друзьями бѣжалъ въ Египетъ. Онъ нашелъ тамъ дружескій пріемъ, но когда въ слѣдующемъ году Птоломей Евергетъ умеръ, то преемника его, Птоломея IV Филопатора, успѣли убѣ-

дить, что Клеоменъ опасный человѣкъ и что если онъ не имѣетъ самъ видовъ на престолъ, то по-крайней-мѣрѣ можетъ внушить это его брату. Посему Птоломей велѣлъ заключить его въ темницу, и такой поступокъ побудилъ спартанскаго царя къ совершенію того, чего отъ него страшились: онъ вырвался изъ заключенія и, призывая войско и граждан къ возмущенію, пробѣжалъ по улицамъ Александріи, и когда это не удалось, онъ вознамѣрился при помощи немногихъ приверженцевъ разломать темницы; не успѣвъ и въ этомъ, лишилъ себя жизни. Въ Спартѣ послѣ его бѣгства всѣ его нововведенія были уничтожены, власть эфоровъ возстановлена, и государство слабое и внутри раздираемое партіями теперь колебалось въ неизвѣстности — присоединиться ли къ Македоніи, или къ этолійцамъ.

Присоединеніемъ ахейскаго союза вліяніе Македоніи на Грецію было возстановлено, и только этолійцы и ихъ союзники противостояли ей въ полной независимости. Такъ-какъ Антигонъ Досонъ скоро потомъ, въ 221 г., умеръ, и его несовершеннолѣтній преемникъ Филиппъ II въ отношеніи къ Греціи руководствовался политикою Арата, то ахейцы менѣе чувствовали свою зависимость и вмѣстѣ съ македонянами съ великою ревностью вели такъ-называемую войну союзниковъ противъ этолійцевъ. Но положеніе дѣлъ измѣнилось, когда Филиппъ обратилъ вниманіе на вторую пуническую войну и по совѣту Димитрія Фаросскаго, открывавшаго ему виды на покореніе всей Иллиріи, вступилъ въ союзъ съ Карѳагеномъ противъ римлянъ. Естественно, что это-

лійцы обратились теперь къ римлянамъ: такимъ-образомъ во вторую пуническую войну были вмѣшаны и дѣла Греціи, и отъ рѣшенія ея зависѣло ихъ состояніе *). Филиппъ, обманувшись въ своихъ надеждахъ на Аннибала, въ 204 г. заключилъ съ римлянами миръ; но онъ обнаружилъ уже передъ ними свои враждебныя намѣренія, и римляне самымъ заключеніемъ мира проложили путь къ новой войнѣ, намѣреваясь открыть ее въ благопріятнѣйшее для для себя время.

Война союзниковъ открылась осенью 220 года и продолжалась безъ рѣшительныхъ дѣйствій до 217, въ которомъ, при посредствѣ родосцевъ и хіосцевъ, былъ заключенъ въ Навпактѣ миръ, и царь тѣмъ болѣе же-

*) Значеніе второй пунической войны въ отношеніи къ Греціи весьма-хорошо выражено въ рѣчи, сказанной на конгрессѣ въ Навпактѣ гражданиномъ этого города, Агелаемъ, которую сообщаетъ Поливій (lib. V, cap. 104), и потомъ въ слѣдующей главѣ онъ прибавляетъ: οὐ γὰρ ἔτι Φίλιππος οὐδ᾽ οἱ τῶν Ἑλλήνων προεστῶτες ἄρχοντες, πρὸς τὰς κατὰ τὴν Ἑλλάδα πράξεις ποιούμενοι τὰς ἀναφορὰς, οὔτε τοὺς πολέμους, οὔτε τὰς διαλύσεις ἐποιοῦντο πρὸς ἀλλήλους, ἀλλ᾽ ἤδη πάντες πρὸς τοὺς ἐν Ἰταλὶα σκοποὺς ἀπέβλεπον. Ταχέως δὲ καὶ πρὸς τοὺς νησιῶτας καὶ πρὸς τοὺς τὴν Ἀσίαν κατοικοῦντας τὸ παραπλήσιον συνέβη γενέσθαι. Καὶ γὰρ οι Φιλίππῳ δυσαρεστούμενοι καὶ τινες τῶν τῷ Ἀττάλῳ διαφερομένων οὐκ ἔτι πρὸς Ἀντίοχον καὶ Πτολεμαῖον, οὐδέ προς Μεσεμβρίαν καὶ τὰς Ἀνατολὰς ἔνευον, ἀλλ᾽ ἐπὶ τὴν Ἑσπέραν ἀπὸ τούτων τῶν καιρῶν ἔβλεπον καὶ τινες μὲν πρὸς Καρχηδονίους, οἱ δὲ πρὸς Ῥωμαίους ἐπρὲσβευον. (т. е. Ни Филиппъ, ни начальники грековъ не обращали вниманія на дѣла Греціи ни при предпринятіи войны, ни при заключеніи мира, но уже всѣ обратили свои взоры въ Италію. Въ скоромъ времени подобное же произошло у островитянъ и обитающихъ въ Азіи. Ибо недовольные Филиппомъ и находящіеся въ ссорѣ съ Атталомъ не обращались къ Антіоху или Птоломею, ни на югъ, ни на востокъ, но съ этого времени смотрѣли на западъ, и одни отправляли пословъ къ карѳагенянамъ, другіе же къ римлянамъ).

лалъ возстановленія спокойствія въ Греціи, что началъ обращать все свое вниманіе на возгорѣвшуюся между Римомъ и Карѳагеномъ вторую пуническую войну. Ослѣпленный побѣдами Аннибала и побуждаемый Димитріемъ Фаросскимъ, онъ заключилъ съ карѳагенскимъ вождемъ договоръ и поставилъ себя въ непріязненныя отношенія къ римлянамъ. Аратъ, противившійся этой политикѣ, былъ въ 215 году отравленъ; но Филиппъ объявилъ себя противъ римлянъ уже въ то время, когда они оправились отъ жесточайшихъ ударовъ, и какъ-скоро посланный сенатомъ, М. Валерій Левинъ, прибылъ въ Грецію, то нашелъ въ этолійцахъ такихъ усердныхъ союзниковъ, что царю нельзя было и думать о перенесеніи военныхъ дѣйствій въ Италію или Сицилію. Напротивъ, война ведена была преимущественно въ Греціи; хотя царь въ 205 г. и принудилъ этолійцевъ къ миру, но вторая пуническая война приняла между-тѣмъ для римлянъ столь счастливый оборотъ, что они могли выставить противъ Македоніи большія силы. Поэтому Филиппъ счелъ за лучшее въ слѣдующемъ году заключить миръ и съ Римомъ; въ этотъ договоръ были также включены и римскіе союзники *). Послѣ того, какъ римляне стали такимъ-образомъ твердою ногою въ Греціи, они не имѣли недостатка въ поводахъ къ утвержденію здѣсь своего вліянія на прочномъ основаніи.

При множествѣ и различіи интересовъ, раздѣлявшихъ Грецію, сильнѣйшему государству всегда было легко, подъ именемъ защиты слабѣйшей и стѣсненной партіи, захватить гегемонію. Теперь римляне, съ того времени, какъ утвердились по ту сторону Адріа-

---

*) Livius, lib. XXIX, cap. 12.

тическаго Моря, объявили себя защитниками всѣхъ притѣсняемыхъ и терпящихъ оскорбленіе въ своихъ правахъ. Только-что вторая пуническая война была окончена, какъ прибыли послы изъ Аѳинъ, призывая римлянъ защитить ихъ отъ Филиппа, хотѣвшаго силою поставить тамъ свой гарнизонъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ византійцы и родосцы просили ихъ о помощи. Миромъ съ Карѳагеномъ обезпечивъ себя на западѣ, римляне хотѣли также обезопасить свои предѣлы и на востокѣ, посему съ радостью схватились за этотъ случай, чтобы сдѣлать безвреднымъ македонскаго царя, который обнаружилъ противъ нихъ враждебныя намѣренія и при обстоятельствахъ могъ быть опаснымъ. Такъ-какъ Филиппъ не хотѣлъ повиноваться ихъ повелѣніямъ, то они въ 200 году напали на него, но нашли, что побѣдить его гораздо-труднѣе, нежели какъ они предполагали. Рѣшеніе войны, казалось, зависѣло отъ того, на чью сторону склонится ахейскій союзъ. Верхъ, одержанный въ этой дипломатической борьбѣ Т. Квинкціемъ Фламининомъ надъ македонскимъ царемъ, былъ, такъ-сказать, прелюдіею побѣды римскаго оружія. Въ 197 г. разбитый при Киноскефалахъ, Филиппъ долженъ былъ принять миръ на самыхъ жестокихъ условіяхъ. Македонія низошла въ разрядъ второстепенныхъ державъ, а Греція подпала подъ покровительство Рима и такимъ-образомъ сдѣлалась отъ него зависимою.

Въ 200 г. римляне послали противъ Филиппа консула П. Сульпиція Гальбу, но ни онъ, ни въ слѣдующемъ году П. Виллій не могъ вытѣснить македонскаго

царя изъ его позиціи въ Эпирѣ и Өессаліи, и склонить на свою сторону грековъ. Между-тѣмъ въ послѣднемъ-то обстоятельствѣ заключалось главное дѣло. Поэтому на третій годъ войны сенатъ вручилъ начальство надъ войскомъ человѣку, который былъ знакомъ съ греческимъ образованіемъ и умѣлъ дѣйствовать на характеръ греческой націи, Т. Квинкцію Фламинину. Его явленіе въ Греціи произвело въ положеніи дѣлъ значительную перемену, потому-что онъ успѣлъ привлечь на сторону римлянъ ахейскій союзъ. Стратегомъ союза былъ тогда Аристенъ, и между ахейцами находилось также не малое число приверженцевъ Рима; посему, когда въ собраніи, происходившемъ въ Эгіонѣ, былъ предложенъ союзъ съ Римомъ, то римская партія, послѣ того какъ противники ихъ частію вышли изъ собранія добровольно, частію были разогнаны силою, одержала верхъ. Итакъ ахейцы сдѣлались союзниками римлянъ и тотчасъ послѣдовали за братомъ Тита, Л. Квинкціемъ, противъ Коринөа и осадили его. Македонскіе гарнизоны должны были выступить изъ всѣхъ мѣстъ; въ слѣдующемъ году при Киноскефалахъ произошло сраженіе, которое снова доказало превосходство легіона передъ фалангою. Это пораженіе принудило Филиппа принять миръ на условіяхъ, предписанныхъ сенатомъ, хотя они направлены были къ тому, чтобы сдѣлать македонское царство такъ же слабымъ и беззащитнымъ, какъ Карөагенъ послѣ второй пунической войны. Но оставленному всѣми союзниками и безъ надежды на подкрѣпленіе отъ азіятскихъ царей, ненаученныхъ еще горькими уроками страшиться въ Римѣ общаго врага, ему не представлялось другаго выбора, кромѣ покорности или совершенной гибели. Вслѣдствіе этого договора онъ долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ земель, искючая одной Македоніи, признать свободу и независимость грековъ съ обѣща-

ніемъ болѣе не безпокоить ихъ; далѣе, выдать всѣ военные корабли и слоновъ, не держать болѣе 500 солдатъ и не вести никакой внѣшней войны; наконецъ заплатить 1,000 талантовъ и половину этой суммы тотчасъ по заключеніи договора, а другую въ назначенные сроки, и отдать сына своего Димитрія въ заложники. Послѣ сего Т. Квинкцій, при чрезвычайномъ торжествѣ, повелѣлъ собравшимся на истмійскихъ играхъ грекамъ провозгласить освобожденіе отъ чуждаго владычества и автономію *), и хотя покровительство Рима, объявленное теперь Греціи, было не что иное, какъ другое названіе гегемоніи, однако никто еще не чувствовалъ ея тягости и изъ устъ всѣхъ изливались слова благодарности и похвалы великодушію и безкорыстію римскаго народа **). Болѣе всего выигралъ при происшедшихъ въ Греціи перемѣнахъ ахейскій союзъ. Онъ сдѣлался теперь могущественнѣйшимъ государствомъ въ Пелопоннезѣ, и такъ-какъ вскорѣ успѣлъ присоединить къ себѣ и Спарту, пришедшую въ совершенное разстройство, то распространился по всему полуострову. Спарта вскорѣ послѣ бѣгства Клеомена подпала подъ власть тиранна. Маханидъ (такъ назывался тираннъ) вступилъ въ союзъ съ этолійцами и такимъ-образомъ сдѣлался для ахейцевъ столь же опаснымъ врагомъ,

---

*) Liv. lib. XXXIII, cap. 32: Senatus Romanus et Quinctius Imperator, Philippo rege Macedonibusque devictis, liberos, immunes, suis legibus esse jubet Corinthios, Phocenses, Locrensesque omnes et insulam Euboeam et Magnetas, Thessalos, Perrhaebos, Achaeos, Phthiotas. Впечатлѣніе, произведенное этимъ объявленіемъ на грековъ, и энтузіасмъ ихъ изображаетъ Поливій въ Rel. lib. XVIII, cap. 29.

**) Liv. lib. XXXIII, cap. 33: Esse aliquam in terris gentem, quae sua impensa, suo labore ac periculo bella gerat pro libertate aliorum, nec hoc finitimis aut propinquae vicinicitatis hominibus aut terris continenti junctis praestet: maria trajiciat, ne quod toto orbe terrarum injustum imperium sit et ubique jus, fas, lex potentissima sint. Una voce praeconis liberatas omnes Graeciae atque Asiae urbes.

какъ самъ Клеоменъ. Но ахейцы въ стѣсненномъ положеніи нашли спасителя въ Филопоменѣ, уроженцѣ Мегалополя, который въ своей особѣ съ самою искреннею и нелицемѣрною любовью къ отечеству соединялъ отличныя способности полководца. Филопеменъ возстановилъ пришедшую при Аратѣ въ упадокъ дисциплину и разбилъ Маханида, котораго умертвилъ собственною рукою, но не могъ воспрепятствовать возвышенію въ Спартѣ на его мѣсто другаго тиранна, по имени Набиса. Набисъ былъ утвержденъ римлянами въ своемъ владѣніи, хотя во время войны ихъ съ Филиппомъ игралъ очень-двусмысленную роль, но не могъ удержаться. Сильно стѣсненный ахейцами, съ которыми вступилъ въ войну за владѣніе приморскими городами Лаконіи, онъ вступилъ въ союзъ съ этолійцами; эти послѣдніе отправили въ Спарту Алексамена съ порученіемъ овладѣть этимъ городомъ и присоединить его къ союзу. Алексаменъ умертвилъ Набиса, но когда этолійцы начали грабить, то спартанцы произвели возстаніе, и по истребленіи или изгнаніи своихъ притѣснителей въ 191 г. сдались Филопемену. Такимъ-образомъ и эта нѣкогда славная и могущественная республика, но теперь лишенная всего, на чемъ основывались ея сила и слава, пристала къ ахейскому союзу.

Какъ много ахейцы могли быть довольны римлянами, такъ мало имѣли причинъ къ тому этолійцы. Раздраженные ничтожными выгодами, доставленными имъ римлянами отъ войны, которой счастливое окончаніе они главнымъ образомъ приписывали своей храбрости *), этолійцы горѣли желаніемъ мести, и

---

*) Этолійцы съ упрекомъ напоминали римлянамъ (Liv. l. c. cap. 35): non modo vinci sine Aetolis Philippum, sed ne transire quidem in Graeciam Romanos potuisse.

только-что римляне выступили изъ предѣловъ Греціи, какъ они начали стараться о составленіи всеобщаго противъ нихъ союза; но большая часть греческихъ городовъ и царь македонскій не приняли ихъ предложеній, и они нашли союзника только въ Антіохѣ III, царѣ сирійскомъ, который находился къ Риму въ непріязненныхъ отношеніяхъ. Именно римляне требовали отъ него очищенія греческихъ городовъ въ Малой Азіи, объявленныхъ по договору съ Македоніею свободными; но царь думалъ, что притязанія его на нихъ справедливы и что онъ имѣетъ довольно силъ для поддержанія ихъ оружіемъ. Это расположеніе усиливалъ въ немъ Аннибалъ, который, будучи изгнанъ въ 195 году, по требованію римлянъ, изъ Карѳагена, бѣжалъ къ сирійскому двору. Римляне по-справедливости должны были страшиться, чтобы таланты сего полководца не сообщили войскамъ сирійскимъ духа, могущаго сдѣлаться имъ опаснымъ. Посему они старались достигнуть цѣли переговорами, которые однако рушились, когда Антіохъ, принявъ приглашеніе этолійцевъ, рѣшился выступить освободителемъ Греціи. Такимъ-образомъ открылась новая война, сокрушившая навсегда силы этолійцевъ и произведшая въ положеніи дѣлъ Азіи быстрыя и разительныя перемѣны.

Между всѣми государствами, образовавшимися изъ завоеваній Александра Великаго, царство Сирійское или Селивкидское занимало обширнѣйшія владѣ-

нія, но вмѣстѣ содержало въ себѣ и самые несвойственные элементы. Ничто не могло сильнѣе препятствовать скрѣпленію его въ одно твердое государственное тѣло, какъ политика селевкидскихъ царей, которые вмѣсто того, чтобъ назначить себѣ мѣстопребываніе въ срединѣ Азіи, основали свою столицу на берегу Сиріи и главнымъ предметомъ своего вниманія считали не востокъ, а западъ. Употребляя первый только какъ средство для упроченія своего вліянія на послѣдній, они дѣлались чуждыми для большей части своихъ подданныхъ и пробуждали въ подвластныхъ имъ варварскихъ народахъ духъ національности, который они совсѣмъ упустили изъ виду. Такимъ-образомъ въ Малой-Азіи возникли небольшія государства: Капподокія, Понтъ, Виѳинія, Пергамъ и галлійскія тетрархіи, и въ Верхней Азіи — большія: Парѳія и Бактрія, и хотя греческая жизнь и греческое образованіе болѣе или менѣе были въ нихъ господствующими, не смотря на-то селевкиды всегда имѣли въ нихъ опасныхъ противниковъ, а враги ихъ — усердныхъ союзниковъ. Хитрая политика римлянъ, при открытіи войны между ними и Антіохомъ III или Великимъ, не упустила воспользоваться этими отношеніями.

Основатель селевкидскаго царства, *Селевкъ Никаторъ*, будучи еще намѣстникомъ Вавилона, покорилъ всю Верхнюю-Азію. Мы знаемъ, что ему повиновались всѣ провинціи до предѣловъ Татаріи, что его власть признавали провинціи при Каспійскомъ Морѣ, что онъ возвратилъ къ повиновенію отпавшихъ бактрійцевъ, и

согдіанцевъ, и бракосочетаніемъ съ персидскою принцессою, Апамеею, распространилъ свое вліяніе и на Персію; но дошедшія до насъ извѣстія объ этихъ событіяхъ отрывочны. Также и оба индѣйскіе царя, Таксилъ и Поръ, признали Селевка наслѣдникомъ Александра Македонскаго. Въ то время въ Индіи подъ вліяніемъ грековъ возникло новое царство. Одинъ индѣйскій воинъ, какъ кажется, долго служившій въ войскѣ Александра, при помощи грековъ и индѣйцевъ, вооруженныхъ имъ по-гречески, основалъ это государство, какъ часто случается на Востокѣ, гдѣ талантами одного человѣка державы также быстро возникаютъ, какъ и опять исчезаютъ. Греки называютъ его *Сандракоттомъ*, имя, которое объяснено изъ санскритскаго языка и значитъ: «сынъ луны». И этотъ владѣлецъ призналъ Селевка; отъ него Селевкъ получилъ большое количество слоновъ, которые въ битвѣ при Ипсѣ такъ много способствовали къ рѣшенію побѣды въ пользу союзниковъ. Я уже разсказалъ, какимъ образомъ Селевкъ старался соединить подъ своею державою всю монархію Александра Великаго и какъ онъ, побѣдивъ Лизимаха, погибъ самъ въ 281 году отъ руки убійцы. Вслѣдствіе этого убійства въ Малой-Азіи во-первыхъ образовались три царства: Каппадокія, Понтъ и Виѳинія. Каппадокія и Понтъ возстановили свою независимость, первая при Аріаратѣ IV, вторая при Митридатѣ III, которыхъ выгналъ оттуда Пердикка. Столицею капподокійскаго царя былъ городъ Мазака или, какъ называютъ его греки, Евсебія у Аргея. Онъ не имѣлъ укрѣпленій и походилъ болѣе на военный станъ, нежели на столицу царя; но вокругъ него лежали укрѣпленные замки, принадлежавшіе частію царю, частію его вассаламъ. Народонаселеніе Мазаки состояло большею-частію изъ грековъ, которые, по свидѣтельству Страбона, держались законовъ Харонда. Самые каппа-

докійцы сохранили еще древніе нравы и вели хищническую жизнь. Понтъ уже во время господства персовъ составлялъ особенное государство, но незначительное, потому-что берега Чернаго Моря принадлежали греческимъ колоніямъ: но теперь эти колоніи мало-помалу сдѣлались или союзными, или подвластными понтійскому царству. Послѣ сего понтійскій дворъ принялъ совершенно греческій видъ, между-тѣмъ какъ народъ во внутреннихъ областяхъ государста оставался вѣрнымъ древнимъ нравамъ, религіи и образованію. Со времени покоренія Фарнакомъ I. Синопе, въ 180 году, Понтъ сдѣлался могущественнымъ государствомъ, потому-что отселѣ флотъ его господствовалъ по всему Черному Морю. Виѳинцы въ своихъ городахъ никогда не были подвластны персамъ; но они получили значеніе не прежде, какъ когда ихъ князья ввели у себя греческія постановленія. По смерти Селевка, виѳинскій князь Зипетъ, на котораго можно смотрѣть, какъ на основателя виѳинскаго царства, выступилъ изъ горъ для распространенія своихъ владѣній и положилъ основаніе блестящей столицѣ, названной по имени сына его Никомеда I Никомедіею и населенной по большей части греками, которые поселились здѣсь на выгодныхъ условіяхъ и получили большія привиллегіи. Основаніе пергамскому царству положилъ казначей Лизимаха, скопецъ Филитеръ, который, по паденіи своего государя въ битвѣ при Куропедіонѣ, присвоилъ себѣ его сокровища и такимъ-образомъ былъ приведенъ въ состояніе утвердить свою власть въ крѣпости и городѣ Пергамѣ. Племянникъ его и наслѣдникъ Евменъ I (263—241) уже распространилъ свои владѣнія, а наслѣдовавшій ему Атталъ I (241—197) принялъ царскій титулъ. Впрочемъ утвержденіе независимости этихъ государей не мало облегчено было поселеніемъ въ Малой-Азіи галловъ, потому-что въ этихъ воинственныхъ пришельцахъ они пріобрѣли

себѣ храбрыхъ солдатъ. Часть галловъ, которые, какъ мы видѣли выше, наводнили Македонію и Ѳракію, призвалъ царь виѳинскій Никомедъ въ Малую-Азію, заключивъ съ ними предварительно договоръ, вслѣдствіе котораго они обязывались быть друзьями его и его союзниковъ на вѣчное время. Они основали свое мѣстопребываніе въ части Фригіи, которая отселѣ стала называться Азіятскою Галліею или Галатіею. По тремъ поселившимся здѣсь гальскимъ племенамъ эта страна распалась на три участка. Средоточіемъ племени трокмейцевъ была Анкира, толистобои избрали себѣ столицею городъ Табію, тектосаги — Песспнунтъ. Внутреннее устройство ихъ, по описанію Страбона, состояло въ томъ, что каждая изъ этихъ трехъ частей раздѣлялась на четыре области или тетрархіи; высшее правительственное мѣсто занималъ тетрархъ: ему были подчинены дикастесъ и стратофилаксъ и въ помощь приданъ совѣтъ изъ 300 членовъ. Мѣсто собраній ихъ называлось Dryaenetum, т. е. дубовая роща, въ воспоминаніе обычая прежней ихъ родины. Что касается до земель и городовъ Малой-Азіи по берегамъ Средиземнаго Моря, то они состояли попеременно подъ покровительствомъ то Сиріи, то Египта, то Македоніи, не теряя при томъ своей автономіи; Карія, Ликія, Памфилія и Киликія управлялись по своимъ законамъ, также и Исаврія возвратилась въ прежнее свое состояніе, въ какомъ она находилась до покоренія ея Пердиккою. Таковы были въ общихъ чертахъ перемѣны въ положеніи Малой-Азіи, произведенныя смертью Селевка Никатора. Сынъ и наслѣдникъ его *Антіохъ I Сотеръ* (281—262) старался снова покорить Малую-Азію, но безъ успѣха: онъ палъ при Ефесѣ, въ битвѣ съ галлами. Въ правленіе наслѣдника его *Антіоха II Ѳеоса* оказались уже явные признаки паденія селевкидской монархіи. Жизнь этого государя, названнаго бо-

гомъ, проходила во снѣ и пиршествахъ, и государствомъ правили два любимца его, кипріяне Темисонъ и Аристонъ, сдѣлавшіеся своею угодливостью къ его наслажденіямъ для него необходимыми. Слабость государства при такомъ правленіи обнаружилась въ отпаденіи многихъ провинцій; изъ нихъ образовались два новыя царства, одно греческое въ дальнихъ предѣлахъ востока и другое варварское въ Средней-Азіи, раздѣлившее впослѣдствіи съ римлянами области селевкидской монархіи. Одинъ грекъ неизвѣстнаго происхожденія, по имени Θеодотъ, въ 254 году основалъ Греко-Бактрійское царство *). Въ то же время парθяне, подъ предводительствомъ Арзака, отторглись отъ сирійской монархіи и начали распространять свое владычество надъ провинціями при Каспійскомъ Морѣ. Сирійскій дворъ, слишкомъ занятый женскими интригами, не обращалъ вниманія на эти отдаленныя страны. Антіохъ II, отвергъ первую супругу свою Лаодику и женился на египетской принцессѣ Вереникѣ; но потомъ возвратилъ опять оставленную Лаодику, и сына ея Селевка объявилъ своимъ наслѣдникомъ. Чтобы онъ больше не перемѣнялъ своихъ мыслей, Лаодика лишила его жизни, послѣ чего сынъ ея Селевкъ II Каллиникъ (247—227) вступилъ на престолъ. Умерщвленіе мачихи Вереники вовлекло его въ войну съ египетскимъ царемъ Птоломеемъ III, впродолженіе которой египтяне завоевали большую часть Сиріи. Селевкъ имѣлъ врага и въ родномъ своемъ братѣ Антіохѣ Гіераксѣ, и чтобы удовлетворить ему, долженъ

---

*) Justin. hist. lib. XLI, cap. 4. По недостатку извѣстій мы должны отказаться отъ исторіи этого царства. Все, что сообщаютъ о немъ греческіе и римскіе писатели, приведено въ порядокъ и съ критикою расположено въ Historia regni Graecorum Bactriani auctore *Th. Siegfr. Bayer*. Petropol. 1738. 4.

былъ уступить все, чѣмъ селевкиды владѣли еще въ Малой Азіи. Впрочемъ, по удаленіи Птоломея, Селевкъ снова завоевалъ большую часть потерянныхъ имъ областей и также по упорной борьбѣ выгналъ Антіоха Гіеракса, который послѣ многихъ приключеній нашелъ свою смерть во Ѳракіи. Походъ, предпринятый имъ противъ пароянъ, надъ которыми царствовалъ тогда второй арзакидъ, Тиридатъ, былъ несчастливъ, и хотя извѣстія, относящіяся къ исторіи Селевка, отрывочны и темны, однако то, что онъ потерпѣлъ отъ нихъ пораженіе и принужденъ былъ признать ихъ независимость, можно считать за вѣрное; по-крайней-мѣрѣ парояне ведутъ свое лѣтосчисленіе отъ 238 года, и день побѣды своей надъ Селевкомъ торжествуютъ, какъ день основанія своего царства. Селевкъ оставилъ по себѣ двухъ сыновей, Селевка и Антіоха; но первый, *Селевкъ III Керавнъ* (227—224), спустя три года былъ убитъ однимъ галломъ и на престолъ вступилъ теперь братъ его Антіохъ III Великій (224—187). Такъ-какъ Антіохъ былъ еще несовершеннолѣтенъ, то начало правленія его ознаменовано цѣпью безпокойствъ, которыхъ причиною было стремленіе знатнѣйшихъ людей при дворѣ и въ провинціяхъ къ регентству. Когда каріецъ Гермій успѣлъ захватить опеку надъ молодымъ царемъ и правленіе въ свои руки, то Молонъ и братъ его Александръ, намѣстники въ Мидіи и Персидѣ, подняли знамя бунта и родственникъ царскій Ахей принялъ въ Сардахъ царскій титулъ. Молонъ и Александръ были побѣждены и убиты, а Гермій умерщвленъ по повелѣнію Антіоха; только Ахей держался еще въ Малой-Азіи и соединился съ египетскимъ царемъ Птоломеемъ IV Филопаторомъ, у котораго Антіохъ, принявъ самъ бразды правленія, хотѣлъ отнять Келесирію. Хотя находившійся въ египетской службѣ этоліецъ Ѳеодотъ и явился измѣнни-

комъ и предалъ Антіоху крѣпости Тиръ и Птоломаиду, однако пораженіемъ сего послѣдняго при Рафіи, въ 217 году, Птоломей возвратилъ себѣ Келесирію; но вмѣсто того, чтобы далѣе пользоваться плодами своей побѣды, Птоломей, нетерпѣливо желая спокойствія и столичныхъ удовольствій, такъ поспѣшилъ миромъ, что даже пожертвовалъ своимъ союзникомъ Ахеемъ. Теперь противъ него Антіохъ направилъ всѣ свои силы и осадилъ его въ крѣпости Сардъ. Ахей измѣною критянина Болиса, тайно отправленнаго изъ Египта для спасенія его, попалъ въ руки царя Антіоха и въ 215 году былъ казненъ. Возстановивъ спокойствіе въ Западной Азіи, онъ устремился въ Верхнюю, чтобъ и тамъ привести дѣла въ порядокъ, и достигъ своей цѣли. Поразивъ пареянъ и бактрійскаго царя Евеидема, онъ принудилъ обоихъ признать верховную власть селевкидовъ, хотя какъ арзакидамъ, такъ и Евеидему оставилъ попрежнему ихъ власть, и потомъ, проникнувъ далеко въ Индію, съ большимъ могуществомъ и съ большою въ себѣ увѣренностію возвратился въ Сирію *). Такой предпріимчивый царь, какъ Антіохъ, не былъ способенъ къ покорности римлянамъ, которыхъ

---

*) Polybius (lib. XI, cap. 14) говоритъ о походѣ Антіоха такъ: δι᾽ ἧς οὐ μόνον τοὺς ἄνω Σατράπας ὑπηκόους ἐποιήσατο τῆς ἰδίας ἀρχῆς, ἀλλά καὶ τὰς ἐπιθαλαττίους πόλεις καὶ τοὺς ἐπὶ τάδε τοῦ Ταύρου δυνάστας. Καὶ συλλήβδην ἠσφαλίσατο τὴν βασιλείαν καταπληξάμενος τῇ τόλμῃ καὶ φιλοπονίᾳ πάντας τοὺς ὑποταττομένους. Διὰ γὰρ ταύτης τῆς στρατείας ἄξιος ἐφάνη τῆς βασιλείας οὐ μόνον τοῖς κατὰ τὴν Ἀσίαν, ἀλλὰ καὶ τοῖς κατὰ τὴν Εὐρώπην. (т. е. Этимъ походомъ онъ не только покорилъ своей власти сатраповъ въ Верхней Азіи, но также приморскіе города и владѣтелей по сю сторону Тавра. Вообще обезопасилъ государство, изумивъ своею храбростію и дѣятельностію всѣхъ покоренныхъ. Этимъ же походомъ онъ явился достойнымъ царской власти не только въ глазахъ азіятцевъ, но и европейцевъ.

вліяніе стало очевидно теперь и ему. Римляне явились сперва противниками его въ Египтѣ. Когда Птоломей IV въ 204 году умеръ, то Антіохъ хотѣлъ, пользуясь этимъ случаемъ, овладѣть не только Келесиріею, но и Египтомъ, въ чемъ успѣхъ казался тѣмъ надежнѣе, что новый царь египетскій былъ еще дитя. Но умершій царь оставилъ своего сына подъ покровительствомъ римскаго сената; отправленный сенатомъ въ Египетъ М. Лепидъ учредилъ опеку и принудилъ сирійскаго царя довольствоваться спорными землями, Келесиріею и Палестиною. Уже это вмѣшательство раздражило Антіоха. Онъ сдѣлался еще доступнѣе къ совѣтамъ и предостереженіямъ Аннибала и къ просьбамъ этолійцевъ, когда еще долженъ былъ согласиться на распоряженія сената, относительно греческихъ городовъ въ Азіи. Такъ-какъ Антіохъ отвергъ это опредѣленіе, то мечъ долженъ былъ рѣшить дѣло.

Осенью 192 года Антіохъ вступилъ въ Грецію освободителемъ, но силы, съ которыми онъ явился, были такъ незначительны, что даже этолійцы, призвавшіе его, потеряли почти всю охоту къ войнѣ, тѣмъ менѣе имѣли смѣлость пристать къ нему ахейцы и царь македонскій. Между-тѣмъ, какъ Антіохъ въ Халкидѣ, на островѣ Эвбеѣ, проводилъ время въ удовольствіяхъ, римляне отправили въ Грецію войско подъ начальствомъ Ацилія Глабріона вмѣстѣ съ М. Порціемъ Катономъ, политическимъ противникомъ Сципіоновъ, и весною 191 года, при Ѳермопилахъ, дошло дѣло до сраженія. Катонъ зашелъ непріятелю, занимавшему Ѳермопилы, въ тылъ, послѣ чего сирійско-этолійскія силы были разбиты. Не вступая

въ дальнѣйшія битвы, Антіохъ оставилъ Грецію и возвратился въ Азію. По удаленіи царя, всѣ греки, принявшіе его сторону, покорились; одни только этолійцы продолжали войну до прибытія Л. Корнелія Сципіона, въ 190 году присланнаго на смѣну Глабріона; онъ заключилъ съ ними перемиріе. Луцій Сципіонъ, сопровождаемый братомъ своимъ, побѣдителемъ Аннибала, Публіемъ, перешелъ черезъ Геллеспонтъ и битвою при Магнезіи, у горы Сипила, рѣшилъ войну. Послѣ этого пораженія Антіохъ принялъ предписанныя ему римлянами условія мира, такимъ-образомъ составленныя, что отселѣ и селевкидское царство не было больше опаснымъ для Рима. Отошедшую отъ Антіоха Малую-Азію римляне раздѣлили между своими союзниками, и тѣми же средствами утвердили здѣсь свое вліяніе, какъ и въ Греціи, въ которой этолійскій союзъ былъ теперь уничтоженъ.

Удивительно, какую незначительную роль игралъ великій полководецъ Аннибалъ въ борьбѣ Антіоха съ римлянами. При открытіи войны онъ просилъ у царя кораблей и войскъ для нападенія на римлянъ въ Италіи, но Антіохъ не принялъ этого плана, и, кажется, вообще изъ соперничества старался сколько возможно уклоняться отъ вліянія карѳагенскаго вождя, чтобы не дѣлить съ нимъ лавровъ побѣды. Въ то время, какъ Антіохъ занялъ Грецію до самыхъ Ѳермопилъ, въ Римѣ послѣдователи стараго и новаго образованія спорили между собою о начальствѣ надъ войскомъ. Главою противниковъ распространенія чуждыхъ нравовъ и образованія былъ М. Порцій Катонъ, политическій

врагъ Сципіоновъ. Еще будучи квесторомъ при Сципіонѣ въ Сициліи онъ началъ свою оппозицію противъ этой фамиліи и идей, которыхъ она была представительницею. Онъ самъ по одеждѣ, нравамъ и образу жизни изображалъ собою римлянина древнихъ временъ, въ противоположность другимъ знатнымъ фамиліямъ, усвоившимъ себѣ вмѣстѣ съ греческимъ образованіемъ и греческіе нравы. Теперь онъ успѣлъ склонить выборъ въ начальники войска противъ Антіоха и этолійцевъ на себя и на Ацилія Глабріона. Оба они, по причинѣ дурныхъ распоряженій своего противника, дѣйствовали счастливо. Когда Антіохъ, вслѣдствіе понесеннаго имъ при Өермопилахъ пораженія, выступилъ изъ Греціи, Ацилій Глабріонъ обратился со всѣми силами на оставленныхъ этолійцевъ. Эти послѣдніе готовы были на умѣренныхъ условіяхъ покориться, но раздраженные грубымъ и высокомѣрнымъ обхожденіемъ Ацилія *), они снова взялись за оружіе, и про-

*) Polyb. lib. XX. cap. 9: οἱ δ᾽ Αἰτωλοὶ ἔκριναν ἐπιτρέπειν τὰ ὅλα Μανίῳ, δόντες αὑτοὺς εἰς τὴν Ῥωμαίων πίστιν οὐκ εἰδότες, τίνα δύναμιν ἔχει τοῦτο, τῷ δὲ τῆς πίστεως ὀνόματι πλανηθέντες, ὡς ἂν διὰ τοῦτο λειοτέρου σφισιν ἐλέου ὑπάρξοντος. Παρὰ δὲ Ῥωμαίοις ἰσοδυναμεῖ τό τε εἰς τὴν πίστιν αὑτὸν ἐγχειρίσαι καὶ τὸ τὴν ἐπιτροπὴν δοῦναι περὶ αὑτοῦ τῷ κρατοῦντι. (т. е. Этолійцы рѣшились предаться во всемъ Манію, поручая себя покровительству римлянъ; они не знали значенія этого выраженія и были введены въ заблужденіе словомъ «покровительство», которое по ихъ мнѣнію обѣщало имъ кротчайшее обхожденіе. У римлянъ же поручить себя покровительству и отдаться въ распоряженіе побѣдителя были выраженія равнозначащія. Этолійцы ложно поняли формулу: *fidei populi Romani se permittere*, и когда отказывались исполнить предписанныя имъ условія, объявивъ: non in servitutem sed in fidem tuam nos tradidimus, то консулъ отвѣчалъ имъ, что ему нѣтъ дѣла до того, какъ они думаютъ, но что онъ имѣетъ право всѣхъ ихъ заковать въ цѣпи, если они тотчасъ не согласятся, afferrique catenas et circumsistere lictores jubet. Естественно, что такой поступокъ раздражилъ въ высочайшей степени еще несмиренный духъ свободныхъ этолійцевъ и народъ снова взялся за оружіе.

тивъ нихъ была уже начата истребительная война, какъ сенатъ увидѣлъ, что интересы Рима пострадаютъ, если веденіе дѣлъ не будетъ отдано въ руки вождя, болѣе кроткаго, нежели Ацилій Глабріонъ. Поэтому Л. Корнелій Сципіонъ, братъ Африканскаго, былъ избранъ въ консулы и получилъ главное начальство въ войнѣ противъ Антіоха; онъ взялъ съ собою легатомъ своего геніальнаго брата, и его таланты болѣе, нежели луціевы, споспѣшествовали къ счастливому окончанію войны. Сципіонъ тотчасъ заключилъ съ этоліііцами перемиріе и устремился за Антіохомъ въ Азію, который вмѣсто того, чтобы воспрепятствовать его переправѣ, напротивъ отступилъ отъ самыхъ выгодныхъ пунктовъ. Аннибалу, чтобы только избавиться отъ его совѣтовъ и упрековъ, онъ далъ порученіе, которое могъ бы исполнить всякой другой; онъ велѣлъ ему привести изъ Сиріи корабли, но по разбитіи сирійскаго флота, соединенными римско-родосскими силами при Міонесѣ, Аннибалъ остался отрѣзаннымъ на берегахъ Памфиліи, и Антіохъ такимъ-образомъ лишилъ себя лучшей помощи въ послѣдовавшемъ вскорѣ рѣшительномъ сраженіи при Магнезіи у Сипила. Оно кончилось совершеннымъ пораженіемъ сирійскаго войска; Антіохъ сталъ просить мира и получилъ его на слѣдующихъ предписанныхъ Сципіономъ условіяхъ: отказаться отъ всѣхъ притязаній на Европу и уступить Малую Азію до Тавра; выдать римлянамъ въ вознагражденіе за военныя издержки 15,000 талантовъ и 500 представить въ то же время, 2,500 по утвержденіи мира сенатомъ, а остальное выплатить впродолженіе 12 лѣтъ по 1,000 талантовъ ежегодно. Далѣе римляне потребовали отъ него всѣхъ военныхъ кораблей и выдачи Аннибала и этолійца Ѳоаса. Хотя Антіохъ и долженъ былъ согласиться на это унизительное условіе, но избѣжалъ необходимости исполненія его, доставивъ Аннибалу и Ѳоасу

средства къ бѣгству. Во всякомъ случаѣ селевкидскому царству нанесенъ былъ одинъ изъ тѣхъ роковыхъ ударовъ, отъ которыхъ рѣдко отдыхаетъ какое-либо, и римляне наложеніемъ контрибуціи и своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла его старались, чтобы это не такъ легко случилось. Такъ-какъ они не могли удержать за собою оставшейся въ ихъ распоряженіи Малой-Азіи, то раздѣлили ее между своими союзниками, чтобы тѣснѣе привязать ихъ къ своимъ интересамъ: меньшую часть, именно Ликію и Карію до Меандра, получилъ Родосъ, а бо̀льшую—царь пергамскій Евменъ, власти котораго также подчинены были и галлы, побѣжденные римлянами; такимъ-образомъ пергамское царство вдругъ явилось могущественною державою. Смиреніе Антіоха имѣло слѣдствіемъ также покореніе этоліцевъ; принужденные отдѣлить отъ себя всѣ соединенные съ ними симполитіею города, и обязавшись доставлять римлянамъ вспомогательное войско, они потеряли, какъ силу, такъ равно и свою независимость.

Третье главное государство, образовавшееся изъ завоеваній Александра Великаго, Египетъ, не только оставалось спокойнымъ зрителемъ сокрушенія силъ Македоніи и Греціи, но въ то же время само было опутано хитрою политикою римлянъ и незамѣтно сдѣлалось отъ нихъ зависимымъ.

Изъ всѣхъ земель, принадлежавшихъ къ завоеваніямъ Александра Великаго, Египетъ, по смерти его, имѣлъ самый счастливый жребій. Птоломей, сынъ Лага, который, какъ мы видѣли выше, успѣлъ утвердиться во владѣніи этою страною противъ всѣхъ нападеній, въ 307 году принялъ царскій титулъ и возложилъ на себя діадему. Онъ царствовалъ до 284 года, и такъ-какъ

умѣлъ сохранить въ государствѣ спокойствіе и оживить торговую дѣятельность, то не удивительно, что Египетъ въ этомъ періодѣ блисталъ передъ всѣми царствами тогдашняго міра, и что главный городъ его Александрія сдѣлался средоточіемъ всемірной торговли и столицею искусствъ и наукъ. Птоломей I Сотеръ распространилъ владѣнія Египта завоеваніемъ Кирене и острова Кипра. Еще въ 286 году онъ принялъ къ себѣ въ соправители Птоломея, старшаго сына отъ второй своей супруги Вереники, за исключеніемъ дѣтей отъ первой. Птоломей II Филадельфъ (284 — 246) былъ чрезвычайно-миролюбивый государь, впрочемъ не уклонялся и отъ войны, если того требовала необходимость. Исторія воинъ его, веденныхъ съ братомъ его Магасомъ, который объявилъ себя въ Кирене независимымъ, показываетъ, что онъ умѣлъ воевать, но онъ предпочиталъ всему мирныя искусства, и ревностное попеченіе о нихъ есть славнѣйшая сторона его дѣятельности. Еще отецъ его основалъ въ Александріи музей или академію наукъ и устроилъ большую библіотеку. Птоломей II заботился съ великою ревностью о поддержаніи этихъ учрежденій, отчего число ученыхъ въ Александріи безпрерывно возрастало. Здѣсь съ успѣхомъ занимались точными науками, и если изъ изящныхъ произведеній здѣсь не могло процвѣтать ничего другаго, какъ только дидактическія стихотворенія и идилліи Өеокрита, то образовавшейся здѣсь критикѣ мы существенно обязаны сохраненіемъ древнѣйшихъ произведеній греческаго ума; кто знаетъ, сколько бы древнихъ твореній для насъ было потеряно безъ стараній александрійскихъ критиковъ и граматиковъ? При Птоломеѣ II Египетъ сдѣлался первою морскою державою, и если слова Өеокрита, что въ царствованіе этого государя въ Египтѣ насчитывалось 33,333 города, суть болѣе нежели поэтическое преуве-

личенія,—то во всякомъ случаѣ можно принять безъ ошибки, что Египетъ при немъ находился въ цвѣтущемъ состояніи и наслаждался благоденствіемъ. Лишившись первой супруги, онъ женился на сестрѣ своей Арсиноэ, и этимъ подалъ худой примѣръ своимъ наслѣдникамъ, подражаніе которому могло имѣть не иначе какъ самыя вредныя дѣйствія на фамилію Птоломеевъ. Впрочемъ царь не имѣлъ отъ нея дѣтей, и ему наслѣдовалъ сынъ его отъ перваго брака *Птоломей III Евергетъ* (246—221), мужъ равномѣрно съ большими способностями. Женившись на дочери Магаса, онъ опять соединилъ Кирене съ Египтомъ. Мы уже видѣли, что онъ для отмщенія за смерть сестры своей Вереники предпринялъ счастливый походъ противъ Селевка II, царя сирійскаго, и, какъ извѣстно изъ адулитанскаго памятника, на которомъ означены всѣ его походы, завоевалъ западный берегъ Аравіи и часть Эѳіопіи *). Слѣдующій царь, *Птоломей IV Филопаторъ* (221—204), предался уже безпорядочной жизни, въ которую такъ легко вовлекаетъ роскошь и праздность. Онъ проводилъ жизнь въ однихъ удовольствіяхъ, между-тѣмъ правленіе предоставилъ сперва Сосибію, а потомъ совершенно подпалъ подъ вліяніе Агаѳокла и сестры его Агаѳоклеи. Слабость птоломеева правленія внушила мысль сирійскому царю Антіоху Великому завоевать Келесирію, но египетское царство не было такъ слабо, какъ его царь, и побѣда при Рафіи, одержанная египетскими генералами, положила конецъ предпріятіямъ Антіоха противъ Египта, по-крайней-мѣрѣ пока былъ живъ Птоломей. Но онъ умеръ прежде нежели сынъ и наслѣдникъ его, *Птоломей V*

---

*) Адулитанскій памятникъ открытъ въ VI-мъ столѣтіи по Р. Х. однимъ купцомъ *Kostas Indopleustas* и находится въ Fabricii bibioth. Graeca, ed. Harless, T. IV, p. 251.

Эпифанъ (204 — 181), пришелъ въ совершеннолѣтіе. Агаѳоклъ хотѣлъ захватить опеку въ свои руки, но народъ въ Александріи поднялъ страшный бунтъ и умертвилъ наперсника прежняго царя вмѣстѣ съ его сестрою. Такъ-какъ въ то же время Антіохъ Великій снова началъ угрожать Египту, но египтяне обратились къ римскому сенату и отдались, вмѣстѣ съ юнымъ царемъ своимъ, подъ покровительство республики. Посланная сенатомъ коммиссія, подъ предсѣдательствомъ М. Эмилія Лепида, учредила здѣсь опеку и принудила Антіоха, одержавшаго при Фанеѣ, у истоковъ Іордана, надъ египетскими генералами рѣшительную побѣду, довольствоваться уступкою Келесиріи. Молодой царь Эпифанъ не оправдалъ надеждъ, которыя на него полагали; первое, что онъ сдѣлалъ, по принятіи правленія въ свои руки, было отравленіе опекуна Аристомена; послѣ этого онъ предался развратнымъ удовольствіямъ, которыя скоро свели его въ гробъ. При такомъ слабомъ правленіи Египетъ не былъ въ состояніи предпринять рѣшительныхъ мѣръ, потому безъ сопротивленія оставался въ зависимости отъ Рима подъ игомъ, наложеннымъ на него обстоятельствами.

Какъ судья и миротворецъ, Римъ владычествовалъ уже отъ Атлантическаго Океана до Эвфрата. Три главныя державы: Карѳагенъ, Македонія и Сирія были такъ ослаблены, что не смѣли начинать войны безъ позволенія Рима, четвертая — Египетъ — состояла подъ римскою опекою, а малыя государства, подъ именемъ союзниковъ, искали въ Римѣ покровительства, которое уже теперь тяготѣло надъ ними, какъ самое владычество. Что внутри этого круга, опутаннаго римскою политикою, не существовало боль-

ше убѣжища отъ ихъ преслѣдованія, тому доказательствомъ служитъ судьба Аннибала, который не могъ укрыться отъ ненависти римлянъ при дворѣ виѳинскаго царя Прузія, и принужденъ былъ въ 183 году къ самоубійству. Вмѣстѣ съ распространеніемъ владычества извнѣ Римъ измѣнялся внутри, и хотя Катонъ и успѣлъ на-время ослабить фамилію Сципіоновъ, и въ достоинствѣ цензора съ неутомимою строгостію заботился о сохраненіи древнихъ римскихъ нравовъ во всей чистотѣ, его оппозиція не достигла однако своей цѣли; время и обстоятельства требовали перемѣны, которой необходимость заключалась въ самомъ ходѣ событій.

Аннибалъ послѣ пораженія Антіоха бѣжалъ на островъ Критъ, откуда впослѣдствіи отправился ко двору виѳинскаго царя Прузія. Но когда и здѣсь онъ показалъ свои таланты въ войнѣ, предпринятой Прузіемъ противъ римскаго союзника Евмена, то Т. Квинкцій Фламининъ, римскій посланникъ въ Малой-Азіи, потребовалъ отъ царя его выдачи. Прузій, который такъ трепеталъ могущества Рима, что назвалъ себя отпущенникомъ римскаго народа и сенаторовъ своими богами *), не осмѣлился защищать своего гостя. Итакъ

---

*) Поливій (lib. XXX, cap. 16) изображаетъ униженность Прузія въ слѣдующихъ словахъ: ὁ δὲ Προυσίας οὗτος οὐδαμῶς γέγονεν ἄξιος τοῦ τῆς βασιλείας προσχήματος, τεκμήραιτο δ' ἂν τις ἐκ τούτων ὅς γε πρῶτον μὲν, πρεσβευτῶν παραγεγονότων Ῥωμαϊκῶν πρὸς αὐτὸν, ἐξυρημένος τὴν κεφαλὴν καὶ πίλεον ἔχων καὶ τήβενναν καὶ καλικίους, ἀπήντα τούτοις, καὶ καθόλου τοιαύτῃ διασκευῇ κεχρημένος, οἵαν ἔχουσιν οἱ προσφάτως ἠλευθερωμένοι παρὰ Ῥωμαίοις, οὓς καλοῦσι λιβέρτους. Καὶ δεξιωσάμενος τοὺς πρεσβευτὰς, ὁρᾶτε, ἔφη, τὸν ὑμέτερον

Аннибалъ, считая недостойнымъ себя подвергнуться какому-либо униженію, лишилъ себя жизни, но какимъ образомъ—неизвѣстно, потому-что извѣстія объ этомъ не согласны. По общепринятому мнѣнію Ливія, онъ отравился; напротивъ Плутархъ говоритъ, что онъ удавился своимъ плащемъ. Въ томъ же году умеръ побѣдитель его П. Корнелій Сципіонъ въ добровольномъ изгнаніи, потому-что Катонъ успѣлъ наконецъ поколебать вліяніе фамиліи Сципіоновъ. Сципіоны во время войны располагали казною и участками земли по своему произволу. Катонъ воспользовался этимъ для обвиненія старшаго Сципіона въ утайкѣ денегъ и настроилъ на это трибуна Петилія. Въ назначенный для суда день Сципіонъ, хотя и явился на площадь, но не за тѣмъ, чтобы оправдываться въ взносимыхъ на него обвиненіяхъ, но чтобы торжествовать надъ своими врагами. Онъ напомнилъ народу, что этотъ день есть день побѣды его надъ Аннибаломъ, и требовалъ, чтобы всѣ слѣдовали за нимъ въ Капитолій для принесенія благодарности богамъ. Но такъ-какъ этотъ краткій тріумфъ только болѣе раздражилъ его завистниковъ, то

λίβερτον ἐμέ, πάντα βουλόμενον χαρίζεσθαι καὶ μιμεῖσθαι τὰ παρ' ὑμῖν ἧς ἀγεννεστέραν φωνὴν οὐ ῥᾴδιον εἰπεῖν. Τότε δὲ κατὰ τὴν εἴσοδον γενόμενος τὴν εἰς τὴν σύγκλητον, στὰς κατὰ τὸ θύρετρον ἀντίος τοῦ συνεδρίου καὶ καθεὶς τὰς χεῖρας ἀμφοτέρας, προσεκύνησε τὸν οὐδὸν καὶ τοὺς καθεμένους, ἐπιφθεγξάμενος, χαίρετε, θεοὶ σωτῆρες. (т. е. Прузій вовсе не былъ достоинъ царскаго имени. Это видно изъ слѣдующаго: когда къ нему пришли римскіе послы, то онъ вышелъ имъ на встрѣчу съ выбритою головою, въ шляпѣ и въ башмакахъ, вообще въ такомъ одѣяніи, какое у римлянъ имѣютъ только-что отпущенные на волю, которыхъ называютъ *либертами.* Принявъ пословъ, онъ сказалъ имъ: «Вы видите во мнѣ вашего отпущенника, желающаго вамъ угождать и подражать вамъ во всемъ». Не легко сказать что-либо постыднѣе этого. Когда онъ по прибытіи въ Римъ пришелъ ко входу въ сенатъ, то ставъ у дверей противъ собранія и опустивъ обѣ руки, поклонился порогу и сидящимъ, восклицая: «здравствуйте, боги спасители»).

онъ оставилъ Римъ и удалился въ свое помѣстье Линтернъ, гдѣ и умеръ въ 183 году. Осужденію его и заключенію брата его Луція воспрепятствовалъ своимъ veto народный трибунъ Т. Семпроній Гракхъ, который за эту услугу былъ награжденъ родствомъ съ фамиліею Сципіоновъ, получивъ въ супружество дочь Африканскаго, Корнелію *).

Такое неестественное отношеніе Рима къ прочимъ зависимымъ отъ него государствамъ не могло существовать, но должно было превратиться въ непосредственное владычество. Македонія первая пыталась свергнуть недостойное иго, наложенное на нее римлянами. Въ сознаніи прежняго своего величія и настоящаго униженія, и въ надеждѣ, что всѣ недовольные въ Греціи пристанутъ къ его знаменамъ, царь Филиппъ въ тиши готовился къ войнѣ. Безпрестанно питаемая несправедливыми поступками ненависть къ Риму сдѣлалась въ душѣ царя господствующею страстью. Старшій сынъ его Персей раздѣлялъ съ нимъ это чувство, между-тѣмъ, какъ младшій, Димитрій, былъ расположенъ къ римлянамъ. Персей, опасаясь, чтобы римляне изъ дружбы къ Димитрію не отняли у него права на престолъ, увѣрилъ подозрительнаго отца, что Димитрій находится съ римлянами въ измѣнническихъ сношеніяхъ. Уже одного этого обвиненія было достаточно, чтобы привесть въ величайшій гнѣвъ ослѣпленнаго страстью царя, и

*) Касательно исторіи Сципіоновъ, исполненной противорѣчій, см. *Livius* lib. XXXVIII, cap. 54. — 60.

Димитрій, въ 181 году, по повелѣнію его, былъ отравленъ. Это происшествіе было уже ударомъ для сердца престарѣлаго царя, но его положеніе сдѣлалось еще ужаснѣе, когда онъ увѣрился въ невинности Димитрія и въ клеветѣ Персея. Онъ не пережилъ своей горести и умеръ въ 179 году. Персей наслѣдовалъ отъ отца своего вмѣстѣ съ силами и его ненависть, и враждебныя намѣренія противъ Рима, но у него не доставало талантовъ, чтобы въ начатой снова борьбѣ съ Римомъ утвердить за собою перевѣсъ: въ четвертый годъ войны (168) онъ былъ разбитъ Л. Эмиліемъ Павломъ, при Пиднѣ, и на островѣ Самоѳракіи, куда бѣжалъ со всею своею фамиліею и сокровищами, взятъ въ плѣнъ. Той же участи подвергся союзникъ его царь иллирійскій Генцій. Какъ въ Македоніи, такъ и въ Иллиріи, по уничтоженіи царскаго достоинства, введено республиканское правленіе, которое впрочемъ было для нихъ тягостнѣе, нежели самое непосредственное господство Рима.

При вступленіи на престолъ Персея Македонія могла выставить значительныя силы, ибо, хотя мирный договоръ съ Римомъ и связывалъ Филиппу руки, несмотря на-то онъ втайнѣ образовалъ многочисленное войско, приготовилъ большое количество оружія и такъ увеличилъ свою казну, что безъ затрудненія могъ принять къ себѣ на службу и содержать наемное войско. Получивъ въ наслѣдство отъ отца такія средства, Персей присовокупилъ еще новое, призвавъ изъ-за Дуная воинственное племя бастарновъ и поселивъ ихъ на македонскихъ границахъ. Равнымъ-образомъ иллирійскій царь Генцій изъявилъ готовность къ союзу съ

Македоніею противъ Рима. Генцій былъ сынъ и наслѣдникъ Плеврата, которому римляне по усмиреніи Тевты и при устроеніи иллирійскихъ дѣлъ назначили въ удѣлъ сѣверную область Иллиріи; онъ покорилъ Далмацію и слѣдовательно могъ также составить изъ воинственныхъ народовъ многочисленное войско, если бы македонскій царь далъ ему денегъ для уплаты жалованья. Къ несчастію Персей былъ скупъ, и даже въ тотъ моментъ, когда шло дѣло о собственной его участи и существованіи государства, онъ неохотно разставался съ своими сокровищами. Онъ обѣщалъ иллирійскому царю значительную сумму денегъ, и Генцій въ надеждѣ на это умертвилъ римскихъ пословъ, но Персей не хотѣлъ теперь сдержать свое слово, полагая, что иллирійцы должны будутъ и безъ его денегъ взяться за оружіе, чтобы защитить себя отъ мести римлянъ. Конечно расчетъ былъ вѣренъ, но онъ упустилъ при этомъ изъ виду то, что безъ денегъ Генцій не могъ противопоставить никакой значительной силы. И въ-самомъ-дѣлѣ, преторъ Аницій безъ труда разбилъ его и самого захватилъ въ плѣнъ. Такимъ-образомъ Македонія могла располагать только своими собственными силами, когда сенатъ въ 171 году объявилъ ей войну. Искусная система обороны и также неспособность римскихъ военачальниковъ поставили Персея въ состояніе держаться впродолженіе трехъ лѣтъ, такъ-что наконецъ сенатъ снова обратился къ Сципіонамъ. Главнокомандующимъ сдѣланъ былъ Л. Эмилій Павелъ, близкій родственникъ этой фамиліи; подъ его начальствомъ находился также Сципіонъ Назика. Новый вождь тотчасъ оправдалъ возложенную на него довѣренность, и, принудивъ царя, въ 168 году, при Пиднѣ вступить въ сраженіе, разбилъ его. Эта побѣда рѣшила не только войну, но и судьбу Македоніи, потому-что Персей съ своими сокровищами бѣжалъ въ Самоѳракію.

Здѣсь онъ нашелъ убѣжище въ храмѣ Діоскуровъ, и римляне не дерзали оскорблять святыни, чтобы захватить его въ свои руки. Одинъ критскій мореходъ обѣщалъ царю спасти его: всѣ деньги во время дня тайно были перенесены на его корабль, но когда въ полночь въ условленный часъ пришелъ на берегъ самъ Персей — обманщикъ съ деньгами былъ уже далеко. Послѣ этого Персей сдался и имѣлъ низость рабскою покорностью купить себѣ жалкую жизнь. Въ древности, когда господствовала мысль, что сильный и великій человѣкъ не долженъ покоряться судьбѣ, освобождая себя отъ ея власти добровольною смертью, его поступокъ былъ самымъ постыднымъ дѣломъ; презираемъ, никѣмъ не сожалѣемъ былъ преемникъ Александра Великаго, потому-что онъ допустилъ вести себя въ Римъ предъ колесницею побѣдителя, чтобы до самой своей смерти служить предметомъ насмѣшекъ солдатъ, сторожившихъ его въ Альбѣ. Македонія получила республиканское устройство, но это превращеніе поставило ее въ такое состояніе, что она должна была предпочесть дарованной ей свободѣ владычество римлянъ. Она была раздѣлена на четыре совершенно независимые другъ отъ друга участка, которымъ запрещено было всякое между собою сообщеніе и которые обязывались платить римлянамъ въ дань половину податей, прежде вносимыхъ въ царскую казну. Сверхъ-того имъ воспрещена была разработка рудниковъ и постройка кораблей. Такимъ же образомъ поступлено и съ Иллиріею. Собранная впродолженіе македонской войны добыча и дань, положенная на эту страну, привели римское правительство въ состояніе освободить гражданъ отъ податей, которыя они платили со времени учрежденія республики; это впервые поставило римскаго гражданина къ побѣжденнымъ нѣкоторымъ-образомъ въ отношеніе господина. Впрочемъ освобожденіе отъ по-

датей произошло безъ формальнаго опредѣленія сената, но при семъ случаѣ послѣдовали древнему обыкновенію, не требовать пожертвованій отъ гражданина, если государство не имѣетъ въ нихъ нужды. Такое состояніе продолжалось до того времени, когда республика начала приближаться къ своему паденію, именно до консульства Гирція и Пансы, когда римлянинъ снова долженъ былъ покрывать государственныя издержки своими приношеніями. Разительный примѣръ тому, какимъ образомъ римскій солдатъ началъ съ этой поры смотрѣть на войну, какъ на средство къ обогащенію, представляетъ судьба Эпира. Даже такой образованный и уважаемый полководецъ, какъ Эмилій Павелъ, долженъ былъ уступить корыстолюбію своихъ подчиненныхъ, на что получилъ полномочіе отъ сената. Вся страна подверглась разграбленію, какъ взятый приступомъ городъ, такъ-что Плутархъ говоритъ, что въ одинъ часъ 150,000 человѣкъ были обращены въ рабовъ и опустошено 70 городовъ, и несмотря на-то, послѣ этого страшнаго дѣла, ужаснувшаго вселенную, каждый солдатъ получилъ на свою долю не больше какъ ничтожную сумму 11 драхмъ. Вообще теперь въ образѣ мыслей, какъ въ высшихъ сословіяхъ, такъ и въ низшихъ классахъ народа, произошла рѣшительная перемѣна. Добродѣтели древнихъ воиновъ-гражданъ начинаютъ постепенно исчезать и уже изрѣдка въ римскихъ войскахъ являются характеры, напоминающіе собою тѣ старыя и лучшія времена *).

Очевидно, что паденіе Македоніи долженствовало имѣть на Грецію великое вліяніе, и ближайшимъ его

*) Ливій (lib. XLII, cap. 32 — 35) въ началѣ описанія войны съ Персеемъ изображаетъ такого воина въ лицѣ Сп. Лигустина, соединявшаго въ себѣ всѣ качества и хорошаго поселянина, отца семейства и храбраго, исполненнаго патріотизма воина.

слѣдствіемъ было то, что ахейскій союзъ пришелъ въ большую зависимость отъ Рима, усиленію которой способствовало еще внутреннее разстройство его и образованіе партій. Чѣмъ больше возрастало вліяніе римлянъ, тѣмъ больше становилось число желавшихъ покорностью ихъ волѣ пріобрѣсть пасчетъ своего отечества силу и значеніе. Особенно выказалъ себя въ этомъ отношеніи Калликратъ, и ахейцы уже такъ мало имѣли свободы въ своихъ государственныхъ постановленіяхъ, что должны были избрать этого явнаго измѣнника своимъ стратегомъ. Во время войны съ Персеемъ римляне смотрѣли на ахейцевъ недовѣрчивыми глазами и, по одержаніи надъ нимъ побѣды, чтобы однимъ ударомъ сдѣлать безвредными всѣхъ своихъ враговъ въ Греціи, воспользовались обвиненіемъ ихъ въ приверженности къ македонской сторонѣ. Тысячи знатнѣйшихъ ахейцевъ, въ числѣ ихъ и историкъ Поливій, были, какъ подозрѣваемые въ единомысліи съ Персеемъ, отведены въ Италію и тамъ безъ всякаго суда продержаны цѣлыя семнадцать лѣтъ (167 — 150). Такимъ-образомъ Греція пришла въ такое же неестественное отношеніе къ Риму, какъ и Македонія, и обнаруженіе вооруженнаго возстанія для сверженія римскаго ига было неминуемо; въ-самомъ-дѣлѣ, въ то самое время, когда открылся мятежъ въ Македоніи, произошли безпокойства и въ Греціи, имѣвшія слѣдствіемъ разрушеніе союза и паденіе греческой самостоятельности. Оба государства Македонія и Греція сдѣлались римскими провинціями.

Филопеменъ, послѣднее примѣчательное лице, являющееся главою греческой націи, лишился жизни въ томъ же году, когда умеръ Аннибалъ и П. Сципіонъ Африканскій. Онъ былъ стратегомъ ахейскаго союза, когда Диnократъ захватилъ тиранію въ Мессеніи и овладѣлъ также Колонидою; несмотря на свои преклонныя лѣта и на случившуюся съ нимъ тогда болѣзнь, онъ тотчасъ бросился на коня и, предводительствуя небольшимъ отрядомъ конницы, поспѣшилъ противъ тирана, но увлеченный паденіемъ коня, онъ попалъ въ руки тирана и былъ имъ отравленъ. Ахейцы подъ предводительствомъ Ликорта, отца поливіева, отмстили за его смерть. Политика римлянъ—доставлять верховную власть въ Греціи своимъ приверженцамъ и всѣ дѣла этой страны подчинять своему суду — имѣла слѣдствіемъ то, что въ оппозиціи римской образовалась партія національная, и еще ранѣе обнаружилось бы возстаніе противъ римскаго владычества, еслибъ римляне не ослабили національной партіи, захвативъ 1,000 знатнѣйшихъ и пользовавшихся особеннымъ вліяніемъ ея членовъ и отправивъ ихъ въ Италію. Бо̀льшая часть ихъ умерла въ плѣну, и когда сенатъ даровалъ имъ наконецъ позволеніе возвратиться въ отечество, только 300 осталось въ-живыхъ. Они старались еще болѣе разжигать злобу и ненавистъ къ Риму, которыя уже владѣли бо̀льшею частью умовъ. Въ то время, какъ Греція пыталась свергнуть съ себя тягостное покровительство Рима, въ Македоніи явился нѣкто Андрискъ, который выдалъ себя за сына персеева и извѣстенъ подъ именемъ Лже-Филиппа. Вся страна, недовольная своимъ припужденнымъ положеніемъ и радуясь возможности снова возвратиться къ прежнему образу правленія, приняла его сторону и признала его своимъ царемъ; такимъ-образомъ македонская монархія возстала еще разъ, но только на короткое время.

Въ слѣдующемъ же (148) году Андрискъ былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ Метелломъ, и *Македонія обращена въ римскую провинцію.* Тогда римляне обратились противъ Греціи, и вся политика ихъ была направлена къ тому, чтобы раздѣлить ахейскій союзъ. Отношенія между Спартою и ахейцами подали имъ желанный поводъ къ вмѣшательству; Спарта, которая только силою оружія была принуждена къ вступленію въ ахейскій союзъ и удержана въ немъ, старалась теперь разорвать связывавшія ее съ нимъ узы. Римляне рѣшили, что не только должна отдѣлиться Спарта, но и Коринѳъ, и Аргосъ, и Орхоменъ и другіе города, приставшіе къ нему не прежде, какъ со времени царя Филиппа. Этотъ приговоръ открылъ глаза ахейцамъ касательно видовъ римской политики и произвелъ явное возстаніе. Римскій посолъ съ трудомъ избѣжалъ оскорбленія; два непримиримѣйшіе врага Рима, Критолай и Діей, овладѣли умами толпы, и когда въ 147 году на коринѳскомъ сеймѣ еще разъ явился отъ Метелла посолъ, то въ собраніе втѣснились ремесленники и другіе люди, которые обыкновенно никогда не принимали въ общественныхъ дѣлахъ никакого участія, и подняли такой шумъ, что нельзя было и думать о благоразумномъ объясненіи. Итакъ въ 147 г. открылась война: Критолай, бывшій тогда стратегомъ союза, вмѣсто того, чтобы держаться въ Ѳермопилахъ, двинулся назадъ, но въ Фокидѣ былъ Метелломъ настигнутъ и разбитъ; и такъ какъ онъ самъ послѣ битвы болѣе не являлся, то, согласно съ закономъ, начальство принялъ стратегъ протекшаго года Діей. Для пополненія войска сей послѣдній прибѣгнулъ къ самымъ насильственнымъ мѣрамъ и даже вооружилъ рабовъ. Съ составленною такимъ образомъ арміею онъ пошелъ на встрѣчу къ консулу Муммію, который въ 146 году получилъ начальство надъ войскомъ, и на Истмѣ, при

Левкопетрѣ, далъ ему сраженіе и былъ разбитъ на-голову. Теперь, считая все потеряннымъ, онъ бросился въ Мегалополь, свое отечество, и, умертвивъ свою супругу, самъ принялъ ядъ. Послѣ сего римляне не встрѣчали никакого сопротивленія. Коринѳъ сдался и былъ разграбленъ и превращенъ въ пепелъ *). Ахейскій союзъ былъ уничтоженъ, всѣ собранія запрещены, и каждый городъ въ отдѣльности подчиненъ олигархіи, между-тѣмъ, какъ *вся Греція въ совокупности подъ именемъ Ахаіи обращена въ римскую провинцію.*

Когда римляне вдругъ такъ разительно измѣнили свою систему, обративъ зависимыя отъ нихъ и приведенныя въ беззащитное положеніе страны въ свои провинціи, то и Карѳагенъ не могъ избѣжать одинаковой участи. Въ то самое время, когда Македонія и Греція потеряли свое политическое состояніе, политика римлянъ составила планъ уничтоженія Карѳагена. Онъ веденъ былъ съ такою хитростью, что они надѣялись успѣть разрушить это обезоруженное и стѣсненное государство безъ всякаго сопротивленія, но карѳагеняне, увидя неизбѣжность паденія, рѣшились пасть по-крайней-мѣрѣ со славою и сколько возможно дороже продать свою жизнь. Такимъ-образомъ произошла *третья пуническая война* (149—146), кончившаяся послѣ отчаяннаго сопротивленія

---

*) Позднѣйшіе римляне сожалѣли объ этомъ варварскомъ поступкѣ; Цицеронъ (de off. I, 11) говоритъ: Majores nostri Carthaginem et Numantiam funditus sustulerunt. Nollem Corinthum, sed credo illos secutos opportunitatem loci maxime, ne posset aliquando ad bellum faciendum locus ipse adhortari.

взятіемъ и разрушеніемъ Карѳагена и обращеніемъ его области въ римскую провинцію.

Карѳагенъ, посредствомъ торговли и земледѣлія, снова пришелъ въ такое цвѣтущее состояніе, что началъ обращать на себя вниманіе римлянъ; впрочемъ, раздираемый внутри партіями, изъ которыхъ одна держала сторону римлянъ, другая Массиниссы и третья была патріотическая, онъ мало могъ быть опаснымъ римлянамъ, особливо когда Массинисса, столь тѣсно соединенный съ ними, господствовалъ надъ безоружнымъ Карѳагеномъ. Массинисса поступалъ съ нимъ съ такою несправедливостью и подъ предлогомъ возстановленія правъ своихъ предковъ отнималъ такъ много городовъ, что Карѳагенъ взялся наконецъ за оружіе. Скорость, съ какою карѳагеняне выставили 58,000 войско, устрашила въ Римѣ многихъ, и Катонъ изъ зависти и ненависти къ Сципіонамъ, имѣвшимъ нѣкоторымъ-образомъ протекторство надъ этимъ городомъ, настаивалъ на разрушеніи Карѳагена; извѣстно, что онъ не говорилъ въ сенатѣ ни одной рѣчи, которая бы не оканчивалась словами: «ceterum censeo, Carthaginem esse delendam». Сципіоны изъ фамильныхъ интересовъ противодѣйствовали катоновой партіи. Молодой Сципіонъ Эмиліанъ, сынъ Л. Эмилія Павла, усыновленный фамиліею Сципіоновъ, отправился въ Африку самъ, хотя не имѣлъ отъ сената никакого порученія, чтобы своимъ посредничествомъ рѣшить споръ между Карѳагеномъ и Массиниссою, но дѣло распалось, когда Массинисса потребовалъ возвращенія изгнанной изъ города своей партіи. Послѣ сего сенатъ отправилъ въ Африку коммиссію изъ десяти человѣкъ, но еще до ея прибытія престарѣлый нумидійскій царь окружилъ карѳагенское войско и принудилъ Карѳагенъ къ миру на слѣдующихъ условіяхъ: заплатить ему 5,000 талантовъ, выдать перемет-

чиковъ и возвратить изгнанникамъ всѣ ихъ прежнія достоинства; зато онъ обѣщалъ отпустить принужденное имъ къ сдачѣ карѳагенское войско. Но сынъ его Гулусса не сдержалъ договора и избилъ безоружныхъ карѳагенянъ. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда прибыла римская коммиссія, и со стороны Массиниссы къ ней присоединился вѣроломный Гулусса. Когда карѳагенское правительство отказало впустить сего послѣдняго въ городъ, то римскіе посланники съ негодованіемъ удалились и пристрастнымъ изображеніемъ могущества Карѳагена склонили сенатъ къ войнѣ. Въ этой третьей войнѣ между Римомъ и Карѳагеномъ, сколь недостойною является съ одной стороны вѣроломная политика римлянъ, столь величественною отчаянная оборона падающаго великаго государства. Консулы 149 г. М. Манилій и Л. Марцій отправились съ 80,000 войскомъ въ Сицилію, чтобы оттуда переѣхать въ Утику, которая отпала отъ Карѳагена и передалась римлянамъ. Едва карѳагеняне получили извѣстіе объ объявленіи войны и выступленіи непріятельскаго войска, какъ тотчасъ отправили въ Римъ пословъ съ порученіемъ заключить миръ на какихъ-бы то ни было условіяхъ. Сенатъ объявилъ имъ, что если карѳагеняне дадутъ консуламъ, пока они еще въ Сициліи, 300 заложниковъ изъ первенствующихъ фамилій и исполнятъ дальнѣйшія ихъ повелѣнія, то государство останется независимымъ. Карѳагенское правительство старалось скорымъ исполненіемъ сего требованія показать свою покорность и выслало къ консуламъ въ Сицилію требуемыхъ заложниковъ. Они отвѣчали посламъ, что объявятъ слѣдующія условія въ Африкѣ, и потомъ переправились съ войскомъ въ Утику. Здѣсь они сдѣлали второе требованіе, — выдать оружіе и всѣ военные снаряды, и зато обѣщали имъ свою защиту отъ всякаго непріятеля. Карѳагеняне согласились и на это, и

по словамъ Аппіана выдали 200,000 доспѣховъ, 2,000 катапультъ и великое множество стрѣлъ и дротиковъ. Само собою разумѣется, что очищены были только публичные арсеналы и что въ частныхъ домахъ оставалось еще очень много оружія, и если говорятъ, что во всемъ Карѳагенѣ нельзя было найдти больше никакого оружія, то это ничто иное, какъ одно реторическое преувеличеніе. Консулы, обезоруживъ такимъ образомъ городъ, обреченный на разрушеніе, двинулись къ нему съ послѣднимъ требованіемъ. Карѳагеняне должны оставить городъ, который сенату угодно разрушить, и построить новый, по-крайней-мѣрѣ въ 10,000 шагахъ отъ моря. Такое требованіе воспламенило всѣ умы и пробудило народъ. Доселѣ народъ предоставлялъ правительству вести переговоры; но теперь всѣ, согласившіеся на выдачу оружія, подверглись его негодованію: онъ вызвалъ Асдрубала, который принужденъ былъ оставить городъ зато, что порицалъ поступки правительства и съ самаго начала не довѣрялъ римлянамъ. Если въ реторическомъ описаніи Аппіана объ усиліяхъ отчаянныхъ гражданъ и энтузіазмѣ, объявшемъ даже женъ и дѣтей, есть многія преувеличенія, по-крайней-мѣрѣ достовѣрно то, что всѣ соревновали въ усердіи служить отечеству, и все народонаселеніе Карѳагена было воодушевлено твердою рѣшимостью лучше умереть подъ развалинами своего роднаго города, нежели постыдно оставить его.

Консулы надѣялись, что беззащитный Карѳагенъ сдастся при первомъ ихъ появленіи. Но когда сверхъ всякаго чаянія они встрѣтили сильный отпоръ, то многіе африканцы, приставшіе къ ихъ войску, въ ожиданіи богатой добычи, разошлись по домамъ и этимъ можно объяснить, почему война совершенно отошла отъ стѣнъ Карѳагена къ отдаленнымъ предѣламъ и проходила

въ покореніи городовъ, оставшихся вѣрными карѳагенянамъ. Къ тому жъ присоединились перемѣны, происшедшія въ положеніи Африки по причинѣ смерти Массиниссы: три сына его раздѣлили между собою нумидійское царство, по назначенію Сципіона, который принялъ на себя это важное дѣло, не какъ уполномоченный отъ сената, а только вслѣдствіе своихъ фамильныхъ интересовъ. Но двое изъ сыновей Массиниссы подозрѣвали, что римляне слишкомъ покровительствуютъ ихъ брату Гулуссѣ, и посему склонились на сторону Карѳагена. Теперь бы нуженъ былъ для карѳагенянъ Аннибалъ, теперь, когда они были единодушны, когда всѣ раздоры партій изъ ненависти къ вѣроломной политикѣ Рима затихли, когда народъ полный воодушевленія напрягъ всѣ свои силы — теперь полководецъ, подобный Аннибалу, могъ бы совершить чудеса, но военачальникъ карѳагенскій Асдрубалъ не имѣлъ генія Аннибала, и хотя не отставалъ отъ него въ ненависти къ Риму, но не обладалъ тѣмъ постоянствомъ, которое нужно было, чтобы доказать ее до послѣдняго издыханія. 148 годъ также мало былъ счастливъ и рѣшителенъ для римлянъ, какъ и предшествовавшій ему, такъ что наконецъ снова прибѣгли къ одному изъ Сципіоновъ. Юный Сципіонъ Эмиліанъ находился тогда въ такомъ возрастѣ, въ которомъ не позволялось занимать никакой другой должности, кромѣ эдильства; несмотря на-то, подобно своему названному дѣду, онъ былъ избранъ въ консулы и посланъ въ Африку. Сципіонъ, возстановивъ пришедшую въ упадокъ дисциплину, исполнилъ войско новымъ духомъ, потомъ повелъ его къ стѣнамъ Карѳагена и началъ осаду, примѣчательную какъ по усиліямъ, сдѣланнымъ римлянами, такъ по геройскому мужеству и страданіямъ осажденныхъ. Сципіонъ удержалъ начальство и на слѣдующій 146 годъ. Овладѣвъ предмѣстіемъ Мегарою и отрѣзавъ плотиною городъ

отъ всякаго подвоза со стороны моря, онъ сдѣлалъ приступъ къ главной части его Коѳону; впрочемъ успѣлъ овладѣть городомъ и прекратить всякое сопротивленіе не прежде, пока съ помощію пожара и убійства не была взята одна улица за другою до самой крѣпости Бирсы; въ храмѣ крѣпости сдался Асдрубалъ, умоляя побѣдителя о пощадѣ; напротивъ, жена его, говорятъ, умертвивъ своихъ дѣтей, низверглась съ зубцовъ храма. Сорокъ тысячъ человѣкъ пережили паденіе своего отечественнаго города. Когда Сципіонъ, по совершеніи завоеванія, взглянулъ на дѣло рукъ своихъ и увидѣлъ великій городъ, объятый пламенемъ пожара, то чувство его невольно выразилось слѣдующими словами Гомера:

Ἔσσεται ἦμαρ ὅτ᾽ ἄν ποτ᾽ ὀλώλῃ Ἴλιος ἱρή
Καὶ Πρίαμος καὶ λαὸς ἐϋμμελίω Πριάμοιο.

Будетъ нѣкогда день и погибнетъ священная Троя *),
Съ нею погибнетъ Пріамъ и народъ копьеносца Пріама.

Владѣнія Карѳагена, подъ именемъ Африки, сдѣлались римскою провинціею. На мѣсто, которое занималъ Карѳагенъ, было наложено проклятіе и испрошены жесточайшія бѣдствія на голову того, кто когда-нибудь рѣшится снова построить на немъ городъ. Впрочемъ, впослѣдствіи мы видимъ, что Карѳагенъ былъ возобновленъ, во-первыхъ К. Гракхомъ и потомъ Цезаремъ, и процвѣталъ сначала, какъ главный городъ провинціи Африки, послѣ какъ столица вандальскихъ царей, пока наконецъ Арабы не разрушили его на вѣки.

---

*) Homer. Il. VI, vs. 448. По переводу *Гнѣдича.*

Для полнаго округленія римскаго владычества на западѣ надлежало покорить Испанію и Галлію, но обѣ страны не прежде отказались отъ своей свободы и сдѣлались римскими провинціями, какъ по оказаніи мужественнаго сопротивленія. Римляне утвердились въ Испаніи во время второй пунической войны и основали въ ней двѣ провинціи, которыя раздѣлялись между собою рѣкою Бетисомъ и назывались Hispania citerior и Hispania ulterior. Правители этихъ провинцій старались отсюда покорять независимыя еще племена, и при открытіи третьей пунической войны оставалось покорить однихъ только лузитанцевъ; тогда римляне могли бы считать Испанію подвластною страною. Но лузитанцы, подъ предводительствомъ Виріата, защищались съ геройскимъ мужествомъ, и римляне успѣли не прежде, какъ по умерщвленіи Виріата и по взятіи и разрушеніи Нуманціи превратить и Лузитанію въ римскую провинцію, и за исключеніемъ сѣверозападныхъ горъ, еще столѣтіе удержавшихъ свою независимость, по всей Испаніи, по истребленіи туземной народности, разлить римское образованіе.

Виріатъ[1], несчастными обстоятельствами оторванный отъ мирныхъ пастушескихъ занятій къ военной и разбойнической жизни, и своими талантами достигшій главнаго начальства надъ своими единоземцами, хорошо зная мѣстность и не пропуская ни одного удобнаго случая наносить вредъ непріятелю, получилъ перевѣсъ надъ посланными противъ него римскими полководцами. Съ 149 года, въ которомъ во-первыхъ разбилъ

Ветилія, онъ противостоялъ римлянамъ впродолженіе осьми лѣтъ съ такимъ счастіемъ, что сталъ казаться непобѣдимымъ, и римскій правитель въ Испаніи, Цепіонъ, не будучи въ силахъ побѣдить храбраго противника въ открытомъ полѣ, прибѣгнулъ къ тайному убійству. Цепіонъ подкупилъ трехъ друзей Виріата, и они умертвили въ 140 году своего довѣрчиваго друга, который вовсе не ожидалъ найдти измѣнника среди своего народа и тѣмъ менѣе въ кругу ближайшихъ своихъ сподвижниковъ. По паденіи Виріата, между соединившимися противъ Рима народами произошли несогласія, которыя облегчили побѣду римлянъ; только одна Нуманція противилась ихъ силамъ и наносила имъ удары и посрамленія; въ 137 году нумантинцы поставили консула Гостилія Манцина въ такое тѣсное положеніе, что онъ не могъ иначе спастись, какъ заключивъ миръ; переговоры велъ его квесторъ Тиб. Семпроній Гракхъ, и по этому договору консулъ призналъ независимость Нуманціи. Сенатъ отвергъ этотъ договоръ и выдалъ консула нумантинцамъ головою; но они не приняли его. Послѣ того, какъ другіе полководцы напрасно испытывали свое счастіе противъ сего города, наконецъ въ 134 году выбранъ былъ во второй разъ въ консулы и получилъ начальство надъ войскомъ покоритель Карѳагена Сципіонъ Эмиліанъ. Какъ прежде предъ Карѳагеномъ, такъ и теперь передъ Нуманціею, онъ нашелъ войско отвыкшимъ отъ всякой дисциплины. Возстановивъ дисциплину, онъ заперъ городъ со всѣхъ сторонъ, чтобы лишить его извнѣ всякаго пособія и подвоза жизненныхъ припасовъ, въ чемъ и успѣлъ, прекративъ плаваніе по Дуэро. Нумантинцы превзошли въ терпѣніи человѣческія силы, истощили всѣ усилія и, когда ничто не помогало, то сдались въ 133 году. Всѣ пережившіе труды и бѣдствія осады были проданы въ рабство, кромѣ 50, которыхъ Сци-

піонъ пощадилъ для своего тріумфа, а городъ срытъ до основанія *).

Непосредственно послѣ разрушенія Нуманціи начались въ Римѣ внутреннія безпокойства, впродолженіе ста лѣтъ продержавшія государство въ судорожномъ состояніи. Они происходили не такъ, какъ прежде отъ, неравенства сословій, но отъ неравенства имуществъ. Въ этомъ отношеніи важно разсмотрѣть вліяніе провинцій и управленіе ими, ибо деньги сдѣлались теперь рычагомъ всѣхъ предпріятій, и угнетенные провинціялы должны были доставлять римлянамъ средства для удовлетворенія ихъ честолюбія. Сенатъ, въ рукахъ котораго находилась администрація провинцій, не хотѣлъ притѣснять и истощать ихъ; подати, возложенныя на нихъ, были умѣренны и никогда не превышали налоговъ, которые они платили въ прежнемъ своемъ состояніи; но двѣ вещи сдѣлались истиннымъ зломъ для провинцій — отдача на откупъ податей и корыстолюбіе римскихъ правителей. Откупы были слишкомъ-велики для

*) Этотъ конецъ показался Флору слишкомъ-прозаическимъ, посему онъ перенесъ на Нуманцію исторію паденія Сагунта. По его разсказу граждане убивали своихъ женъ и дѣтей и потомъ прекращали свою жизнь самоубійствомъ посредствомъ яда, меча и огня, и наконецъ заключаетъ слѣдующею патетическою фразою, которая сплетена изъ лжи: unus enim vir Numantinus non fuit, qui in catenis duceretur, praeda ut de pauperibus nulla; arma ipsi cremaverant; triumphus fuit tantum de nomine. Таково было описаніе этого событія и у Ливія, какъ видно изъ оглавленія 59 книги; но разсказъ Аппіана въ его Hispanicis гл. 84 и слѣд. имѣетъ на своей сторонѣ все, что носитъ на себѣ отпечатокъ истинной исторической картины.

имущества одного частнаго человѣка, посему изъ сословія, имѣвшаго въ рукахъ своихъ наиболѣе денегъ, изъ сословія всадниковъ, образовались компаніи: одна откупала десятину съ нивъ, другая — подати съ пастбищъ, третья — пошлины, и т. д. Компанія, откупившая доходы цѣлой провинціи, снова отдавала на откупъ разные участки ея низшимъ откупщикамъ, послѣдніе снова отдавали нѣкоторыя части тѣмъ, кто больше платилъ. Такимъ-образомъ эта важная вѣтвь управленія перешла изъ рукъ правительства, которое всегда имѣетъ цѣлію благо подданныхъ, въ руки обществъ, заботившихся только о своихъ выгодахъ. Главные откупщики получали большой барышъ отъ подчиненныхъ имъ откупщиковъ, которые съ своей стороны старались вознаградить себя тѣмъ, что брали съ своихъ подчиненныхъ больше, нежели сколько тѣ должны бы были заплатить, а послѣднимъ что жъ оставалось дѣлать, какъ не выручать съ процентами наложенной на нихъ суммы угнетеніемъ жителей? Итакъ не удивительно, что мытарь (сборщикъ податей) и грѣшникъ сдѣлались однозначущими словами. Такимъ-образомъ деньги скоплялись въ рукахъ всадниковъ, которые увеличивали еще бѣдствіе провинцій тѣмъ, что принуждали ихъ брать свои капиталы за большіе проценты *). Провинціи хотя и могли жаловаться, но

---

*) Лучше всего можно видѣть эту систему притѣсненія, принятую римскими знатными, изъ нѣкоторыхъ писемъ Цицерона къ другу своему Аттику (epp. ad Attic. lib. V, 18, 20, 21, lib. VI, 1), гдѣ онъ говоритъ, что надобно имѣть добродѣтель выше человѣ

правосудіе было уже такъ продажно, и вліяніе сословія всадниковъ такъ велико, что жалующаяся сторона обыкновенно повергалась только въ большее бѣдствіе. Втеченіе войнъ, обогатившихъ Римъ столькими провинціями, нѣсколько фамилій успѣло утвердить за собою въ государствѣ первенство. Они смотрѣли на всѣ должности, провинціи и на начальство надъ войскомъ, нѣкоторымъ-образомъ, какъ на свое наслѣдственное достояніе, и трудно было такъназываемому homo novus, происходившему изъ фамиліи, не-занимавшей ни одной изъ высшихъ государственныхъ должностей, занять мѣсто въ тѣсномъ ихъ кругу. Эти-то фамиліи дѣлили съ всадниками всѣ выгоды завоеваній; въ противоположность имъ возникла многочисленная чернь, состоявшая по большей части изъ отпущенниковъ: чернь, не-имѣвшая другихъ средствъ къ пріобрѣтенію кромѣ войны и посему находившаяся въ постоянной зависимости отъ знатныхъ и богатыхъ. Эту массу народа можно было употребить на все, если только пустить въ ходъ ея интересы.

Первый воспламенилъ эту матерію, скопившуюся для внутреннихъ смятеній, *Тиб. Семпроній Гракхъ*, и поводомъ къ тому былъ ager publicus. Особенно во время второй пунической войны это поле распро-

---

ческой, чтобы, будучи правителемъ, умѣть удовлетворять сборщикамъ податей и ростовщикамъ и не допускать до совершеннаго раззоренія провинцій: Hic ita te versari, ut et publicanis satisfasias et socios perire non sinas, divinae cujusdam virtutis esse videtur.

странилось по всей Италіи и перешло во владѣніе правительствующихъ фамилій, которыя стали воздѣлывать его руками своихъ рабовъ. Оттого произошло, что большая часть Италіи лишилась своего свободнаго народонаселенія, которое частію переселилось въ городъ, въ надждѣ тамъ найдти средства къ пропитанію. Итакъ было бы очень справедливо и благоразумно раздѣлить часть общественнаго поля между бѣдными, и такимъ-образомъ очистить городъ отъ толпы людей, сегодня не-знавшихъ, чѣмъ будутъ жить завтра, и тѣмъ бѣлѣе, что по древнему лициніеву закону никто не могъ имѣть общественнаго поля больше 500 jugera. Но рѣдко случается, чтобы партія господствующая и увѣренная въ мнимой справедливости своего владѣнія, добровольно соглашалась пожертвованіемъ нѣкоторыхъ маловажныхъ выгодъ спасти бо̀льшія и отклонить бурю, угрожающую имъ совершенною гибелью. Уже другъ старшаго Сципіона, Лелій, имѣлъ мысль напомнить о раздѣленіи общественнаго поля, но, предвидя сильную оппозицію и не надѣясь преодолѣть ее, онъ оставилъ свой планъ, за что̀ аристократія почтила его названіемъ мудрагó (sapiens). Изъ самаго народа никто не могъ за это взяться. Защитнику бѣдныхъ противъ богатыхъ, который далъ бы власти трибуновъ новую силу, должно было выйдти изъ среды правительствующихъ фамилій, и въ-самомъ-дѣлѣ никто не былъ къ тому способнѣе Тиб. Семпронія Гракха, который по своей матери Корнеліи находился въ близкомъ родствѣ съ фамиліею Сципіоновъ.

Если и оскорбленное чувство много содѣйствовало къ тому, что онъ сталъ въ оппозицію къ аристократіи, то во всякомъ случаѣ сначала онъ дѣйствовалъ какъ справедливо, такъ и умѣренно; но послѣ, раздраженный оказаннымъ ему сопротивленіемъ, онъ схватился за противозаконныя средства, положившія начало разстройству и паденію государства.

Гракхъ, избранный на 133 годъ въ народные трибуны, прежде нежели предпринялъ предположенную имъ реформу, старался узнать, въ какой степени она найдетъ одобреніе между аристократіею. Плутархъ именуетъ трехъ мужей, изъ самыхъ знатныхъ фамилій, Аппія Клавдія, Муція Сцеволу и великаго первосвященника Красса, которые не противились этому. Сципіоны держались противнаго мнѣнія, и Гракху представлялось отказаться отъ своихъ плановъ или прервать всѣ связи съ ними. Онъ выбралъ послѣднее. Впрочемъ, первое сдѣланное имъ предложеніе, повидимому, не заключало въ себѣ никакого нововведенія, а клонилось только къ возстановленію древняго лициніева закона. Какъ ни справедливо было съ одной стороны это предложеніе, но также съ другой нельзя обвинять и знатныхъ за ихъ сопротивленіе. Долговременное владѣніе такъ тѣсно слило частныя и государственныя имущества, что раздѣленіе ихъ если было и не совсѣмъ невозможно, по крайней мѣрѣ представляло большія затрудненія; далѣе, владѣльцы употребили на воздѣланіе принадлежавшихъ имъ земель, какъ собственныхъ, такъ и общественныхъ, большія издержки, посему въ-самомъ-дѣлѣ гракховъ законъ казался имъ нападеніемъ на ихъ собственность. Но и въ этомъ случаѣ Гракхъ показалъ умѣренность, которая характеризуетъ его первое выступленіе, сдѣлавъ къ своему

закону прибавленіе, по которому владѣльцы выданныхъ земель, по оцѣнкѣ назначенныхъ къ тому чиновниковъ, должны были получить вознагражденіе за всѣ употребленныя на нихъ издержки. Не смотря на такую умѣренность, раздраженная аристократія не соглашалась ни на какія условія. Съ самаго начала умы были воспламенены, и этотъ великій вопросъ сдѣлался дѣломъ партіи, потому-что пользовавшаяся выгодами сторона предпочла лучше пустить въ игру все, нежели что-нибудь потерять. Сперва она прибѣгла къ средству, согласному съ государственными постановленіями: противопоставить Гракху другаго народнаго трибуна. М. Октавій согласился въ назначенный для чтенія гракхова закона день остановить его своимъ veto. Этого Тиберій не ожидалъ; съ этой стороны онъ менѣе всего опасался сопротивленія. Впрочемъ, и ему оставался еще законный путь: своею властію онъ остановилъ теченіе всѣхъ государственныхъ дѣлъ; казнохранилище было запечатано и всѣ чиновники прекратили отправленіе своихъ должностей. Въ подобномъ состояніи республика находилась и во время прежней борьбы патриціевъ съ плебеями, но та борьба продолжалась цѣлыя десять лѣтъ, и тогда имѣли терпѣніе и лучше рѣшались дожидаться, нежели противозаконными средствами нарушать государственныя постановленія. Этого-то терпѣнія не доставало Тиберію. Послѣ неудачной попытки предоставить дѣло рѣшенію сената, онъ рѣшился на несчастный шагъ — перейдти за предѣлы закона. Въ собраніи трибъ онъ требовалъ отъ своего товарища и со слезами на глазахъ умолялъ его отказаться отъ своего veto, и когда тотъ оставался непреклоннымъ, то съ согласія трибъ отрѣшилъ его отъ должности. Едва Октавій объявленъ былъ низложеннымъ, какъ озлобленный народъ бросился на него со всѣхъ сторонъ и навѣрно разорвалъ бы его на части,

еслибъ его не защитила аристократическая партія. Законъ о поляхъ былъ теперь тотчасъ принятъ, и Тиберій вмѣстѣ съ братомъ своимъ Каемъ и дядею Аппіемъ Клавдіемъ назначены его исполнителями: имъ поручено было отдѣлить общественное имѣніе отъ частнаго и первое раздѣлить. Аристократическая партія, принужденная покориться закону Гракха, стала изыскивать всевозможныя средства къ затрудненію его исполненія и къ погубленію самого законодателя; Тиберій видѣлъ это и по необходимости прибѣгъ къ демагогіи. Онъ полагалъ все свое спасеніе во вторичномъ избраніи въ трибуны, и чтобы поддержать народъ въ добромъ расположеніи, долженъ былъ дѣлать многое, чего можетъ-быть не ободрялъ самъ. Въ это время умеръ пергамскій царь Атталъ III и завѣщалъ свое царство и казну римскому народу *) Доселѣ одинъ сенатъ имѣлъ право управлять провинціями и распоряжался внѣшними дѣлами, но теперь Тиберій выступилъ съ предложеніемъ раздѣлить казну пергамскаго царя между бѣдными гражданами, которые получатъ участіе въ общественныхъ поляхъ, чтобы они имѣли для перваго обзаведенія наличныя деньги, и предоставить распоряженіе городами пергамскаго царства народу, —

---

*) Евмену II, умершему въ 158 г., наслѣдовалъ братъ его Атталъ Филадельфъ, царствовавшій въ великой зависимости отъ Рима до 138 г. За нимъ вступилъ на престолъ племянникъ его, сынъ Евмена II, Атталъ III Филометоръ, который послѣ пятилѣтняго правленія умеръ, завѣщавъ свое царство Риму. Римляне тотчасъ приняли его въ свое владѣніе, но противъ нихъ выступилъ родственникъ царской фамиліи, Аристоникъ, котораго происхожденіе впрочемъ сомнительно, и, разбивъ консула Красса, овладѣлъ царствомъ своихъ предковъ. Впрочемъ онъ не могъ долго противостоять могуществу Рима. Въ 130 году онъ былъ Перперною разбитъ, взять въ плѣнъ и въ темницѣ удавленъ, а пергамское царство подъ именемъ Азіи обращено въ римскую провинцію.

т. е. трибунамъ. Что̀ касается до ряда другихъ предложеній, къ числу которыхъ относится предложеніе о доставленіи участія въ судебной власти сословію всадниковъ, то неизвѣстно, издалъ ли ихъ Тиберій, или это были только однѣ его идеи, которыя пылкій Кай впослѣдствіи привелъ въ исполненіе. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ Тиберій старался пріобрѣсть совершенное расположеніе народа, чтобы въ назначенный для избранія трибуновъ день не миновать своей цѣли. Къ несчастію этотъ день пришелся во время жатвы, и Тиберій за отсутствіемъ сельскихъ жителей могъ положиться на одну plebs urbana. Сенатъ подалъ противъ вторичнаго выбора Тиберія протестъ. Первый день избранія прошелъ въ спорахъ между самими трибунами безъ всякаго рѣшенія. Тиберій предвидѣлъ свое паденіе и явился на площадь въ траурной одеждѣ; этотъ видъ снова возбудилъ къ нему въ народѣ живѣйшее участіе; множество людей во всю ночь не отходило отъ его дома, надзирая за его безопасностью, и на другой день съ радостными криками его отвели въ Капитолій. Сенатъ собрался въ находившемся по близости храмѣ Вѣрности, откуда былъ слышенъ шумъ и крики народа. Вдругъ приносятъ извѣстіе, что Тиберій потребовалъ себѣ діадемы, — такъ объяснили враги его сдѣланное имъ рукою къ головѣ движеніе, когда онъ, не могши по причинѣ шума говорить, хотѣлъ по-крайней-мѣрѣ знаками показать, что его головѣ угрожаетъ опасность. Сципіонъ Назика потребовалъ отъ консуловъ, чтобы они употребили противъ измѣнника свою власть, и, получивъ отъ нихъ отказъ, самъ предводительствуя единомышленными съ нимъ сенаторами, съ осколками разломанныхъ скамей и, можетъ-быть, съ скрытыми кинжалами, бросился въ Капитолій. При ихъ приближеніи народъ разбѣжался, и Тиберій вмѣстѣ съ 300 гражданъ погибъ въ свалкѣ.

Насильственная смерть Тиберія Гракха, хотя и лишила образованную имъ партію вождя, но не сокрушила ея связи и мужества, и чѣмъ яснѣе послѣднія событія обнаружили, что богатые именемъ общественнаго блага прикрывали только свои частные интересы, тѣмъ сильнѣе возрастало противъ нихъ неудовольствіе. Сципіонъ Назика, не считая болѣе себя безопаснымъ въ Римѣ, удалился въ Азію, гдѣ вскорѣ потомъ умеръ. Хотя сенатъ и казнилъ многихъ приверженцевъ Тиберія, въ томъ числѣ и учителя его Діофана, однако не осмѣлился уничтожить lex agraria, а только искалъ случая сколько возможно препятствовать его исполненію. Продолжительные процессы, которые влекло за собою это постановленіе, подали ему лучшій къ тому поводъ. Между-тѣмъ гракхова партія старалась усилиться, и для сего къ своему первому и безъ того уже важному вопросу присоединила еще важнѣйшій: доставленіе права римскаго гражданства латинскимъ и итальянскимъ союзникамъ; оттого интересы пришли еще болѣе въ запутанное состояніе и борьба еще болѣе усилилась. Разрушитель Карѳагена и Нуманціи, Сципіонъ Эмиліанъ, однажды утромъ въ 129 г. найденъ на своей постели убитымъ; какимъ образомъ онъ погибъ, неизвѣстно, потому-что сенатъ не рѣшился сдѣлать изслѣдованія; противная партія изъ ненависти обвиняетъ въ этомъ злодѣяніи его супругу Семпронію, сестру Гракховъ. Сенатъ старался помочь себѣ удаленіемъ изъ Рима, подъ почетными предлогами, вождей демократической пар-

тіи; Кай Семпроній Гракхъ былъ посланъ квесторомъ въ Сардинію и Фульвій Флаккъ въ Южную Галлію на помощь къ городу Массиліи, и этотъ походъ положилъ начало утвержденію римлянъ въ Трансальпинской Галліи. Если Римъ теперь и успокоился, то это только была тишина, предшествующая бурѣ. Опасеніе, обнаруженное сенатомъ тѣмъ, что онъ впродолженіе трехъ лѣтъ безсмѣнно удерживалъ К. Гракха въ Сардиніи, доказывало, что онъ страшился всего отъ этого человѣка. Въ 124 г. Кай возвратился противъ воли сената въ Римъ и тотчасъ вступилъ на ту же дорогу, которая довела до погибели его несчастнаго брата. Пылкость характера, распаленнаго ненавистью и мщеніемъ, увлекла его къ крайностямъ, и если и онъ палъ отъ интригъ своихъ противниковъ, то паденіе его сопровождалось большимъ потрясеніемъ государства и жесточайшимъ кровопролитіемъ, нежели умерщвленіе Тиберія.

Всеобщее ожиданіе, что Кай Гракхъ будетъ дѣлать и чего требовать по избраніи своемъ въ народные трибуны на 123 г., привлекло въ Римъ множество народа изъ другихъ городовъ. Отъ этого съѣстные припасы вздорожали, и Гракхъ во-первыхъ предложилъ теперь lex frumentaria, по которому государство должно было собирать жито въ общественные магазины и оттуда во время дороговизны отпускать бѣднымъ опредѣленное количество на мѣсяцъ по дешевой цѣнѣ. Сокращеніемъ срока военной службы, предпріятіемъ большихъ построекъ, при которыхъ бѣдные находили себѣ занятіе и богатую плату, и другими подобными мѣрами онъ сдѣлался любимцемъ народа и чрезъ него всемогу-

щимъ въ государствѣ. По общему приговору народа безъ всякаго съ своей стороны домогательства онъ получилъ трибунское достоинство и на 122 годъ, и одной его рекомендаціи достаточно было для возвышенія одного изъ друзей его Фаннія въ консулы. Но онъ скоро почувствовалъ и трудность своего положенія; онъ долженъ былъ теперь новыми планами держать народъ въ постоянномъ напряженіи, потому-что на той опасной дорогѣ, на которую онъ вступилъ, остановиться значитъ навѣрно погибнуть. Во второй годъ своей должности предложеніемъ двухъ законовъ, которые въ существенныхъ пунктахъ измѣнили внутреннее устройство Рима, онъ заронилъ въ государство двѣ искры, произведшія всеобщій пожаръ. Первымъ закономъ онъ требовалъ доставленія полнаго права гражданства римскимъ союзникамъ и, успѣвъ въ этомъ, онъ могъ бы быть увѣренъ въ партіи, готовой большинствомъ голосовъ подтвердить все, что ему заблагоразсудится; вторымъ требовалъ перемѣны по части судопроизводства. Доселѣ судъ происходилъ такъ: преторъ извѣщалъ о дѣлѣ; но его разбирало назначенное для сего извѣстное число присяжныхъ, которые изрекали обвиненіе или оправданіе. Эти судьи доселѣ выбирались только изъ среды сената; Кай старался отнять у него эту превиллегію и вручить ее сословію всадниковъ. Въ живой картинѣ — Кай по мнѣнію самого Цицерона былъ однимъ изъ отличнѣйшихъ ораторовъ — онъ изобразилъ всю продажность этихъ судей и настоялъ, чтобы на будущее время они избирались изъ однихъ только всадниковъ *), чѣмъ доставилъ этому

*) Впрочемъ, извѣстія касательно этого закона приводятъ въ нѣкоторое сомнѣніе: именно, по словамъ Плутарха, всадники раздѣлили судейскую власть съ сенатомъ, напротивъ Аппіанъ говоритъ, что сенатъ потерялъ ее совершенно, и Цицеронъ (Verr. I, 16) подтверждаетъ это.

могущественному денежными средствами сословію особенное политическое значеніе, и отдѣливъ его отъ интересовъ сената, тѣмъ самымъ привлекъ къ своимъ. Какія пагубныя должны были произойдти отсюда слѣдствія, видно изъ того, что судьба провинцій теперь находилась въ полной власти всадниковъ. Могла ли какая провинція надѣяться найдти когда-нибудь въ Римѣ правосудіе противъ откупщиковъ податей, когда они же были и судьями? По утвержденіи закона о судьяхъ, Гракхъ воскликнулъ, что теперь насталъ послѣдній конецъ аристократіи. Однако онъ началъ торжествовать слишкомъ-рано, потому-что сенатъ принялъ всѣ мѣры къ его низверженію и не постыдился употребить противъ демагога демагогическія интриги. Противопоставить Каю какого-либо трибуна съ однимъ только veto принесло бы мало пользы, потому-что пылкій Гракхъ послѣдовалъ бы въ такомъ случаѣ примѣру своего брата. Итакъ сенатъ выбралъ другой путь, выставивъ Гракху соперника въ демагогѣ, который долженъ былъ превзойдти его въ предложеніяхъ въ пользу черни, чтобы лишить его народнаго расположенія. Эту роль принялъ на себя трибунъ Ливій Друзъ. Когда Гракхъ предложилъ о заложеніи двухъ колоній, Друзъ потребовалъ двѣнадцати; когда Гракхъ постановилъ, чтобъ граждане платили поземельную подать за участіе въ общественномъ полѣ, Друзъ зашелъ еще далѣе, уничтоживъ вовсе эту плату, и притомъ съ явнымъ одобреніемъ со стороны сената. Какъ ни постыдна и вѣроломна была такая политика, не-смотря на то она имѣла совершенный успѣхъ. Въ той же мѣрѣ, въ какой Друзъ пріобрѣталъ себѣ уваженіе, Гракхъ лишался народной любви и, возвратившись изъ Карѳагена, куда отводилъ колонію, онъ нашелъ въ расположеніи народа большую перемѣну. Онъ не могъ при наступленіи выборовъ воспрепятствовать удаленію изъ

Рима всѣхъ не-принадлежавшихъ къ числу жителей города или собственной его области и избранію въ консулы злѣйшаго врага своего Л. Опимія, и не успѣлъ сдѣлаться трибуномъ. Впрочемъ вѣроятно, что его противники прибѣгли въ этомъ случаѣ не къ совсѣмъ-честнымъ средствамъ и при счисленіи голосовъ допустили обманъ. Какъ бы то ни было, но въ 121 году Гракхъ возвратился въ частное состояніе, между-тѣмъ какъ враги его захватили правленіе въ свои руки. Въ такомъ положеніи дѣлъ, страшась за уничтоженіе своихъ законовъ и даже за самую жизнь, онъ тайно созвалъ въ Римъ для своей защиты, подъ разными предлогами и подъ различными переодѣваніями, множество приверженныхъ къ себѣ итальянскихъ союзниковъ. Дѣйствительно, аристократія начала уже свои козни покушеніемъ уничтожить гракховъ законъ касательно Карѳагенской колоніи и тѣмъ болѣе надѣялась убѣдить народъ, что въ этомъ замѣшана была и религія,—если припомнимъ произнесенное надъ Карѳагеномъ проклятіе. Въ тотъ день, когда дѣло должно было поступить на разсмотрѣніе комицій, все предвѣщало дурной конецъ: еще съ утра обѣ партіи заняли Капитолинскій Холмъ и грубость ликтора положила начало безпорядкамъ; партія гракхова съ кинжалами бросилась на него и умертвила его. Тогда сенатъ рѣшеніемъ: videant consules, ne quid respublica detrimenti capiat, уполномочилъ консуловъ употребить чрезвычайныя мѣры. Л. Опимій велѣлъ сенаторамъ и преданной ему части гражданъ вооружиться. Самъ Кай не хотѣлъ междоусобія, но на это рѣшился пылкій другъ его, Фульвій Флаккъ. Онъ вооружилъ приверженцевъ Гракха и умножилъ ихъ раздачею черни крѣпкихъ напитковъ. На слѣдующее утро онъ занялъ Авентинскій Холмъ; Гракхъ хотя и присоединился къ нему, но не взялъ съ собою другаго оружія, кромѣ короткаго кинжала. Онъ

послалъ сына Фульвіева въ сенатъ для переговоровъ, и когда его не впустили, хотѣлъ самъ идти туда, но былъ почти силою удержанъ отъ этого своею партіею. Въ стычкѣ, послѣдовавшей теперь, Гракхъ не принималъ никакого участія. Видъ междоусобной войны привелъ его въ отчаяніе: онъ извлекъ уже кинжалъ, чтобы лишить себя жизни, но двое изъ друзей его, Помпоній и Лициній, вырвали оружіе и уговорили бѣжать, а сами остались на тибрскомъ мосту прикрывать его бѣгство, заслоняя дорогу преслѣдовавшимъ его и защищая ее до послѣдняго издыханія. Впрочемъ, К. Гракхъ не избѣжалъ своей участи, но извѣстія о смерти его несогласны: по одному — онъ велѣлъ умертвить себя рабу своему Филократу, а по другому — былъ настигнутъ и убитъ врагами. Болѣе 3,000 гражданъ лишилось жизни въ этомъ кровопролитіи; ихъ тѣла были брошены въ Тибръ, и родственникамъ ихъ запрещено сѣтованіе.

Хотя аристократическая партія столь хорошо умѣла воспользоваться своею побѣдою, что гракховъ законъ сначала былъ оставленъ безъ вниманія, а послѣ и совсѣмъ отмѣненъ, однако брошенныя однажды сѣмена безпорядковъ продолжали рости. Когда взойдетъ этотъ страшный посѣвъ и созрѣютъ плоды его, ужасы междоусобія, — это зависѣло отъ обстоятельствъ. Доселѣ бывшіе демагоги по своему происхожденію и образованію принадлежали къ высшимъ сословіямъ республики, какая перемѣна должна была произойдти въ оппозиціи противъ аристократіи, когда главою ея явился человѣкъ изъ низшаго класса гражданъ! Этотъ человѣкъ былъ К. Марій. Возвысившись на военномъ поприщѣ, онъ уже вслѣд-

ствіе занимаемаго имъ мѣста далъ борьбѣ другой оборотъ, такъ-что отселѣ она была рѣшаема не малыми стычками на площади, какъ при Гракхахъ, но настоящими сраженіями въ открытомъ полѣ. Возвышенію Марія способствовала распространившаяся между аристократами испорченность нравовъ, и въ той войнѣ, гдѣ она самымъ разительнымъ образомъ обнаружилась предъ глазами свѣта, Марій положилъ основаніе своему будущему величію. Если до-сихъ-поръ корыстолюбіе и роскошь господствующихъ фамилій представлялись только въ нѣкоторыхъ частныхъ примѣрахъ угнетенія и раззоренія провинцій; то во время югуртинской войны запятнала себя вся аристократія, и вмѣстѣ съ уваженіемъ и, такъ сказать, благоговѣніемъ народа къ правящимъ фамиліямъ пала одна изъ основныхъ опоръ государственнаго устройства. Съ этой точки зрѣнія югуртинская война является весьма важною.

Изъ сыновей Массиниссы остался въ живыхъ одинъ только Миципса, и онъ снова соединилъ подъ своимъ скипетромъ все нумидійское царство. Предъ смертью онъ раздѣлилъ его между своими сыновьями Адгербаломъ и Гіемпсаломъ и также далъ удѣлъ предпріимчивому и любимому народомъ племяннику своему Югуртѣ, считая его опаснымъ для своихъ дѣтей и надѣясь великодушіемъ привязать его къ нимъ. Югуртѣ весьма-хорошо была извѣстна римская знать; онъ служилъ подъ начальствомъ Сципіона во время войны нумантинской, пользовался его расположеніемъ и также дружбою многихъ знатныхъ римлянъ и убѣдился, что

въ Римѣ все продажно *). Въ надеждѣ на это, онъ тотчасъ по смерти Миципсы, въ 119 г., одного изъ сыновей его, Гіемпсала умертвилъ, а другаго Адгербала изгналъ. Сей послѣдній обратился съ просьбою о защитѣ и мести къ римлянамъ, но Югурта отправилъ въ Римъ пословъ съ деньгами, и это, вмѣстѣ съ ходатайствомъ его друзей, имѣло болѣе силы, нежели адгербалово право. Сенатъ назначилъ коммиссію и отправилъ ее въ Африку съ порученіемъ раздѣлить снова нумидійское царство между Адгербаломъ и Югуртою. Предсѣдателемъ коммиссіи былъ тотъ самый Л. Опимій, который погубилъ К. Гракха, и этотъ человѣкъ, несмотря на то, что самъ владѣлъ богатыми помѣстьями, имѣлъ безстыдство унизиться до подкупа, и за деньги отдѣлилъ Югуртѣ лучшую часть Нумидіи. Итакъ не удивительно, что Югурта считалъ для себя все позволительнымъ, пока только имѣлъ средства удовлетворять корыстолюбію римскихъ вельможъ. Едва коммиссія успѣла удалиться, какъ Югурта снова напалъ на Адгербала и, не обращая вниманія на двукратное прибытіе римскаго посольства, отсовѣтывавшаго ему эту войну, загналъ своего противника въ городъ Цирту и осаждалъ тамъ, пока въ 112 г., овладѣвъ городомъ, не лишилъ его жизни. Послѣ этого онъ распространилъ свою власть надъ всею Нумидіею. Сенатъ пропустилъ бы безнаказанно и это нарушеніе всякаго права, еслибъ не обнаружилось неудовольствіе между демократическою партіею; итакъ, въ угожденіе ей, сенатъ долженъ былъ послать противъ Югурты консула Калпурнія

---

*) Уже въ лагерѣ предъ Нуманціею Югурта убѣдился Romae omnia venalia esse, и впослѣдствіи собственные опыты еще болѣе утвердили его въ этомъ мнѣніи, такъ-что онъ сказалъ о Римѣ слѣдующее изреченіе: «Urbem venalem et mature perituram, si emptorem invenerit». (Sallust. Iugurth. cap. 8 et 35).

Бестію. Калпурній взялъ съ собою легатами principem Senatus Скавра и другихъ знатныхъ и имѣвшихъ большое вліяніе людей, чтобы напередъ обезопасить себя отъ отвѣтственности за все, что тамъ ни сдѣлаетъ, потому-что онъ вовсе не имѣлъ намѣренія мстить Югуртѣ за оскорбленіе римскаго народа, но только какъ можно лучше для своей выгоды воспользоваться обстоятельствами, которыя уже для весьма многихъ служили источникомъ обогащенія. За деньги онъ согласился заключить выгодный для Югурты миръ, но противъ этого возстала демократическая партія, и народъ, по предложенію трибуна Меммія, рѣшилъ призвать Югурту для отвѣта въ Римъ. Въ надеждѣ на свои деньги и продажность римлянъ онъ прибылъ. Народный трибунъ Бебій продалъ ему свое veto, итакъ, когда царь явился предъ народомъ и долженъ былъ оправдываться въ представленныхъ противъ него обвиненіяхъ, то Бебій запретилъ ему говорить. Но когда онъ не устрашился въ стѣнахъ самаго Рима умертвить одного нумидійскаго принца, котораго хотѣли противопоставить ему претендентомъ на нумидійскій престолъ, то былъ объявленъ врагомъ республики и принужденъ оставить городъ. Противъ консула Албина, послѣдовавшаго за нимъ въ 110 году съ войскомъ, онъ держался хитростію и искусно пользуясь мѣстностію; и когда Албинъ по дѣламъ уѣхалъ въ Римъ, то братъ его, принявшій послѣ него начальство, по причинѣ буйства солдатъ и совершеннаго упадка дисциплины принужденъ былъ заключить съ Югуртою миръ, по которому обѣщался выступить изъ предѣловъ Нумидіи. Чтобы не потерять послѣдняго уваженія народа, аристократія должна была теперь принять другія мѣры: она объявила миръ съ Югуртою недѣйствительнымъ и послала противъ него въ 109 году мужа, аристократа по гордости, но чуждаго разврату и про-

дажности своего сословія, консула Кв. Цецилія Метелла. Онъ прежде всего возстановилъ въ римскомъ войскѣ дисциплину и потомъ, во второй годъ своего начальства, принудилъ Югурту заключить договоръ, по которому сей послѣдній обѣщалъ сдаться. Онъ уже выдалъ лошадей, оружіе и часть своихъ сокровищъ, но нечистая совѣсть помѣшала ему отдаться самому въ руки римлянъ. Онъ бѣжалъ къ своему тестю, Бокху, царю мавританскому *). Это продлило войну и доставило случай возвыситься К. Марію. Этотъ человѣкъ зналъ только одну войну и вовсе не имѣлъ того тонкаго образованія, которое въ господствовавшихъ фамиліяхъ служило существеннымъ признакомъ знатнаго сословія. Сципіонъ первый во время войны нумантинской, замѣтивъ въ немъ воинскія способности, возвысилъ его, и Марій, увлеченный необузданнымъ честолюбіемъ, бросился теперь на политическое поприще. Какъ homo novus, онъ прежде нежели могъ пройдти по порядку всѣ должности, долженъ былъ устранить такія препятствія, которыя для другаго менѣе энергическаго характера показались бы совершенно непреодолимыми; по той же причинѣ онъ естественно присоединился къ демократической партіи, а аристократамъ за показанное къ нему презрѣніе и непріязнь платилъ злѣйшею ненавистью. Метеллъ взялъ его съ собою легатомъ въ Африку, и гордый патрицій не могъ удержаться отъ насмѣшки, когда Марій пришелъ къ нему просить позволенія ѣхать въ Римъ, чтобы лично искать консульства. Но Марій былъ любимъ солдатами; они рекомендовали его своимъ родственникамъ и друзьямъ въ Римѣ, и Марій,

*) Между Римомъ и Мавританіею доселѣ не было еще никакихъ сношеній. Sallust. Iug. cap. 19: Mauris omnibus rex Bocchus imperitabat, praeter nomen, cetera ignarus populi Romani, itemque nobis neque bello neque pace antea cognitus.

противъ всякаго ожиданія и къ великой досадѣ Метелла, дѣйствительно былъ избранъ въ консулы на 107 годъ *). Хотя сенатъ уже опредѣлилъ оставить Метеллу начальство надъ войскомъ въ Африкѣ и на слѣдующій годъ, однако Марій склонилъ народъ уничтожить это опредѣленіе и окончаніе войны поручить ему. Слезы, пролитыя Метелломъ отъ горести и досады, показываютъ, что Марій успѣлъ восторжествовать надъ своимъ противникомъ. Саллюстій весьма-вѣрно замѣчаетъ, что Метеллу не такъ горько было потерять начальство, какъ видѣть своимъ преемникомъ Марія. Впрочемъ Марій окончилъ югуртинскую войну болѣе съ помощію убѣдительнаго краснорѣчія своего квестора, Л. Корнелія Суллы, нежели своихъ военныхъ талантовъ. Именно, Бокхъ, убѣжденный Суллою, выдалъ Югурту и получилъ за это себѣ часть Нумидіи, такъ-называемую Массесилію, а остальная часть была раздѣлена между потомками Массиниссы. Послѣ этго римская чернь имѣла удовольствіе видѣть тріумфъ своего любимца Марія надъ Югуртою: плѣнный царь былъ брошенъ въ темницу, гдѣ на шестой день послѣ тріумфа умеръ въ мученіяхъ голода.

Непосредственно по окончаніи югуртинской войны

*) Саллюстій (Jugurth. cap. 85) въ рѣчи, которую онъ влагаетъ въ уста Марія противъ аристократіи, превосходно изображаетъ его характеръ: гордости благородныхъ, основанной на происхожденіи, онъ противопоставляетъ свою гордость, основанную на заслугахъ, и ихъ греческому образованію свой практическій умъ. Онъ говоритъ такъ: Quod ex aliena virtute sibi adrogant, id mihi ex mea non concedunt; scilicet quia imagines non habeo et quia mihi nova nobilitas est, quam certe peperisse melius est, quam acceptam corrupisse. — Neque literas Graecas didici: parum placebat eas discere, quippe quae ad virtutem doctoribus nihil profuerunt. At illa multo optuma reipublicae doctus sum: hostem ferire, praesidia agitare, nihil metuere, nisi turpem famam, hiemem et aestatem juxta pati, humi requiescere, eodem tempore inopiam et laborem tolerare.

Марію представился случай утвердить свое политическое значеніе, которымъ онъ былъ обязанъ этой войнѣ, новыми и дѣйствительно великими заслугами, поразивъ кимвровъ и тевтоновъ, грозившихъ въ союзѣ съ цельтическими и гельветическими племенами наводнить всю Италію, и возстановивъ древнюю дисциплину, а вмѣстѣ съ нею и перевѣсъ римскаго оружія. Такая военная республика, какъ Римъ, должна была по временамъ испытывать подобныя опасности, чтобы держать свои силы въ постоянномъ напряженіи; со времени нумантинской войны римляне не имѣли ни одного непріятеля, противъ котораго могли бы въ большомъ размѣрѣ упражнять свое оружіе, и какъ необходимо подобное упражненіе, видно изъ того, сколькихъ трудовъ стоило имъ побѣдить такого незначительнаго врага, каковъ былъ царь Югурта.

Переселеніе кимвровъ съ сѣвера на югъ было предвѣстіемъ того великаго движенія народовъ, которое разрушило впослѣдствіи Римскую Имперію. Рѣдко великія событія встрѣчаются въ исторіи не будучи уже предшествуемы подобными явленіями, только въ маломъ видѣ: такимъ явленіемъ была кимврская война. Кимвры, населявшіе названный по имени ихъ полуостровъ на Сѣверномъ Морѣ, по неизвѣстнымъ причинамъ, оставили свое отечество; къ нимъ присоединились племена германскія, цельтическія и гельветическія, изъ коихъ первыя назывались тевтонами, вторыя амбронами и третьи тигуринцами. Начиная съ 113 года, когда они впервые явились на предѣлахъ римскихъ владѣній, поразивъ многихъ римскихъ военачальниковъ, желавшихъ преградить имъ дорогу, они представили наконецъ сенату такое же требованіе, какое

послѣдствіи дѣлали германскіе народы римскимъ императорамъ: ut Martius populus aliquid sibi terrae daret, quasi stipendium, ceterum ut vellet manibus et armis ut suis uteretur. Но теперь сенатъ не имѣлъ еще никакой нужды принимать на жалованіе чужой народъ: итакъ онъ отвергъ это требованіе и въ 106 г. отправилъ въ Галлію сильное войско подъ предводительствомъ консула Цепіона, которое въ слѣдующемъ году было совершенно уничтоженно, — что отчасти произошло отъ несогласія военачальниковъ. Это пораженіе произвело въ Римѣ великое уныніе и во многихъ такой же страхъ, какъ нѣкогда битва при Каннахъ. Взоры всѣхъ обратились на Марія, ожидая только отъ него спасенія, и въ 104 году онъ былъ во второй разъ выбранъ въ консулы и оставался въ этой власти впродолженіе четырехъ лѣтъ безсмѣнно до совершеннаго окончанія войны. И въ-самомъ-дѣлѣ, для возстановленія дисциплины въ римскомъ войскѣ именно нужно было такого воинственнаго вождя, какъ Марій; между-тѣмъ, сами варвары, предпринимая безъ всякой цѣли походы въ Галлію и Испанію, дали ему время набрать и обучить войско и внушить довѣренность къ себѣ и твердую надежду на побѣду. Теперь онъ могъ дать отпоръ непріятелямъ, когда они, раздѣлившись на двѣ части, вознамѣрились съ двухъ сторонъ прорваться въ самую Италію. Тевтоновъ и амброновъ, предпринявшихъ путь черезъ Провансъ, онъ встрѣтилъ въ 102 г. при Aquae Sextiae и вступилъ съ ними въ битву ужаснѣйшую изъ всѣхъ, какія когда-либо выдерживали римляне, потому-что непріятели уступили не прежде, какъ по совершенномъ разсѣяніи ихъ и истребленіи. Послѣ сей великой побѣды Марій спѣшилъ въ Италію, куда кимвры и тигуринцы вторгнулись со стороны Тироля. При Верцеллахъ, въ 101 г., въ соединеніи съ товарищемъ своимъ Катуломъ, Марій выдержалъ новую, не

менѣе упорную и кровопролитную битву, кончившуюся впрочемъ также истребленіемъ варваровъ *).

Марій оказалъ отечеству столь неоспоримыя услуги, что самые аристократы, отбросивъ зависть, встрѣтили его съ уваженіемъ и наградили почетнымъ именемъ третьяго основателя Рима. Теперь онъ могъ бы вступить въ кругъ господствующихъ фамилій, но чувствуя, что по своему образованію будетъ тамъ не на своемъ мѣстѣ, остался въ приличной ему сферѣ, т. е. на сторонѣ народа. Соединившись съ демагогами К. Сервиліемъ Главціемъ и Л. Апулеемъ Сатурниномъ, онъ хотя и достигъ, чего желалъ, — шестаго консульства и раздѣленія земли между воинами, служившими подъ его начальствомъ, но этимъ уничтожилъ въ глазахъ аристократовъ всѣ свои заслуги предъ государствомъ, и хотя онъ помогъ имъ самъ подавить Сатурнина, который началъ злоупотреблять свою власть, несмотря на то низверженіе демагоговъ было вмѣстѣ ударомъ и его партіи и ослабило его вліяніе.

Партіи находились въ такомъ положеніи: аристократія хотя и показала видъ, что уступаетъ народу, но въ то же время хитрыми мѣрами старалась отнять у него преимущества, доставленныя ему законами Грак-

*) Подробное, только преувеличенное и реторическое описаніе этой войны находится у Плутарха въ жизнеописаніи Марія: критически разобралъ это событіе Joh. v. Müller въ своемъ сочиненіи: Bellum Cimbricum (Werke, Bd. 23 S. 203—233 по изданію 1833 года).

ховъ. Такъ въ 107 году Сп. Торій успѣлъ утвердить законъ, по которому притязанія народа на общественное поле были удовлетворяемы деньгами, и половина судейскихъ мѣстъ была возвращена сенаторамъ. Противъ этой-то реакціи выступилъ теперь Марій съ соединившимися съ нимъ демагогами. Главцій опять возвратилъ всадникамъ всю судебную власть, а Сатурнинъ издалъ цѣлый рядъ законовъ, которые должны были удовлетворить и привлечь къ нему чернь. Между-прочимъ онъ предложилъ раздавать бѣднымъ хлѣбъ безденежно. Однако, когда квесторъ доказалъ, что государственная касса не такъ богата, чтобъ прокармливать всѣхъ бѣдныхъ, число которыхъ въ Римѣ безпрестанно увеличивалось, то прочіе трибуны, убѣжденные его доводами, имѣли благоразуміе противопоставить своему товарищу veto; но съ того времени, какъ старшій Гракхъ нарушилъ святость сего слова, ни одинъ демагогъ не уважалъ больше законныхъ формъ: Сатурнинъ, не обращая на нихъ вниманія, велѣлъ подавать голоса, пока наконецъ по приказанію квестора не унесли ящика, въ который ихъ собирали; это произвело смятеніе, разстроившее все дѣло. Чтобы впредь сдѣлать невозможнымъ подобное сопротивленіе, Сатурнинъ старался возвысить чернь надъ сенатомъ, и съ этою цѣлію къ предложенію о раздачѣ воинамъ Марія земли присоединилъ опредѣленіе: Senatum plebiscito teneri. Сенатъ долженъ былъ подтвердить это присягою, и такъ-какъ Марій первый показалъ примѣръ, то и всѣ сенаторы послѣдовали ему; только Метеллъ, по аристократической гордости и ненависти къ Марію, имѣлъ духъ не согласиться на такое униженіе. Не желая ни уступить демагогамъ, ни искать защиты въ оружіи, онъ удалился изъ города и жилъ въ Родосѣ, занимаясь одпѣми науками, пока снова не былъ призванъ въ Римъ. Но Сатурнинъ такъ далеко зашелъ въ своемъ высоко-

мѣріи, что Марій не смѣлъ долѣе защищать его. Разбитый съ своими приверженцами Сатурнинъ бѣжалъ въ Капитолій и былъ въ немъ осаждаемъ до-тѣхъ-поръ, пока недостатокъ въ водѣ не принудилъ его сдаться. Побѣдившая сторона показала теперь также мало уваженія къ законамъ, какъ прежде побѣжденная: преторъ Главцій, трибунъ Сатурнинъ и квесторъ Сауфей, облеченные въ знаки своего достоинства, были умерщвлены; само собою разумѣется, что послѣ того уничтожены и законы, предложенные Сатурниномъ. Удаленіе изъ Рима Марія и возвращеніе Метелла показываютъ, что сенатъ снова возвратилъ себѣ прежнюю силу.

Еще оставался нерѣшеннымъ изданный Гракхомъ великій политическій вопросъ о доставленіи права римскаго гражданства итальянскимъ союзникамъ. Убѣжденная въ справедливости своего дѣла *), большая часть городовъ Средней и Нижней Италіи взялась за оружіе и вступила съ Римомъ въ войну, которая скоро привела ихъ къ цѣли. По закону юліеву (lex Julia) въ 90 году получили право римскаго гражданства всѣ союзники, оставшіеся въ вѣрности, и можно было предвидѣть, что сенатъ уступитъ его и прочимъ, когда не успѣетъ смирить ихъ силою оружія. Послѣ страшнаго двухлѣтняго опустошенія страны, совершеннаго разрушенія многихъ цвѣту-

---

*) Самые римскіе историки признаютъ ихъ право: Vellej. lib. II, cap. 15: quorum causa fuit justissima. Petebant enim eam civitatem, cujus imperium armis tuebantur: per omnes annos atque omnia bella duplici numero se militum equitumque fungi, neque in ejus civitatis jus recipi, quae per eos in id ipsum pervenniset fastigium, per quod homines ejusdem et gentis et sanguinis ut externos alienosque fastidire posset.

щихъ городовъ и истребленія съ обѣихъ сторонъ множества людей, часто происходившаго съ величайшею яростію и жестокостію, наконецъ законъ плавтіевъ (lex Plautia въ 89 году доставилъ права римскаго гражданства всѣмъ итальянскимъ союзникамъ, которые втеченіе 60 дней положатъ оружіе. Бóльшая часть приняла предложеніе; только самнитяне, подъ предводительствомъ Понтія Телезина, остались вооруженными, не довѣряя римлянамъ и полагая, что открывшаяся война съ Митридатомъ принудила сенатъ сдѣлать распоряженіе въ ихъ пользу, но что оно при первомъ благопріятномъ случаѣ снова будетъ у нихъ отнято.

Открытію войны противъ союзниковъ главнымъ образомъ содѣйствовали стремленія народнаго трибуна Ливія Друза. Подобно своему отцу, который служилъ орудіемъ противъ К. Гракха, Друзъ былъ совершенно преданъ интересамъ сената и старался возвратить ему судейскую власть; противъ него защитникомъ выступилъ другой трибунъ кв. Сервилій Цепіонъ. Всадники съ такою несправедливостію пользовались врученною имъ властью *), что Ливій Друзъ могъ надѣяться на одобреніе всѣхъ желавшихъ добра своему отечеству и утвержденія справедливости; но онъ сдѣлалъ ту ошибку, что хотѣлъ всѣмъ удовлетворить, и достигъ только

*) Разительный примѣръ злоупотребленій судейской власти всадниками представляетъ поступокъ ихъ съ П. Рутиліемъ (Dion. fragm. N. CVI et CVII). Этотъ человѣкъ, котораго Веллей называетъ virum non saeculi sui, sed omnis aevi optimum, по ненависти былъ ими ложно обвиненъ и несправедливо осужденъ за то, что защищалъ мало-азіятскіе города противъ откупщиковъ податей.

того, что со всѣми разсорился. Чтобы сдѣлать склоннѣе къ своей реформѣ всадниковъ, онъ предложилъ 300 изъ нихъ принять въ сенатъ и потомъ изъ числа сихъ послѣднихъ и старыхъ сенаторовъ выбирать судей. Это отдалило его отъ сената, не удовлетворивъ всадниковъ, которые конечно не хотѣли безъ сопротивленія отказаться отъ своихъ преимуществъ. Итакъ Друзъ долженъ былъ искать подкрѣпленія своей партіи гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ и съ этою цѣлію снова предложилъ гракховъ законъ о доставленіи права римскаго гражданства союзникамъ. Въ день, назначенный для обнародованія этого закона, итальянцы толпами двинулись въ Римъ, и когда консулъ Филиппъ хотѣлъ воспрепятствовать чтенію закона, слуга Ливія Друза схватилъ его за горло и такъ сильно сжалъ, что у него брызнула кровь изъ носу и изъ глазъ. Впрочемъ день прошелъ безъ рѣшенія; при наступленіи вечера, когда Друзъ возвращался домой, въ толпу сопровождавшихъ его вмѣшался подкупленный противною партіею убійца, который нанесъ ему ударъ у самыхъ дверей его дома и послѣ этого тотчасъ исчезъ въ толпѣ *). Это случилось въ 91 году. Когда, по умерщвленіи Друза, lex Varia объявилъ виновнымъ въ уголовномъ преступленіи всякаго, кто осмѣлится снова предложить о доставленіи права гражданства союзникамъ, то послѣднимъ оставалось только покориться или взяться за оружіе. Но чѣмъ больше они сознавали свое право, тѣмъ менѣе можно было ожидать отъ нихъ перваго: марзы, пелигны, вестинцы, маруцинцы, пиценты, апулійцы, луканцы и самнитяне отпали отъ Рима и составили независимое союзное государство. Средото-

---

*) Цицеронъ (de nat. Deor. lib. III, cap. 33) одинъ именуетъ его кв. Варіемъ и упоминаетъ о его наказаніи.

чіемъ его они избрали городъ Корфиній, получившій имя Италикумъ; здѣсь учредили курію и вручили отправленіе дѣлъ сенату, состоявшему изъ 500 членовъ. Самнитъ К. Папій Мутилъ и марзъ Силонъ Помпедій были выбраны въ консулы. Римляне смотрѣли на это отпаденіе, какъ на явный бунтъ, и едва только узнали о планѣ союзниковъ, какъ тотчасъ нападеніемъ на Аскулумъ въ 91 году открыли войну, извѣстную подъ именемъ bellum Marsicum или bellum sociale. Эта война была для Рима тѣмъ опаснѣе, что теперь ему предстояло сражаться противъ той самой тактики, военнаго искусства и силы, которыя доселѣ за него сражались и побѣждали. При внѣшней опасности раздоры партій въ Римѣ прекратились, и воинственный духъ республики пробудился во всей своей силѣ. Въ количествѣ силъ обѣ стороны были равны, и римляне имѣли то только преимущество, что ихъ войска находились подъ начальствомъ такихъ отличныхъ вождей, какъ Марій и Сулла. Несмотря на-то, сначала война ведена была такъ безуспѣшно, что даже этруски и умбры, оставшіеся еще вѣрными, начали думать объ отпаденіи. Поэтому сенатъ рѣшился уступить и въ нуждѣ согласился на то, что отвергъ въ счастіи. По закону, обнародованному консуломъ Л. Юліемъ Цезаремъ, получили право гражданства всѣ союзники, оставшіеся вѣрными, а въ слѣдующемъ (89) году lex Plautia обѣщалъ это право всѣмъ, которые впродолженіе шестидесяти дней положатъ оружіе. Этимъ война кончилась.

Личная вражда, давно уже существовавшая между Маріемъ и Суллою, втеченіе союзнической войны еще болѣе усилилась, и непосредственно за симъ представившійся вопросъ о томъ: кому принять начальство надъ войскомъ противъ Митридата, послу-

жилъ для обоихъ вождей, стремившихся къ этой почести, поводомъ повергнуть государство въ новую междоусобную войну. Сенатъ назначилъ военачальникомъ Суллу, но Марій рѣшился во что-бы то ни стало отнять у него эту честь, — для чего онъ соединился съ народнымъ трибуномъ П. Сульпиціемъ Руфомъ и съ помощью новыхъ гражданъ, которыхъ интересы были тѣсно соединены съ его собственными, одержалъ верхъ: напротивъ Сулла склонилъ на свою сторону войско и рѣшилъ дѣло оружіемъ; маріанская партія была подавлена, и предводители ея подвержены опалѣ.

Новые граждане, въ числѣ 10 трибъ, будучи присоединены къ 35 прежнимъ, скоро замѣтили, что они чрезъ то не получили никакого политическаго значенія; ибо при собираніи голосовъ начинали съ старыхъ 35, и изъ нихъ требовалось согласія только 23-хъ; въ такомъ случаѣ новыхъ гражданъ вовсе и не спрашивали, потому-что большинствомъ одного голоса дѣло было уже рѣшено. Итакъ они стремились теперь занять мѣста между старыми трибами. Марій, соединившись съ Сульпиціемъ, принялъ ихъ сторону и старался исполнить это желаніе въ надеждѣ отнять тогда у Суллы начальство надъ войскомъ и получить ему самому. Старые граждане вооружились, новые со всѣхъ сторонъ устремились въ городъ, и между обѣими партіями ежедневно доходило дѣло до сшибокъ. Въ это время Сулла, какъ консулъ, возвѣстилъ феріи, но обнаженными кинжалами противниковъ былъ принужденъ къ отмѣненію своего эдикта и избѣжалъ насилія только тѣмъ, что скрылся въ домъ Марія, и — приписать ли то нечаянности или великодушію — говорятъ, что Ма-

рій самъ выпустилъ его чрезъ задпія двери, послѣ чего Сулла оставилъ городъ и поспѣшно отправился къ войску, стоявшему при Нолѣ. По удаленіи Суллы, Марій и Сульпицій привели въ исполненіе свои намѣренія, и какъ скоро новые граждане были приняты въ старые трибы, то Сулла былъ смѣненъ, и начальство надъ войскомъ противъ Митридата получилъ Марій. Сей послѣдній тотчасъ отправилъ къ войску военныхъ трибуновъ своей партіи для принятія надъ нимъ команды, но Сулла успѣлъ уже предупредить его. Онъ склонилъ войско на свою сторону, представивъ, что Марій хочетъ не только у него, законнаго полководца, отнять главное начальство, но и самое войско лишить чести и выгоды — участвовать въ этой войнѣ, и доставить все это другой арміи, которую намѣренъ набрать изъ своихъ приверженцевъ, новыхъ гражданъ. Убѣжденное такими представленіями войско согласилось идти за Суллою противъ Рима. Трибуны Марія, встрѣтившіеся съ нимъ, были убиты, и преторы Брутъ и Сервилій, которыхъ находившійся во власти Марія сенатъ выслалъ къ нему съ повелѣніемъ остановить его, были схвачены и объявлены лишенными своего достоинства. Послѣ этого Сулла вступилъ въ Римъ съ огнемъ и мечемъ. Марій и его приверженцы, послѣ неудачнаго покушенія вооружить за свое дѣло рабовъ, оставили городъ. Надъ ними произнесена была опала; Сульпицій, захваченный въ бѣгствѣ, убитъ, напротивъ Марій спасся. Несмотря на свою побѣду, Сулла не имѣлъ времени совершенно обезопасить спокойствіе Рима на время своего отсутствія. Онъ не могъ даже воспрепятствовать избранію въ консулы на 87-й годъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ Октавіемъ приверженца маріева Л. Корнелія Цинны и принужденъ былъ довольствоваться взятіемъ съ него клятвеннаго обѣщанія, что онъ не предприметъ ничего противъ общественнаго спокой-

ствія. Кончивъ это, Сулла выступилъ въ походъ противъ Митридата.

Митридатъ VI Евпаторъ, увлеченный ненавистью къ римлянамъ отъ самыхъ отроческихъ лѣтъ, принялъ изгнаніе ихъ изъ Азіи за главное назначеніе всей своей жизни. Уже подобная мысль обнаруживаетъ въ немъ смѣлый и предпріимчивый умъ, и дѣйствительно—возвести доселѣ незначительное царство понтійское на столь высокую степень силы, что оно не только могло противостоять, но даже быть опаснымъ могуществу Рима—для этого нуженъ былъ удивительный талантъ и необыкновенная энергія *). Митридатъ незамѣтно собралъ такія огромныя силы, что когда въ 88 году обнаружилъ свои враждебныя намѣренія противъ Рима, ничто не могло ему сопротивляться, и римляне, вмѣстѣ съ извѣстіемъ о пораженіи своихъ военачальниковъ въ Азіи и варварскомъ избіеніи находившихся тамъ своихъ гражданъ, узнали, что Митридатъ, какъ нѣкогда Антіохъ, распространилъ свою власть по всей Малой-Азіи и проникъ въ самую Грецію. Въ 87-мъ и 86-мъ годахъ Сулла былъ занятъ покореніемъ Аѳинъ, бывшихъ средоточіемъ митридатовой партіи, и изгнаніемъ изъ Греціи митридатовыхъ генераловъ, и какъ-скоро успѣлъ въ

*) Веллей Патеркулъ (lib. II, cap. 18) характеризуетъ Митридата слѣдующими словами: vir, neque silendus, neque dicendus sine cura, bello acerrimus, virtute eximius, aliquando fortuna semper animo maximus, consiliis dux, miles manu, odio in Romanos Hannibal.

этомъ, то ждалъ только кораблей для переправы въ Азію.

Понтійское царство возвысилось со времени занятія Синопе Фарнакомъ, но распространенію его со стороны Малой-Азіи поставило твердую преграду вліяніе римлянъ въ Азіи; они неоднократно вмѣшивались въ споры понтійскихъ царей съ другими азіятскими владѣтелями и рѣшали всегда не въ ихъ пользу. Сынъ и наслѣдникъ Фарнака, Митридатъ, былъ союзникомъ Рима и въ награду за ревностное участіе въ усмиреніи Аристоника получилъ отъ римскаго проконсула М. Аквилія Непота Великую Фригію. Но по смерти его и во время малолѣтства сына и наслѣдника его *Митридата VI Евпатора или Великаго* (121—64) римляне взяли ее обратно, и этотъ первый насильственный поступокъ возбудилъ въ юномъ Митридатѣ пламенную ненависть къ Риму, сдѣлавшуюся господствующею страстью всей его жизни. Вступивъ въ совершеннолѣтіе въ 112 году, онъ самъ принялъ бразды правленія и тотчасъ началъ готовить силы къ войнѣ, покорилъ отъ 112—110 года Крымъ и скиѳскихъ князей въ нынѣшней южной Россіи, вступилъ въ сношенія съ сарматами и даже, какъ кажется, съ германскими народами, чтобы со всѣхъ сторонъ возбудить враговъ противъ римскаго владычества. Два года (110 — 108) онъ путешествовалъ по Малой-Азіи съ цѣлію узнать на мѣстѣ положеніе тамошнихъ провинцій и пріобрѣсть себѣ новыхъ друзей и римлянамъ новыхъ враговъ. Римляне, занятые сперва войною съ кимврами и потомъ внутренними безпорядками и междоусобіями, не имѣли времени ни видѣть, ни остановить возрастающее могущество Понта; поэтому вмѣшавшись въ споры, происходившіе между Понтомъ и Виѳиніею, они вовсе не предполагали встрѣ-

тить сопротивленіе; но Митридатъ обнаружилъ теперь вдругъ давно втайнѣ заготовленныя свои колоссальныя силы. Стоявшіе въ Азіи римскіе военачальники были одинъ за другимъ разбиты, и виөинскій царь принужденъ бѣжать въ Римъ. Въ нѣсколько недѣль онъ покорилъ всю Малую-Азію, и даже острова, за исключеніемъ Родоса, который очень-хорошо предвидѣлъ, чѣмъ должна кончиться эта война, перешли на его сторону. Чтобы множество римскихъ граждан, жившихъ въ мало-азіятскихъ городахъ, не могло ему повредить, или чтобы сдѣлать примиреніе съ Римомъ невозможнымъ, Митридатъ повелѣлъ въ одинъ день умертвить ихъ всѣхъ съ семействами, и это жестокое повелѣніе было исполнено. По самому меньшему показанію въ этомъ кровопролитіи погибло до 80,000 человѣкъ. Выступленіе Митридата пробудило надежду на освобожденіе и въ европейской Греціи. Аөины, несмотря на-то, что менѣе всего имѣли причину быть недовольными римскимъ владычествомъ, первыя подали знакъ къ отпаденію и, по прибытіи посланнаго къ нимъ Митридатомъ генерала Архелая, сдѣлались средоточіемъ понтійской партіи въ Греціи. Но освобожденіе города отъ владычества римлянъ тотчасъ началось тиранніею одного изъ собственныхъ гражданъ: покровительствуемый Архелаемъ эпикуреецъ Аристіонъ захватилъ въ немъ верховную власть. Посему Сулла, по прибытіи въ Мартѣ 87 года въ Грецію, сперва двинулся къ Аөинамъ и встрѣтилъ сильное сопротивленіе, потому-что жестокій Аристіонъ, несмотря на открывшійся недостатокъ и бѣдственное положеніе бѣдныхъ, не хотѣлъ сдаться, пока у него на столѣ всего было въ изобиліи. Ругаясь, онъ отвергъ просьбы томимыхъ голодомъ гражданъ, и вѣроятно аөиняне сами помогали Суллѣ овладѣть городомъ. Но такъ-какъ онъ былъ взятъ приступомъ, то римскіе солдаты произ-

вели въ немъ страшное кровопролитіе; тираннъ бѣжалъ въ Акрополисъ, гдѣ и погибъ — отъ своей ли руки, какъ повѣствуетъ Плутархъ, или по словамъ другихъ, сдавшись Суллѣ, былъ убитъ по его повелѣнію, — для насъ все равно. Двумя побѣдами сокрушивъ силы митридатовыхъ генераловъ, Сулла возвратилъ Грецію въ зависимость отъ Рима: первую онъ одержалъ при Херонеѣ, а вторую въ слѣдующемъ (86) году при Орхоменѣ.

Въ то время, какъ Сулла занимался войною въ Греціи, въ Римѣ правленіе перешло въ руки его враговъ. Непосредственно по удаленіи его, Цинна нарушилъ свое обѣщаніе, но будучи не въ состояніи одинъ привести въ исполненіе своихъ намѣреній, онъ для подкрѣпленія своей партіи и значенія вызвалъ Марія. Престарѣлый мужъ, чудеснымъ образомъ спасшійся отъ всѣхъ преслѣдованій, съ радостію послѣдовалъ на приглашеніе, открывавшее предъ нимъ надежду, столь сладкую для души итальянца, имѣть возможность передъ смертью отмстить своимъ врагамъ. По соединеніи съ Цинною, Марій овладѣлъ Римомъ. Онъ удовлетворилъ и своей ненависти умерщвленіемъ всѣхъ своихъ враговъ, и честолюбію—принятіемъ седьмаго консульства. Вскорѣ послѣ того онъ умеръ въ январѣ 86 года, но Римъ и правленіе остались въ рукахъ его партіи. Слѣдствіемъ этого переворота была опала Суллы и лишеніе его начальства надъ войскомъ, которое было передано Л. Валерію Флакку. Но такъ-какъ войско осталось вѣрнымъ Суллѣ, то и онъ равномѣрно продолжалъ вой-

ну. Стѣсненный съ двухъ сторонъ Митридатъ принужденъ былъ просить мира, и Сулла тотчасъ оборотился противъ легіоновъ маріевой партіи, которыхъ предводитель Флаккъ между-тѣмъ былъ низложенъ однимъ изъ своихъ легатовъ Фимбріею. Послѣ того какъ Фимбрія самъ себя лишилъ жизни, Сулла соединилъ его необузданныя войска съ своими, которыя были не менѣе своевольны, и отъ жестокости къ побѣжденнымъ потеряли уваженіе и жалость даже къ собственному своему отечеству.

Марій избѣжалъ изданной противъ него опалы, потому-что никто не осмѣливался умертвить престарѣлаго и оказавшаго отечеству столько услугъ полководца. Онъ бѣжалъ въ Африку, но когда и здѣсь преторъ Секстилій не принялъ его *), то удалился на небольшой островъ Церцину, гдѣ и жилъ въ ожиданіи: не получитъ ли его партія снова перевѣсъ въ Римѣ, и его надежды и желанія исполнились скорѣе, нежели какъ онъ себѣ представлялъ. Цинна возобновилъ предложеніе о принятіи новыхъ гражданъ въ старыя трибы, и такъ-какъ по этому случаю онъ вступилъ въ борьбу съ товарищемъ своимъ Октавіемъ и потерпѣлъ неудачу, то оставилъ городъ и съ войскомъ, набраннымъ между новыми гражданами, явился предъ стѣнами Рима.

---

*) Марій находился на развалинахъ Кароагена, когда вѣстникъ Секстилія принесъ ему приказаніе удалиться, и на вопросъ его, что̀ онъ долженъ отвѣчать, сказалъ слѣдующія достопамятныя слова: Ἄγγελλε τοίνυν, ὅτι Γάϊον Μάριον ἐν τοῖς Καρχηδόνος ἐρειπίοις φυγάδα καθεζόμενον εἶδες. (т. е. Возвѣсти, что видѣлъ Кая Марія, сидящаго изгнанникомъ на развалинахъ Кароагена.) Plut. vit. Mar. cap. 40.)

Сенатъ призвалъ на защиту города полководцевъ, дѣйствовавшихъ еще противъ самнитянъ, Помпея и Метелла, и подъ стѣнами дошло дѣло до сраженія, въ которомъ хотя Цинна и одержалъ побѣду, однако не столь рѣшительную, чтобы плодомъ ея была сдача города. Итакъ для усиленія своей партіи онъ вызвалъ Марія. Когда старый семидесятилѣтній вождь возвратился, то вокругъ него собрались всѣ солдаты, нѣкогда служившіе подъ его начальствомъ, и изъ толпы бѣглыхъ рабовъ онъ тотчасъ образовалъ себѣ родъ тѣлохранителей и палачей, готовыхъ выполнять его кровавыя повелѣнія, которыхъ жаждало его мстительное сердце. Такъ-какъ Остія находилась въ рукахъ Марія и Цинны, и такимъ-образомъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ къ Риму былъ отрѣзанъ, безъ котораго этотъ обширный городъ не могъ существовать одной недѣли, то онъ долженъ былъ сдаться, послѣ того какъ Цинна далъ обѣщаніе, что никто безъ законнаго суда не будетъ казненъ. Хотя Цинна самъ, можетъ-быть, и думалъ сдержать условіе, но Марій не потерпѣлъ этого. Благороднѣйшіе римляне сдѣлались жертвами его мщенія; самые друзья при встрѣчѣ съ нимъ трепетали, потому-что каждый, кого онъ не удостоивалъ своего поклона, былъ умерщвляемъ составлявшими его свиту убійцами. Въ 86 году онъ вступилъ въ свое седьмое консульство, но пережилъ этотъ тріумфъ только немногими днями. Вскорѣ послѣ избранный въ консулы на мѣсто его Валерій Флаккъ получилъ также и главное начальство надъ войскомъ противъ Митридата. Флаккъ предупредилъ Суллу, который теперь подверженъ былъ опалѣ, однако несмотря на-то, въ увѣренности, что войско не оставитъ его, продолжалъ войну. Между-тѣмъ, какъ сей послѣдній ждалъ кораблей, которые могли быть доставлены ему только издалека и притомъ съ большими затрудненіями, Флаккъ пере-

правился въ Азію. Впрочемъ онъ внушилъ къ себѣ слишкомъ-мало уваженія, чтобы быть въ состояніи обуздывать своеволіе своихъ солдатъ; напротивъ легатъ его Фимбрія умѣлъ пріобрѣсть большое расположеніе войска и, пользуясь имъ, произвелъ возмущеніе; обольщенные имъ солдаты убили своего полководца и избрали его своимъ вождемъ. Тѣснимый Фимбріею, угрожаемый Суллою, и зная, что послѣдній послѣ всего происшедшаго въ Римѣ, ничего столько не желаетъ, какъ скорѣйшаго туда возвращенія, Митридатъ предложилъ ему миръ, который и состоялся на условіи, чтобы Митридатъ возвратилъ всѣ сдѣланныя имъ завоеванія и выдалъ находившійся на Средиземномъ Морѣ флотъ. Послѣ этого междоусобная война между партіею маріанскою и партіею Суллы открылась сперва въ Азіи, потому-что Сулла не могъ оставить этой страны, не подавивъ Фимбріи. Онъ заперъ его въ собственномъ лагерѣ, и когда Фимбрія самъ себя лишилъ жизни, присоединилъ къ своему войску его легіоны, пріобрѣтшіе себѣ громкую извѣстность въ римской военной исторіи подъ именемъ валеріевскихъ или фимбріевскихъ. Если Малая-Азія много уже пострадала отъ Митридата и принуждена была платить ему огромныя контрибуціи на военныя издержки, то отъ Суллы она потерпѣла конечное разореніе. Города за умерщвленіе римскихъ гражданъ должны были заплатить штрафъ въ 20,000 талантовъ; сверхъ-того солдаты позволяли себѣ самымъ наглымъ образомъ притѣснять своихъ хозяевъ. Они обязаны были рядовому солдату, квартировавшему у нихъ, платить ежедневно по 4 драхмы, а если это былъ центуріонъ, по 50-ти, — они же должны были доставлять войску платье и съ покорностію исполнять всѣ желанія буйныхъ солдатъ. Ибо, чтобы привязать къ себѣ войско, Сулла долженъ былъ на все смотрѣть сквозь пальцы. Не имѣя болѣе

законной власти и самъ лишенный всѣхъ гражданскихъ правъ, конечно онъ больше зависѣлъ отъ арміи, нежели армія отъ него *). Къ тому же надобно отнести и то, что изъ распущеннаго митридатова флота составились многочисленныя шайки разбойниковъ, которыя, по удаленіи войскъ Суллы, сдѣлались на долгое время бичемъ этихъ несчастныхъ странъ. Итакъ легко можно видѣть, какъ дорого Малая-Азія заплатила за союзъ свой съ понтійскимъ царемъ и за умерщвленіе римскихъ гражданъ.

Въ 84 году Сулла съ войскомъ, совершенно ему преданнымъ, выступилъ въ походъ противъ своихъ враговъ въ Италію. Такъ-какъ все, что успѣло избѣжать отъ маріева терроризма, искало спасенія у него, то дѣло его стало вмѣстѣ дѣломъ аристократіи. Когда Сулла прибылъ въ Италію, маріанская партія находилась въ такомъ положеніи, что онъ смѣло могъ надѣяться побѣдить ее безъ труда. Цинна и Серторій были единственные люди изъ маріанской партіи, которые по смерти престарѣлаго вождя своего имѣли таланты полководцевъ, но первый изъ нихъ въ 84 году былъ убитъ собственными солда-

---

*) Какія слѣдствія должно было имѣть такое неестественное отношеніе, Саллюстій (Catil. cap. 11) изображаетъ въ слѣдующихъ словахъ: Huc accedebat, quod L. Snlla exercitum, quem in Asiam ductaverat, quo sibi fidum faceret, contra morem majorum luxuriose nimisque liberaliter habuerat; loca amoena, voluptaria facile in otio feroces militum animos molliverant. Ibi primum insuevit exercitus populi Romani amare, potare, signa, tabulas pictas, vasa caelata mirari, ea privatim ac publice rapere, delubra spoliare, sacra profanaque omnia polluere. Itaque hi milites, postquam victoriam adepti sunt, nihil reliqui victis fecere.

тами, а послѣдній не пользовался такимъ уваженіемъ, чтобы сдѣлаться главою своей партіи. Итакъ онъ во-время еще оставилъ ее, намѣреваясь въ Испаніи, которую онъ получилъ себѣ въ управленіе, образовать оплотъ противъ своихъ враговъ и открыть убѣжище своей партіи, если она должна проиграть въ Италіи. Въ-самомъ-дѣлѣ она легко была подавлена Суллою, и предводители ея погибли или отъ своей руки, или отъ кинжаловъ преслѣдовавшихъ ихъ убійцъ. Тогда-то Римъ почувствовалъ ужасныя слѣдствія этой новой революціи, возвратившей бразды правленія въ руки аристократіи, или, лучше, на первый разъ въ руки главы ея Суллы. Въ убѣжденіи, что государство не можетъ быть иначе успокоено, какъ чрезъ совершенное истребленіе демократической партіи, Сулла началъ убійство, которое было тѣмъ ужаснѣе, что происходило не изъ личнаго мщенія, какъ при Маріѣ, но вслѣдствіе обдуманной политической системы. Также и корыстолюбіе желавшихъ обогатиться имѣніями осужденныхъ служило иногда побужденіемъ къ пополненію проскрипціонныхъ списковъ. Это время образовало людей, подобныхъ Катилинѣ и его сообщникамъ, которые, скоро расточивъ убійствомъ и хищеніемъ пріобрѣтенныя богатства, старались произвесть другой подобный переворотъ, чтобы снова такимъ же образомъ воспользоваться всеобщимъ бѣдствіемъ для своего обогащенія. Подавивъ совершенно демократическую партію, въ 81 году Сулла принялъ диктаторское достоинство и въ 79 году сложилъ его добровольно, издавъ напе-

редъ цѣлый рядъ законовъ, которые не только утвердили аристократію въ ея прежнемъ значеніи, но и должны были уничтожить навсегда источники демократическихъ безпокойствъ.

Высадившись въ Брундузіумѣ съ 40,000 человѣкъ и соединивъ свою партію, среди которой тогда въ первый разъ выказалъ себя юный Кн. Помпей, Сулла скоро и безъ труда разбилъ по одиначкѣ, одного за другимъ, вождей маріанской партіи. При Теанумѣ онъ одержалъ надъ Норбаномъ столь легкую побѣду, что, какъ говорятъ, потерялъ самъ только 70 человѣкъ; войско консула Сципіона, измѣнивъ своему полководцу, перешло на его сторону; молодой Марій былъ разбитъ имъ при Пренестѣ и въ этомъ городѣ запертъ и осажденъ. Чтобы принудить Суллу къ снятію осады, самнитъ Понтій Телезинъ съ многочисленнымъ войскомъ изъ новыхъ гражданъ сдѣлалъ движеніе на самый Римъ, и при воротахъ его произошло сраженіе, продолжавшееся до полуночи, пока наконецъ паденіе Телезина не рѣшило его въ пользу аристократіи. Послѣ этого пораженія маріанская партія не могла долѣе держаться: Норбанъ погибъ въ Родосѣ, Карбонъ въ Африкѣ, а молодой Марій въ Пренестѣ. Тотчасъ по прибытіи въ Римъ Сулла собралъ въ храмѣ Беллоны сенатъ, и въ то время, какъ отдавалъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, велѣлъ въ сосѣдственномъ циркѣ изрубить 6,000 гражданъ; когда сенаторы, пораженные жалобными воплями несчастливцевъ, обнаружили страхъ, то онъ сказалъ, что они должны слушать его слова, а не то, что происходитъ внѣ, что онъ велѣлъ тамъ дать спасительное наказаніе только нѣсколькимъ злоумышленникамъ. Съ той поры открылось преслѣдованіе и умерщвленіе приверженцевъ побѣжденной партіи. Сулла

привелъ съ собою армію, которой алчность была ненасытима, и такъ-какъ для удовлетворенія ея недостаточно было всѣхъ имуществъ убитыхъ и изгнанныхъ маріанцевъ, то богатство и помѣстья сдѣлались почти такъ же пагубны, какъ и противныя политическія мнѣнія. Итакъ, когда многіе воспользовались этимъ убійствомъ, которое должно было касаться только враговъ аристократіи, для освобожденія себя отъ своихъ личныхъ враговъ или завладѣнія чужими богатствами, то это побудило Суллу обнародовать проскрипціонные списки, въ которыхъ были означены имена всѣхъ осужденныхъ на смерть, съ опредѣленіемъ награды тому, кто станетъ преслѣдовать ихъ. Впрочемъ, несмотря на-то, никто не могъ быть увѣренъ въ безопасности своей жизни или имѣнія, потому-что въ проскрипціи безъ вѣдома Суллы вписывали имена такихъ людей, которые никогда не имѣли политическаго значенія и вовсе были ему неизвѣстны. До-сихъ-поръ Сулла управлялъ какъ предводитель войска, вслѣдствіе побѣды захватившій правленіе въ свои руки, но теперь, подавивъ совершенно противную партію, онъ пожелалъ законной власти, чтобы возвратить потрясенному государству порядокъ и спокойствіе. Итакъ въ 81 г. онъ велѣлъ провозгласить себя диктаторомъ. Впрочемъ не должно думать, что Сулла сдѣлался диктаторомъ въ смыслѣ древнихъ римскихъ постановленій: диктаторство было только законнымъ именемъ его неограниченной власти. Опираясь на 10,000 рабовъ, получившихъ свободу по смерти господъ своихъ, подвергшихся проскрипціи, и на своихъ ветерановъ, размѣщенныхъ по богатымъ колоніямъ, Сулла могъ уже теперь дать государству болѣе монархическую форму; но по склонности къ спокойнымъ и роскошнымъ наслажденіямъ жизни онъ въ 79 году сложилъ съ себя власть, считая государство устроеннымъ и обезопасен-

нымъ на долгое время изданными имъ законами (Leges Corneliae). Главныя постановленія этихъ зкконовъ суть слѣдующія: 1) законъ de potestate tribunitia отнялъ или ограничилъ у народныхъ трибуновъ право посредничества, и опредѣленіемъ, по которому бывшій народный трибунъ не могъ быть облеченъ ни въ какое другое высшее достоинство, долженъ былъ удержать талантливыхъ честолюбцевъ отъ исканія этой должности. 2) Законъ de civitate ограничивалъ право гражданства итальянцевъ, хотя по недостатку извѣстій мы не знаемъ въ какой степени. 3) Законъ de magistratibus опредѣлялъ, что никто не можетъ быть допущенъ къ занятію какой-либо должности, не достигнувъ законнаго возраста, и установилъ порядокъ постепеннаго прохожденія государственныхъ должностей, вслѣдствіе котораго не прежде можно было сдѣлаться преторомъ, какъ по отправленіи должности квестора, и не прежде искать консульства, какъ прослуживъ въ преторахъ. Равномѣрно число преторовъ было увеличено до восьми, а квесторовъ до двадцати. 4) Законъ de proscriptis исключалъ потомковъ гражданъ, подвергшихся проскрипціи, отъ всѣхъ государственныхъ должностей и слѣдовательно имѣлъ цѣлію удержать навсегда въ униженіи низверженную демократическую партію. 5) Законъ de judiciis возвратилъ сенату судейскую власть, но такъ-какъ сей послѣдній отъ проскрипцій весьма уменьшился въ своемъ числѣ, то для пополненія его приняты новые сенаторы изъ всадниковъ. Прочія постановленія Суллы, особенно законы de provinciis ordinandis и de repetundis были превосходны, но такъ же мало были въ состояніи обуздывать корыстолюбіе правителей, какъ первыя — ярость партій. Зло лежало слишкомъ глубоко и не могло быть истреблено одними постановленіями. Для спасенія Рима нужно было одного — возвышенія надъ партіями монар-

хической власти, которая положила бы ихъ спорамъ конецъ.

Если представимъ, что чрезъ революцію, произведенную Суллою, имѣніе перешло отчасти совершенно въ другія руки, и что существовала многочисленная партія, бѣдностью и желаніемъ мщенія доведенная до отчаянія, которая ничего столько не желала, какъ новаго переворота, то увидимъ, что введенное Суллою устройство было непрочно и не обѣщало продолжительности. А въ рѣшительныхъ вождяхъ тѣмъ менѣе могъ быть недостатокъ, что междоусобіе бываетъ всегда для нихъ лучшею школою. Сулла умеръ въ 78 г., и противная партія тотчасъ подняла голову подъ предводительствомъ консула Лепида въ Римѣ и Кв. Серторія въ Испаніи. Сенатъ, въ надеждѣ, что отличенный Суллою Кн. Помпей Магнусъ можетъ быть достойнымъ, только не такъ грознымъ преемникомъ его, не смотря на молодость, возвысилъ его. Помпей покореніемъ Испаніи и подавленіемъ послѣднихъ остатковъ маріанской партіи оправдалъ возложенную на него довѣренность.

Тотчасъ по смерти Суллы Лепидъ хотѣлъ вызвать обратно всѣхъ осужденныхъ проскрипціями на изгнаніе и дѣтямъ убитыхъ возвратить наслѣдственное имѣніе и прежнія права. Естественно, что это побудило къ сопротивленію всѣхъ владѣвшихъ конфискованными имѣніями; на Марсовомъ Полѣ произошла стычка, въ которой Лепидъ былъ разбитъ, и такъ-какъ онъ самъ бѣжалъ въ Сардинію, то Перпенна отвелъ остатки своей партіи въ Испанію къ Серторію, вокругъ кото-

раго собирались всѣ спасшіеся отъ кровавыхъ преслѣдованій Суллы. Серторій выгналъ изъ Испаніи преторовъ сулланской партіи и пріобрѣлъ у туземцевъ такую же довѣренность, какою нѣкогда пользовался Виріатъ. Хорошо ознакомившись съ національнымъ характеромъ испанцевъ и искусно пользуясь имъ, онъ склонилъ ихъ вооружиться за свое дѣло и образовалъ такую силу, что надѣялся перенесть театръ войны въ самую Италію. Посланный противъ него сенатомъ Метеллъ не сдѣлалъ ничего; напротивъ Помпей, принявшій послѣ него начальство надъ войскомъ, былъ счастливѣе: онъ кончилъ войну, хотя этимъ былъ обязанъ не превосходству своихъ талантовъ, но низкимъ душамъ нѣкоторыхъ изгнанниковъ. Между ними Перпенна составилъ заговоръ противъ жизни Серторія и въ 72 году на одномъ пиршествѣ умертвилъ его. По смерти Серторія испанцы, служившіе только изъ любви къ нему, разсѣялись, и Перпенна попалъ въ руки Помпея; онъ имѣлъ столько низости, что вручилъ ему серторіеву переписку, но Помпей, который если никогда не показывалъ себя великимъ, то по-крайней-мѣрѣ, часто благороднымъ, сжегъ письма, не читая, и велѣлъ умертвить предателя.

Если представимъ, что въ то самое время, когда происходила война въ Испаніи, снова поднялъ оружіе Митридатъ, въ Италіи возмутились рабы, и флоты морскихъ разбойниковъ не только дѣлали опаснымъ плаваніе, но опустошали берега самой Италіи, то легко убѣдимся, что рѣдко какому-либо государству случалось выдержать столь опасный періодъ, каковъ былъ для Рима отъ 75 до 70 года. Къ счастію, между этими единовременными врагами

не существовало никакой связи, поэтому войны, веденныя противъ нихъ, суть какъ бы отдѣльные эпизоды римской исторіи и важны только потому, что доставляли случай нѣкоторымъ знатнымъ римлянамъ къ возвышенію на военномъ поприщѣ. Такимъ-образомъ, пользуясь этими обстоятельствами, пріобрѣли высокое значеніе *М. Лициній Крассъ*, *Л. Лукуллъ* и особенно *Кн. Помпей*. Страшнѣе всѣхъ по близости театра дѣйствій и по непосредственной опасности, угрожавшей городу, была *война съ рабами*, и Крассъ, пораженіемъ отличнаго предводителя ихъ Спартака и истребленіемъ мятежниковъ, оказалъ отечеству неоспоримо великую услугу.

Пока римляне оставались въ предѣлахъ Италіи, рабовъ было у нихъ немного и съ ними обходились человѣколюбиво. Тогда римлянинъ самъ занимался еще земледѣліемъ и слѣдовательно зналъ, чего можно требовать отъ силъ человѣка; посему несправедливо не налагалъ на раба трудовъ, превосходящихъ его силы, и не изнурялъ его жестокимъ обхожденіемъ. Но чѣмъ болѣе становилось общественное поле, чѣмъ болѣе увеличивалось число плѣнныхъ изъ всѣхъ странъ земли, а слѣдовательно и число рабовъ, тѣмъ разительнѣе измѣнились эти отношенія, особенно когда богатые владѣльцы земель перестали сами смотрѣть за своими помѣстьями, но воздѣлывали ихъ руками рабовъ своихъ и отдавали подъ надзоръ управителей. Вся Сицилія и Италія были наполнены рабами, отчасти принадлежавшими къ воинственнымъ народамъ: галлы, ѳракіяне и германцы тѣмъ сильнѣе чувствовали потерю своей свободы, чѣмъ несправедливѣе поступали съ ними. Какъ опасно положеніе государства, которое

въ своихъ многочисленныхъ рабахъ имѣетъ враговъ, выжидающихъ только благопріятнаго случая ко мщенію, это справедливо испыталъ Римъ въ Сициліи, гдѣ трижды происходившія въ разныя времена возстанія могли быть подавлены только регулярными войсками. Такіе случаи, казалось, должны были бы показать государству необходимость улучшенія состоянія рабовъ, но это не было сдѣлано, и зло не только оставалось, но еще возрастало по-мѣрѣ-того, какъ увеличивались большія помѣстья частныхъ лицъ. Итакъ въ матеріи къ этому ужасному пожару не было недостатка, и онъ вспыхнулъ въ 73 году по слѣдующему случаю: нѣкто Лентулъ Батіатъ содержалъ въ Капуѣ гладіаторскую школу, и изъ числа тѣхъ, которые поневолѣ должны были учиться здѣсь ратоборству, 200 согласились бѣжать. Когда замыселъ ихъ былъ открытъ, то 78 отдѣлились отъ прочихъ, желая лучше сразиться и умереть за свою свободу, нежели для удовольствія римской черни. Попавшаяся имъ на встрѣчу повозка съ оружіемъ дала имъ въ руки средства къ отраженію своихъ преслѣдователей. Послѣ того, утвердившись при подошвѣ горы Везувія, они выбрали себѣ въ вожди одного ѳракіянина, по имени Спартака, и дали ему еще двухъ помощниковъ Эномауса и Крикса. Мы не должны удивляться тому, что изъ среды римскихъ рабовъ могли выйдти хорошіе предводители войскъ, потому-что между ними находились образованные и опытные воины, поверженные неблагопріятною судьбою въ плѣнъ и рабство. Такъ-какъ шайка Спартака ежедневно увеличивалась, то сенатъ, чтобы истребить зло въ самомъ зародышѣ, послалъ противъ него претора Клодія Глабріона съ 30,000-мъ войскомъ. Клодій занялъ всѣ проходы горы, на которой стоялъ Спартакъ, и считалъ рабовъ совершенно въ своей власти, но они, приготовивъ лѣстницы изъ дикихъ виноградныхъ лозъ, спу-

стились съ той части горы, которую римляне, по причинѣ ея чрезвычайной крутости, оставили незанятою, напали на римскій лагерь и тѣмъ легче одержали побѣду, чѣмъ менѣе ожидали отъ нихъ нападенія. Пораженіе регулярнаго войска имѣло столь рѣшительное дѣйствіе, что изъ шайки разбойниковъ, находившихся подъ начальствомъ Спартака, вдругъ образовалось сильное войско. Римляне съ чрезвычайною опрометчивостію выслали въ поле нѣсколько армій, которыя были разбиты, и каждая побѣда имѣла слѣдствіемъ постепенно увеличивавшееся возрастаніе спартакова войска, такъ-что онъ могъ раздѣлить свою толпу на двѣ части: одну подъ начальствомъ Крикса оставилъ въ Нижней Италіи, а самъ съ остальною направилъ походъ къ сѣверу. Криксъ въ несчастной битвѣ съ преторомъ Арріемъ былъ разбитъ и убитъ, но самъ Спартакъ одержалъ верхъ надъ обоими консулами Л. Геллiемъ и Корнеліемъ Лентуломъ и прошелъ Италію до самыхъ Альпъ. Онъ хотѣлъ теперь перевесть рабовъ черезъ горы въ Галлію и тамъ предоставить имъ на волю отправиться куда угодно; но буйная толпа, помышлявшая только о грабежѣ и опустошеніяхъ, отвергла предложеніе своего благоразумнаго вождя и принудила его идти на самый Римъ. Тогда сенатъ поручилъ начальство надъ войскомъ М. Лицинію Крассу, и онъ былъ такъ остороженъ, что не доставилъ Спартаку никакого случая къ новой побѣдѣ, но ограничилъ свои дѣйствія только преграждепіемъ ему пути къ Риму, а между-тѣмъ самъ заботился о возстановленіи въ своемъ войскѣ дисциплины и содержалъ ее въ величайшей строгости; онъ приказалъ десятерить отрядъ, обратившійся въ бѣгство предъ рабами. Потомъ искусными стратегическими движеніями оттѣснилъ Спартака въ Нижнюю Италію и заперъ его на регійской оконечности Италіи рвомъ въ 15 футовъ

глубины и ширины, обоими концами, касавшимися моря. Спартакъ между-тѣмъ вступилъ въ переговоры съ морскими разбойниками, тогда владычествовавшими на Средиземномъ Морѣ, и они обѣщали доставить ему корабли, но не сдержали своего слова. Итакъ, доведенный до крайности недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ, Стартакъ долженъ былъ рѣшиться искать спасенія сухимъ путемъ. Воспользовавшись одною темною и бурною ночью, онъ такъ искусно переправился черезъ ровъ, что не потерялъ ни одного человѣка и тѣмъ разстроилъ весь крассовъ планъ. Если Крассъ не желалъ дальнѣйшимъ медленіемъ снова поставить Римъ въ опасное положеніе и допустить Помпея, который тогда возвращался изъ Испаніи, вырвать у себя честь побѣды, то долженъ былъ теперь рѣшиться на сраженіе. Оно послѣдовало въ 71 году при Силарѣ и по паденіи Спартака кончилось въ пользу римлянъ. Римляне отмстили на тѣхъ, которые попались имъ въ руки живыми, за весь страхъ и труды, причиненные имъ этимъ бунтомъ; рядъ крестовъ съ пригвожденными на нихъ плѣнными рабами простирался вдоль по дорогѣ отъ Капуи до самаго крайняго мыса Италіи, чтобы служить страшнымъ предостереженіемъ на будущее время. Толпа рабовъ, около 5,000 собравшаяся послѣ сраженія при Силарѣ, пробившись въ Верхнюю Италію, попала на встрѣчу Помпею, возвращавшемуся изъ Испаніи, и доставила ему поводъ, если не совершенно оспаривать у Красса честь окончанія войны, то по-крайней-мѣрѣ раздѣлить ее съ нимъ. Это не мало содѣйствовало къ тому, что оба полководца, которыхъ господствующая партія считала своими опорами, сдѣлались врагами и приняли противоположныя направленія.

Кн. Помпей и М. Лициній Крассъ были избраны на 70 годъ консулами, и вражда, раздѣлявшая ихъ,

втеченіе сего года пріобрѣла значительное вліяніе на государство. Для Помпея было существенною политическою необходимостію никакимъ образомъ не отдѣлять своихъ интересовъ отъ интересовъ аристократіи и, оставаясь главою ея, сохранить свое первенство въ государствѣ; но, увлеченный легкомысліемъ и совершеннымъ незнаніемъ своего положенія, онъ бросился на противоположный путь. Изъ непріязни къ Крассу онъ во всемъ шелъ ему наперекоръ, и такъ-какъ Крассъ держался аристократіи, то Помпей перешелъ на сторону народа и сталъ стараться о возстановленіи подавленной демократіи, возвратилъ трибунамъ ограниченную Суллою прежнюю ихъ власть и всадникамъ — судейскую должность. Такимъ-образомъ онъ естественно сдѣлался идоломъ народа и демагоги сдѣлали первое употребленіе своей власти въ пользу своего возстановителя — но не могли ли они вдругъ обратить противъ него же возвращенное имъ оружіе? Сила, вскорѣ доставленная ему благородными народными трибунами, послужила только къ бо̀льшему его отдаленію отъ настоящаго его положенія, потому-что сенатъ образовалъ противъ него оппозицію, которую онъ не иначе могъ преодолѣть, какъ тѣснѣйшимъ присоединеніемъ къ демократіи. Первымъ плодомъ, который получилъ Помпей отъ расположенія народа, была чрезвычайная власть для усмиренія морскихъ разбойниковъ, врученная ему по предложенію народнаго трибуна А. Габинія.

Римъ никогда не былъ морскою державою; во время

пуническихъ войнъ необходимость заставила римлянъ насильно сдѣлаться могущественными на морѣ, и когда нужда прошла, они опять стали нерадѣть о флотѣ. Если впослѣдствіи являются римскія морскія силы, то это были союзническія. Итакъ почти незамѣтно отъ Рима въ Киликіи успѣло образоваться морское разбойничество, дѣлавшееся годъ отъ году ужаснѣе. Обвиняютъ римскихъ чиновниковъ въ Азіи, что за участіе въ добычѣ они сами потворствовали этому злу. Правительство въ первый разъ обратило не него вниманіе, когда, по распущеніи митридатова флота въ 85 году, разбойники, усилившись въ числѣ, до того сдѣлались дерзкими, что никто не смѣлъ плавать по Средиземному Морю, не подвергаясь опасности попасть въ ихъ руки, что останавливали подвозъ къ самому Риму и наконецъ начали даже дѣлать высадки на берега Италіи и грабить гавань Остію. Формальнаго устройства у этихъ пиратовъ не существовало; впрочемъ всѣ отдѣльныя шайки находились между собою въ связи и имѣли одно общее святилище въ Олимпѣ, гдѣ чтили свои особенныя божества, чтобы совѣсть не воспрещала имъ грабить греческіе и римскіе храмы. Съ 75 года сенатъ посылалъ противъ нихъ нѣсколько частныхъ экспедицій, вслѣдствіе которыхъ и было разрушено нѣсколько разбойническихъ гнѣздъ въ Исавріи и Критѣ; но это мало помогало, и для совершеннаго прекращенія зла должно было принять сильныя и рѣшительныя мѣры. Самою простою было бы запереть разбойничьи притоны, что̀ могло быть исполнено безъ большихъ издержекъ, потому-что греческіе и азіятскіе торговые города старались бы содѣйствовать этому всѣми силами; но такъ-какъ теперь былъ хорошій случай демагогамъ доказать Помпею благодарность за возстановленіе трибунской власти, то народный трибунъ А. Габиній предложилъ для этого на-

значить военачальника съ неограниченною властью, предоставить въ полное его распоряженіе государственную казну и распространить власть его надъ всѣмъ Средиземнымъ Моремъ и на 400 стадій внутрь земли по берегамъ. Габиній хотя и не назвалъ прямо Помпея, но такъ явно намекалъ на него, что никто другой не могъ быть облеченъ этою необычайною властью. Аристократія противодѣйствовала предложенію демагога, склонивъ на свою сторону двухъ народныхъ трибуновъ; но veto одного трибуна противъ другаго уже потеряло свою силу *). Законъ габиніевъ состоялся, и выборъ означеннаго въ немъ полководца палъ на Помпея, который слѣдовательно получилъ теперь власть, какой доселѣ не имѣлъ еще ни одинъ римлянинъ. Впрочемъ отъ него не надобно было опасаться, что онъ употребитъ ее во зло; для него довольно было одного — имѣть ее. Но онъ не обратилъ вниманія на то, что это дѣлало его ненавистнымъ, и, не смотря на то, впослѣдствіи выпустилъ изъ рукъ власть, съ которою могъ бы противостать злобѣ враговъ своихъ. Помпей составилъ флотъ изъ 500 кораблей и 120,000-ое сухопутное войско, и, раздѣливъ эти силы на 13 частей, въ 67 году началъ войну разрушеніемъ разбойническихъ притоновъ въ Италіи и Сициліи и потомъ однимъ ударомъ поразилъ главныя силы ихъ у береговъ Киликіи. Послѣ того морскіе разбойники сдались, и Помпей поступилъ благородно, что не прибѣгнулъ къ короткому срѣству уничтоженія ихъ, но переселилъ ихъ во внутреннія страны, гдѣ отвелъ имъ города и земли, чтобы они опять привыкли къ мирной домашней

---

*) *Діонъ Кассій*, котораго превосходное сочиненіе, касающееся римской исторіи, есть главный источникъ для слѣдующаго періода, въ началѣ 36-й книги описываетъ самымъ подробнымъ образомъ всю сцену утвержденія габиніева закона.

жизни. Въ три мѣсяца все предпріятіе было окончено, и море снова открыто для торговли и свободнаго плаванія.

По окончаніи войны съ разбойниками, Помпей долженъ былъ сложить ввѣренную ему чрезвычайную власть, но приверженцы его успѣли ее еще на время продолжить. Народный трибунъ Манилій издалъ законъ, въ силу котораго Помпею предоставлялось также окончаніе открывшейся снова войны съ Митридатомъ, и Лукуллъ, ведшій доселѣ эту войну, и всѣ другіе военачальники въ Азіи должны были уступить ему свою власть. Всадники были на сторонѣ Помпея; Цицеронъ, тогда находившійся въ должности претора, подкрѣплялъ маниліевъ законъ своимъ краснорѣчіемъ, а К. Юлій Цезарь — своею энергіею; итакъ, что больше оставалось сенату, какъ излить свое неудовольствіе въ безсильныхъ жалобахъ на упадокъ республики? Но война, предпринятая теперь Помпеемъ, была почти окончена, и онъ пожалъ лавры, посѣянные другими. Митридатъ въ 63 году лишилъ себя жизни, и сынъ его Фарнакъ получилъ въ наслѣдство отъ всего царства только Боспоранскую Область, между-тѣмъ какъ всѣ прочія части его были присоединены къ римскимъ владѣніямъ.

По заключеніи мира съ Суллою, Митридатъ имѣлъ въ виду только выиграть время для новыхъ приготовленій и дождаться благопріятной минуты. Онъ обнаружилъ свою постоянную вражду къ Риму сильнымъ вооруженіемъ и стараніями вступить въ связи со всѣми

его врагами. Онъ имѣлъ уже 120,000 пѣхоты и 16,000 конницы, когда ему представился случай къ войнѣ съ Римомъ. Въ 75 году виѳинскій царь Никомедъ III умеръ и по примѣру послѣдняго царя пергамскаго завѣщалъ свое царство римлянамъ, которыхъ защитѣ единственно былъ обязанъ тѣмъ, что могъ держаться противъ Митридата. Для принятія наслѣдства во владѣніе, римляне отправили консула М. Котту; но ему противосталъ Митридатъ — и съ такимъ успѣхомъ, что завладѣлъ всею Виѳиніею и самого консула заперъ въ Халкедонѣ. Такъ-какъ война въ Азіи была самымъ лучшимъ средствомъ къ обогащенію, то Л. Лукуллъ старался при помощи народнаго трибуна Цетега выхлопотать себѣ позволеніе перемѣнить уже доставшуюся ему провинцію Галлію Цизальпинскую на какую-нибудь азіятскую, вмѣстѣ съ начальствомъ надъ войскомъ противъ Митридата, въ чемъ и успѣлъ. Когда прибылъ Лукуллъ, Митридатъ съ моря и суши велъ осаду города Кизика, остававшагося вѣрнымъ Риму, и болѣзни, и стихіи, и таланты Лукулла, все соединилось противъ твердаго царя, чтобы еще разъ уничтожить его силы. Голодъ и открывшаяся въ его лагерѣ язва принудили его снять осаду; онъ сдѣлалъ большую ошибку, присоединивъ къ своимъ хорошо-устроеннымъ войскамъ многочисленное ополченіе, которое въ походѣ болѣе затрудняло, нежели доставляло пользу, и оно теперь всего болѣе способствовало къ совершенному уничтоженію его арміи. Ибо Лукуллъ шелъ по слѣдамъ за отступающимъ царемъ и настигъ его во-первыхъ на Риндакѣ и потомъ въ другой разъ на Граникѣ; легкая побѣда разсѣяла все понтійское войско. Митридатъ искалъ спасенія на флотѣ, но и онъ былъ разбитъ бурею, и царь въ 72 г. безъ войска и кораблей возвратился въ Синопе изъ похода, сначала столь счастливаго. Но въ несчастіи онъ самымъ блистательнымъ образомъ выказалъ свой

умъ и мужество, и въ слѣдующую же весну опять явился въ поле, предводительствуя новою арміею. Лукуллъ пришелъ въ затруднительное положеніе, потому-что главную часть его войска составляли Фимбріевы легіоны, и чтобы удержать ихъ въ вѣрности и повиновеніи, онъ долженъ былъ обѣщать имъ больше того, чѣмъ старался привлечь ихъ на свою сторону Митридатъ. При Кабирѣ произошло сраженіе, несчастное для Митридата, вслѣдствіе котораго онъ принужденъ былъ оставить свое царство. Его отчаяніе видно изъ того, что онъ, не желая оставить своихъ женъ и сестеръ въ добычу непріятелю, приказалъ умертвить ихъ и самъ бѣжалъ къ зятю своему Тиграну, царю Арменіи. Это царство образовалось изъ одной провинціи селевкидскаго царства; но исторія его до царствованія Тиграна неизвѣстна; онъ счастливо вмѣшивался въ споры Селевкидовъ и незадолго до начала второй митридатской войны овладѣлъ большею частію Сиріи; слѣдовательно онъ имѣлъ въ рукахъ силу, которая легко могла вдохнуть въ него мужество помѣряться ею съ римлянами. Впрочемъ ничто не показывало, что Тигранъ приметъ сторону своего изгнаннаго тестя, еслибъ Аппій Клодій, посланный къ нему Лукулломъ для истребованія выдачи Митридата, своею военною гордостью и суровостью, съ какою обыкновенно римляне обходились съ иностранными царями, не раздражилъ самолюбія азіятскаго деспота. Итакъ оскорбленіе царскаго достоинства побудило его поднять оружіе противъ римлянъ; онъ собралъ войско, 250,000 пѣхоты и 50,000 конницы, съ которымъ въ 69 году хотѣлъ вторгнуться въ Киликію. Но Лукуллъ предупредилъ его: съ 12,000 пѣхоты и 3,000 конницы онъ переправился чрезъ Евфратъ и Тигръ и подкрѣпленный греческими поселенцами въ этихъ странахъ, принявшими римлянъ, какъ друзей греческой націи, явился предъ столицею Арме

ніи, Тиграноцертою. Здѣсь снова оказалось на дѣлѣ превосходство нѣсколькихъ тысячъ хорошо-обученныхъ войскъ предъ восточными ополченіями, какъ бы они ни были многочисленны. Лукуллъ разбилъ армянское войско *) и послѣ побѣды овладѣлъ городомъ при помощи жившихъ въ немъ грековъ, гдѣ нашелъ несмѣтныя богатства. Въ слѣдующемъ (68) году Лукуллъ перешелъ, преслѣдуя обоихъ царей, чрезъ горы, раздѣляющія Арменію на двѣ части, еще разъ поразилъ ихъ при Артаксатѣ и готовился уже гнаться за Митридатомъ въ Кавказскія Горы, какъ войско отказало ему въ повиновеніи. Пользуясь этимъ бунтомъ, Митридатъ опять успѣлъ собрать силы: онъ снова явился въ Понтѣ и овладѣлъ имъ въ то самое время, когда прибыли римскіе коммиссары для обращенія покореннаго царства въ провинцію. Послѣ того Лукуллъ былъ отставленъ, и его мѣсто, по закону маниліеву, въ 66 г. занялъ Помпей. Если повидимому и могло казаться, что Помпей долженъ начать войну снова, на самомъ дѣлѣ силы Митридата и Тиграна были слишкомъ ослаблены, чтобы еще противостоять какому бы то ни было полководцу, предводительствующему войскомъ послушнымъ и хранящимъ дисциплину. Такъ-какъ Помпей привелъ съ собою всѣ войска, собранныя имъ противъ морскихъ разбойниковъ, то ни Митридатъ, ни Тигранъ не могли долго держаться противъ него. Побѣдою, одер

*) Увѣренность Тиграна въ непобѣдимости его многочисленныхъ войскъ выразилась передъ сраженіемъ въ слѣдующей насмѣшкѣ: εἰ μὲν ὡς πρεσβευταὶ, πολλοὶ πάρεισιν, εἰ δ᾽ ὡς στρατιῶται ὀλίγοι. (т. е. Какъ пословъ ихъ бываетъ много, но какъ воиновъ мало). Напротивъ Лукуллъ, напоминавшій ему, что въ этотъ день былъ разбитъ Цепіонъ и что поэтому онъ считается несчастнымъ, отвѣчалъ: Ἐγὼ καὶ ταύτην εὐτυχῆ ποιήσω Ῥωμαίοις τὴν ἡμέραν. (т. е. И этотъ день я сдѣлаю для римлянъ счастливымъ.) Plut. vit. Lucull. cap. 27.)

жанною въ ночномъ сраженіи на Эвфратѣ, онъ принудилъ перваго къ бѣгству, а послѣдняго къ покорности. Тигранъ самъ прибылъ въ лагерь Помпея и униженіемъ и совершенною покорностію его волѣ спасъ для себя по-крайней-мѣрѣ часть своего царства. Помпей оставилъ ему собственную Арменію, но все завоеванное отнялъ. Митридатъ бѣжалъ чрезъ Кавказскія Горы въ Крымъ, и между-тѣмъ какъ Помпей занимался покореніемъ кавказскихъ племенъ и потомъ дѣлами Сиріи и Палестины, собралъ новое войско и рѣшился на отчаянное предпріятіе — пройдти чрезъ землю скиѳовъ и германцевъ, и съ сѣвера вторгнуться въ Италію. Но этотъ несбыточный планъ возбудилъ ропотъ въ солдатахъ, которые, чтобы не сдѣлаться жертвами его отчаянія, отпали отъ него и провозгласили царемъ сына его, Фарнака. Оставленный всѣми и страшась, чтобы сынъ не выдалъ его римлянамъ, Митридатъ сперва принялъ ядъ, и когда оный не подѣйствовалъ, то взялся за мечъ, но старость ослабила его руки, и онъ долженъ былъ призвать на помощь чужія. Такъ кончилъ жизнь въ 63 году этотъ врагъ римлянъ. Теперь Помпей распорядился завоеванными странами совершенно по своему произволу: кромѣ прежней провинціи Азіи, изъ сѣверныхъ прибрежныхъ странъ — Виѳиніи, Пафлагоніи и Понта — была составлена новая подъ именемъ *Виѳиніи*; южныя береговыя области отошли къ провинціи *Киликіи* и отнятые у Тиграна остатки прежняго селевкидскаго царства присоединены къ римскимъ владѣніямъ.

Вслѣдствіе побѣды, одержанной надъ Митридатомъ и Тиграномъ и селевкидское царство сдѣлалось добычею римлянъ. Впрочемъ мы не можемъ видѣть паденія этого нѣкогда столь могущественнаго и бле-

стящаго царства, не изложивъ причинъ, которыя съ такою силою ускорили это паденіе, особенно потому, что одна изъ главныхъ причинъ сихъ есть *возстаніе іудеевъ и возстановленіе политической самостоятельности іудейской націи.* Пареяне завладѣли всѣми частями селевкидскаго царства, лежавшими на востокъ отъ Эвфрата, а римляне западными, кромѣ Іудеи, которая еще нѣсколько времени наслаждалась своею мужественно пріобрѣтенною независимостію, подъ правленіемъ собственныхъ князей изъ рода Маккавеевъ.

Сраженіе при Магнезіи, у подошвы Сипила, нанесло селевкидскому царству ударъ, отъ котораго оно не могло уже поправиться; не столько была чувствительна для него потеря мало-азіятскихъ провинцій, сколько тягостна огромная контрибуція, наложенная римлянами, которые въ поручительство за нее держали 20 заложниковъ. Антіохъ Великій въ 187 г. былъ убитъ, и на престолъ вступилъ *Селевкъ IV Филопаторъ* (187—176). Онъ царствовалъ мирно, потому-что долженъ былъ больше думать о томъ, чѣмъ вознаградить убытки, понесенные отъ войны, веденной его отцомъ, нежели начинать новую, но не имѣлъ довольно энергіи, чтобы рѣшиться на ограниченіе многочисленнаго придворнаго штата и расточительности придворной жизни, и потому первый началъ грабить храмы. Селевкъ вызвалъ изъ Рима брата своего Антіоха, находившагося тамъ заложникомъ, и на его мѣсто послалъ сына своего Димитрія, вѣроятно, съ намѣреніемъ, чтобы онъ снискалъ себѣ расположеніе и покровительство римлянъ. Антіохъ, на возвратномъ пути въ Сирію, только-что прибылъ въ Аѳины, какъ получилъ извѣстіе, что Селевкъ отрав-

ленъ однимъ изъ своихъ придворныхъ, Геліодоромъ, и тотчасъ со всевозможною скоростію поспѣшилъ въ Сирію; неожиданнымъ явленіемъ, доставившимъ ему прозваніе Епифана, онъ разрушилъ предпріятіе Геліодора и самъ вступилъ на престолъ. Правленіе *Антіоха IV Епифана* (176 — 164) примѣчательно по притѣсненіямъ іудеевъ и по происшедшему по этой причинѣ возстанію ихъ. Подъ владычествомъ персовъ іудеи вели мирную и уединенную жизнь. Такъ-какъ персы не трогали ни ихъ первосвященника, ни синедріона и не касались до ихъ религіозныхъ понятій, то іудеи спокойно наслаждались своимъ отдѣльнымъ существованіемъ. Александръ Великій слѣдовалъ той же политикѣ: принялъ ихъ покорность и не трогалъ ихъ законовъ. По смерти его Іудея была спорнымъ яблокомъ между Египтомъ и Сиріею, пока наконецъ въ 203 г. Антіохъ Великій не завладѣлъ ею совершено. Изъ всѣхъ народовъ, покоренныхъ Александромъ по берегамъ Средиземнаго Моря, іудеи одни воспротивились греческому вліянію: въ ихъ собственномъ образованіи заключалось слишкомъ-сильное отвращеніе ко всему чуземному, чтобы оно могло къ нимъ проникнуть. И когда Антіохъ вознамѣрился доставить сему послѣднему перевѣсъ насильно, то духъ іудейской націи возсталъ во всей своей силѣ *). Долго іудеи терпѣливо переносили притѣсненія, которыми сиріяне хотѣли поколебать привязанность ихъ къ отеческимъ законамъ и обычаямъ; даже, когда по повелѣнію царя Антіоха храмъ былъ лишенъ святыни, книги закона сожжены, и умерщвлены всѣ невыдававшіе ихъ — многіе мужчины, равно-какъ и женщины

---

*) Подробнѣйшее описаніе этой занимательной и важной, въ отношеніи ко всемірной исторіи, борьбы находится въ *книгахъ Маккавеевъ*, изъ которыхъ особенно-хорошо написана пер ая.

жертвовали жизнію съ мужествомъ и твердостію, но безъ сопротивленія. Нуженъ былъ рѣшительный вождь, и таковымъ явился наконецъ Маттафія, жрецъ изъ первосвященнической фамиліи и отецъ пяти героевъ-сыновей. Когда отъ него потребовали, чтобы онъ принесъ жертву на греческомъ алтарѣ, который былъ воздвигнутъ въ мѣстѣ жительства его, городѣ Модинѣ, то онъ неустрашимо отвѣчалъ начальнику сирійскаго военнаго отряда такъ: «если всѣ народы въ царствѣ антіоховомъ будутъ покорны и всѣ отпадутъ отъ закона своихъ предковъ, то я и сыновья мои и братья останемся вѣрными; милостивъ буди къ намъ Богъ!» Когда, не смотря на то, послѣ этихъ словъ, одинъ изъ жителей Модина приступилъ къ алтарю, намѣреваясь принесть жертву, то Маттаѳія, увлеченный гнѣвомъ и ревностію къ Богу, поразилъ не только приносившаго жертву, но и сирійскаго начальника. Послѣ такого поступка ничего больше не осталось дѣлать, какъ сопротивляться. Маттаѳія бѣжалъ въ горы и сдѣлался теперь средоточіемъ, вокругъ котораго собрались всѣ рѣшившіеся на сопротивленіе. Посланные для усмиренія ихъ солдаты каждый разъ выбирали для нападенія субботу, зная, что іудеи, строго соблюдающіе законъ, не станутъ въ этотъ священный день защищаться, и въ-самомъ-дѣлѣ, такимъ-образомъ не встрѣтивъ сопротивленія, они захватили и умертвили многія отдѣльныя толпы. Такая слѣпая привязанность къ буквамъ закона имѣла бы для іудеевъ самыя гибельныя послѣдствія, еслибъ Маттаѳія не явилъ себѣ выше сего предразсудка. Итакъ онъ положилъ съ своими послѣдователями въ случаѣ необходимости защищаться и въ субботу, и, положивъ такимъ-образомъ твердое основаніе сопротивленію, умеръ въ 166 году. Изъ пяти сыновей своихъ еще при жизни онъ поставилъ *Іуду Маккавея* главнымъ предводителемъ на войнѣ, а *Си-*

мона главою фамиліи *). Мужественный Іуда, принявъ теперь начальство надъ маккавейскою партіею, успѣлъ отразить посланныя противъ него сирійскія войска и тѣмъ столько усилился, что могъ выгнать непріятеля изъ Іерусалима и по очищеніи храма возстановить истинное богослуженіе. Антіохъ IV не дожилъ до конца этого мятежа, возбужденнаго его нетерпѣливостію: онъ умеръ на пути въ верхне-азіятскія провинціи въ одномъ персидскомъ городѣ, Табахъ, въ 164 году, послѣ того, какъ его намѣреніе ограбить элимайскій храмъ не удалось **), и такъ-какъ Димитрій, истинный наслѣдникъ престола, все еще жилъ заложникомъ въ Римѣ, то царемъ провозглашенъ былъ родной сынъ его, *Антіохъ V Евпаторъ* (164—161). О томъ, кому принять опеку надъ юнымъ царемъ, между двумя знатнѣйшими вельможами, Филиппомъ и Лисіемъ, возникъ споръ, который долженъ былъ рѣшиться оружіемъ. Это междоусобіе было благопріятно для іудеевъ; Лисій отъ имени царя заключилъ съ ними договоръ, обезпечившій ихъ образъ правленія и религію; но только-что онъ успѣлъ побѣдить своего противника Филиппа, какъ законный на-

---

*) I Макк. 2, 65: и се Симеонъ братъ вашъ, вѣмъ яко мужъ совѣта есть, того послушайте вся дни, той будетъ вамъ во отца. И Іуда Маккавей сей крѣпокъ въ силѣ отъ юности своей, сей будетъ вамъ начальникъ воинства, и сотворитъ брань людемъ.

**) Polyb. lib. XXXI, 11: Ἀντίοχος ὁ βασιλεὺς, βουλόμενος εὐπορῆσαι χρημάτων, προέθετο στρατεύειν ἐπὶ τὸ τῆς Ἀρτέμιδο ἱερὸν εἰς τὴν Ἐλυμαΐδα. Παραγενόμενος δ' ἐπὶ τοὺς τόπους καὶ διαψευσθεὶς τῆς ἐλπίδος, διὰ τὸ μὴ συγχωρεῖν τῇ παρανομίᾳ τοὺς βαρβάρους τοὺς οἰκοῦντας περὶ τοὺς τόπους, ἀναχωρῶν, ἐν Τάβαις τῆς Περσίδος ἐξέλιπε τὸν βίον. (т. е. Антіохъ, желая обогатиться, предпринялъ походъ въ Элимаиду съ намѣреніемъ ограбить храмъ Артемиды. Придя же въ тѣ мѣста, онъ обманулся въ надеждѣ, потому-что варвары, обитавшіе тамъ, не согласились на такое противозаконное дѣло: на возвратномъ пути онъ умеръ въ персидскомъ городѣ Табахъ).

слѣдникъ престола, Димитрій, тайно скрывшись изъ Рима, въ 161 году высадился на берегу Финикіи и нашелъ въ народѣ общее къ себѣ расположеніе. Захвативъ Антіоха и Лисія въ свои руки и предавъ обоихъ смерти, онъ подъ именемъ *Димитрія I Сотера* (161 — 150) вступилъ на престолъ. Для успокоенія іудеевъ онъ поставилъ имъ первосвященникомъ Эліакима, происходившаго изъ первосвященническаго рода, и большая часть народа, будучи удомлена войною, признала его; только Іуда Маккавей съ своими братьями и приверженцами не покорился, не довѣряя сиріянамъ и избранному ими первосвященнику. Ихъ опасенія оправдались: сирійскій намѣстникъ Бакхидъ началъ преслѣдовать строгихъ блюстителей закона, не встрѣчая со стороны первосвященника никакого сопротивленія. Итакъ Іуда снова поднялъ знамя мщенія и, прежде нежели сирійское войско подъ предводительствомъ Никанора успѣло противостать ему, такъ усилился, что отважился вступить съ нимъ въ сраженіе и побѣдилъ; Никаноръ сдѣлалъ на него вторичное нападеніе и снова былъ разбитъ, погибъ въ битвѣ самъ и войско его разсѣяно. Память объ этой побѣдѣ іудеи и доселѣ еще торжествуютъ на праздникѣ Малаго Пурима. Но прежде нежели слѣдствія этой побѣды успѣли обнаружиться— сюда именно относится посольство Іуды въ Римъ, для испрошенія себѣ покровительства республики — Бакхидъ, предводительствуя новымъ многочисленнымъ войскомъ, снова вторгнулся въ Палестину. Большая часть приверженцевъ Іуды, устрашенная превосходствомъ непріятельскихъ силъ, разсѣялась; немногіе оставшіеся при немъ хотѣли склонить къ бѣгству и его, но Іуда возразилъ имъ: «Не буди ми сотворити вещь сію, еже бѣжати отъ нихъ: и аще приближися время наше, умремъ мужественно ради братіи нашея, и не оставимъ вины славѣ нашей;» и мужественно всту-

пилъ въ битву, но въ этотъ разъ его храбрость могла доставить ему не лавръ побѣды, а только славную смерть. Онъ палъ въ 161 году. Хотя по смерти его Эліакимъ и Бакхидъ снова овладѣли всею страною, однако, не смотря на то, вѣрные не пали духомъ. Избравъ предводителемъ брата Іуды, Іонаѳана, они на первый разъ удалились въ пустыню. Отсюда они дѣлали нападеніе на сиріянъ, и когда въ 160 году первосвященникъ Эліакимъ умеръ, то Іонаѳанъ снова успѣлъ склонить на свою сторону весь народъ и такъ стѣснилъ Бакхида, что онъ принужденъ былъ на условіяхъ оставить страну. За исключеніемъ занятыхъ еще сирійскими войсками крѣпостей, Іонаѳанъ былъ господиномъ всей страны и въ первой книгѣ Маккавеевъ (гл. 9, 73) это состояніе изображено такъ: «И преста мечъ отъ Израиля и обита Іонаѳанъ въ Махмасѣ, и нача Іонаѳанъ судити люди, и истреби нечестивыхъ отъ Израиля.» Таково было положеніе дѣлъ, когда въ 154 году Александръ Баласъ, выдававшій себя за сына Антіоха IV, поднялъ оружіе противъ Димитрія. Эти обстоятельства доставили іудеямъ большія выгоды. Димитрій, опасаясь, чтобы Іонаѳанъ не усилилъ партіи Александра, дѣлалъ всѣ возможныя уступки, чтобы имѣть его своимъ другомъ; онъ вызвалъ изъ Іудеи сирійскіе гарнизоны. Но Александръ превзошелъ въ щедрости своего противника, вручивъ Іонаѳану вмѣстѣ съ первосвященническимъ достоинствомъ и должность намѣстника. Итакъ естественно, что Іонаѳанъ принялъ сторону Александра и не ошибся въ выборѣ. *Александръ Баласъ* (150—145) остался побѣдителемъ и по смерти Димитрія, убитаго во второмъ сраженіи, вступилъ на престолъ, Само-собою-разумѣется, что Іонаѳанъ, такъ много содѣйствовавшій этому результату, получилъ отъ побѣдителя великія почести. Онъ сдѣлался теперь и духовнымъ и свѣтскимъ главою своего

народа — и если не былъ совершенно независимъ отъ сиріянъ, по-крайней-мѣрѣ, довольно могуществепъ, чтобы достигнуть этого современемъ. Но едва Александръ утвердился на селевкидскомъ тронѣ,—противъ него явился новый претендентъ. Сынъ низверженнаго Димитрія, также называвшійся Димитріемъ, вступилъ въ союзъ съ египетскимъ царемъ Птоломеемъ Филометоромъ и при помощи его въ 145 году возвратился въ Сирію. Александръ бѣжалъ въ Аравію, гдѣ и былъ вѣроломно убитъ однимъ арабомъ, у котораго искалъ гостепріимства. *Димитрій II Никаторъ* (145—141) заключилъ съ Іонаѳаномъ договоръ, которымъ подтвердилъ всѣ преимущества іудейскаго первосвященника и народа, и за уплату 300 талантовъ ежегодно уступилъ Іонаѳану подати всей страны. Такимъ-образомъ Іонаѳанъ все болѣе приближался къ княжеской власти. Скоро ему преставился случай доказать царю свою благодарность и вѣрность; Димитрій уволилъ отъ службы часть своихъ наемниковъ; они соединясь съ недовольными жителями, подняли страшный бунтъ, и царь непремѣнно сдѣлался бы жертвою народной ярости, еслибъ къ нему не прибыли на помощь 3,000 іудеевъ, которые послѣ ужаснаго кровопролитія возстановили въ Антіохіи спокойствіе. Но Димитрій сдѣлался такъ ненавистенъ своимъ подданнымъ, что низверженіе его казалось очень-легкимъ. Въ надеждѣ на это Діодотъ Трифонъ, прежній генералъ Александра Баласа, вывелъ изъ неизвѣстности *Антіоха VI,* сына александрова, и явился съ нимъ въ Сиріи. Димитрій удалился въ восточныя провинціи, принадлежавшія еще къ селевкидскому царству, между-тѣмъ какъ Антіохъ, или — лучше — во имя его Трифонъ, сдѣлался владыкою Сиріи. Этотъ переворотъ былъ гибеленъ для Іонаѳана. Трифонъ, желая лишить его пріобрѣтенной имъ независимости, хитростію заманилъ его въ Пто-

лемаиду и задержалъ тамъ какъ плѣнника, а самъ тотчасъ двинулся съ войскомъ въ Іудею. Симонъ, единственный изъ сыновей Маттаѳіи, остававшійся въ живыхъ, принялъ начальство надъ іудеями и выступилъ противъ вѣроломнаго Трифона. Сей послѣдній велъ съ собою и плѣннаго Іонаѳана и объявилъ Симону, что онъ согласенъ освободить его брата, если онъ пришлетъ ему 100 талантовъ и сыновей Іонаѳана заложниками за вѣрность ихъ отца. Симонъ хотя и предчувствовалъ измѣну, однако тотчасъ послалъ и деньги, и заложниковъ. Послѣ того Трифонъ велѣлъ умертвить Іонаѳана вмѣстѣ съ его сыновьями и, не вступая съ іудеями въ сраженіе, возвратился въ Сирію. Прибывъ туда въ 142 году, онъ умертвилъ юнаго Антіоха и самъ принялъ царскій титулъ. Такъ-какъ Димитрій II явился теперь въ Сиріи снова и вступилъ съ похитителемъ царской власти въ борьбу за владѣніе страною, то Симонъ принялъ его сторону: и получилъ за это освобожденіе отъ всякой подати, титулъ *Этнарха* или князя іудеевъ и право чеканить монету. И между-тѣмъ какъ сирійское царство видимо клонилось къ паденію, Іудея подъ кроткимъ и мудрымъ правленіемъ Симона начала приходить въ самое цвѣтущее состояніе. Первая книга Маккавеевъ (гл. 14) изображаетъ это слѣдующими словами: «И умолча земля Іудина во вся дни Симоновы, и взыска благая языку своему и угодна бысть имъ власть его, и слава его во вся дни. И кійждо дѣлаше землю свою съ миромъ, и земля даяше жита своя, и древеса польская плодъ свой. Старѣйшины на стогнахъ сѣдяху, и вси о благихъ бесѣдоваху, и юноши облачахуся славою и ризами ратными. Градомъ даяше пищи, и вчиняше ихъ въ сосуды утвержденія, донелѣже именовася имя славы его даже до края земли. Сотвори миръ на земли, и возвеселися Израиль веселіемъ веліимъ. И укрѣпи всѣхъ смиренныхъ

людей своихъ: закона взыска, и отъятъ всяко беззаконіе и лукавство. Святая прослави, и умножи сосуды сватыхъ.» Симонъ кончилъ жизнь несчастнымъ образомъ: во время одного путешествія, предпринятаго для обозрѣнія страны, онъ съ двумя сыновьями, Маттаѳіею и Іудою, заѣхалъ къ тестю своему Птоломею, который за обѣдомъ велѣлъ умертвить ихъ всѣхъ троихъ въ 135 году. Посредствомъ такого вѣроломнаго поступка онъ думалъ захватить власть въ свои руки, но былъ предупрежденъ въ этомъ третьимъ сыномъ Симона *Іоанномъ Гирканомъ*, который, изгнавъ его, самъ наслѣдовалъ отцу. Между-тѣмъ въ Сиріи братъ Димитрія *Антіохъ VII Сидетъ* успѣлъ наконецъ выгнать похитителя короны Трифона и, пользуясь происшедшими по умерщвленіи Симона безпорядками, снова принудилъ іудеевъ къ покорности. И дѣйствительно Іоаннъ долженъ былъ снова перейдти въ зависимость отъ Сиріи, срыть укрѣпленія Іерусалима, платить дань и дать заложниковъ; но послѣ того, какъ Антіохъ въ 130 г. въ походѣ противъ Парѳянъ погибъ, Іоаннъ не только возвратилъ себѣ независимость, но вмѣстѣ покорилъ также Идумею, Самарію и Галилею и во всѣхъ этихъ странахъ ввелъ іудейскую религію и іудейскій образъ правленія. Со стороны Сиріи, которая по смерти Антіоха Сидета сдѣлалась добычею самыхъ бѣдственныхъ междоусобій, іудеямъ бояться было уже нечего. Послѣдніе Селевкиды, быстро слѣдовавшіе одинъ за другимъ во власти и другъ друга низвергавшіе, такъ незначительны, что ихъ происхожденіе часто столь же неизвѣстно, какъ и исторія. Наскучивъ безпрерывными спорами о престолѣ, жители Сиріи въ 85 г. отдались наконецъ въ подданство Тиграну, царю армянскому. Помпей отнялъ Сирію у Тиграна и обратилъ ее въ римскую провинцію въ 64 г., а Селевкиду Антіоху XIII, въ вознагражденіе, далъ княжество Коммагену, и со

смертію его и брата его Селевка Кибіосакта, въ 57 году, династія Селевкидовъ кончилась.

Новое княжество іудейское, управляемое Маккавеями, облеченными вмѣстѣ и первосвященническою и княжескою властію, едва успѣло обезопасить себя извнѣ, какъ тотчасъ внутри его возникли и обнаружились элементы раздора и разстройства. Хотя именно привязанность къ старинѣ, къ обычаямъ и законамъ предковъ была причиною возвышенія маккавейской фамиліи, однако, не смотря на то, Іудея скоро приняла характеръ прочихъ греко-восточныхъ государствъ: наемное войско сдѣлалось опорою княжеской власти, греческіе нравы проникли ко двору и споры за наслѣдство разрушили согласіе, а съ нимъ и силу господствующей фамиліи. Между-тѣмъ въ народѣ не переставала существовать идея о царѣ изъ рода Давидова, который возвратитъ націи древній блескъ, и чѣмъ болѣе правительствующая династія уклонялась отъ основныхъ законовъ іудейскихъ, тѣмъ болѣе народъ началъ видѣть въ ней чуждый элементъ и устремлялъ всѣ свои надежды въ будущее. Это направленіе сосредоточилось въ сектѣ *фарисеевъ*, составившей оппозицію противъ правительства, и хотя дворъ и нашелъ себѣ опору въ самой націи, въ сектѣ *саддукеевъ*, однако первая, какъ болѣе народная, была и могущественнѣе. Борьба этихъ партій имѣла слѣдствіемъ вмѣшательство римлянъ. Помпей прекратилъ ихъ раздоры, и съ этого времени іудейское царство сдѣлалось зависимымъ отъ Рима,

будучи обязано къ платѣ денежной подати въ римское казнохранилище.

Имя фарисей производится отъ еврейскаго слова, которое значитъ *уединять* и слѣдовательно указываетъ на людей, отличающихся чѣмъ-нибудь особеннымъ. Это особенное у фарисеевъ состояло въ непреклонномъ упорствѣ, съ какимъ они держались буквальнаго смысла моисеевыхъ законовъ. Какъ защитники божественныхъ уставовъ, они и въ частной жизни соблюдали законъ и даже всѣ церемоніи и обряды безъ малѣйшаго уклоненія. Такая строгость къ самимъ себѣ, такое неукоснительное исполненіе божескихъ повелѣній естественно возбуждало въ народѣ уваженіе: онъ видѣлъ въ нихъ своихъ защитниковъ, своихъ героевъ, орудія своего духа; поэтому фарисеи, какъ скоро вступили въ оппозицію противъ правительства, тотчасъ явились сильною политическою партіею. Въ несогласіе же съ правительствомъ они вступили, потребовавъ отдѣленія первосвященническаго сана отъ княжеской власти. Противниками этой суровой и часто фанатической секты явились саддукеи, называвшіеся такъ по имени основателя ихъ ученія Саддока. Саддукеи умѣли свободнымъ толкованіемъ словъ закона соединить съ системою іудейской религіи греческій эпикуреизмъ; но такъ-какъ уже вслѣдствіе этого направленія они были склонны къ безпечности, то посему никогда не могли ни пріобрѣсть равной съ фарисеями силы, ни имѣть равнаго съ ними вліянія. Нельзя было сомнѣваться съ самаго начала, какую сторону приметъ дворъ, потому-что одного требованія отдѣлить духовную власть отъ свѣтской достаточно было для возстановленія князей противъ фарисеевъ. И уже Іоаннъ Гирканъ началъ преслѣдовать ихъ, и такъ-какъ они имѣли на своей сторонѣ народъ, то посему открывшаяся теперь борьба

была подобна той, которая въ древнія времена сокрушила самостоятельность іудейской націи. Іоаннъ Гирканъ умеръ въ 107 г., и ему наслѣдовалъ старшій сынъ его *Аристовулъ I.*, который, вмѣстѣ съ высшею духовною властію, первый принялъ царскій титулъ; но онъ умеръ въ слѣдующемъ же году отъ раскаянія и горести за несправедливое умерщвленіе невиннаго брата своего Антигона. По смерти его вдовствующая супруга его, царица Саломея, передала правленіе младшему брату его *Александру Яннею*, который царствовалъ отъ 106—79 года. При немъ въ первый разъ оппозиція фарисеевъ обнаружилась открытою войною. Фарисеи распространили молву, что Іоаннъ Гирканъ прижитъ отцомъ съ одною изъ рабынь, и посему потомство его, по закону моисееву, не можетъ исправлять первосвященнической должности. Это мнѣніе такъ глубоко укоренилось, что когда Александръ въ праздникъ кущей сталъ совершать священные обряды, народъ встрѣтилъ его поношеніями и кричалъ, что онъ происходитъ отъ рабыни и недостоинъ первосвященническаго сана. Смятеніе возрасло до того, что Александръ долженъ былъ искать спасенія во святилищѣ храма, и только съ помощью иноземныхъ наемниковъ успѣлъ удержать за собою власть. Но когда въ 92 г., предпринявъ походъ противъ арабовъ, онъ потерпѣлъ пораженіе, то народъ снова былъ противъ него возмущенъ и теперь открылась междоусобная война, продолжавшаяся цѣлыя шесть лѣтъ и стоившая жизни не менѣе 50,000 іудеевъ. Наконецъ въ 86 году, послѣ упорной осады, Александръ захватилъ въ одномъ мѣстѣ въ плѣнъ знатнѣйшихъ изъ своихъ непріятелей. Онъ привелъ ихъ съ собою въ Іерусалимъ и тамъ велѣлъ 800 изъ нихъ пригвоздить ко крестамъ и предъ глазами ихъ умертвить ихъ женъ и дѣтей. Этою страшною жестокостію онъ навелъ на враговъ своихъ такой страхъ,

что въ слѣдующую же ночь 8,000 фарисеевъ бѣжали изъ отечества; послѣ того Александръ спокойно царствовалъ до самой смерти (въ 79 г.). Впрочемъ передъ смертью онъ совѣтовалъ супругѣ своей Александрѣ примириться съ фарисеями, потому-что они управляли народнымъ мнѣніемъ, и безъ дружбы ихъ трудно было бы утвердиться на тронѣ. Слѣдуя этому совѣту, Александра перешла на сторону фарисеевъ, и первымъ слѣдствіемъ ихъ вліянія было отдѣленіе духовной власти отъ свѣтской: изъ двухъ сыновей Александра старшій Гирканъ былъ поставленъ первосвященникомъ, а царская власть осталась въ рукахъ его матери. Далѣе, слѣдствіемъ этой перемѣны въ системѣ правленія было освобожденіе всѣхъ заключенныхъ, принадлежавшихъ къ фарисейской партіи, и возвращеніе бѣжавшихъ и изгнанниковъ. Съ этимъ господствомъ фарисеевъ необходимо соединено было устраненіе саддукеевъ, и такъ-какъ въ числѣ ихъ находились совѣтники и генералы прежняго царя и особливо коменданты крѣпостей, то они все еще составляли сильную партію. Младшій братъ Гиркана Аристовулъ принялъ ихъ сторону, и когда мать его, царица Александра, сдѣлалась отчаянно-больна, то онъ, чтобы освободиться отъ вліянія фарисеевъ, бѣжалъ изъ Іерусалима. Саддукеи тотчасъ пристали къ нему, выдали ему всѣ крѣпости и такимъ-образомъ Аристовулъ по смерти матери, дѣйствительно скончавшейся въ 71 г., увидѣлъ себя главою силы, съ которою могъ идти на самый Іерусалимъ. Фарисейская партія выступила противъ него подъ предводительствомъ брата его Гиркана, но была при Іерихонѣ разбита. Послѣ этого Гирканъ отказался отъ власти и возвратился въ частное состояніе, а *Аристовулъ II* снова соединилъ въ своей особѣ первосвященство съ царскимъ достоинствомъ. Намѣстникъ Идумеи, Антипатръ, родоначальникъ Ирода дома, старался между-тѣмъ

всѣми средствами вывести Гиркана изъ бездѣйствія и наконецъ, возбудивъ подозрѣніе, что братъ хочетъ лишить его жизни, убѣдилъ вступить въ союзъ съ однимъ аравійскимъ княземъ Аретомъ. Съ помощью этого послѣдняго и также фарисейской партіи, Гирканъ овладѣлъ Іерусалимомъ и осадилъ брата на храмовомъ холмѣ. Здѣсь—тотъ пунктъ, въ которомъ іудейская исторія начинаетъ сливаться съ римскою. Мы видѣли, что Помпей послѣ побѣды надъ Тиграномъ и бѣгства Митридата за Кавказскія Горы обратился къ Сиріи; легатъ его Скавръ, въ это самое время овладѣвшій Дамаскомъ прибылъ въ Іудею, и враждующіе братья обратились къ нему съ просьбою рѣшить ихъ споръ. Такъ-какъ обѣ партіи для склоненія его на свою сторону поднесли ему равныя денежныя суммы, то онъ могъ предпочесть ту, которая больше ему нравилась и прежде заплатила. Это преимущество было на сторонѣ Аристовула, и Скавръ рѣшилъ дѣло въ его пользу. Конечно послѣ того Гирканъ долженъ былъ уступить, однако онъ не удовольствовался приговоромъ Скавра, но счелъ за лучшее послать своего повѣреннаго Антипатра къ Помпею и вмѣстѣ съ жалобою на продажную справедливость Скавра представить дѣло на собственное его рѣшеніе. Помпей объявилъ право на сторонѣ Гиркана, что было справедливо, если разсматривать это дѣло и съ безпристрастной юридической точки зрѣнія, и когда Аристовулъ упорствовалъ признать законность этого приговора, то Помпей явился въ Іудеѣ съ войскомъ и заперъ со всѣхъ сторонъ Іерусалимъ. По взятіи въ плѣнъ Аристовула, который при самомъ началѣ осады попалъ въ руки непріятеля, городъ и царскія палаты были сданы: но его партія не потеряла мужества и, отступивъ на храмовую гору, защищалась тамъ съ величайшимъ упорствомъ. Когда римляне съ помощью военныхъ машинъ завладѣли и этимъ мѣстомъ, боль-

шая часть защитниковъ его прекратила жизнь свою самоубійствомъ, или бросившись со стѣнъ, или сгоревъ въ своихъ домахъ. При этомъ-то случаѣ Помпей съ своею свитою вступилъ въ святая святыхъ. Впрочемъ римляне, изъ уваженія къ религіи, оставили все неприкосновеннымъ и удовлетворили только любопытству языческаго міра, который хотѣлъ узнать то, что съ такимъ стараніемъ іудеи скрывали въ стѣнахъ своего храма *). Гирканъ получилъ первосвященническій санъ, а Аристовулъ былъ отправленъ въ Римъ, чтобы тамъ умножить собою число знатныхъ плѣнныхъ, долженствовавшихъ украшать помпеевъ тріумфъ.

Счастливое окончаніе войны съ Митридатомъ имѣло слѣдствіемъ распространеніе римскаго владычества до береговъ Эвфрата. Хотя Помпей и оставилъ Фарнаку боспоранское царство и подарилъ Антіоху Коммагену, однако эти государи были не что иное, какъ вассалы Рима, и по смиреніи Тиграна *на востокъ оставался одинъ только народъ, могшій противостоять римлянамъ*, *парояне.* Они воспользовались паденіемъ греко-бактрійскаго царства и безпорядками, происходившими въ селевкидскомъ, распространили свои владѣнія на востокъ до Инда, на западъ до Эвфрата. Здѣсь они встрѣтились съ римлянами, и хотя посредствомъ переговоровъ границы и были опредѣлены **), не смотря на то непріязненное стол-

---

*) *Tacitus* въ Hist. lib. V. cap. 9 говоритъ объ этомъ: Romanorum primus Cn. Pompejus Judaeos domuit templumque jure victoriae ingressus est. Inde vulgatum, nulla intus Deum effigie, vacuam sedem et inania arcana.

**) О первомъ соприкосновеніи римлянъ съ пароянами и о пере-

кновенie между обоими народами современемъ было неизбѣжно.

Исторiя пареянъ не совсѣмъ извѣстна, и здѣсь достаточно только привесть рядъ царей, царствовавшихъ до Фрагата III, въ правленie котораго пареяне сдѣлались сосѣдями римлянъ: 1) *Арзакъ I* 256 — 254; 2) *Тиридатъ* (Арзакъ II) — 217; 3) *Артабанъ I* (Арзакъ III)— 197: 4) *Прiапацiй* (Арзакъ IV) — 182; 5) *Фрагатъ I* (Арзакъ V) — 173; 6) *Митридатъ I* (Арзакъ VI) — 137; 7) *Фрагатъ II* (Арзакъ VII) — 128; 8) *Артабанъ II* (Арзакъ VIII) — 125; 9) *Митридатъ II* (Арзакъ IX или Великiй) — 88; 10) *Мнаскиръ* (Арзакъ X) — 77; 11) *Синатроецесъ* (Арзакъ XI) — 70; 12) *Фрагатъ III* (Арзакъ XII) — 61; 13) *Митридатъ III* (Арзакъ XIII) — 54. Образъ правленiя пареянскаго царства былъ монархическо-аристократическiй; при царѣ находился высшiй государственный совѣтъ, подтверждавшiй его въ этомъ достоинствѣ, прежде нежели онъ короновался. Порядокъ престолонаслѣдiя былъ опредѣленъ въ томъ только отношенiи, что царь не могъ быть избранъ ни изъ какой другой фамилiи, кромѣ Арзакидовъ. Въ этой неопредѣленности заключается основанie внутренняго разстройства государства, потому-что слѣдствiемъ ея были споры о престолѣ, которыми столь искусная политика римлянъ не упустила воспользоваться для прiобрѣтенiя влiянiя, а чрезъ то и перевѣса въ самой странѣ.

Впрочемъ распоряженiя, сдѣланныя Помпеемъ въ Азiи, были дѣйствительны не прежде, какъ по

говорахъ Помпея съ Фрагатомъ III, царемъ пареянскимъ, говоритъ Dio Cass. lib. 37, cap. 5—8.

утвержденіи ихъ сенатомъ. Этотъ тщеславный человѣкъ всего менѣе ожидалъ получить въ томъ отказъ, не размысливъ, что своимъ поведеніемъ сдѣлалъ себѣ врагами всѣхъ тогдашнихъ вождей аристократіи и вообще вооружилъ противъ себя аристократію. Итакъ, послѣ того, какъ онъ возвратился въ Римъ, въ его стремленіи достигнуть утвержденія установленнаго имъ порядка въ Азіи сосредоточивается главный интересъ римской исторіи. Веденныя въ Азіи продолжительныя войны и сдѣланныя тамъ завоеванія, въ свою очередь, обнаружили вліяніе на побѣдителей, и многіе римляне начали принимать восточный образъ жизни. Къ греческому образованію теперь присоединилась восточная роскошь; самъ благородный и отличавшійся тонкимъ образованіемъ Лукуллъ, въ Римѣ и въ своихъ роскошныхъ помѣстьяхъ, велъ жизнь, по пышности обратившуюся въ пословицу. Въ Римѣ несоразмѣрность въ имуществахъ безпрестанно возрастала, а съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивалось и число такихъ людей, которымъ, въ случаѣ новаго какого-либо переворота, терять было нечего. Чѣмъ болѣе распространялось въ Римѣ обыкновеніе, сдѣлавшееся нѣкоторымъ образомъ принадлежностью хорошаго тона — жить пышно, тѣмъ болѣе многія изъ древнихъ аристократическихъ фамилій запутывались въ долгахъ, и молодые люди, неполучившіе отъ своихъ родителей въ наслѣдство ничего, кромѣ имени знаменитаго, но безъ денегъ неимѣвшаго уже никакого значенія, легко могли рѣшиться на предпріятіе, имѣвшее цѣлію

ниспровержение существующаго порядка и перемѣну въ отношеніяхъ имѣній. Такого рода былъ *заговоръ Катилины*, доставившій случай М. Туллію Цицерону оказать государству великую услугу и занять въ немъ почетное мѣсто.

Л. Сергій Катилина обогатился во время сулловыхъ проскрипцій, но въ распутствахъ всякаго рода такъ же скоро промоталъ свое богатство, какъ и нажилъ; онъ находился въ связи со всѣми, которые жили подобно ему, и теперь находились въ одинаковомъ съ нимъ положеніи. Итакъ партія Катилины образовалась изъ обѣднѣвшихъ мотовъ и преслѣдуемыхъ законами преступниковъ, и цѣлію этого дерзкаго заговора было захватить въ свои руки правленіе и раздѣлить между собою всѣ должности и провинціи. Для открытія и подавленія его нужна была больше тонкость юриста, нежели мужество воина и умъ полководца, и Цицеронъ, какъ отличный правовѣдъ и ораторъ, обладалъ всѣми качествами, чтобы противостать заговорщикамъ. Цицеронъ, подобно Марію, былъ homo novus, но прилежнымъ изученіемъ онъ усвоилъ себѣ образованіе, составлявшее принадлежность высшаго круга римлянъ. Итакъ онъ могъ занять мѣсто между аристократическими фамиліями, не встрѣтивъ подобно Марію сопротивленія, какъ скоро показалъ себя отличнымъ ораторомъ и въ своемъ краснорѣчіи обнаружилъ такую силу, что аристократія заранѣе старалась привлечь его на свою сторону, чтобы не имѣть противъ себя. Его-то противопоставила аристократія Катилинѣ, когда послѣдній имѣлъ дерзость искать консульства, и она настояла на томъ, что выборъ въ консулы на 63 г. палъ на Цицерона. Его неутомимою дѣятельностію заговоръ былъ обнаруженъ прежде, нежели планъ со-

зрѣлъ; это имѣло слѣдствіемъ мятежъ, который долженъ былъ кончиться неудачею, потому-что открылся не по составленнему напередъ уговору, а былъ вынужденъ обстоятельствами. Заговорщики частію были захвачены и по приговору сената казнены; а самъ Катилина успѣлъ скрыться, собралъ 20,000 армію и могъ быть подавленъ не иначе, какъ настоящею битвою, которую легатъ консула Антонія, Петрей, и далъ ему; Катилина палъ въ сраженіи *). Замыселъ Катилины открылъ одну изъ многихъ внутреннихъ ранъ, которыми страдало государство, и хотя теперь сенатъ имѣлъ еще довольно силы, чтобъ подавить подобный заговоръ, однако противъ другихъ сильныхъ мужей онъ чувствовалъ свое положеніе не безопаснымъ. Въ Римѣ уже сроднились съ мыслію, что одинъ изъ нихъ сдѣлается главою государства, и весьма боялись, что Помпей, по возвращеніи изъ своихъ походовъ, не распуститъ войска, но поведетъ его противъ города, чтобы силою захватить верховную власть. Впрочемъ съ этой стороны нечего было опасаться Помпея, тѣмъ болѣе, что тщеславіе его отчасти состояло именно въ томъ, что онъ при всемъ желаніи быть главою государства, старался избѣгать малѣйшаго признака притѣсненія. Посему, возвратившись въ Италію, онъ тотчасъ распустилъ войско, обязавъ его только собраться къ своему тріумфу, въ которомъ конечно сенатъ не могъ ему отказать, потому-что ни одинъ еще полководецъ своими походами не доставилъ столько денегъ въ государственное казнохранилище и не покорилъ республикѣ столькихъ земель. Посему тріумфъ Помпея былъ блистательнѣйшій изъ всѣхъ, какіе Римъ когда-либо ви-

---

*) О заговорѣ Катилины, кромѣ превосходнаго сочиненія саллюстіева, мы имѣемъ еще четыре рѣчи Цицерона, которыя онъ говорилъ противъ него, частію въ сенатѣ, частію предъ народомъ.

дѣлъ въ своихъ стѣнахъ,— онъ продолжался три дня и былъ торжествуемъ надъ тремя частями свѣта. Этотъ тріумфъ былъ его послѣднимъ; вскорѣ надъ Римомъ взошло свѣтило ярчайшее, которое помрачило звѣзду его счастія.

Хотя Помпей своею военною славою и расположеніемъ народа поставилъ себя въ такое положеніе, что казался слишкомъ-могущественнымъ для гражданина республики, однако, не смотря на то, онъ не имѣлъ столько вліянія, чтобы преодолѣть составившуюся противъ него оппозицію, которая воспротивилась утвержденію сенатомъ сдѣланныхъ имъ въ Азіи распоряженій. Главою этой оппозиціи былъ Крассъ: огромное богатство доставило ему такое вліяніе, что онъ могъ держаться съ Помпеемъ въ равновѣсіи. Сей послѣдній, встрѣтивъ сопротивленіе со стороны сената, вмѣсто-того, чтобы размыслить о своемъ положеніи и перемѣнить поведеніе, послѣдовалъ только своему раздраженному самолюбію и рѣшился во что бы то ни стало достигнуть утвержденія своихъ распоряженій. Этими отношеніями между Помпеемъ и Крассомъ воспользовался К. Юлій Цезарь для пріобрѣтенія, при помощи ихъ, равнаго съ ними могущества. Успѣвъ примирить ихъ между собою, онъ соединился съ ними для приведенія въ исполненіе общихъ своихъ намѣреній. Это соединеніе трехъ мужей, обыкновенно, хотя и не вѣрно, называемое *первымъ тріумвиратомъ*, было ничто иное, какъ частная связь, заключенная въ такой тайнѣ, что сначала никто и не подозрѣвалъ ея, и ко-

торая оттого была тѣмъ дѣйствительнѣе. Цезарь, будучи консуломъ, при помощи своихъ союзниковъ, достигъ утвержденія всего, чего требовали общіе ихъ интересы. Тріумвиры, удаливъ изъ Рима М. Туллія Цицерона и М. Порція Катона, людей, казавшихся имъ опаснѣйшими, изъ которыхъ первый своимъ краснорѣчіемъ, а послѣдній непоколебимою твердостію могъ противоставить имъ преграды, ослабили силу сената и захватили правленіе совершенно въ свои руки.

Цезарь, какъ приверженецъ демократической партіи и родственникъ Марія, встрѣтилъ гораздо-больше препятствій при вступленіи на политическое поприще *), нежели Помпей, которому, какъ мы видѣли, вездѣ благопріятствовало счастіе. Съ самаго перваго шагу онъ обнаружилъ рѣшительность и энергію своего характера. По смерти тетки своей Юліи, жены Марія, онъ не только говорилъ ей надгробную рѣчь, но даже велѣлъ нести за тѣломъ ея изображеніе опальнаго ея супруга, и этотъ смѣлый поступокъ вполнѣ увѣнчался послѣдствіями, какихъ онъ ожидалъ, именно, одобреніемъ и расположеніемъ народа и всей демократической партіи. Въ 65 году, будучи эдилемъ, онъ давалъ блистательнѣйшія игры и празднества, и хотя впалъ отъ этого въ неоплатные долги, за-то утвердилъ за собою навсегда расположеніе народа. Прослуживъ преторомъ, онъ получилъ себѣ въ управленіе

*) Онъ едва избѣжалъ проскрипціи: Сулла, когда ему представляли Цезаря безвреднымъ дитятею и просили о пощадѣ его, сказалъ: οὐχ ἔφη νοῦν ἔχειν αὐτοὺς, εἰ μὴ πολλοὺς ἐν τῷ παιδὶ τούτῳ Μαρίους ἐνορῶσιν. (т. е. Онъ сказалъ, что они не имѣютъ ума, если не видятъ въ этомъ дитяти многихъ Маріевъ).

провинцію Испанію и возвратился оттуда увѣнчанный лаврами. За свои военные подвиги въ Испаніи онъ имѣлъ право требовать тріумфа, но онъ въ то же время домогался и консульства на 59 г.; между-тѣмъ отъ чего-нибудь одного должно было отказаться, и Цезарь не затруднился въ выборѣ: онъ пренебрегъ ничтожною почестью тріумфа, чтобы въ этотъ рѣшительный моментъ сдѣлаться консуломъ. Именно по возвращеніи изъ Испаніи онъ нашелъ дѣла Помпея все въ томъ же состояніи, въ какомъ оставилъ ихъ, отправляясь туда, то есть распоряженія его въ Азіи не были еще ни подтверждены, ни уничтожены. Цезарь тотчасъ произвелъ въ положеніи дѣлъ рѣшительную перемѣну тѣмъ, что примирилъ Помпея съ Крассомъ и воспользовался вліяніемъ этихъ значительныхъ мужей, чтобы посредствомъ расположеннаго къ нему народа достигнуть утвержденія того, въ чемъ отказывалъ сенатъ. Образъ, какимъ онъ выступилъ тотчасъ по избраніи своемъ въ консулы на 59 г. вмѣстѣ съ М. Калпурніемъ Бибуломъ, долженъ бы былъ открыть Помпею глаза насчетъ его союзника, потому-что Цезарь вдругъ исполнилъ то, чего Помпей добивался отъ сената впродолженіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ. Его консульство въ основаніи было уже диктаторствомъ, ибо товарищъ его Бибулъ, въ досадѣ на незначительную роль, которую долженъ былъ играть при немъ, послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ воспользоваться принадлежащею ему властью, отказался совершенно отъ государственныхъ дѣлъ, и во все время своего консульства больше не показывался въ общественныхъ собраніяхъ *). Между-тѣмъ Цезарь дѣйствовалъ рѣши-

*) Sueton. Jul. Caes. cap. 20: lege autem agraria promulgata obnuntiantem collegam armis foro expulit. Ac postero die in senatu conquestum, nec quoquam reperto, qui super tali consternatione re-

тельно; доставивъ Помпею утвержденіе его распоряженій въ Азіи, онъ надѣлилъ землями изъ общественнаго поля получившихъ отставку воиновъ и бѣдныхъ гражданъ, и важною услугою привлекъ на свою сторону сильное сословіе всадниковъ. Само-собою-разумѣется, что всего этого онъ достигъ не обыкновеннымъ путемъ: онъ представлялъ всѣ свои предложенія народу, Помпей и Крассъ одобряли ихъ, а на случай готовы были и кинжалы, чтобы убійствомъ подавить всякое сопротивленіе *). Для дѣйствованія на чернь въ собственномъ смыслѣ Цезарь избралъ орудіемъ П. Клодія. Сей послѣдній по рожденію и фамильнымъ связямъ принадлежалъ къ аристократіи, но изъ вражды и мщенія противъ нѣкоторыхъ знатныхъ людей и особенно противъ Цицерона, который по его мнѣнію оскорбилъ его, онъ сдѣлался демагогомъ. Но, какъ патрицій, онъ не могъ быть избранъ въ народные трибуны и усыновленный какою-либо плебейскою фамиліею, не получивъ на то утвержденія чрезъ изданный патриціанскими куріями lex curiata. Посему аристократія умѣла препятствовать всѣмъ стараніямъ его пе-

---

ferre aut censere aliquid auderet, qualia multa saepe in levioribus turbis decreta erant, in eam coegit desperationem, ut quoad potestate abiret, domo abditus nihil aliud quam per edicta obnuntiaret. Unus ex eo tempore omnia in republica et ad arbitrium administravit, ut nonnulli urbanorum, cum quid per jocum testandi gratia signarent, non *Caesare et Bibulo* sed *Julio et Caesare Consulibus* actum scriberent, bis eundem praeponentes nomine atque cognomine.

*) *Appian.* de bell. civ. lib. II, cap. 10: καὶ βουλὴν μὲν οὐκέτι συνῆγεν ἐπὶ τὸ ἔτος ὅλον, ἐπὶ δὲ τῶν ἐμβόλων ἐδημηγόρει, Πομπήϊόν τε ἐν μέσῳ καὶ Κράσσον ἠρώτα περὶ τῶν νόμων, οἱ δὲ αὐτοὺς ἐπῄνουν καὶ ὁ δῆμος ἐπὶ τὴν χειροτονίαν ᾔει σὺν κεκρυμμένοις ξιφιδίοις. (т. е. Впродолженіе цѣлаго года онъ не собиралъ сената, но все предлагалъ народу, публично спрашивая у Помпея и Красса мнѣніе о своихъ предложеніяхъ. Они же одобряли ихъ и народъ приступалъ къ подаванію голосовъ съ скрытыми кинжалами).

рейдти въ сословіе плебеевъ до самаго консульста Цезаря, который тотчасъ доставилъ ему не только законный переходъ въ плебеи, но и самое трибунство, и воспользовался имъ для удаленія изъ города Цицерона и Катона. Рядомъ постановленій пріобрѣтши сперва расположеніе черни, онъ выступилъ потомъ съ закономъ, направленнымъ противъ Цицерона, по которому всякій долженъ быть лишенъ участія въ огнѣ и водѣ, кто умертвитъ или умертвилъ уже римскаго гражданина безъ народнаго приговора. Обратное дѣйствіе этого закона касалось Цицерона, который во время своего консульства казнилъ сообщниковъ Катилины по опредѣленію сената. Цицеронъ напрасно искалъ помощи у Помпея и Цезаря; дѣло доходило нѣсколько разъ до кровопролитія, и Цицеронъ для отвращенія рѣшительнаго междоусобія послѣдовалъ совѣту друзей своихъ и удалился въ изгнаніе. Какъ глубоко онъ тронутъ былъ неблагодарностію отечества, это видно изъ писемъ, писанныхъ имъ въ это несчастное время его жизни. Для удаленія изъ Рима Катона Клодій воспользовался другимъ предлогомъ. Онъ объявилъ островъ Кипръ собственностью римскаго народа, а Птоломея, владѣвшаго имъ тогда, похитителемъ престола, и склонилъ народъ къ рѣшенію, по которому Катону поручено было вступить во владѣніе тѣмъ островомъ. Прежде нежели Цицеронъ возвратился изъ ссылки, а Катонъ изъ своей экспедиціи, тріумвиры выполнили свои намѣренія и уничтожили авторитетъ сената.

Связь Помпея съ Цезаремъ, основанная на взаимныхъ интересахъ, была еще болѣе скрѣплена узами родства: Помпей женился на дочери Цезаря, Юліи. Еще никакое соперничество не возмущало ихъ новой дружбы, и Помпей не предвидѣлъ, что

самъ подалъ въ руки тестю своему противъ себя оружіе, помогши ему сдѣлаться предводителемъ арміи. Цезарь выбралъ на время своего проконсульства не какую-нибудь страну въ Азіи, непредставлявшую для него ничего, кромѣ богатства, но страну, въ которой могъ образовать преданную себѣ армію и снискать блестящую славу, между-тѣмъ какъ лавры помпеевы блекли и дѣла его приходили въ забвеніе. Народъ вручилъ ему власть доселѣ неслыханную: управленіе обѣими Галліями и Иллиріею съ начальствомъ надъ четырьмя легіонами на пять лѣтъ *). Поставивъ себя въ такое положеніе, онъ могъ безъ опасенія предоставить правленіе въ Римѣ своимъ союзникамъ и смотрѣть безъ зависти на пріобрѣтеніе Помпеемъ значительнаго вліянія въ дѣлахъ гражданскихъ, а самъ между-тѣмъ летѣлъ отъ побѣды къ побѣдѣ, и въ Римѣ начали только и говорить, что о Цезарѣ и его геройскихъ подвигахъ противъ народовъ, которыхъ имена доселѣ были для римлянъ или страшны, или вовсе неизвѣстны.

По удаленіи Цезаря въ провинцію, Помпей и Крассъ остались въ Римѣ и занимались столичными интригами и происками демагоговъ. Но Помпей скоро замѣтилъ, что онъ не имѣетъ довольно силы, чтобы распоряжаться въ городѣ по своей волѣ, и что больше

---

*) Цезарь удвоилъ на свой счетъ ввѣренныя ему республикою военныя силы. *Sueton.* Jul. Caes. cap. 24: Ad legiones, quas a republica acceperat, alias privato sumtu addidit, enam esiam ex Transalpinis conscriptam, quam disciplina cultuque Romano institutam et ornatam postea universam civitate donavit.

управлялъ государствомъ Клодій, нежели онъ. Когда Клодій настоялъ на припятіи нѣкоторыхъ мѣръ, непріятныхъ Помпею, то послѣдній началъ думать о подкрѣпленіи своего вліянія, и къ кому лучше было ему обратиться какъ не къ Цицерону, которымъ онъ пожертвовалъ Клодію и Цезарю и котораго краснорѣчіе и множество судебныхъ кліентовъ представляли не незначительную опору? Предложеніе о возвращеніи Цицерона естественно встрѣтило сильнѣйшее сопротивленіе со стороны Клодія, и способъ, которымъ онъ обнаружилъ его, показалъ весьма-ясно, что Римъ не иначе могъ быть спасенъ отъ анархіи и внутреннихъ раздоровъ, какъ учрежденіемъ смиряющей всѣ партіи диктаторской или монархической власти: именно Клодій, предводительствуя толпою гладіаторовъ, напалъ на народное собраніе, въ которомъ собирали голоса о вызовѣ Цицерона, произвелъ между своими противниками кровопролитіе (братъ Цицерона Квинтъ былъ вынесенъ съ мѣста замертво) и разогналъ прочихъ. Друзья Цицерона очевидно взялись для своей защиты за то же средство, которое Клодій употребилъ для нападенія на нихъ. Милонъ противоставилъ ему съ своей стороны шайку гладіаторовъ, и не проходило дня безъ печальной сцены какой-либо кровопролитной драки между обѣими партіями. Только съ помощью этой насильственной мѣры возможно было достигнуть подтвержденія вызова изъ ссылки Цицерона, который послѣ сего въ 57 году съ великимъ торжествомъ проѣхалъ по всей Италіи и еще съ бо́льшимъ вступилъ въ Римъ. Естественно, что возвращеніе его имѣло слѣдствіемъ, вмѣсто прекращенія, еще бо́льшія безпокойства, потому-что онъ старался теперь уничтожить всѣ опредѣленія, утвержденныя во времена клодіева трибунства, чтобы получить обратно конфискованное имъ свое имущество и вознагражденіе за разрушенный

имъ свой домъ. Посему стычки на улицахъ ежедневно продолжались, и Цицеронъ не иначе могъ выстроить себѣ домъ, какъ подъ защитою вооруженныхъ, которые отражали клодіевыхъ гладіаторовъ. Въ благодарность Цицеронъ доставилъ Помпею главный надзоръ за снабженіемъ города съѣстными припасами на пять лѣтъ. Вмѣстѣ съ этою должностью ему вручена была неограниченная власть распоряжаться деньгами, хлѣбомъ и людьми во всѣхъ подвластныхъ Риму странахъ; но Цезарь могъ спокойно и безъ зависти смотрѣть на это возвышеніе Помпея, потому-что оно не доставляло ему никакой силы военной.

Надобно припомнить, какой ужасъ внушало въ Римѣ имя галловъ и германцевъ, чтобы понять какую славу пріобрѣлъ себѣ Цезарь покореніемъ Галліи и вступленіемъ въ землю германцевъ. Притомъ дипломатическіе таланты не менѣе оказали ему услугъ, какъ и его военный геній. Но ведя эти войны, которыя, казалось, занимали всѣ его помышленія, онъ никогда не выпускалъ изъ виду Рима. Своимъ великимъ умомъ онъ могъ въ одно и то же время и съ равною силою преслѣдовать самые различные планы. Помпей и Крассъ были бы слѣпы, еслибъ не замѣтили, что они въ сравненіи съ Цезаремъ находились въ довольно-невыгодномъ положеніи: они видѣли возрастаніе его военной силы и славы, и, чтобы не дать ему опередить себя, старались равнымъ образомъ сдѣлаться предводителями совершенно-зависимой отъ нихъ арміи. Съ этою цѣлію зимою съ 57 на 56 годъ въ Луккѣ они имѣли съѣздъ съ Цезаремъ, и этотъ конгрессъ обнаружилъ какъ тайную

связь тріумвировъ, такъ и значеніе Цезаря. Вокругъ него, простаго генерала республики, собралось столько государственныхъ сановниковъ, что насчитывали до 120 ликторовъ; однихъ сенаторовъ было до 200, не считая множества другихъ чиновниковъ и значительныхъ особъ. Помпей и Крассъ достигли желаемаго; послѣ того, какъ они во второй разъ вмѣстѣ выбраны были въ консулы на 55 годъ, Крассъ получилъ Сирію съ военными силами на востокѣ, Помпей Испанію и Африку, оба на пять лѣтъ и съ такою же властью, какую имѣлъ Цезарь въ своей провинціи; послѣднему же продолженъ былъ срокъ начальства надъ войскомъ. Такимъ образомъ военная и гражданская власть римской республики была раздѣлена между тремя мужами, и ни одинъ изъ нихъ не умѣлъ такъ хорошо воспользоваться своею силою, какъ Цезарь; между-тѣмъ какъ Крассъ, предпринявъ несчастный походъ, погибъ со всѣмъ своимъ войскомъ, а Помпей, оставаясь въ Римѣ, управлялъ своими провинціями чрезъ легатовъ, Цезарь довершилъ покореніе Галліи, съ 51 года спокойно подчинившейся подъ иго римлянъ, противъ котораго долгое время напрасно сопротивлялась, и теперь изъ развалинъ гибельной и разрушительной войны быстро возникли цвѣты римскаго образованія.

Дѣла Галліи въ той части страны, которая уже была римскою провинціею, когда прибылъ Цезарь, совершенно благопріятствовали его планамъ. Одинъ германскій вождь въ это время завладѣлъ частію Галліи и все народонаселеніе Гельвеціи готовилось оставить

*

свою суровую и бѣдную страну и идти оружіемъ добывать себѣ новыя и плодоноснѣйшія земли для поселенія *). Переселеніе гельветовъ послужило для Цезаря первымъ поводомъ къ вмѣшательству во внутреннія дѣла галльскихъ племенъ. Гельветы, спустившись съ горы Юры, вступили въ землю эдуйцевъ и частію изъ нужды, частію изъ сознанія превосходства своихъ силъ, позволили себѣ многія насилія, такъ-что эдуйцы призвали на помощь къ себѣ Цезаря. Онъ прибылъ и уничтожилъ, по собственному его показанію, цѣлую половину переселенцевъ, а прочихъ принудилъ возвратиться въ оставленную ими страну и снова въ ней поселиться. Этимъ подвигомъ онъ обратилъ на себя вниманіе всей Галліи. Секванцы и эдуйцы надѣялись, при помощи его, освободиться отъ германскаго вождя Аріовиста. Онъ былъ прежде призванъ изъ-за Рейна самими секванцами, но, подавши имъ помощь, онъ утвердился въ ихъ владѣніяхъ, гдѣ ему было угодно, и, присоединивъ къ себѣ великое число своихъ единоплеменниковъ, составилъ силу, съ которою смѣло могъ вступить въ борьбу съ Цезаремъ. Самыя цезаревы войска, устрашенныя многочисленностью и дикою храбростію германцевъ, съ которыми честолюбіе вождя вовлекло ихъ въ войну, угрожали неповиновеніемъ. Въ этотъ критическій моментъ Цезарь поступилъ съ достоинствомъ и силою: онъ собралъ начальниковъ легіоновъ и объявилъ, что отпускаетъ всѣ легіоны, кромѣ десятаго, въ которомъ увѣренъ, что онъ не оставитъ своего полководца, и на который полагается,

---

*) Цезарь въ началѣ своихъ коментаріевъ de bello gall. (lib. I, cap. 2 sqq.) дѣлаетъ любопытное изображеніе переселенія гельветовъ, и мы какъ въ этомъ событіи, такъ и во всемъ, касающемся до покоренія Галліи, ссылаемся на эти комментаріи, которые вполнѣ носятъ на себѣ отпечатокъ его ума и характера.

что онъ одинъ въ состоянiи разбить непрiятеля. Эта рѣчь электрически подѣйствовала на войско и возбужденному ею геройскому расположенiю въ римскихъ легiонахъ, предводимыхъ Цезаремъ, не трудно было одержать рѣшительную побѣду надъ грубою силою германцевъ. Недалеко отъ Везонцiона (Besançon) Арiовистъ былъ разбитъ на голову и только съ немногими успѣлъ спастись за Рейнъ. Этими двумя дѣлами Цезарь ознаменовалъ первый годъ своего намѣстничества въ Галлiи. Въ награду за освобожденiе Цезарь потребовалъ отъ эдуйцевъ и секванцевъ покорности, и они должны были согласиться, чтобы онъ поставилъ въ ихъ землѣ свою армiю на зимовку. При покоренiи Галлiи Цезарь слѣдовалъ древней римской политикѣ: сперва являлся освободителемъ и покровителемъ и потомъ покровительство перемѣнялъ во владычество. Естественно, что прочiя галльскiя племена начали опасаться за свою независимость, и на сѣверѣ Галлiи между бельгiйскими народами составился противъ римлянъ сильный союзъ. Это подало Цезарю желанный поводъ къ новой войнѣ: въ 57 году онъ побѣдоносно проникнулъ до сѣверныхъ предѣловъ Галлiи, и такъ-какъ онъ ставилъ непрiятелей въ такое положенiе, что почти каждая побѣда оканчивалась совершеннымъ ихъ истребленiемъ, то принудилъ къ покорности и бельговъ. Деньгами, доставшимися въ его распоряженiе, вслѣдствiе этихъ побѣдъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и распространенiемъ своего владычества, онъ воспользовался для умноженiя своихъ приверженцевъ и увеличенiя своего влiянiя въ Римѣ, котораго никогда не выпускалъ изъ виду. Это возбудило зависть въ обоихъ его союзникахъ, и Цезарь долженъ былъ согласиться, чтобъ и они подобно ему имѣли въ своемъ распоряженiи военныя силы, но они не умѣли подобно ему воспользоваться ими. Крассъ хотя и сдѣлалъ опытъ,

но неудачно, а Помпей вмѣсто того, чтобъ самому, принявъ начальство надъ войскомъ, пріобрѣсть расположеніе солдатъ и новыми подвигами освѣжить свою забытую славу, управлялъ провинціями изъ Рима чрезъ легатовъ. Напротивъ отъ Цезаря безпрерывно приходили въ Римъ извѣстія о новыхъ побѣдахъ: подавленное имъ въ 56 году съ большимъ кровопролитіемъ возстаніе галльскихъ народовъ и впаденіе двухъ германскихъ племенъ, тенхтеровъ и узипетовъ, не только отраженное, но и подавшее ему поводъ построить мостъ черезъ Рейнъ и въ первый разъ явить римское оружіе въ собственной землѣ германцевъ, — все это держало его войско въ постоянной дѣятельности и упражненіи. Цезарь еще болѣе возвысилъ славу свою высадившись въ 54 г. на берега Британніи; но кромѣ славы и возбужденія въ своихъ воинахъ чувства собственнаго достоинства на этомъ островѣ онъ ничего и не искалъ *). И въ самомъ дѣлѣ цезаревъ солдатъ долженъ былъ наконецъ проникнуться исключительно однимъ военнымъ духомъ; онъ привыкъ считать отечествомъ лагерь, единственными правительственными особами своихъ офицеровъ и выше всего ставить интересы своего полководца. Если принять въ разсмотрѣніе еще и то, что Цезарь набралъ въ свою армію людей никогда незнавшихъ ни Рима, ни римскаго образа правленія, именно галловъ и германцевъ, то легко будетъ понять, что онъ образовалъ себѣ войско,

---

*) Цицеронъ, котораго братъ Квинтъ служилъ подъ начальствомъ Цезаря и участвовалъ въ походѣ въ Британнію, въ письмѣ къ другу своему Аттику говоритъ: Britannici belli exitus exspectatur; constat enim aditus insulae esse munitos mirificis molibus, etiam illud jam cognitum est, neque argenti scrupulum esse in illa insula, neque spem praedae, nisi ex mancipiis, ex quibus nullos te puto literis aut musicis eruditos exspectare.

дѣлавшее его совершенно самостоятельнымъ и независимымъ. Безпрестанныя возмущенія галловъ доставляли ему случай вмѣстѣ упражнять и пріучать его къ побѣдамъ. Самое страшное возстаніе противъ него открылось въ 53 году, когда начальство надъ галлами принялъ искусный вождь Верцингеториксъ. Во время этой войны Галлія была раззорена въ-конецъ, потому-что Верцингеториксъ самъ велѣлъ опустошать равнины и жечь неукрѣпленныя мѣстечки, чтобы принудить римлянъ оставить страну за недостаткомъ въ жизненныхъ потребностяхъ. За такое озлобленіе Цезарь поступилъ съ галлами съ безпримѣрною жестокостью: чтобы ослабить ихъ силы, онъ повелѣлъ истребить все взрослое поколѣніе мужескаго пола; тысячамъ плѣнныхъ были отрублены правыя руки, и Верцингеториксъ, котораго благородную душу онъ самъ хвалитъ въ своихъ запискахъ, сдавшись ему добровольно, сперва былъ заключенъ въ оковы, а потомъ казненъ. Такими мѣрами въ 51 году онъ утвердилъ въ Галліи спокойствіе и власть Рима на вѣки. Быстро усвоивать себѣ чуждое образованіе и нравы есть отличительная черта характера цельтическихъ племенъ: уже чрезъ сто лѣтъ послѣ покоренія этой страны Цезаремъ Галлія превратилась совершенно въ римскую область и наполнилась цвѣтущими городами, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ напримѣръ Бордо, Ліонъ и впослѣдствіи самый Триръ, сдѣлались главными разсадниками римскаго образованія и учености.

Намѣренія Цезаря исполнились: онъ образовалъ себѣ независимую силу, а положеніе дѣлъ въ Римѣ и римскихъ владѣніяхъ доставило ему случай употребить ее въ дѣло. Пока Крассъ былъ живъ и могъ какъ третій членъ тріумвирата оказывать вліяніе, онъ под-

держивалъ согласіе между Цезаремъ и Помпеемъ и при всякомъ случаѣ препятствовалъ обнаруженію взаимнаго соперничества; потому прежде нежели дѣло могло дойдти до междоусобной войны, тріумвиратъ долженъ былъ превратиться въ дуумвиратъ и эта важная перемѣна дѣйствительно произошла, когда Крассъ незадолго до покоренія Галліи погибъ въ войнѣ противъ пароянъ.

Крассъ хотѣлъ, по примѣру Цезаря, воспользоваться врученною ему властью для того, чтобы образовать преданное своей особѣ и опытное войско, и такъ-какъ ему досталась провинція Сирія, то онъ оставилъ Римъ съ намѣреніемъ воевать съ пароянами. Въ то самое время, какъ онъ прибылъ съ этою цѣлію въ Сирію, на пароянскій престолъ вступилъ Ородъ I, въ числѣ арзакидовъ Арзакъ XIV. Но Крассу предстояло имѣть дѣло съ непріятелемъ, который противопоставилъ военному искусству римлянъ не одну только храбрость воинственной націи, но вмѣстѣ и нѣкоторый совершенно-новый для нихъ образъ войны. Въ 53 году онъ проникъ за Эвфратъ, но, послушавшись совѣта измѣнниковъ, принялъ ошибочный планъ, рѣшившись идти для поиска непріятеля на равнину, на которой пароянская конница дѣйствовала такъ искусно и нанесла римлянамъ, пораженнымъ новостью борьбы, столь великія потери, что Крассъ предпринялъ обратный путь, который при такомъ образѣ войны долженъ былъ для него сдѣлаться гибельнымъ. Пароянe окружили его войско, такъ-что оно постоянно принуждено было держаться въ боевомъ порядкѣ, осыпали его стрѣлами, при нападеніи обращались въ бѣгство и, какъ скоро римляне продолжали свой путь, снова являлись передъ ними. Наконецъ Крассъ рѣшился вступить въ переговоры, но

при личномъ свиданіи съ пароянскимъ полководцемъ, во время безпорядковъ, случайно ли происшедшихъ, или произведенныхъ съ намѣреніемъ, былъ убитъ. Его войско было или истреблено, или захвачено въ плѣнъ, такъ-что изъ 100,000 человѣкъ, едва 10,000 подъ предводительствомъ К. Кассія возвратились въ Сирію. Слѣдствіемъ этого необдуманнаго похода было занятіе пароянами Месопотаміи, вторженія ихъ въ Сирію и начало борьбы ихъ съ римлянами, продолжавшейся съ нѣкоторыми промежутками до самаго паденія пароянскаго царства.

По смерти Красса въ Римѣ остались только два мужа, могшіе спорить о первенствѣ, и послѣдняя связь, скрѣплявшая ихъ союзъ, — узы родства, — смертью жены помпеевой, дочери Цезаря, Юліи, была разорвана и уже выборомъ новой супруги Помпей показалъ, что рѣшился дѣйствовать иначе и намѣренъ искать себѣ опоры въ сенатѣ и аристократіи. Онъ женился на Корнеліи, дочери Кв. Метелла Пія Сципіона, одного изъ жесточайшихъ враговъ Цезаря, и вліяніе этой молодой и прекрасной женщины еще болѣе утвердило его въ намѣреніи отдѣлиться отъ своего союзника. Въ надеждѣ на Помпея аристократы сдѣлались смѣлѣе и искали случая къ разрыву съ Цезаремъ. Не размысливъ, что Цезарь впродолженіе многихъ лѣтъ готовился къ этому обстоятельству, они составляли противъ него одно за другимъ самыя сильныя опредѣленія и доставили ему поводъ принять на себя роль притѣсненнаго въ своихъ правахъ и защитника закона, оскорбленнаго въ особѣ народнаго трибуна. Седьмаго ян-

варя 49 г. сенатъ сдѣлалъ опредѣленіе, по которому Цезарь долженъ былъ къ назначенному дню сложить съ себя начальство надъ войскомъ, и Цезарь не задумался долѣе переходомъ чрезъ Рубиконъ, предѣлъ своей провинціи, открыть междоусобную войну.

Помпей пріобрѣлъ въ городѣ столь великое вліяніе, что, казалось, одинъ могъ положить конецъ вторгнувшимся въ него безпорядкамъ и анархіи. Съ того момента, какъ онъ перешелъ на сторону аристократовъ, они стали полагаться на него съ такою довѣренностью, что положили облечь его неограниченною властью, тогда необходимою для возвращенія государству новой силы и устройства *). Доселѣ Помпей самъ способствовалъ безпорядкамъ и анархіи, которые теперь долженъ былъ устранить, и они достигли такой степени, что при дальнѣйшемъ продолженіи грозили государству совершеннымъ разстройствомъ. Въ 54 году выборъ консуловъ былъ совершенно-невозможенъ и въ-теченіе первыхъ семи мѣсяцевъ слѣдующаго года никто не занималъ этой должности; когда наконецъ въ седьмомъ назначили двухъ консуловъ, то, не смотря на то, безпокойства не прекращались. Борьба Клодія съ Милономъ, двухъ старыхъ закоренѣлыхъ враговъ, даетъ самое лучшее понятіе о томъ, въ какомъ печальномъ

---

*) Piut. Caes. cap. 28: Πολλοὶ δ᾽ ἦσαν οἱ καὶ λέγειν ἐν μέσῳ τολμῶντες ἤδη, πλὴν ὑπὸ μοναρχίας ἀνήκεστον εἶναι τὴν πολιτείαν, καὶ τὸ φάρμακον τοῦτο χρῆναι τοῦ πραοτάτου τῶν ἰατρῶν ἀνασχέσθαι προσφέροντος, ὑποδηλοῦντες τὸν Πομπήϊον. (т. е. Были многіе, которые уже осмѣливались говорить публично, что государство можетъ быть исцѣлено только монархіею и что это лекарство, чтобы быть сноснымъ, требуетъ самаго нѣжнаго врача; этимъ указывали на Помпея.

положеніи находился тогда городъ. Милонъ искалъ на 52 г. консульства, а Клодій старался всѣми средствами воспрепятствовать ему въ этомъ, и въ началѣ 52 г. это высшее государственное достоинство снова осталось незанятымъ. 20-го января Милонъ на пути въ Лапувій близъ Бовиллъ встрѣтился съ Клодіемъ, который возвращался изъ Ариціи въ Римъ. Они оба имѣли при себѣ многочисленную вооруженную свиту, безъ которой въ тѣ смутныя времена ни одинъ изъ знатныхъ не могъ безопасно пускаться въ дорогу. Люди милоновы заспорили съ провожатыми Клодія, и послѣдній, вмѣшавшись въ ихъ ссору, былъ тяжело раненъ. Его перенесли въ сосѣднюю гостинницу, но Милонъ, увѣренный, что за половину дѣла онъ подвергаетъ себя такой же отвѣтственности, какая предстояла бы ему, если бы и совсѣмъ не оставилъ въ живыхъ своего врага, велѣлъ ворваться въ домъ и умертвить Клодія. Но и послѣ того безпорядки нисколько не прекратились, напротивъ это происшествіе послужило еще поводомъ къ новымъ волненіямъ. Демагоги перенесли тѣло Клодія въ городъ и, выставивъ его на площади, своими рѣчами до того раздражили чернь, что она съ трупомъ вторгнулась въ курію и, устроивъ изъ разломанныхъ сенаторскихъ скамей костеръ, сожгла его вмѣстѣ съ куріею. Послѣ этого чернь раздѣлилась на двѣ части: одна бросилась къ дому Милона съ намѣреніемъ разрушить его, а другая къ жилищу Помпея съ требованіемъ, чтобы онъ принялъ диктаторскую власть. Такъ-какъ вокругъ Милона составилась партія изъ благородныхъ молодыхъ людей, которая защищала его отъ демагоговъ и ярости черни, и такъ-какъ по-этому борьба на улицахъ съ каждымъ днемъ дѣлалась ожесточеннѣе, то нужно было принять какія-нибудь мѣры для возстановленія порядка. Посему на 52 г. Помпей былъ избранъ въ консулы одинъ, и оставался въ

этой должности отъ марта до августа, когда взялъ въ товарищи своего тестя. Важнѣйшее происшествіе, случившееся во время единовластнаго консульства помпеева, есть процессъ Милона. Помпей ввелъ въ городъ солдатъ и подъ защитою ихъ составился судъ. Милонъ предсталъ предъ него съ совершенною увѣренностью, въ надеждѣ на краснорѣчіе своего защитника Цицерона, но когда ораторъ взошелъ на каѳедру, и повсюду, куда ни обращалъ взоры, увидѣлъ вооруженныхъ, то потерялъ бодрость, смѣшался и, не сказавъ рѣчи (онъ впослѣдствіи издалъ ее въ свѣтъ), пошелъ домой. Милонъ былъ осужденъ и удалился въ изгнаніе; Помпей, находясь теперь совершенно подъ вляніемъ аристократіи, допустилъ ослѣпленнымъ ненавистью врагамъ Цезаря увлечь себя къ необдуманному шагу прежде, нежели достаточно вооружился, и притомъ противъ человѣка, который напередъ вычислилъ всѣ случаи и давно уже приготовился на все. Цезарь имѣлъ партію въ Римѣ; большая часть демагоговъ была у него на жалованьѣ, и если Помпей получалъ отъ аристократіи какое-либо преимущество, то демагоги, пользуясь своимъ вліяніемъ на народъ, настаивали, чтобъ и Цезарю доставлены были въ вознагражденіе равныя выгоды. Такъ, когда Помпей былъ избранъ одинъ въ консулы, Цезарь получилъ право искать консульства въ отсутствіи. Первымъ рѣшительнымъ нападеніемъ аристократіи на Цезаря было предложеніе консула Клавдія Марцелла не только лишить его этого права, но и потребовать сложенія начальства надъ войскомъ, которому теперь срокъ кончился. Аристократія сдѣлала этотъ шагъ, полагая, что сильнѣйшій въ то время демагогъ, Куріонъ, на ея сторонѣ, но Цезарь, котораго проницательный взоръ видѣлъ издалека, куда должно обратиться и гдѣ дѣйствовать, давно уже замѣтилъ, какъ важенъ для него этотъ человѣкъ, и не пожалѣлъ

огромной суммы, чтобы только привлечь его на свою сторону *). Итакъ въ то время, какъ аристократія надѣялась на помощь Куріона, онъ уже дѣйствовалъ въ пользу Цезаря. Когда М. Марцеллъ сдѣлалъ въ сенатѣ предложеніе вызвать Цезаря изъ провинціи и тотчасъ послать ему преемника, Куріонъ потребовалъ, чтобы для сохраненія равновѣсія и Помпей сложилъ начальство надъ войскомъ. Этотъ вовсе неожиданный поступокъ со стороны Куріона привелъ аристократію въ такое изумленіе, что въ тотъ день не было ничего сдѣлано, кромѣ опредѣленія, по которому какъ Цезарь, такъ и Помпей должны были отпустить отъ себя по легіону для отправленія ихъ въ Сирію противъ парѳянъ. Аристократія думала, что поступила очень-хитро, лишивъ такимъ-образомъ Цезаря части его военныхъ силъ и усиливъ ею свою сторону, но солдаты, которыхъ Цезарь, щедро одаривъ, послалъ въ Римъ, были исполнены удивленія къ его особѣ и предводимы офицерами, вполнѣ ему преданными. Посему Цезарь въ твердой увѣренности, что этотъ легіонъ первый подастъ знакъ къ переходу на его сторону, исполнилъ волю сената безпрекословно. Аристократическая партія для ускоренія рѣшительнаго кризиса схватилась теперь за другое средство. Распустили слухъ, что Цезарь идетъ уже на Римъ; пользуясь этимъ обстоятельствомъ, одинъ изъ консуловъ 50 г. Клавдій Марцеллъ задержалъ легіоны, назначенные въ Сирію, и поднесши мечъ вручилъ начальство надъ ними Помпею. Куріонъ, когда на противорѣчіе его не обратили вниманія, поспѣшилъ

*) Что Цезарю дорого стоила помощь Куріона, въ томъ согласны всѣ историки, но сколько именно, неизвѣстно. Веллей (lib II, cap. 48) характеризуетъ Куріона такъ: vir nobilis, eloquens, audax, suae alienaeque et fortunae et pudicitiae prodigus, homo ingeniosissime nequam et facundus malo publico.

къ Цезарю, который находился тогда на границѣ своей провинціи въ Равеннѣ, и съ великимъ вниманіемъ наблюдалъ за происходившимъ въ Римѣ; впрочемъ имѣлъ при себѣ только небольшой отрядъ. Куріонъ совѣтовалъ Цезарю собрать какъ можно скорѣе войско и идти на Римъ; но Цезарь дѣйствовалъ осмотрительно, потому-что не хотѣлъ явиться предъ глазами всѣхъ виновникомъ междоусобія. Онъ зналъ, что враги его непримиримы, но имѣя въ виду склонить въ свою пользу общественное мнѣніе, первый сдѣлалъ шагъ къ примиренію: онъ отправилъ Куріона обратно въ Римъ съ письмомъ къ сенату, въ которомъ обѣщалъ положить оружіе, если то же сдѣлаетъ Помпей; въ противномъ случаѣ объявлялъ, что намѣренъ защищать какъ себя, такъ и республику *). Въ засѣданіи сената, въ которомъ совѣщались объ этомъ предложеніи, враги Цезаря имѣли перевѣсъ; самые пылкіе говорили, и умѣренные, желавшіе отклонить, или по-крайней-мѣрѣ замедлить явный разрывъ до-тѣхъ-поръ, пока не вооружатся лучше, должны были съ ними согласиться. Итакъ согласно съ мнѣніемъ тестя помпеева Сципіона, сенатъ опредѣлилъ, чтобы Цезарь къ назначенному сроку сложилъ начальство, если не хотѣлъ быть объявленъ врагомъ республики **). Тщетно два народные трибуна, М. Антоній и Кв. Кассій, возставали противъ сего рѣшенія и противопоставляли свое veto; не обращая на нихъ вниманія, въ тъ тотъ же день сенатъ

---

*) Se nec sibi, nec reipublicae defuturum. Съ передачи этого письма въ сенатѣ Цезарь самъ начинаетъ въ первой книгѣ de bello civili разсказъ, достойный по рѣзкому сужденію о лицахъ и по тонкой скрытности видовъ партіи служить образцемъ подобнаго рода описаній.

**) Caes. de bell. siv. lib. I, cap. 2: uti ante certam diem Caesar exercitum dimittat; si non faciat, eum adversus rempublicam facturum videri.

собрался во второй разъ и сдѣлалъ опредѣленіе: Dent operam consules, praetores, tribuni plebis, quique proconsules sunt ad urbem, ne quid respublica detrimenti capiat. Это происходило 7 января 49 года, въ самое начало консульства К. Клавдія Марцелла и Л. Корнелія Лентула. Народные трибуны, вступавшіеся за Цезаря, бѣжали изъ города и именемъ народа требовали, чтобъ онъ защитилъ оскорбленный въ ихъ особѣ образъ правленія государства. Собравъ 13-й легіонъ, который одинъ при немъ и находился, онъ вышелъ къ нему въ сопровожденіи народныхъ трибуновъ и сказалъ рѣчь, изъ которой онъ самъ оставилъ намъ извлеченіе; легіонъ въ отвѣтъ воскликнулъ: sese paratos esse, Imperatoris sui tribunorumque plebis injurias defendere. Такъ-какъ все зависѣло отъ быстроты, то Цезарь нисколько не сомнѣваясь, что и прочіе легіоны послѣдуютъ примѣру 13-го, послалъ къ нимъ повелѣніе, какъ можно скорѣе идти въ Италію; самъ вечеромъ въ наемной повозкѣ выѣхалъ изъ Равенны и утромъ слѣдующаго дня прибылъ къ Рубикону, составлявшему границу его провинціи. Если Цезарь, можетъ-быть, здѣсь на минуту и задумался о томъ, идти ли ему впередъ или отступить *), то всѣ его сомнѣнія должны были исчезнуть при мысли, что, предавшись безъ защиты ненависти своихъ враговъ, онъ погибнетъ навѣрно. Словами: jacta alea esto, онъ подалъ знакъ къ переходу черезъ рѣчку, а съ тѣмъ вмѣстѣ и къ началу междоусобной войны.

Сила, съ которою Цезарь отважился вступить въ борьбу, была, судя по наружности, такъ несораз-

---

*) Sueton. Caes. cap. 31: Consecutus cohortes ad Rubiconem flumen, qui provinciae ejus finis erat, paulum constitit, ac reputans, quantum moliretur, conversus ad proximos, *Etiam nunc*, inquit, *regredi possumus; quod si ponticulum tpansierimus, omnia armis agenda erunt.*

мѣрно-велика, что враги его нисколько не сомнѣвались въ побѣдѣ. Всѣ провинціи на востокѣ находились въ рукахъ правителей, приверженныхъ къ аристократіи, и легаты помпеевы съ значительными арміями занимали Испанію и Африку. Видъ защиты государственной свободы отъ самовластія одного былъ на сторонѣ Помпея, — его окружало множество первѣйшихъ людей республики, со славою занимавшихъ высшія должности, Но послѣднее обстоятельство было для Помпея несчастіемъ; онъ не могъ управлять дѣлами и вести войну по своей волѣ и усмотрѣнію; ему должно было соображаться еще съ мнѣніемъ окружавшей его знати. Напротивъ Цезарь имѣлъ на своей сторонѣ то преимущество, что предводительствовалъ войскомъ, впродолженіе многихъ лѣтъ привыкшимъ удивляться ему, какъ отличному вождю, и безусловно повиноваться. Быстрый походъ его къ Риму показалъ, какъ неблагоразумно поступили враги его, поспѣшивъ разрывомъ; неготовый къ сопротивленію, Помпей бѣжалъ съ своею партіею въ Эпиръ, и между-тѣмъ какъ тамъ вооружался, Цезарь овладѣлъ Италіею, Сициліею, Сардиніею и Испаніею. Въ слѣдующемъ году онъ переправился въ Эпиръ и, не могши побѣдить своего соперника здѣсь, заманилъ его на равнины Ѳессаліи и тамъ при Фарсалѣ 20-го іюля разбилъ его. Онъ быстро преслѣдовалъ его до Египта, но не засталъ въ живыхъ. Помпей былъ вѣроломно умерщвленъ египетскимъ правительствомъ, и смертью его побѣда Цезаря была рѣшена, такъ-какъ аристократическая пар-

тія не имѣла теперь больше человѣка, который-бы, возвышаясь надъ всѣми, могъ соединить всѣ интересы и примирить всѣ соперничества.

При извѣстіи о переходѣ Цезаря чрезъ Рубиконъ и объ обнаруженномъ къ нему вездѣ расположеніи, сенатъ, всѣ друзья Помпея, консулы и другія правительственныя особы, всѣ бѣжали изъ Рима въ Капуу. Робость и нерѣшительность господствовали повсюду; новобранцы разбѣжались и когорты Л. Домиція, посланныя для прегражденія Цезарю пути къ Риму, перешли на его сторону и выдали своего вождя. Это происшествіе распространило между партіею Помпея такой страхъ, что она положила совсѣмъ очистить Италію и удалиться за Адріатическое Море. Цезарь, за неимѣніемъ кораблей, не могъ тотчасъ идти вслѣдъ своимъ противникамъ и также опасался оставить у себя въ тылу Испанію во власти помпеевыхъ легатовъ. Соображаясь со всѣмъ этимъ, онъ поступилъ такъ: сперва пошелъ въ Римъ, тамъ, созвавъ сенатъ изъ оставшихся въ городѣ и находившихся на его сторонѣ сенаторовъ, оправдалъ предъ нимъ свое поведеніе. Владѣя столицею, Цезарь щадилъ формы государственнаго устройства: велѣлъ претору М. Лепиду провозгласить себя диктаторомъ и въ этомъ санѣ назначилъ самого себя и П. Сервилія Исаврика консулами. Но что воля его долженствовала быть господствующею, это видно изъ того, что онъ народному трибуну Метеллу грозилъ смертью за то, что тотъ не хотѣлъ впустить его въ государственное казнохранилище. На пути въ Испанію онъ встрѣтилъ сопротивленіе въ городѣ Массиліи и долженъ былъ взять его силою, въ чемъ успѣлъ однако только послѣ продолжительной осады. Впрочемъ онъ поступилъ съ этою древнею фокейскою колоніею милостиво, какъ самъ говоритъ, болѣе изъ ува-

женія къ ея прежней славѣ, нежели потому, чтобъ она этого заслуживала. Помпеево войско въ Испаніи, подъ предводительствомъ Петрея, Афранія и Варрона, числомъ весьма превосходило цезарево, но таланты вождей его не могли равняться съ геніемъ Цезаря. Впрочемъ сначала своею нетерпѣливостью онъ поставилъ себя въ столь опасное положеніе, что многіе считали его погибшимъ, но, искусно освободившись самъ отъ опасности, онъ стѣснилъ своихъ противниковъ и принудилъ сдаться. При этомъ случаѣ онъ поступилъ съ великою кротостью, возвратилъ свободу всѣмъ генераламъ Помпея и тѣмъ изъ солдатъ, которые не хотѣли служить ему; впрочемъ большая часть ихъ вступила къ нему въ службу и такимъ-образомъ съ усиленною арміею онъ возвратился въ Римъ. Между-тѣмъ Куріонъ выгналъ приверженцевъ Помпея изъ Сициліи и переправился въ Африку, но тамъ потерпѣлъ пораженіе и самъ былъ убитъ; въ то же время въ Брундузіумѣ для Цезаря собранъ былъ флотъ, такъ-что въ началѣ 48 г. онъ могъ дѣлать приготовленія къ переправѣ въ Эпиръ, которая впрочемъ соединена была съ значительною опасностью, потому-что море находилось во власти непріятеля, а у Цезаря не было достаточнаго числа кораблей, чтобы перевезть свои войска за одинъ разъ *). Смѣлость и привержен-

---

*) Цезарь самъ описываетъ (de bell. civ. lib. III, cap. 25) непріятное положеніе свое, когда онъ самъ уже находился въ Эпирѣ, между-тѣмъ какъ большая часть его арміи стояла еще въ Брундузіумѣ. Въ такомъ затруднительномъ состояніи онъ рѣшился на 12-ти весельной лодкѣ ѣхать въ Брундузіумъ, и когда кормчій, устрашенный сильнымъ волненіемъ, не хотѣлъ на своемъ маленькомъ суднѣ пускаться въ море, то онъ произнесъ слѣдующія достопамятныя слова: τόλμα καὶ δέδιθι μηδέν. Καίσαρα φέρεις καὶ τὴν τοῦ Καίσαρος τύχην συμπλέουσαν. (т. е. Дерзай и не бойся ничего; ты везешь Цезаря и счастіе Цезаря.)

ность цезаревыхъ солдатъ побѣдили всѣ препятствія, и онъ скоро увидѣлъ вокругъ себя всю свою армію соединенною, которая хотя и была числомъ меньше непріятельской, но за-то далеко превосходила ее нравственною силою. При Диррахіумѣ оба войска долгое время стояли другъ противъ друга, и Помпей обнаружилъ здѣсь въ выборѣ и перемѣнѣ позиціи столько искусства, что Цезарь не только не могъ ничего сдѣлать, но даже въ сшибкахъ, происходившихъ близъ укрѣпленій, терпѣлъ неудачи и даже однажды былъ бы разбитъ совершенно, если бы Помпей отважился довершить побѣду *). Посему Цезарь счелъ неблагоразумнымъ долѣе держаться на берегу и искусно перевелъ свои легіоны черезъ горы въ Ѳессалію. Помпей послѣдовалъ за нимъ. Успѣшныя дѣйствія при Диррахіумѣ вдохнули въ него столько смѣлости и исполнили его партію столь несомнѣнною увѣренностью въ побѣдѣ, что Цезарь въ глазахъ ихъ казался уже въ половину погибшимъ. Итакъ когда обѣ арміи сошлись на Фарсальской равнинѣ, то Помпей охотно бы уклонился отъ рѣшительной битвы, еслибъ его не принудило къ тому неудовольствіе его партіи. Это сраженіе, послѣдовавшее 20 іюля 48 г., рѣшилось въ пользу Цезаря, и, если вѣрить его собственному показанію, съ весьма-малою потерею съ его стороны: убитыми насчитано не больше 200 рядовыхъ и 30 офицеровъ; напротивъ непріятельская армія была или истреблена, или захвачена въ плѣнъ. Помпей самъ, потерявъ разсудокъ уже во время сраженія, не пришелъ въ себя и по оконча-

---

*) По словамъ Плутарха (Caes. cap. 39) Цезарь сказалъ: Σήμερον ἂν ἡ νίκη παρὰ τοῖς πολεμίοις ἦν, εἰ τὸν νικῶντα εἶχον. (т. е. Сегодня побѣда была бы на сторонѣ непріятелей, если бы у нихъ былъ умѣющій побѣждать.)

нія его: ибо вмѣсто того, чтобы удалится на флотъ и отправиться въ Африку, гдѣ его партія имѣла еще многочисленную армію, онъ бѣжалъ въ Азію. Но здѣсь насильственные поступки его приверженцевъ возбудили всеобщую ненависть къ его партіи; посему онъ нигдѣ не нашелъ пріема, всѣ ворота были предъ нимъ заперты, такъ-что наконецъ онъ обратился въ Египетъ. Цезарь понималъ, что прежде всего ему должно захватить въ свои руки Помпея живымъ или мертвымъ *), потому онъ употребилъ на отдыхъ послѣ побѣды только два дня и тогда въ сопровожденіи незначительнаго войска погнался вслѣдъ за своимъ противникомъ. Онъ такъ спѣшилъ, что только тремя днями послѣ Помпея прибылъ въ Египетъ, но уже не нашелъ его въ живыхъ. По повелѣнію тогдашняго египетскаго правительства, желавшаго привлечь побѣдителя на свою сторону, онъ былъ вѣроломно умерщвленъ, и только-что Цезарь вступилъ въ Египетъ, какъ ему была представлена отрубленная голова его врага. Хотя правда, что Цезарь не былъ изъ чувствительныхъ людей, однако несправедливо приписываютъ слезы, пролитыя имъ при этомъ случаѣ, лицемѣрію. Онъ былъ бы совершенно-безчувственнымъ, еслибъ при видѣ блѣдной головы Помпея воспоминаніе прежней дружбы и сознаніе непрочности и непостоянства земнаго величія не могли разтрогать его до слезъ истиннаго сожалѣнія.

Дѣла египетскія впутали Цезаря въ такъ-называемую александрійскую войну. Впрочемъ онъ не пре-

---

*) Caes. de bello civ. lib. III, cap. 102; Caesar, omnibus rebus relictis, persequendum sibi Pompejum existimavit, quascumque in partes ex fuga se recepisset, ne rursus copias comparare alias et bellum renovare posset.

жде успѣлъ устроить въ Александріи все по своей волѣ, какъ по преодолѣніи сильнаго сопротивленія. Плѣненный красотою Клеопатры, возвышенной имъ на тронъ, онъ оставался въ египетской столицѣ до-тѣхъ-поръ, пока движенія въ Малой-Азіи, начатыя Фарнакомъ, сыномъ Митридата Великаго, не вызвали его оттуда. Онъ пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ, и какъ здѣсь, для прекращенія мятежа, достаточно было только скораго прибытія его, такъ своимъ явленіемъ въ Римѣ, куда возвратился въ декабрѣ 47 г., онъ подавилъ опасныя волненія въ самомъ зародышѣ.

Хотя Египетъ по имени и по наружности сохранилъ свою самостоятельность, однако въ-самомъ-дѣлѣ былъ совершенно зависимъ отъ Рима. Птоломей-Епифанъ, въ царствованіе котораго началось римское вліяніе, оставилъ двухъ сыновей, и старшій изъ нихъ *Птоломей VI Филометоръ* (181—145) наслѣдовалъ ему во власти. До 173 г. за него правила мать его Клеопатра, по смерти ея, возобновивъ притязанія на Келесирію, онъ вступилъ съ Селевкидомъ-Антіохомъ IV въ войну, въ которой былъ такъ несчастливъ, что почти весь Египетъ до самой столицы былъ завоеванъ сирійцами. Жители Александріи выгнали послѣ того Птоломея-Филометора и возвели на престолъ брата его Птоломея VII Фискона. Такъ-какъ Филометоръ между-тѣмъ бѣжалъ въ лагерь Антіоха и грозилъ дѣйствовать заодно съ сирійцами, то сестра сдѣлалась посредницею между братьями и примирила ихъ. Въ 169 г. они положили царствовать вмѣстѣ, а отъ сирійскаго царя они обратились съ просьбою защиты къ Риму, и сенатъ, чтобы положить конецъ дальнѣйшимъ успѣ-

хамъ Антіоха, отправилъ въ Египетъ Попилія Лепата. Этотъ посолъ прославился энергіею, съ которою выполнилъ свое порученіе. Онъ прибылъ въ станъ Антіоха и потребовалъ, чтобы онъ тотчасъ же очистилъ Египетъ; когда Антіохъ сталъ просить времени на размышленіе, Попилій, описавъ тростью вокругъ царя кругъ, сказалъ: Priusquam hoc circulo excedas, redde responsum, senatui quod referam *). Изумленный и устрашенный царь отвѣчалъ: Faciam, quod censet Senatus. Но едва удалились сирійцы, какъ между братьями открылся раздоръ, который доставилъ римлянамъ новый случай вмѣшаться въ дѣла Египта. Они рѣшили споръ въ 162 г. раздѣломъ царства на двѣ части, по которому Фисконъ получилъ Кирене и Ливію, а Филометоръ удержалъ за собою Египетъ и Кипръ. Въ послѣднее время своего царствованія онъ вмѣшался въ дѣла Селевкидовъ; онъ возвратилъ Димитрію II наслѣдственный престолъ и низвергнулъ Александра Баласа; но это предпріятіе стоило ему жизни. Въ сраженіи, имѣвшемъ слѣдствіемъ изгнаніе Александра, онъ былъ смертельно раненъ и умеръ въ 145 году. Послѣ сего братъ его *Птоломей VII Фисконъ* или *Евергетъ II* (145—117) снова соединилъ все царство, но правилъ съ такою жестокостію, что могъ держаться только съ помощью военнаго деспотизма и употребляя для смиренія многократно открывавшихся возмущеній самыя кровавыя мѣры. Между-тѣмъ Фисконъ былъ другъ наукъ, имѣлъ свѣдѣнія и самъ писалъ, но и въ этой части своей дѣятельности онъ, подобно Діонисію I Сиракузскому, былъ тиранъ, отнималъ рукописи, и ученыхъ, не соглашав-

---

*) Ливій, разсказывая это (lib. XLV, cap. 12), прибавляетъ: Clara ea per gentes legatio fuit, quod haud dubie ademta Antiocho Aegyptus habenti jam, redditumque patrium regnum stirpi Ptolomaei fuerat.

шихся съ нимъ, умерщвлялъ или изгонялъ. Изъ сыновей его побочный *Птоломей Апіонъ* получилъ Кирене и завѣщалъ ее въ 96 г. римлянамъ. Впрочемъ они не прежде вступили во владѣніе этою страною и обратили ее въ провинцію, какъ уже во время войны съ морскими разбойниками. Изъ законныхъ сыновей его старшій *Птоломей VIII Латиръ* (117—81) получилъ собственный Египетъ и *Птоломей IX Александръ* островъ Кипръ. Оба брата находились въ безпрерывной враждѣ между собою и попеременно выгоняли другъ друга, пока наконецъ, съ 88 г. Латиръ утвердился на престолѣ и Александръ умеръ въ изгнаніи. Сынъ его прибѣгнулъ къ покровительству Суллы, и такъ-какъ Латиръ умеръ въ то самое время, когда Сулла былъ въ Римѣ всемогущъ, то по требованію послѣдняго кліентъ его *Птоломей X Александръ II* былъ провозглашенъ царемъ Египта, и оба сына латировы должны были отказаться отъ престола. Изъ этого видно, что Египетъ находился уже въ совершенной зависимости отъ Рима и что въ рукахъ римскихъ вельможъ служилъ только средствомъ къ обогащенію, потому-что происходившіе здѣсь безпрестанные споры о престолѣ доставляли имъ случай продавать претендентамъ свою помощь. Тотчасъ по кончинѣ Суллы Птоломей X Александръ былъ изгнанъ, и сыновья латировы раздѣлили между собою царство такъ: *Птоломей XI Авлетъ* взялъ Египетъ, а братъ его Птоломей XII островъ Кипръ. Сначала римляне не признали обоихъ царей, и Птоломей Кипрскій дѣйствительно по предложенію народнаго трибуна Клодія былъ объявленъ врагомъ республики и посланнымъ противъ него Катономъ низверженъ, не оказавъ сопротивленія; онъ принялъ ядъ, и римляне присоединили островъ къ провинціи Киликіи. Между-тѣмъ Птоломей-Авлетъ, успѣвъ богатыми дарами привлечь на свою сторону римскихъ вельможъ, былъ признанъ сенатомъ.

Суммы, полученныя съ него при этомъ Цезаремъ и Помпеемъ, простирались до 40 мильйоновъ рублей. Но едва онъ почелъ себя утвержденнымъ на своемъ тронѣ, какъ изгнанный александрійцами принужденъ былъ бѣжать въ Римъ. Между-тѣмъ какъ здѣсь спорили, кому и какимъ-образомъ ввести Птоломея во владѣніе потеряннымъ царствомъ, александрійцы возвели на престолъ старшую дочь его Веренику, которая сперва сочеталась бракомъ съ Селевкомъ-Кибіозактомъ и потомъ по умерщвленіи его въ 57 г. съ Архелаемъ, сыномъ такъ же называвшагося митридатова генерала. Птоломей по этой причинѣ не могъ дождаться въ Римѣ никакого результата, потому-что никто не хотѣлъ уступить выгодъ другому, и всякій отвергалъ возвращеніе его, какъ скоро видѣлъ, что оно поручено будетъ не ему. Наскучивъ наконецъ терять здѣсь напрасно время и деньги, Птоломей отправился въ Сирію съ намѣреніемъ склонить на свою сторону правителя этой провинціи, Габинія. За огромную сумму 10,000 талантовъ, обѣщанную царемъ, Габиній не задумался рѣшиться на это предпріятіе, потому-что, имѣя столько денегъ, ему можно было не бояться ни важности сената, ни приговоровъ народа. Итакъ въ 56 г. онъ силою ввелъ царя въ Александрію, и Птоломей, для утвержденія снова возвращенной власти, предалъ казни свою дочь съ знатнѣйшими ея приверженцами. Габиній хотя и былъ за совершеніе такого важнаго дѣла противъ воли сената позванъ на судъ, но, какъ ожидалъ, подкупленными судьями объявленъ невиннымъ *). Птоломей-Авлетъ умеръ въ 51 г. Изъ четырехъ дѣтей своихъ двухъ старшихъ, тринадцати-лѣтнаго *Птоломея-Діониса* и семнадцати-лѣтнюю *Клеопатру*, онъ

*) Dio Cass. lib XXXIX, 55—63.

объявилъ наслѣдниками, приказавъ имъ сочетаться между собою бракомъ, а двухъ младшихъ Птоломея-Неотера и Арсиноэ поручилъ римскому сенату. Евнухъ Потинъ захватилъ правленіе въ свои руки, но Клеопатра, считая себя довольно-взрослою, чтобы управлять самой, скрывшись отъ его вліянія, на границахъ Сиріи собрала войско, при помощи котораго хотѣла отнять у него власть. Въ то время, какъ братъ и сестра непріязненно стояли другъ противъ друга, Помпей, разбитый при Фарсалѣ, бѣглецомъ прибылъ въ Египетъ. Мы уже упоминали, какъ вѣроломно Потинъ воспользовался довѣрчивостью несчастнаго полководца: онъ заманилъ его къ себѣ и велѣлъ умертвить, чтобы этимъ пріобрѣсть благоволеніе побѣдоноснаго Цезаря къ себѣ и къ руководимому имъ юному царю. Цезарь явился теперь рѣшителемъ спора между братомъ и сестрою. Клеопатра находилась тогда въ цвѣтѣ возраста; ея очаровательная красота плѣнила его, и Потину съ партіею Птоломея оставалось или погибнуть, или для погибели Цезаря воспользоваться благопріятною минутою, когда онъ еще не получилъ подкрѣпленій. Потину не трудно было вооружить противъ него александрійцевъ, потому-что повелительный тонъ Цезаря былъ для нихъ ненавистенъ. Они окружили занимаемую имъ часть города и осадили его въ ней. Юный Птоломей находился во власти Цезаря, а Потинъ, попавшись къ нему въ плѣнъ, былъ умерщвленъ, но александрійцы провозгласили царицею Арсиноэ и вели борьбу съ величайшимъ ожесточеніемъ. При этомъ случаѣ сгорѣла одна изъ двухъ огромныхъ библіотекъ, построенныхъ въ Александріи Птоломеями. Война воспламенилась еще болѣе, когда и Птоломей-Діонисъ успѣлъ бѣжать къ своимъ приверженцамъ, но Цезарь, хотя дѣйствительно много разъ приходилъ въ самое затруднительное положеніе и подвергался опасности

лишиться жизни, *) получилъ наконецъ подкрѣпленіе, разбилъ египтянъ, и въ болотахъ близъ Пелузіума, куда онъ загналъ своихъ непріятелей, юный Птоломей-Діонисъ лишился жизни. Послѣ эотго пораженія египтяне покорились волѣ Цезаря, и онъ возвелъ на тронъ Клеопатру, впрочемъ съ условіемъ, чтобы она вышла замужъ за своего младшаго брата Птоломея-Неотера. Сестру ея Арсиноэ онъ впослѣдствіи взялъ съ собою изъ Египта плѣнницею. Послѣ трудовъ и опасностей этоі войны Цезарь успокоился въ объятіяхъ Клеопатры и прижилъ съ нею сына Цезаріона. Извѣстіе о возстаніи и успѣхахъ Фарнака въ Малой-Азіи пробудило его наконецъ (въ 47) изъ этого усыпленія къ новой дѣятельности. Фарнакъ, сынъ Митридата Великаго, оставленный Помпеемъ во владѣніи боспоранскимъ царствомъ, принадлежавшимъ его отцу, хотѣлъ воспользоваться открывшимися теперь въ римской державѣ междоусобіями для возвращенія себѣ Понта. Выступившій противъ него цезаревъ легатъ Домицій былъ разбитъ, но когда явился самъ Цезарь, то война тотчасъ была кончена. Онъ пришелъ, увидѣлъ, побѣ-

*) Plutarch v. Caes. cap. 49: Τρίτον δὲ, περὶ τῇ Φάρῳ μάχης συνεστώσης, κατεπήδησε μὲν ἀπὸ τοῦ χώματος εἰς ἀκάτιον καὶ παρεβοήθει τοῖς ἀγωνιζόμενοις. Ἐπιπλεόντων δὲ πολλαχόθεν αὐτῷ τῶν Αἰγυπτίων, ῥίψας ἑαυτὸν εἰς εἰς τὴν θάλασσαν, ἀπενήξατο μόλις καὶ χαλεπῶς. Ὅτε καὶ λέγεται βιβλίδια κρατῶν πολλὰ, πὴ προέσθαι, βαλλόμενος καὶ βαπτιζόμενος, ἀλλ᾽ ἀνέχων ὑπὲρ τῆς θαλάσσης τά βιβλίδια, τῇ ἑτέρᾳ χειρὶ νήχεσθαι. Τὸ δ᾽ ἀκάτιον εὐθὺς ἐβυθίσθη. (т. е. Когда произошло сраженіе близъ Фароса, онъ соскочилъ съ холма въ лодку и поспѣшилъ на помощь сражающимся. Увидѣвъ же египтянъ, стремящихся къ нему со многихъ сторонъ, онъ бросился въ море и съ большимъ трудомъ едва выплылъ. Говорятъ, что онъ, имѣя въ рукѣ многія бумаги, не выпускалъ ихъ, хотя и былъ поражаемъ стрѣлами и нѣсколько разъ погружался въ море, но держалъ ихъ одною рукою надъ водой, другою же плылъ. Лодка его тотчасъ потонула).

дилъ (veni, vidi, vici), какъ самъ выражается въ лаконическомъ письмѣ, извѣщая объ этомъ, и царство Фарнака, который послѣ понесеннаго имъ пораженія былъ убитъ, подарилъ другу своему пергамцу Митридату. Собравъ въ Азіи значительныя контрибуціи, онъ съ такою скоростью отправился потомъ въ Римъ, что прибылъ туда еще въ декабрѣ 47 года, и еще во-время успѣлъ подавить опасныя волненія въ самомъ началѣ. Народные трибуны Клелій и Долабелла предложили законъ объ уничтоженіи долговъ; ихъ сторону держали всѣ расточившіе свои имѣнія и особливо М. Антоній, бывшій въ этомъ году цезаревымъ magister equitum. Такъ-какъ сенатъ и богатые воспротивились этому, то въ Римѣ открылись безпорядки. Цезарь по прибытіи прекратилъ ихъ, удовлетворивъ и той и другой сторонѣ: именно, установилъ таксу на недвижимыя имѣнія, которыя чрезвычайно понизились въ цѣнѣ. Онъ встрѣтилъ какъ въ сенатѣ, такъ и въ народѣ готовность исполнять и переносить всѣ повелѣнія его и требованія. Кромѣ множества почестей, назначенныхъ ему по опредѣленію сената, онъ получилъ право заключать миръ и объявлять войну.

Въ то время, какъ Цезарь медлилъ въ Египтѣ, противники его собрали снова значительныя силы въ Африкѣ, подъ начальствомъ тестя помпеева, Сципіона; Катонъ, отказавшись отъ предложенной ему военачальнической власти, жилъ въ Утикѣ комендантомъ города. Цезарь, какъ скоро высадился (въ 46 г.) на берега Африки, поспѣшилъ рѣшить дѣло и въ битвѣ при Тапсѣ онъ обязанъ храбрости своихъ войскъ столь же рѣшительною побѣдою, какъ и при Фарсалѣ. Главнѣйшіе враги его не пережили этого

пораженія, а тѣ, которые не имѣли духа умереть, были по-крайней-мѣрѣ политически уничтожены. Не смотря на то, Цезарь долженъ былъ выдержать еще третью войну въ Испаніи, гдѣ вокругъ сыновей Помпея собрались послѣдніе остатки его партіи. Эта послѣдняя борьба была самая упорная, но наконецъ побѣдою при Мундѣ кончилась въ пользу Цезаря.

Въ то самое время, какъ Цезарь готовился къ выступленію въ Африку, легіоны его, ожидавшіе себѣ больше наградъ, нежели сколько получили, возмутились. Они думали, что онъ не можетъ безъ нихъ обойдтись и что поэтому, отказавши ему въ повиновеніи, могутъ все вынудить у него. Но великій характеръ Цезаря не могъ низойдти до такой зависимости, и такъ, когда солдаты потребовали отставки, онъ съ видимымъ спокойствіемъ и равнодушіемъ тотчасъ согласился, присовокупивъ, что онъ выдастъ имъ всѣ обѣщанныя награды, чтобы не показаться неблагодарнымъ передъ тѣми, которые столь долго раздѣляли съ нимъ всѣ опасности, хотя теперь и оставляютъ его, но что онъ это исполнитъ не прежде, какъ по окончаніи войны въ Африкѣ, куда отправится съ другими войсками. Цезарь зналъ, какъ должно управлять и повелѣвать умами людей: его твердость привела солдатъ въ изумленіе, его равнодушіе опечалило ихъ, и они тотчасъ послали къ нему депутатовъ и съ раскаяніемъ просили, чтобъ онъ простилъ ихъ и опять принялъ въ свою службу. Цезарь сначала отказалъ и уже послѣ второй просьбы удостоилъ ихъ снова своей милости. Хотя войско сципіоново далеко превосходило въ числѣ цезарево, однако, не смотря на то, Цезарь, полагаясь на превосходство своей арміи въ храбрости и искусствѣ, искалъ

битвы *). Она произошла при Тапсѣ и кончилась совершеннымъ уничтоженіемъ помпеевой партіи въ Африкѣ. Главы ея по большей части прекратили свою жизнь самоубійствомъ, и спокойнѣе и хладнокровнѣе всѣхъ Катонъ. Онъ лишилъ себя жизни въ Утикѣ, слѣдуя правилу языческой древности, что тому, кто не можетъ съ честью жить, ничего больше не остается, какъ съ честью умереть **). Изъ захваченныхъ въ плѣнъ Цезарь многихъ велѣлъ умертвить, считая необходимымъ показать примѣръ строгости, такъ и потому, что между ними находились нѣсколько такихъ, которымъ онъ одинъ разъ уже даровалъ жизнь. Пользуясь этою побѣдою, Цезарь собралъ также значительныя суммы денегъ, обратилъ въ римскую провинцію

---

*) Какимъ духомъ были исполнены цезаревы ветераны, видно изъ слѣдующей сцены, описанной Гирціемъ въ его comment. de bello Afric. cap. 44 и 45. При переправѣ въ Африку одинъ корабль, на которомъ находился центуріонъ съ нѣсколькими ветеранами и новобранцами, былъ захваченъ непріятелями. Плѣнники были представлены Сципіону, который, ласково принявъ ихъ и предполагая, что они служили Цезарю изъ принужденія, требовалъ, чтобы они объявили это передъ войскомъ. Тогда центуріонъ, выступивъ впередъ, сказалъ: Pro tuo summo beneficio, Scipio, tibi gratias ago (non enim imperatorem te appello), quod mihi vitam incolumitatemque, belli jure capto, polliceris et forsan isto uterer beneficio, si non ei summum scelus adjungeretur. Egone contra Caesarem, imperatorem meum, apud quem ordinem duxi, ejusque exercitum, pro cujus dignitate victoriaque amplius sex et triginta annis depugnavi, adversus armatusque consistam? Neque ego id facturus sum et te magnopere, ut de negotio desistas, adhortor. Contra cujus enim copias contendas, si minus antea expertus es, licet nunc cognoscas. Elige ex tuis cohortem unam, quam putas esse firmissimam, et constitue contra me; ego autem ex meis commilitonibus, quos nunc in tua tenes potestate, non amplius decem sumam; tunc ex virtute nostra intelliges, quid ex tuis copiis sperare debeas.

**) Sophocl. in Ajac. vs. 480: Ἀλλ' ἢ καλῶς ζῆν, ἢ καλῶς τεθνηκέναι τὸν εὐγενῆ χρή.
(т. е. Благородный долженъ или честно жить, или честно умереть).

царство нумидійскаго царя Юбы, бывшаго на сторонѣ его враговъ *), и обложилъ всѣ африканскіе города тяжкими контрибуціями. Свое возвращеніе въ Римъ онъ торжествовалъ четырехдневнымъ тріумфомъ (надъ Галліею, Египтомъ, Понтомъ и Нумидіею) и забавлялъ народъ играми, которыя были началомъ дорогихъ и утонченныхъ увеселеній времени императоровъ: онъ велѣлъ для удовольствія народа спустить въ циркѣ 400 львовъ и 50 слоповъ. Онъ былъ избранъ на слѣдующій (45) годъ въ консулы и въ то же время на десять лѣтъ въ диктаторы. Цезарь обыкновенно принималъ тогда консульство только для того, чтобы уступить его другому, кого онъ хотѣлъ этимъ обязать. Но это достоинство не имѣло теперь другаго значенія, кромѣ того, что доставляло имѣвшему его, хотя и на короткое время, титулъ и права консулярной особы **). Впрочемъ Цезарь, по возвращеніи изъ Африки, не долго наслаждался спокойствіемъ; уже спустя четыре

---

*) Сынъ царя Юбы, также называвшійся Юбою, былъ отведенъ плѣнникомъ въ Римъ, образовался здѣсь и сдѣлался однимъ изъ ученѣйшихъ писателей древности. Plut. Caes, cap. 55: Τότε καὶ Ἰόβας, κομιδῆ νήπιος, ἐν τῷ θριάμβῳ παρήχθη, μακαριωτάτην ἁλοὺς ἅλωσιν, ἐν βαρβάρου καὶ Νομάδος Ἑλλήνων τοῖς πολυμαθεστάτοις ἐνάριθμος γενέσθαι συγγραφεῦσι. (т. е. Въ то время и Юба, еще въ дѣтскомъ возрастѣ, былъ веденъ въ тріумфѣ, попавшись впрочемъ въ счастливѣйшій плѣнъ, потому-что этимъ изъ варвара и номада онъ сдѣлался однимъ изъ ученѣйшихъ писателей грековъ).

**) Такъ напримѣръ, когда въ послѣдній день 45 г. консулъ Фабій Максимъ умеръ, то на остатокъ дня Цезарь назначилъ въ консулы Каninія Ребила, такъ-что Цицеронъ шедшимъ поздравлять его сказалъ: Σπεύδωμεν, πρὶν φθάσῃ τῆς ὑπατείας ἐξελθὼν ὁ ἄνθρωπος. (т. е. Поспѣшимъ, чтобы онъ не предупредилъ насъ, оставивъ консульство.) Въ одномъ письмѣ къ Курію (epp. ad. div. lib. VII, ep. 30) онъ выражается объ этомъ эфемерномъ консулѣ такъ: Caninio consule scito neminem prandisse. Nihil tamen eo cousule mali factum est, fuit enim mirifica vigilantia, qui suo toto consulatu somnum non viderit. Haec tibi ridicula videntur, non enim ades; quae si videres, lacrymas non teneres.

мѣсяца онъ долженъ былъ спѣшить въ Испанію, гдѣ Кней и Секстъ, сыновья помпеевы, начали собирать грозныя силы. Во время африканской войны многіе города южной Испаніи согласились принять къ себѣ гарнизоны партіи Помпея, вытѣсненные изъ Африки; съ ними соединились нѣкоторые легіоны, отказавшіе легатамъ Цезаря въ повиновеніи и страшившіеся теперь наказанія. Предводителями возстанія выступили сыновья Помпея; подъ ихъ же знаменами стеклись отважнѣйшіе и опытнѣйшіе офицеры уничтоженной при Тапсѣ арміи, которые успѣли избѣжать смерти. Цезарь долженъ былъ самъ отправиться въ Испанію и употребить всю свою дѣятельность и энергію, чтобъ рѣшить въ свою пользу эту послѣднюю и вмѣстѣ самую упорную и отчаянную борьбу. Въ мартѣ 45 г. онъ далъ своимъ противникамъ сраженіе при Мундѣ. При первомъ нападеніи войска его были отражены и приведены въ безпорядокъ; Цезарь соскочилъ съ коня и пѣшій самъ повелъ своихъ ветерановъ въ битву, но и этимъ отчаяннымъ усиліемъ онъ не выигралъ бы побѣды, еслибъ въ то же время не велѣлъ нумидійской конницѣ напасть на непріятельскій лагерь; это движеніе произвело разстройство въ рядахъ непріятелей, потому-что многіе для сохраненія своего имущества оставили боевую линію. Только пользуясь этимъ обстоятельствомъ, Цезарь успѣлъ наконецъ рѣшить это убійственное сраженіе въ свою пользу. Изъ сыновей Помпея старшій Кней былъ въ бѣгствѣ настигнутъ и убитъ, а младшій Секстъ спасся и скрывался до самой смерти Цезаря, когда снова явился на политическомъ поприщѣ и еще разъ игралъ важную роль. Съ марта до конца сентября Цезарь прожилъ въ Испаніи, привелъ въ порядокъ дѣла этой страны и также и здѣсь заперъ для помпеевой партіи всѣ мѣста, гдѣ бы она могла еще держаться.

Буря, впродолженіе четырехъ лѣтъ потрясавшая міръ, казалось, теперь стихла, и Цезарь могъ надѣяться, что по возвращеніи въ Римъ ничто не воспрепятствуетъ ему совершенно предаться своимъ великимъ предначертаніямъ, для исполненія которыхъ въ его распоряженіи находились всѣ средства обладающей полміромъ республики. Впрочемъ впечатлѣніе, произведенное его торжественнымъ въѣздомъ въ Римъ, должно бы было сдѣлать его внимательнѣе къ своему положенію и внушить болѣе предосторожности; ибо многіе римляне съ мрачными лицами смотрѣли на этотъ тріумфъ надъ сыновьями Помпея, и ненависть къ нему возрастала тѣмъ быстрѣе, чѣмъ больше презрѣніемъ республиканскихъ формъ и явнымъ стремленіемъ къ царскому титулу онъ раздражалъ ревностныхъ приверженцевъ республики. Хотя положеніе и стремленіе Цезаря были согласны съ обстоятельствами времени, однако и то, и другое ставило его въ совершенный контрастъ съ характеромъ, исторіею, законами и литературою римской націи, и многіе думали, что для возвращенія республикѣ прежняго состоянія нужно только низвергнуть его. Такимъ-образомъ въ головѣ нѣсколькихъ ослѣпленныхъ энтузіастовъ созрѣлъ планъ умерщвленія Цезаря, который въ мартовскія иды 44 года и былъ исполненъ.

По окончаніи междоусобной войны Цезарь принялъ названіе пожизненнаго диктатора, допустилъ раболѣпно покорный сенатъ воздавать себѣ самыя несоразмѣрныя почести и стремился явно присоединить къ доста-

вленной ему оружіемъ монархической власти и имя, и знаки ея. Онъ велъ себя совершенно какъ монархъ: сенатъ долженъ былъ превратиться въ его совѣтъ; друзей своихъ онъ хотѣлъ сдѣлать министрами, а правительственныхъ особъ своими чиновниками, и отъ всего республиканскаго оставить только одно названіе и форму. Между многими великими предначертаніями Цезаря, имѣвшими цѣлію улучшеніе государственнаго быта, особенно-замѣчательно произведенное имъ *исправленіе календаря.* Древній римскій календарь былъ уже самъ по себѣ невѣренъ; лунный годъ Нумы, состоявшій изъ 355 дней, не совсѣмъ соотвѣтствовалъ солнечному теченію, и жрецы, на которыхъ возложена была обязанность поправлять календарь, тѣмъ больше допускали произвольныхъ прибавленій, чѣмъ больше впродолженіе времени и по недостатку надлежащихъ свѣдѣній въ него вкралось ошибокъ. Къ тому-жь присоединилось и то, что въ послѣднія времена республики въ угодность той или другой партіи были прибавлены цѣлые мѣсяцы. Посему гражданскій годъ такъ мало согласовался съ астрономическимъ, что при Цезарѣ новый годъ начинался съ осенняго равноденствія, вмѣсто зимняго солнцестоянія. Итакъ только радикальное исправленіе могло положить конецъ этой запутанности, и Цезарь предпринялъ оное съ помощью астронома Созигена, призваннаго имъ изъ Александріи. Лунный годъ былъ перемѣненъ въ солнечный, и календарь вычисленъ и приведенъ въ порядокъ съ точностію, какая только возможна была при тогдашнемъ состояніи наукъ. Однако, не смотря на то, при вычисленіи нѣчто было не досмотрено, такъ-что въ продолженіе полуторы тысячи лѣтъ юліанскій календарь десятью днями отсталъ отъ астрономическаго и слѣдовательно имѣлъ нужду въ новомъ исправленіи. При этихъ полезныхъ занятіяхъ Цезарь не забывалъ и

войны, и составилъ планъ похода противъ пареянъ, который долженствовалъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ открытіемъ новыхъ неизвѣстныхъ странъ. Но исполненіе этого исполинскаго предпріятія не было ему суждено. Смотря на несоразмѣрныя почести, опредѣленныя Цезарю сенатомъ, нельзя удержаться отъ мысли, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно въ предложенныхъ Цицерономъ, скрывалось что-то ироническое, или, можетъ-быть, важнѣйшее намѣреніе сдѣлать его ненавистнымъ. Флоръ весьма-хорошо выражаетъ эту мысль, говоря, что такими знаками почестей Цезаря украшали какъ жертву, назначенную на закланіе *). Какъ сильна была партія нетерпѣвшихъ монархической власти — это показала междоусобная война. Цезарь пощадилъ большую часть своихъ враговъ и въ благородной увѣренности, что они не будутъ неблагодарны и поймутъ, что для государства полезнѣе всего, если онъ удержитъ верховную власть, не окружалъ себя тѣлохранителями. Но явнымъ стремленіемъ къ полученію имени царя онъ коснулся самой нѣжной струны національнаго характера римлянъ; все, что еще оставалось отъ республиканской гордости, возстало при мысли о царѣ, и эти элементы долженствовали быть для Цезаря тѣмъ опаснѣе, что они господствовали между его друзьями и въ кругу приближеннѣйшихъ къ нему особъ. Около 57 аристократовъ пристали къ К. Кассію и къ обоимъ Брутамъ, Марку и Дециму, для освобожденія государства, какъ они выражались, отъ тиранніи Цезаря. Когда Цезарь сталъ наконецъ принимать сенатъ сидя, и когда узнали, что онъ потребовалъ себѣ царскаго достоинства внѣ предѣловъ Италіи, считая за нужное

---

*) Flor. lib. IV, cap. 2: Quae omnia, velut infulae, in destinatam morti victimam congerebantur.

для предстоявшаго похода противъ пароянъ и для прочнаго утвержденія своего вліянія на востокѣ имѣть царскую власть, то заговорщики положили убить его непремѣнно. Но въ жару изступленія они заботились только объ одномъ совершеніи этого дѣла, а что должно быть послѣ, о томъ никто и не думалъ. Цезаря предостерегали со многихъ сторонъ, но онъ полагался на свое счастіе; вѣруя въ фатализмъ — обыкновенное свойство великихъ людей — онъ пренебрегъ всякою предосторожностью, будучи убѣжденъ, что не умретъ прежде назначеннаго времени, и что если часъ его насталъ, то никакая человѣческая предусмотрительность не можетъ его отвратить. Въ самый день его умерщвленія, въ мартовскія иды (15 ч.) 44 г., когда онъ шелъ въ курію, нѣкто подалъ ему письмо, въ которомъ означены были намѣреніе и имена заговорщиковъ, но онъ не читавъ положилъ его въ карманъ *). Вошедши въ сенатъ, едва только онъ занялъ свое мѣсто, какъ заговорщики подъ видомъ подкрѣпленія просьбы Туллія Цимбра о помилованіи его брата обступили его со всѣхъ сторонъ, и когда онъ отказалъ имъ, то Каска первый нанесъ ему сзади ударъ кинжаломъ въ затылокъ, за нимъ извлекли свои кинжалы и прочіе заговорщики. Цезарь, видя неизбѣжную смерть, завернулся въ плащъ и, не сказавъ ни слова, не сдѣлавъ ни малѣйшаго движенія къ своей защитѣ, принялъ двадцать три удара и палъ бездыханный **).

---

*) Плутархъ (Caes. cap. 63) разсказываетъ, что Цезарь при входѣ въ курію, обратившись къ одному предвѣщателю, который предостерегалъ его отъ мартовскихъ идъ, сказалъ: Αἱ μὲν δὴ Μάρτιαι Εἰδοὶ πάρεισιν. (т. е. Вѣдь мартовскія иды уже наступили) и тотъ отвѣчалъ ему: Ναὶ πάρεισιν, ἀλλα᾽ οὐ παρεληλύθασι. (т. е. Да, наступили, но не прошли.)

**) Самое простое и достовѣрное описаніе умерщвленія Цезаря находится у Светонія (in Caes. cap. 82): Utque animadvertit, undique

Умерщвленіе Цезаря было для Рима великимъ несчастіемъ: ибо тотчасъ оказалось, какъ ошиблись изступленные республиканцы, думая, что, низвергнувъ Цезаря, они тотчасъ возстановятъ и всѣ прежнія формы устройства государства. Дѣло было совершено такъ необоуманно, что заговорщики по исполненіи его не знали сами, что́ имъ дѣлать. Сенатъ, бывшій свидѣтелемъ убійства, въ ужасѣ разбѣжался изъ куріи, народъ заперся въ домахъ и при провозглашеніи свободы нисколько не показалъ энтузіазма, какъ они того ожидали. Но законная правительственная власть была въ рукахъ М. Лепида, начальника всадниковъ, и М. Антонія, товарища цезарева по консульству. Итакъ заговорщики вооружили рабовъ и гладіаторовъ и заняли Капитолій; Лепидъ напротивъ ввелъ въ городъ войска, которымъ Цезарь назначилъ постоянныя квартиры на одномъ изъ островов Тибра. Безпорядки и анархія увеличились еще болѣе, когда Антоній при погребеніи Цезаря сильною рѣчью и чтеніемъ цезарева завѣщанія до того раздражилъ народъ, что онъ угрожалъ сжечь домы убійцъ. Въ этотъ критическій моментъ, когда междоусобная война повидимому должна была открыться въ самомъ городѣ, явился посредникомъ Цицеронъ

---

se strictis pugionibus peti, toga caput obvolvit; simul sinistra manu sinum ad ima crura deduxit, quo honestius caderet, etiam inferiore corporis parte velata. Atque ita tribus et viginti plagis confossus est, uno modo ad primum ictum gemitu sine voce edito. Etsi tradiderunt quidam, M. Bruto irruenti dixisse: καὶ σὺ εἶ ἐκείνων, καὶ σὺ τέκνον. (т. е. И ты изъ нихъ, и ты, дитя мое!)

и своими усиліями успѣлъ доставить государству на короткое время успокоеніе. Послѣ того, чтобы ослабить Антонія, Цицеронъ возвысилъ внука цезарева, усыновленнаго и объявленнаго имъ наслѣдникомъ, *К. Октавія* *): но этотъ молодой человѣкъ не допустилъ, какъ того надѣялся Цицеронъ, управлять собою, какъ страдательнымъ орудіемъ, напротивъ, утвердивъ свое положеніе въ государствѣ и вмѣстѣ съ наслѣдствомъ и именемъ Цезаря принявъ на себя обязанность отмстить за смерть своего названнаго отца, онъ естественно соединился съ старыми друзьями его, Антоніемъ и Лепидомъ, противъ его убійцъ. Такимъ-образомъ вслѣдствіе этихъ запутанныхъ отношеній снова возникли обѣ партіи, которыя уже однажды рѣшили оружіемъ свое дѣло: партія древняго образа правленія, подъ предводительствомъ Брута и Кассія, и партія преобразованія государства, къ исполненію чего между М. Антоніемъ, М. Лепидомъ и Цезаремъ Октавіаномъ, какъ назывался К. Октавій по своемъ усыновленіи, составился новый тріумвиратъ.

Постоянною политикою Цицерона было подчинять выгоды партіи выгодамъ государственнымъ. Во время кризиса, предшествовавшаго междоусобной войнѣ ме-

---

*) Юлія, сестра Цезаря, въ замужствѣ за М. Атціемъ Балбомъ имѣла дочь *Атцію*, которая слѣд. была Цезарю племянница; она вышла замужъ за К. Октавія и 22-го сентября 63 года родила К. Октавія (M. Tullio Cicerone et Antonio consulibus IX Kal. octobres), котораго Цезарь усыновилъ и назначилъ своимъ наслѣдникомъ. Юный Октавій до смерти Цезаря жилъ въ Аполлоніи. См. Sueton Octav. Aug. cap. 1—9.

жду Цезаремъ и Помпеемъ, онъ былъ намѣстникомъ въ Киликіи; изъ этой провинціи, которою онъ управлялъ образцово, онъ возвратился въ Римъ въ то самое время, когда все предвѣщало близость войны, и употребилъ всѣ усилія для отвращенія этого несчастія. Но ни его предостереженія, ни примирительныя предложенія, ни убѣдительныя слова: Nihil esse bello civili miserius, не могли остановить неизбѣжное зло, и прежде, нежели онъ объявилъ, какой стороны намѣренъ держаться, Цезарь выступилъ уже противъ Рима, и Помпей принужденъ былъ оставить Италію. Цицеронъ остался въ Римѣ, колеблясь между обѣими партіями, пока Цезарь не вступилъ въ городъ. Тогда считая дальнѣйшее медленіе объявленіемъ для себя опаснымъ, а неутралитетъ недостойнымъ, онъ согласно съ постоянными своими доселѣ правилами присталъ къ Помпею и не оставлялъ его до Фарсальской битвы, впрочемъ не принимая непосредственнаго участія въ событіяхъ. Онъ показывалъ даже нѣкоторую холодность, такъ-что приверженцы Помпея стали смотрѣть на него съ недовѣрчивостью, и безъ заступленія Катона онъ навѣрно сдѣлался бы жертвою ихъ подозрительности. Естественно это ускорило его переходъ на сторону Цезаря; впрочемъ онъ сколько возможно удалялся отъ государственныхъ дѣлъ и жилъ въ своемъ тускуланскомъ помѣстьи, и этому досугу мы обязаны нѣкоторыми изъ превосходнѣйшихъ его философскихъ сочиненій. Умерщвленіе Цезаря вызвало его еще разъ на сцену исторіи; согласно съ своею политикою и характеромъ онъ явился посредникомъ между обѣими партіями и рѣчью de pace, которой главныя положенія сохранены Діономъ Кассіемъ, убѣдилъ объявить амнистію, и раздѣленіемъ провинцій удовлетворить обѣ стороны. Но это примиреніе было только на время. Уже въ апрѣлѣ и маѣ Антоній ѣздилъ по Италіи и

вступалъ въ связи съ поселенными здѣсь цезаревыми ветеранами. Послѣ этого они въ такомъ множествѣ собрались въ городѣ и его окрестностяхъ, что Брутъ, Кассій и прочіе убійцы Цезаря, не считая болѣе свое пребываніе въ Римѣ безопаснымъ, оставили городъ и такимъ-образомъ очистили Антонію поле, который теперь повелѣлъ сенату дать силу законовъ всѣмъ распоряженіямъ Цезаря, какъ тѣмъ, которыя онъ сдѣлалъ еще при жизни, такъ и тѣмъ которыя можетъ-быть найдутся послѣ его смерти. Такъ-какъ онъ взялъ всѣ бумаги Цезаря къ себѣ на разсмотрѣніе, то, опираясь на опредѣленіи сената, могъ дѣлать какія угодно учрежденія, подъ предлогомъ, что такъ найдено въ бумагахъ Цезаря. Цицеронъ горько жалуется на это, говоря, что хотя царь и умеръ, однако, не смотря на то, государство все еще должно выполнять всѣ его мановенія *). Итакъ въ оппозицію Антонію Цицеронъ старался возвысить внука цезарева, девятнадцати-лѣтняго Октавія, который въ сентябрѣ прибылъ въ Римъ: онъ надѣялся, пользуясь вліяніемъ юнаго Цезаря на народъ и на ветерановъ его названнаго отца, низвергнуть Антонія, а потомъ низложить и его. Но Цицеронъ, разсчитывая въ своемъ планѣ на незначительность Октавія, упустилъ изъ виду то, что этотъ юноша, не смотря на свою молодость, былъ человѣкъ, который не позволитъ употреблять себя, какъ машину. Дѣла находились въ такомъ положеніи: Антоній, чтобы быть близъ города, взялъ себѣ провинцію Цизальпинскую Галлію, хотя Децимъ Брутъ, которому она сначала была назначена, вступилъ уже въ управленіе

---

*) Cic. epp. ad. div. lib. XII, ep. 1. Людей, возвышенныхъ вслѣдствіе оставленныхъ Цезаремъ распоряженій, въ насмѣшку называли *Orcinos* или Χαρωνῖτας. *Plut.* Anton. cap. 15. *Sueton.* Octav. Aug. cap. 35.

ею; въ то же время онъ настоялъ, чтобы Македонія отдана была брату его Кайю и другу Долабеллѣ Сирія, желая такимъ-образомъ соединить въ своихъ рукахъ всю военную силу государства. Брутъ и Кассій вооружались на востокѣ, между-тѣмъ какъ Антоній выступилъ въ Цизальпинскую Галлію съ цѣлію выгнать оттуда Децима Брута оружіемъ; но часть войска и особенно ветераны оставили его и пристали къ Октавію, и послѣдній, не облеченный никакою должностію и находясь въ такомъ возрастѣ, когда еще не могъ занимать государственныхъ мѣстъ, сдѣлался предводителемъ войска. При такихъ угрожающихъ обстоятельствахъ начался 43-й годъ, на который А. Гирцій и Вибій Панза были избраны консулами. Такъ-какъ Антоній осаждалъ въ городѣ Мутинѣ Дец. Брута, то Цицеронъ сильными рѣчами, названными имъ самимъ филиппиками, убѣдилъ сенатъ объявить Антонія врагомъ республики и поручить обоимъ консуламъ вмѣстѣ съ юнымъ Октавіемъ, который былъ облеченъ пропреторскою властію, вести противъ него войну. Антоній хотя и былъ послѣ того при Мутинѣ разбитъ и принужденъ къ бѣгству въ Трапзальпинскую Галлію, однако и оба консула, опасно-раненые, недолго пережили побѣду, и смерть ихъ произвела въ положеніи дѣлъ существенную перемѣну. Между-тѣмъ какъ Антоній, удалившись въ Транзальпинскую Галлію и склонивъ тамъ на сторону армію Лепида, выступилъ снова, предводительствуя 17-ю легіонами, сенатъ прервалъ связи съ Октавіемъ. Сенатъ, думая, что теперь самое благопріятное время лишить его власти, возвысилъ цезаревыхъ убійцъ и враговъ. Брутъ и Кассій были утверждены въ назначенныхъ имъ провинціяхъ, и Сексту Помпею, оставившему убѣжище, въ которомъ онъ скрывался со времени мундской битвы, вручено главное начальство надъ морскими силами. Но Октавій былъ не

такой человѣкъ, чтобы позволилъ безъ дальнѣйшаго спора удалить себя: онъ потребовалъ отъ сената консульства и предложилъ это требованіе чрезъ военную депутацію. Когда сенатъ отказалъ, то центуріонъ, бывшій главою посольства, ударивъ объ свой мечъ, воскликнулъ: Hic faciet, si vos non feceritis. И эта угроза была исполнена: Октавій двинулся къ Риму, и сенатъ для примиренія съ нимъ долженъ былъ вручить ему консульство и во всемъ подчиниться его волѣ. По полученіи отъ народа подтвержденія своему усыновленію и по принятіи имени *К. Юлія Цезаря Октавіана* первымъ дѣломъ его было розыскиваніе судебнымъ порядкомъ убійцъ своего отца и призваніе ихъ къ суду; когда, разумѣется, никто изъ нихъ не явился, то они были осуждены. Но такъ-какъ исполнить этотъ приговоръ возможно было только вооруженною рукою, то нѣтъ ничего естественнѣе, что Цезарь Октавіанъ сблизился съ друзьями своего отца, Антоніемъ и Лепидомъ, и началъ за одно съ ними дѣйствовать противъ его убійцъ. Недалеко отъ Болоньи, на небольшомъ островкѣ, отъ котораго теперь не осталось и слѣдовъ, потому-что мелкія рѣчки здѣсь почти ежегодно перемѣняютъ свое русло, произошло примѣчательное свиданіе этихъ трехъ мужей; уже здѣсь главными лицами были Антоній и Цезарь, а Лепидъ принялъ на себя только роль посредника. Послѣ двухдневныхъ переговоровъ 27 ноября 43 г. они заключили союзъ, вслѣдствіе котораго подъ именемъ Triumviri reipublicae constituendae consulari potestate самовольно присвоили себѣ высшую государственную власть и тотчасъ воспользовались ею для раздѣленія между собою провинцій.

Проскрипціями богатыхъ и республиканцевъ тріумвиры доставили себѣ средства, чѣмъ удовлетворить солдатъ и покрыть военныя издержки; между-

тѣмъ какъ ихъ противники, чтобы быть въ состояніи выставить большое войско, прибѣгли къ столь же насильственнымъ мѣрамъ на востокѣ. Переходъ республиканскаго войска изъ Азіи въ Европу заставилъ также и тріумвировъ оставить Италію; рѣшеніе последовало въ Македоніи при Филиппахъ въ двухъ сраженіяхъ, и нельзя не удивляться странной игрѣ судьбы: въ первомъ для республиканской арміи была такъ же пагубна побѣда, какъ во второмъ — пораженіе. Со смертію обоихъ вождей и вся республиканская партія разсѣялась.

Тріумвиры схватились за страшное орудіе — проскрипціи, не только для того, чтобы собрать денегъ, но также, чтобы освободиться отъ всѣхъ враговъ и многихъ малодушныхъ и двусмысленныхъ друзей. Въ проскрипціонные листы, составленные предварительно, были внесены имена 300 сенаторовъ, 2,000 богатыхъ, особенно всадниковъ, и весьма-многихъ изъ прочихъ сословій; для доказательства взаимной искренности, каждый изъ тріумвировъ въ то же время пожертвовалъ для другаго однимъ изъ своихъ родственниковъ или друзей, Антоній своимъ дядею — Луціемъ, Лепидъ — братомъ Павломъ и Цезарь Октавіанъ — Цицерономъ, которому былъ обязанъ первымъ своимъ возвышеніемъ. По вступленіи въ Римъ тріумвиры заставили народъ подтвердить за собою похищенную власть и обнародовали манифестъ, въ которомъ старались оправдать свое поведеніе. Вмѣстѣ съ манифестомъ явились и проскрипціонные списки и начались убійства солдатъ, какихъ міръ доселѣ еще не видалъ. Можетъ ли что лучше и короче характеризовать всѣ ужасы свирѣпствовавшаго тогда въ Римѣ терроризма, какъ

эдиктъ, которымъ подъ страхомъ смертной казни запрещалось плакать и носить трауръ? Въ числѣ жертвъ этого страшнаго времени погибъ и Цицеронъ, умерщвленный 7 декабря 43 года въ своемъ помѣстьи *). Между-тѣмъ собранныхъ проскрипціями имѣній не было достаточно для удовлетворенія солдатъ и для военныхъ издержекъ, особенно когда Антоній, который и прежде велъ расточительную жизнь, не зналъ теперь въ своихъ тратахъ ни мѣры, ни цѣли. Поэтому тріумвиры принуждены были не только издать новую проскрипцію, но и наложить неслыханныя подати; они потребовали отъ каждаго богатаго весь годовой доходъ его и пятидесятую часть всего имѣнія; кромѣ-того разграбили храмы, такъ-что священнѣйшій въ Римѣ храмъ Весты не былъ больше безопаснымъ хранилищемъ положенныхъ въ немъ денегъ. Брутъ и Кассій, вожди республиканской партіи, къ которымъ бѣжали всѣ спасшіеся отъ тріумвирскихъ проскрипцій, въ то же время съ такими же насиліями вооружались на

*) Въ книгѣ II. гл. 66 *Веллейя Патеркула* находится слѣдующее прекрасное мѣсто объ умерщвленіи Цицерона: Nihil tam indignum eo tempore fuit, quam quod Cicero proscriptus est, abscissaque scelere Antonii vox publica est, cum ejus salutem nemo defendisset, qui per tot annos et publicam civitatis et privatam civium defenderat. Nihil tamen egisti, M. Antoni (cogit enim excedere propositi formam operis erumpens animo ac pectore indignatio), nihil inquam egisti mercedem coelestissimi oris et clarissimi capitis abscissi numerando, auctoramentoque funebri ad conservatoris quondam reipublicae tantique consulis irritando necem. Rapuisti tu M. Ciceroni lucem sollicitam et vitam miseriorem te principe, quam sub te triumviro mortem; famam vero gloriamque factorum atque dictorum adeo non abstulisti, ut auxeris. Vivit vivetque per omnium seculorum memoriam. Dumque hoc vel forte vel providentia vel utcumque constitutum rerum naturae corpus, quod ille poene solus Romanorum animo vidit, ingenio complexus est, eloquentia illuminavit, manebit incolume, comitem aevi sui laudem Ciceronis trahet, omnisque posteritas illius in te scripta mirabitur, tuum in eum factum execrabitur, citiusque in mundo genus humanum, quam hujus nomen cadet.

востокѣ. Брутъ производилъ ужасныя притѣсненія въ Ликіи, истребилъ городъ Ксантъ со всѣмъ его народонаселеніемъ, между-тѣмъ какъ Кассій рушилъ благосостояніе торговой республики Родоса за то, что осторожные родосцы хотѣли не прежде, какъ по окончаніи войны, объявить, чьей стороны намѣрены держаться, и только побѣдителю открыть свои кошельки. При извѣстіи о переходѣ республиканскаго войска въ Европу въ 42 г., Антоній съ Цезаремъ тотчасъ выступили въ Грецію и товарища своего Лепида оставили въ Римѣ. Они хотѣли сперва преградить своимъ противникамъ дорогу въ Македонію, но когда они нашли себѣ другіе проходы, то при Филиппахъ послѣдовали два рѣшительныя сраженія. Первое выиграли республиканцы и они могли бы сдѣлать свою побѣду рѣшительною, если бы Кассій, обманутый своею близорукостью, считая все потеряннымъ, съ отчаянія не лишилъ себя жизни. Его смерть по своему нравственному дѣйствію превратила побѣду республиканцевъ въ полупораженіе; во второмъ сраженіи, данномъ чрезъ двадцать дней, Антоній и Цезарь Октавіанъ остались побѣдителями. Брутъ также прекратилъ свою жизнь самоубійствомъ; его войско частію было разсѣяно, частію перешло къ побѣдителю, такъ-что со смертію обоихъ вождей пали послѣднія опоры республики.

После побѣды Октавіанъ и Антоній раздѣлили между собою римскія владѣнія съ явнымъ устраненіемъ своего товарища Лепида; ибо въ то время, какъ Антоній взялъ себѣ востокъ, а Отавіанъ западъ, Лепидъ долженъ былъ довольствоваться Африкою. Но Лепидъ и Секстъ Помпей, господствовавшій на морѣ и избравшій главнымъ пунктомъ своихъ силъ островъ Сицилію, все еще составляли между ними

среднее звено, и чтобъ снова могъ образоваться дуумвиратъ и между членами его могла открыться война за единовластіе, надобно было сперва уничтожить ихъ. Въ такихъ отношеніяхъ хитрѣйшій долженъ былъ наконецъ удержать за собою поле, а кто былъ хитрѣе Цезаря Октавіана, который въ самомъ раннемъ возрастѣ показалъ мудрость, дѣлающую его почти совершенно-необыкновеннымъ явленіемъ? Дальновидность и тонкая смѣтливость Цезаря видны уже изъ самаго раздѣла провинцій; ибо между-тѣмъ какъ Антоній принялъ на себя ненавистную должность преслѣдовать и наказывать противную партію на востокѣ, онъ избралъ полезнѣйшее порученіе раздать награды ветеранамъ. Мало людей, о которыхъ было бы больше различныхъ сужденій, какъ о Цезарѣ Октавіанѣ; но всѣ сужденія согласны въ томъ, что невозможно было найдти характеръ, способнѣйшій поставить Римъ въ положеніе, котораго требовали обстоятельства. Если онъ и не имѣлъ талантовъ Антонія, за-то былъ чуждъ и его чувственности и пылкихъ страстей, и недостатокъ въ собственныхъ талантахъ замѣнилъ отличными людьми, которыхъ умѣлъ такъ тѣсно привязать къ своимъ интересамъ, что они готовы были исполнять всѣ его желанія. Въ *М. Випсаніи Агриппѣ* онъ нашелъ отличнаго полководца, въ *Меценатѣ* искуснаго политика и въ обоихъ столь искреннихъ друзей, что могъ совершенно на нихъ положиться. Вотъ почему онъ получилъ перевѣсъ надъ Антоніемъ, который, будучи очарованъ прелестями Клеопатры, пропускалъ самыя благо-

пріятныя обстоятельства, не пользуясь ими. Побѣдивъ Помпея и низложивъ Лепида, Цезарь Октавіанъ явился предводителемъ сильной сухопутной арміи и хорошо-обученнаго военнаго флота: пріучилъ ихъ къ побѣдамъ и привязалъ къ своей особѣ, въ то время, какъ Антоній, утопая въ роскоши египетской столицы, притуплялъ душевныя силы, постыдною связью съ Клеопатрою терялъ общественное уваженіе и безславнымъ походомъ противъ парѳянъ запятналъ честь своего оружія. Уже до открытія войны Цезарь Октавіанъ имѣлъ перевѣсъ надъ своимъ противникомъ, и когда въ 32 году дѣло дошло до войны, онъ доказалъ это рѣшительною побѣдою въ *морской битвѣ при Акціумѣ* въ 31 году, вслѣдствіе которой Антоній и Клеопатра лишили себя жизни, и Октавіанъ сдѣлался единственнымъ повелителемъ всѣхъ римскихъ владѣній, увеличенныхъ еще присоединеніемъ Египта.

Антоній тотчасъ по прибытіи въ Азію покорился своей чувственности. Онъ призвалъ къ себѣ на судъ царицу египетскую Клеопатру для оправданія въ томъ, что она доставляла вспомогательныя войска республиканской арміи. Клеопатра прибыла къ нему въ Киликію; она хотя и постарѣла, однако нисколько не потеряла своихъ прелестей и явившись предъ нимъ въ фантастическомъ уборѣ Афродиты, окруженной амурами, такъ очаровала его, что онъ тутъ же сдѣлался ея рабомъ. Онъ проѣхалъ съ нею Сирію и Палестину. Въ этой послѣдней странѣ, хотя первосвященническимъ достоинствомъ все еще былъ облеченъ поставленный Помпеемъ Гирканъ, однако настоящая власть, не

смотря на неудовольствіе іудеевъ и особенно фарисеевъ, находилась въ рукахъ сына идумеянина Антипатра, Ирода, который былъ женатъ на маккавейской принцессѣ Маріамнѣ. Фарисейская партія обратилась съ жалобами на него къ Антонію; но Иродъ уже предупредилъ своихъ враговъ; — будучи смѣлъ и ловокъ, онъ явился къ Антонію и пріобрѣлъ его расположеніе. Такъ-какъ и первосвященникъ Гирканъ далъ ему самую лучшую рекомендацію, то Антоній поставилъ его вмѣстѣ съ братомъ его Фасаиломъ, подъ именемъ тетрарховъ, правителями іудейскаго царства. Знатнѣйшіе изъ фарисеевъ, изъявившихъ неудовольствіе на это распоряженіе, по повелѣнію Антонія были лишены свободы и потомъ казнены. Послѣ того Антоній отправился съ Клеопатрою въ Александрію, и тамъ среди удовольствій египетской столицы забылъ обязанности, которыя налагало на него занимаемое имъ мѣсто. Между-тѣмъ Октавіанъ при выполненіи возложеннаго на него дѣла дѣйствовалъ съ такимъ искусствомъ, что все, что было ненавистнаго въ принимаемыхъ имъ мѣрахъ, умѣлъ приписать Антонію, и все полезное отнести къ себѣ; такъ самыя лучшія изъ помѣстьевъ, отнятыхъ у законныхъ владѣльцевъ, получили его друзья и приверженцы. Луцій Антоній, братъ тріумвира, въ то время (41 г.), какъ Октавіанъ такъ самовластно распоряжался, былъ консуломъ; онъ считая права свои и своего брата нарушенными, соединившись съ супругою М. Антонія, Фульвіею, вступилъ съ нимъ въ сильную распрю. Въ жару раздора Луцій объявилъ себя республиканцемъ и собралъ вокругъ себя всѣхъ еще оставшихся въ живыхъ приверженцевъ прежняго образа правленія. Но Октавіанъ принудилъ его бѣжать изъ Рима и, заключивъ въ Перузіи, отрѣзалъ отъ всякаго сообщенія съ Секстомъ Помпеемъ. Эта такъ-называемая *перузинская война* продолжалась отъ конца 41 года до апрѣля 40 г.

Городъ Перузія по недостатку въ съѣстныхъ припасахъ долженъ былъ сдаться, и Октавіанъ, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, еще болѣе ослабилъ республиканскую партію, умертвивъ всѣхъ попавшихся къ нему въ руки принадлежавшихъ къ ней знатныхъ *). Фульвія успѣла скрыться, но на пути къ супругу въ Сикіонѣ умерла. При извѣстіи объ этихъ событіяхъ Антоній пробудился отъ усыпленія и самъ поспѣшилъ въ Италію. Повидимому онъ имѣлъ намѣреніе вступить въ союзъ противъ Октавіана съ Секстомъ Помпеемъ, но общіе друзья обоихъ тріумвировъ успѣли примирить ихъ: по договору, заключенному въ Брундузіумѣ, они снова раздѣлили римскія владѣнія и положили границею между своими частями, начиная отъ Скодры въ Иллиріи, Іонійское Море; Лепидъ по-прежнему долженъ былъ довольствоваться одною Африкою. Въ то же время для утвержденія прочнѣйшимъ и искреннѣйшимъ образомъ взаимнаго согласія, Антоній женился на старшей сестрѣ Октавіана, вдовѣ Марцелла, Октавіи старшей **), хотя можно было предвидѣть, что

---

*) Между приверженцами Л. Антонія, успѣвшими бѣжать изъ Перузіи, находился Тиверій Клавдій Неронъ съ своею супругою Ливіею и двухлѣтнимъ сыномъ, будущимъ императоромъ Тиверіемъ. Такъ-какъ Ливія вскорѣ послѣ того сдѣлалась супругою Августа, то *Веллей Патеркулъ* замѣчаетъ: Quis fortunae mutationes, quis dubios rerum humanarum casus satis mirari queat? Quis non diversa praesentibus contrariaque expectatis aut speret aut timeat? Livia, nobilissimi ac fortissimi viri Drusi Claudiani filia, genere, probitate, forma Romanorum eminentissima, quam postea conjugem Augusti vidimus, tum fugiens mox futuri sui Caesaris arma, vix bimum hunc Tib. Caesarem, vindicem Romani imperii, futurumque ejusdem Caesaris filium, gestans sinu, per avia itinerum vitatis militum gladiis uno comitante, quo facilius occultaretur, fuga pervenit ad mare, et cum viro Nerone pervecta in Siciliam est.

**) Plut. vit. Anton. cap. 31: Ὀκταβία γὰρ ἦν ἀδελφὴ πρεσβυτέρα μὲν, οὐχ ὁμομητρία δὲ Καίσαρι, ἐγεγόνει γὰρ ἐξ Ἀγχαρίας, ὁ δὲ ὕστερον ἐξ Ἀττίας. Ἔστεργε δ' ὑπερφυῶς τὴν ἀδελφὴν, χρῆμα θαυμαστὸν,

сладострастный и распутный Антоній пожертвуетъ этою добродѣтельною женщиною своей любовницѣ Клеопатрѣ. Такъ-какъ Секстъ Помпей господствовалъ на морѣ и отрѣзалъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ къ Риму, то тріумвиры должны были искать примиренія и съ нимъ; съ этою цѣлью въ 39 году при мысѣ Миценумѣ они имѣли съ нимъ свиданіе *) и заключили договоръ, по которому острова Сицилія, Сардинія и Корсика были за нимъ оставлены и также обѣщанъ Пелопоннезъ. Впрочемъ этого послѣдняго Антоній не оставлялъ подъ предлогомъ, что еще долженъ многое вытребовать съ жителей, и, не кончивъ съ ними, не можетъ вывести своихъ гарнизоновъ. Доколѣ Помпей и Лепидъ имѣли значительную силу, между обоими главами римскаго государства рѣшительная борьба была невозможна; чтобы имѣть имъ открытое поприще, сперва надлежало устранить эти препятствія. Помпей обѣщалъ прекратить всѣ морскія разбои, но и при самомъ искреннемъ желаніи онъ не могъ всегда

ὡς λέγεται, γυναικός γενομένην. Αὐτὴ Γαίον Μαρκέλλου, τοῦ γήμαντος αὐτὴν, οὐ πάλαι τεθνηκότος, ἐχήρευεν (т. е. Октавія была старшая сестра Цезаря, но не отъ одной съ нимъ матери, ибо она родилась отъ Анхаріи, онъ же потомъ отъ Атціи. Онъ чрезвычайно любилъ сестру, которая, какъ говорятъ, была удивительная женщина. Она была вдовою, потому-что ея мужъ, Кай Марцеллъ, недавно умеръ).

*) Когда Помпей угощалъ тріумвировъ на бортѣ своего корабля, то Менасъ тихо сказалъ ему: Βούλει, φησι, τὰς ἀγκόρας τῆς νεὼς ὑπτέμω, καὶ ποιήσω σε μὴ Σικελίας καὶ Σαρδόνος ἀλλὰ τῆς Ῥωμαίων κύριον ἡγεμονιας; ὁ δὲ Πομπήϊος ἀκούσας καὶ πρὸς αὐτῷ γενόμενος βραχὺν χρόνον, Ἔδει σε, φησὶν, ὦ Μηνᾶ, τοῦτ᾽ ἐμοὶ μὴ προσειπόντα ποιῆσαι. νυνὶ δὲ τὰ πάροντα στέργωμεν. ἐπιορκεῖν γὰρ οὐκ ἐμόν. (т. е. Хочешь, сказалъ онъ, я отрѣжу якорь у корабля и сдѣлаю тебя повелителемъ не Сициліи и Сардиніи, но всей имперіи римлянъ. Помпей же, выслушавъ и подумавъ короткое время, сказалъ: Менасъ! тебѣ бы должно было это сдѣлать, не говоря мнѣ, теперь же покоримся обстоятельствамъ; ибо мнѣ не прилично измѣнить клятвѣ). Plut. Anton. cap. 32.

обуздывать своихъ моряковъ, частію состоявшихъ изъ бѣглыхъ рабовъ, и посему далъ Октавіану поводъ къ жалобамъ и справедливую причину къ войнѣ. Открывшаяся между ними въ 38 году война сначала была для Октавіана весьма-несчастна: онъ потерялъ большую часть своего флота. При недостаткѣ въ деньгахъ для построенія новыхъ кораблей и при неудовольствіи, обнаружившемся въ Римѣ за голодъ, происшедшій по случаю этой войны, Антонію въ союзѣ съ Помпеемъ возможно бы было подавить Октавіана. Антоній въ самомъ дѣлѣ въ 36 г. прибылъ въ Тарентъ, но, склонясь на убѣжденія Октавіи и представленія Мецената и Агриппы, рѣшился помогать Октавіану противъ Помпея. Оба тріумвира помѣнялись своими силами: за 20,000 сухопутныхъ войскъ Октавіанъ получилъ 120 военныхъ кораблей и, присоединивъ къ нимъ еще построенные Агриппою, напалъ на Помпея на морѣ, между-тѣмъ какъ Лепидъ переправлялъ изъ Африки въ Сицилію сухопутныя войска. Къ превосходству въ силахъ, съ которыми Помпей долженъ былъ бороться, присоединилась еще измѣна адмирала его Менаса; въ морскомъ сраженіи при Милахъ въ 36 году онъ былъ разбитъ и съ немногими оставшимися у него кораблями бѣжалъ въ Азію, но тамъ попалъ въ руки къ посланному противъ него Антоніемъ П. Тицію и былъ по повелѣнію его умерщвленъ. Послѣ бѣгства помпеева сухопутныя войска его соединились съ легіонами Лепида, который въ сознаніи пріобрѣтенной такимъ-образомъ силы и значенія думалъ, что можетъ принять теперь не столь покорный тонъ, и потребовалъ острова Сициліи для себя. Но только-что Октавіанъ показался передъ лагеремъ Лепида, какъ подкупленные имъ солдаты съ орлами и знаменами перешли на его сторону, такъ-что Лепидъ теперь совершенно зависѣлъ отъ произвола побѣдителя. Съ униженіемъ, сдѣлавшимъ его презрѣн-

нымъ въ глазахъ всѣхъ римлянъ, онъ вымолилъ себѣ у Октавіана прощеніе, согласился лишиться своего достоинства и довольствоваться саномъ первосвященника. Въ то время, какъ Октавіанъ составилъ себѣ такимъ-образомъ значительныя морскія и сухопутныя силы, Антоній въ войнѣ съ пароянами потерпѣлъ неудачу. Пароянe, возбужденные и частію предводимые бѣжавшими къ нимъ римлянами изъ республиканской партіи, сдѣлали вторженіе въ Сирію, но были легатомъ Антонія П. Вентидіемъ отражены. Завидуя славѣ своего легата, Антоній самъ въ 36 году принялъ начальство надъ войскомъ и по другой, нежели Крассъ, дорогѣ чрезъ Арменію и Мидію вторгнулся въ пароянскія владѣнія. Пароянскій царь Ородъ I незадолго предъ тѣмъ былъ убитъ сыномъ своимъ Фрагатомъ, который, умертвивъ также 30 своихъ братьевъ, открылъ себѣ путь къ престолу и подъ именемъ *Фрагата IV*, или *Арзака XV* принялъ правленіе. Впрочемъ Антоній не былъ счастливѣе Красса. Съ большимъ трудомъ онъ избѣжалъ одинакой съ нимъ участи и отъ своего отличнаго и многочисленнаго войска привелъ назадъ только малые остатки. Чтобы отклонить отъ себя стыдъ пораженія, Антоній сложилъ всю вину на Артавазда, царя армянскаго, и въ 34 году непріятельски напалъ на его землю, взялъ царя въ столицѣ въ плѣнъ и въ тріумфѣ отвелъ его въ Александрію, а царство его подарилъ одному изъ сыновей Клеопатры. Поведеніе Антонія въ отношеніи къ своей супругѣ Октавіи должно было непремѣнно произвесть между дуумвирами разрывъ, и такъ-какъ Антоній притомъ самымъ безразсуднымъ образомъ поступалъ съ интересами государства, то доставилъ и право сторонѣ своего противника. Отвергнувъ добродѣтельную Октавію, онъ возвысилъ любовницу свою Клеопатру, присоединилъ къ Египту Ливію, Кипръ и Келесирію, велѣлъ провоз-

гласить ея соправителемъ Цезаріона, прижитаго ею съ Цезаремъ, а другому сыну Птоломею отдалъ Финикію, Сирію и Киликію. Самые друзья Антонія въ сенатѣ не могли долѣе отвѣчать на жалобы Октавіана. Итакъ сенатъ сдѣлалъ опредѣленіе, по которому Антоній долженъ былъ сложить начальство надъ азіятскими войсками, и Клеопатрѣ объявлена война. Можно было предвидѣть, что Антоній не покорится этому опредѣленію, но будетъ смотрѣть на дѣло Клеопатры какъ на свое собственное. Съ великими силами водою и сухимъ путемъ въ 32 году Антоній прибылъ въ Грецію, между-тѣмъ какъ его противникъ боролся еще съ препятствіями при сборѣ денегъ и войска въ истощенной Италіи. Но высокомѣріе, наполнявшее душу Антонія, не оставило его и въ эту рѣшительную минуту, когда по всей вѣроятности онъ могъ бы предупредить своего противника. Вмѣсто того, чтобы какъ можно скорѣе идти въ Италію, онъ провелъ большую часть своего времени въ развратныхъ удовольствіяхъ въ Эфесѣ, Самосѣ и Аѳинахъ, и когда, не смотря на то, еще осенью достигъ береговъ Эпира, то остался здѣсь съ флотомъ и войскомъ на зимовку и такимъ-образомъ далъ время Октавіану также переправить свое войско на греческій берегъ. Въ слѣдующемъ (31) году оба войска стояли другъ противъ друга при Амбракійскомъ Заливѣ, а флоты при мысѣ Акціумѣ. Такъ-какъ Антоній имѣлъ вдвое больше кораблей, то положилъ рѣшить дѣло морскимъ сраженіемъ, которое и послѣдовало 2-го сентября 31 г., и побѣда, одержанная здѣсь Октавіаномъ, была тѣмъ рѣшительнѣе, что Антоній, бросившись вслѣдъ за бѣжавшею Клеопатрою, покинулъ свое сухопутное войско, не оставивъ ему даже никакихъ повелѣній. Легіоны семь дней напрасно ждали извѣстій отъ своего военачальника и потомъ или перешли къ Октавіану, или разсѣялись. Побѣдитель напротивъ поспѣшилъ въ

Азію, и не встрѣтивъ тамъ нигдѣ сопротивленія, — въ Египетъ. Антоній, хотя и намѣревался защищаться въ Александріи, но Клеопатра, чувствуя, что его счастливая звѣзда закатилась навсегда, измѣнила ему и, чтобы освободиться отъ него, распустила ложный слухъ о своей смерти; при извѣстіи объ этомъ Антоній нанесъ себѣ смертельную рану и считалъ за величайшее счастіе, что могъ умереть у ногъ женщины, которая вовлекла его въ несчастіе и впослѣдствіи вѣроломно оставила. Клеопатра надѣялась уловить въ свои сѣти и Октавіана, но при первомъ посѣщеніи его увидѣла, что въ этомъ холодномъ и разсчетливомъ человѣкѣ невозможно возбудить никакой сильной страсти; она замѣтила, что всѣ распоряженія его клонятся къ тому, чтобы сдѣлать ее украшеніемъ своего тріумфа. Для избѣжанія этого позора она также лишила себя жизни *). Октавіанъ велѣлъ умертвить Цезаріона и Антонилла, изъ которыхъ первый, какъ сынъ Цезаря, а второй, какъ сынъ Антонія, по своему рожденію имѣли слишкомъ-великія притязанія, чтобы могли безъ вреда ему оставаться въ живыхъ, и *обратилъ Египетъ въ римскую провинцію.* Отсюда направилъ путь въ Азію чрезъ Іудею. Послѣ того, какъ пареяне, вторгнувшись въ Сирію, овладѣли также Іерусалимомъ, увели первосвященника Гиркана, обрѣзавъ ему уши, въ плѣнъ, и владычество надъ страною доставили союзнику своему Антигону, сыну Аристовула II, здѣсь съ 39 года царствовалъ Иродъ. Съ помощію римлянъ низвергнувъ Антигона, онъ былъ сдѣланъ ими царемъ Іудеи. Иродъ выкупилъ изъ плѣна тестя своего Гиркана, но такъ-какъ онъ по причинѣ своего увѣчья не могъ больше занимать пер-

---

*) Касательно различныхъ извѣстій о родѣ смерти Клеопатры сравн. Плутарха (Anton cap. 86), который весьма-вѣрно говоритъ: τὸ δ᾽ ἀληθὲς οὐδεὶς οἶδεν)т. е. Истины же никто не знаетъ.)

восвященническое мѣсто, то Иродъ держалъ его, какъ частнаго человѣка, нѣкоторымъ образомъ подъ почетною стражею. Во время междоусобной войны Иродъ подобно всѣмъ азіятскимъ владѣтелямъ принялъ сторону Антонія, но послѣ, явившись въ Родосъ къ побѣдителю для засвидѣтельствованія своего уваженія, умѣлъ такъ удовлетворительно оправдаться, что пріобрѣлъ полное его благоволеніе, и потомъ, когда сопровождалъ его въ Египетъ и самымъ ревностнымъ образомъ заботился о продовольствіи римскаго войска на пути туда и обратно, Октавіанъ утвердилъ его въ царскомъ достоинствѣ. Иродъ теперь умертвилъ одного за другимъ всѣхъ оставшихся еще въ живыхъ членовъ маккавейскаго дома, даже супругу свою Маріамну и прижитыхъ съ нею дѣтей, и утвердилъ свою ненавистную для іудеевъ власть на насиліи и тѣсномъ союзѣ съ римлянами, которыхъ нравы и формы правленія старался ввести и въ Іудею. Это скоро должно было произвесть на іудеевъ такое же дѣйствіе, какъ прежде подобное стремленіе селевкидовъ: между ними и римлянами должна была открыться борьба на жизнь и на смерть, но тогда только, когда всемірное назначеніе іудейской націи совершенно исполнится и явленіемъ Іисуса Христа начнется новое откровеніе.

Октавіанъ при своемъ возвращеніи въ Римъ былъ принятъ какъ единодержавный властитель, и покорный сенатъ осыпалъ его преимуществами, почестями и отличіями. Онъ безъ сопротивленія сдѣлался главою государства, потому-что не было никого, кто бы могъ оспаривать у него первенство *).

*) Нельзя вѣрнѣе и короче описать обстоятельствъ, при которыхъ Римъ подчинился монархической власти, какъ *Тацитъ* въ на-

Силу, которую прежде дѣлилъ съ Антоніемъ и Лепидомъ, теперь онъ соединилъ въ своей особѣ, и положеніе его въ государствѣ было такъ твердо и безопасно, что невозможно, чтобъ онъ серьёзно въ своемъ кабинетѣ или въ сенатѣ говорилъ о сложеніи власти; такъ же мало зависѣло отъ его воли, какую форму дать государству, но самыя обстоятельства показывали ему дорогу, по которой онъ долженъ былъ идти. Онъ нѣкоторымъ образомъ прививалъ монархію къ республикѣ и сущность первой старался скрыть подъ формами послѣдней. Эта странная форма и чрезъ нее вкравшееся въ государственный бытъ притворство впослѣдствіи часто обманывали какъ монарховъ, такъ и сенатъ. Такъ напримѣръ сенатъ неоднократно воображалъ себя тѣмъ же, чѣмъ былъ нѣкогда, и монархъ, забывъ, что такая мысль и смѣшна и недостойна вниманія, дѣлался завистливымъ и изъ зависти жестокимъ. Октавіанъ, или, какъ онъ съ 27 г. вслѣдствіе сенатскаго опредѣленія

чалѣ своихъ лѣтописей: Postquam, Bruto et Cassio caesis, nulla jam publica arma, Pompejus apud Siciliam oppressus, exutoque Lepido, interfecto Antonio ne Julianis quidem partibus nisi Caesar dux reliquus, posito triumviri nomine, consulem se ferens et ad tuendam plebem tribunitio jure contentum, ubi militem donis, populum annona, cunctos dulcedine otii pellexit, insurgere paulatim, munia senatus, magistratuum, legum in se trahere, nullo adversante, cum ferocissimi per acies aut proscriptione cecidissent, ceteri nobilium, quanto quis servitio promtior, opibus et honoribus extollerentur, ac novis ex rebus aucti tuta et praesentia, quam vetera et periculosa mallent. Neque provinciae illum rerum statum abnuebant, suspecto senatus populique imperio, ob certamina potentium et avaritiam magistratuum, invalido legum auxilio, quae vi, ambitu, postremo pecunia turbabantur.

назывался, *Августъ* *), отказался отъ предложенной ему диктатуры, но соединилъ въ своей особѣ слѣдующія власти: до 21 года онъ ежегодно занималъ консульскую должность, а съ этого времени удержалъ за собою навсегда potestatem consularem; далѣе онъ велѣлъ облечь себя potestate tribunitia, которая сдѣлала его особу священною и неприкосновенною и поставила его единственнымъ представителемъ народа. Praefectura morum, принятая имъ съ 19 года, доставила ему власть больше прежней цензорской; въ 19-мъ же году, по смерти Лепида, онъ сдѣланъ былъ великимъ первосвященникомъ и слѣдовательно пріобрѣлъ великое вліяніе, которое религія не переставала еще оказывать на государство. Наконецъ Августъ подъ именемъ *Imperator* остался военачальникомъ всѣхъ армій республики. Чтобы и здѣсь сохранить наружный видъ, Августъ заставилъ сенатъ просить себя о принятіи правленія государствомъ и принялъ его только на десять лѣтъ, по истеченіи которыхъ велѣлъ возобновить просьбу; отсюда произошелъ у позднѣйшихъ императоровъ обычай праздновать десятый годъ своего правленія (sacra decennalia). О единовластіи напоминала одна только 10,000-ная гвардія, получавшая двойное жалованіе и стоявшая недалеко отъ города. Такъ-какъ Августъ хотѣлъ править чрезъ сенатъ, то надлежало возвратить этому собранію достоинство, въ послѣдніе годы имъ потерянное. Съ того времени, какъ аристокра-

---

*) О значеніи этого имени см. *Светон.* Octav. Aug. cap. 7.

тическая партія удалилась съ Помпеемъ изъ города, Цезарь набралъ въ сенатъ людей менѣе всего годныхъ къ тому, чтобы занимать мѣсто въ высшей правительственной коллегіи великаго государства; Цезарь сдѣлалъ это съ цѣлію унизить сенатъ, напротивъ Августъ старался возвысить его и для того предпринялъ очищеніе. Большую часть санаторовъ принудилъ онъ отказаться отъ своей должности добровольно, противъ непокорныхъ употребилъ находившуюся въ его рукахъ цензорскую власть *). Число сенаторовъ было положено 600; впрочемъ имъ было запрещено безъ позволенія предпринимать путешествія за предѣлы Италіи, и слѣдовательно они всегда были въ глазахъ императора. Итакъ, хотя Августъ и доставилъ сенату значительное участіе въ правленіи, *однако, не смотря на то, главною цѣлію стремленія его было захватить въ полное распоряженіе свое и своихъ наслѣдниковъ казну и военныя силы.*

Августъ, осторожно уклонившійся отъ всѣхъ мѣръ, которыми названный отецъ его Цезарь возбудилъ противъ себя ненависть, приступилъ къ дѣлу и въ распоряженіяхъ по части финансовъ съ великою осмотрительностію. До-сихъ-поръ въ Римѣ существовала

---

*) Какъ опасно было это очищеніе, видно изъ слѣдующаго замѣчанія *Светонія* (Oct. Aug. cap. 35): quo tempore existimatur loriça sub veste munitus ferroque cinctus praesedisse, decem valentissimis senatorii ordinis amicis sellam suam circumstantibus. Cordus Cremutius scribit, ne admissum quidem tunc quenquam senatorum, nisi solum et praetentato sinu. Все это дѣло подробно описано *Діономъ Кассіемъ* въ книгѣ LII, гл. 42.

одна только государственная касса, aerarium, находившаяся въ распоряженіи сената; неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное насильственнымъ поступкомъ Цезаря, когда онъ въ 49 году захватилъ эту кассу, было еще слишкомъ въ свѣжей памяти, чтобы Августъ отважился снова покуситься на подобный шагъ. Онъ оставилъ aerarium, какъ святыню, впродолженіе столькихъ уже столѣтій находившуюся въ рукахъ сената, повидимому въ полномъ его распоряженіи, но въ замѣну этого онъ учредилъ другую кассу, aerarium militare, расходами которой императоръ могъ располагать совершенно по своему произволу, и слѣдовательно въ отношеніи платы жалованья войскамъ былъ вполнѣ-независимъ отъ сената. Эта касса называлась также fiscus и впослѣдствіи времени она была смѣшиваема съ императорскою властью. Естественно, что въ нее поступали всѣ доходы, уже прежде назначенные на содержаніе войска; потомъ всѣ новыя подати были назначаемы для фиска. Главнѣйшіе изъ введенныхъ Августомъ налоговъ были три: первый состоялъ въ наложеніи новыхъ пошлинъ на всѣ товары, привозимые въ Италію и Римъ изъ провинцій и чужихъ странъ. Эта пошлина съ чужеземныхъ предметовъ роскоши была сколько прибыльна, столько и справедлива, и самъ Тацитъ защищаетъ ее, говоря, что ее платитъ не тотъ, кто продаетъ, а тотъ, кто покупаетъ, и слѣдовательно этотъ не прямой доходъ идетъ въ государственную кассу изъ кошельковъ богатыхъ (cum venditor pendere juberetur, inpartem pretii emptoribus accrescebat). Второй налогъ былъ тягостнѣе, потому-что касался необходимѣйшихъ потребностей: это былъ Centesima rerum venalium, слѣдовательно одинъ процентъ съ цѣны каждой продаваемой вещи. Этотъ акцизъ платился со всего, что поступало въ продажу на публичный рынокъ. Онъ возбудилъ большое неудо-

вольствіе, и уже наслѣдникъ Августа долженъ былъ понизить его *). Третья также очень-прибыльная подать была наложена на завѣщанія и наслѣдства по боковой линіи; она простиралась на двадцатую часть или пять процентовъ со всѣхъ подобныхъ наслѣдствъ и поэтому называлась Vigesima hereditatum **). Впрочемъ о совокупности всѣхъ доходовъ римской имперіи нельзя сказать ничего вѣрнаго. Гиббонъ полагаетъ государственный доходъ въ послѣднія времена республики отъ 15 до 20 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, — при Августѣ онъ долженъ былъ удвоиться и слѣдовательно простирался до 40 милліоновъ фунт. стерл., или около 1,000 милліоновъ рублей. Главный расходъ составляли жалованье и подарки войску, раздача денегъ и хлѣба городской черни и издержки на ея увеселенія. Что касается до штата постоянныхъ армій, то огромныя массы войскъ, сражавшіяся во время послѣднихъ войнъ, были уменьшены, и оставалось отъ 25 до 30 полныхъ легіоновъ, которые государство всегда держало подъ ружьемъ и на опредѣленныхъ квартирахъ. Цезарь удвоилъ ихъ жалованье и сверхъ того ввелъ обычай давать солдатамъ еще особенныя награжденія; такъ каждый солдатъ при его тріумфѣ получилъ 5,000 драхмъ или 2,000 рублей. Точно также Октавіанъ наградилъ свое войско послѣ побѣды надъ Антоніемъ, и вообще вошло въ обыкновеніе раздавать войску денежныя награды за каждую важную услугу. Это называлось Donativum, и уже Гальба за отказъ въ выдачѣ

---

*) *Tacit* Ann. lib. I. cap. 78: Centesimam rerum venalium, post bella civilia institutam, deprecante populo, edixit Tiberius: *militare aerarium eo subsidio niti*. Однако впослѣдствіи Тиберій сбавилъ полпроцента и такимъ-образомъ вмѣсто centesima установилъ ducentesima. Tacit. Ann. lib. II. cap. 42.

**) О введеніи этой подати говоритъ *Dio Cass.* lib. LV, cap. 25.

подобной награды заплатилъ жизнію. Не меньше издержекъ выходило на городскую чернь: императоры не только раздавали народу хлѣбъ и деньги, но еще забавляли играми и травлею звѣрей. Итакъ учрежденіемъ фиска, въ который мала-по-малу стеклись всѣ главные государственные доходы, императоры пріобрѣли возможность располагать большими суммами, и въ отношеніи къ войскамъ Августъ обезопасилъ себя тѣмъ, что всѣ провинціи, въ которыхъ, по причинѣ близости непріятелей, имъ назначены были постоянныя квартиры, удержалъ за собою. Эти провинціи были слѣдующія, и легіоны по показанію Тацита (Ann. IV. 5) были размѣщены въ нихъ такимъ образомъ: въ Испаніи, гдѣ еще нѣкоторыя племена въ сѣверозападныхъ горахъ не были покорены и противились вліянію римскаго образованія, стояли три легіона; въ Галліи, открытой нападеніямъ германцевъ, восемь; на Дунаѣ, въ Паннопіи, стояло два легіона, столько же въ Мезіи, и въ резервъ для нихъ поставлено два легіона въ Далмаціи; въ Египтѣ стояло два легіона; о сохраненіи этой важной провинціи Августъ и его наслѣдники такъ ревностно заботились, что ни одинъ сенаторъ не смѣлъ безъ особеннаго позволенія показаться въ ней; также въ Африкѣ находилось два легіона, и въ Сиріи на Эвфратѣ для защищенія границъ отъ парѳянъ — четыре. Остальными провинціями располагалъ сенатъ, такъ что съ этого времени онѣ раздѣлялись на два рода — provinciae principis и provinciae senatus. Конечно этимъ въ управленіи ихъ произведена была перемѣна, но было ли отъ того лучше, въ этомъ по справедливости можно усомниться. Вообще можно сказать, что состояніе сенатскихъ провинцій могло быть лучше, нежели во времена республики: во-первыхъ потому, что онѣ были свободны отъ армій, во-вторыхъ, что правители, назначаемые

сенатомъ, опасались сдѣлаться виновными въ такихъ же притѣсненіяхъ, какъ нѣкогда правители республиканскіе; напротивъ судьба императорскихъ провинцій зависѣла по большей части отъ личнаго характера императора. Для управленія финансами, чѣмъ прежде въ провинціяхъ занимались проквесторы, императоры назначили въ свои провинціи прокураторовъ, которыхъ обыкновенно избирали изъ вольноотпущенныхъ. Если принять, что императоры принимали провинціи подъ свою защиту отъ притѣсненія правителей, то это не совсѣмъ будетъ согласно съ истиною, напротивъ притѣсненіе провинцій въ правленіе нѣкоторыхъ государей было еще сильнѣе, потому-что правитель старался обогатиться самъ и вмѣстѣ долженъ былъ еще заботиться о фискѣ. Уже при Августѣ мы встрѣчаемъ примѣры, какъ правители обогащались на счетъ провинцій *). Итакъ произведенная Августомъ перемѣна въ образѣ правленія состояла въ томъ, что онъ, будучи господиномъ казны и военныхъ силъ, такъ неоспоримо утвердилъ свое первенство, что не было человѣка, который могъ противоставить ему равную силу; но такъ-какъ Августъ постановилъ такъ мало опредѣленнаго касательно своего положенія въ государствѣ, что даже свои отношенія къ сенату означилъ съ точностію только въ нѣкоторыхъ пунктахъ, то этимъ открылъ своимъ преемникамъ дорогу къ неограниченному деспо-

---

*) *Веллей* (lib. II. cap. 117) говоритъ о намѣстничествѣ Квинктилія Вара въ Сиріи такъ: pecuniae quam non contemptor, Syria, cui praefuerat, declaravit; quam pauper divitem ingressus, dives pauperem reliquit. *Светоній* въ біографіи Веспасіана (гл. 16) разсказываетъ: Creditur etiam procuratorum rapacissimum quemque ad ampliora officia ex industria solitus promovere, quo locupletiores mox condemnaret; quibus quidem vulgo *pro spongiis* dicebatur *uti*, quod quasi et siccos madefaceret et exprimeret humentes.

тизму, потому-что формы, которыя уважалъ еще Августъ, потеряли все свое значеніе.

Съ монархіею начинается въ римской имперіи періодъ, когда на образованіе и науки стали смотрѣть, какъ на дѣло правительства, и когда имѣющіе въ рукахъ верховную власть стали заботиться о заведеніи библіотекъ, школъ, учителей, римская литература незадолго предъ тѣмъ получила національное направленіе, посему неудивительно, что среди тишины и спокойствія, поощряемая и покровительствуемая правительствомъ, она тотчасъ вступила въ золотой свой вѣкъ. Она была не столько естественнымъ плодомъ успѣховъ развитія народнаго образованія, сколько результатомъ распространенія имперіи, вслѣдствіе котораго чужеземное образованіе сдѣлалось сперва потребностію господствующихъ фамилій, а потомъ вообще необходимымъ условіемъ общежительности высшихъ римскихъ сословій. Пятьсотъ десять лѣтъ стоялъ уже Римъ, и тогда только мы встрѣчаемъ имя перваго римскаго поэта *Ливія Андроника*, и онъ начинаетъ съ перевода Гомера и греческихъ трагиковъ, такъ-что слѣдовательно первый замѣчательный римскій поэтъ есть подражатель грековъ. Попытка остроумнаго и оригинальнаго *Невія* создать собственно римскую драму сошла ему съ рукъ такъ несчастливо, что всѣ слѣдующіе поэты пошли совершенно по слѣдамъ грековъ; впрочемъ это не помѣшало имъ оказать большія услуги языку латинскому, который они постепенно старались по-

образцовымъ произведеніямъ греческой націи возвысить до степени классическаго совершенства.

Невій по свидѣтельству Цицерона обладалъ богатымъ даромъ неподдѣльнаго остроумія и хотѣлъ быть римскимъ Аристофаномъ; но Сципіоны и Метеллъ не перенесли направленныхъ противъ нихъ остротъ, и поэтъ долженъ былъ за свой опытъ поплатиться тюрьмою. Послѣ того онъ вознамѣрился поправить бѣду, которую накликалъ на себя своими комедіями, изображеніемъ въ поэтическомъ разсказѣ первой пунической войны, но, кажется, и здѣсь не могъ удержаться отъ остротъ и снова возбудилъ противъ себя неудовольствіе; по-крайней-мѣрѣ онъ долженъ былъ оставить Римъ и умеръ въ Утикѣ въ крайней бѣдности. Печальная участь Невія послужила предостереженіемъ для слѣдовавшихъ за нимъ поэтовъ; всѣ они искали понравиться римской знати. Это замѣтно въ *Енніѣ* и *Луциліѣ:* — оба они избрали предметомъ своихъ пѣснопѣній Сципіоновъ; одинъ изображалъ и восхвалялъ ихъ частную жизнь, другой — военные подвиги. Впрочемъ Енній оказалъ большія услуги образованію латинскаго языка; онъ также училъ въ Римѣ греческому и доказалъ, что безъ изученія послѣдняго нельзя и думать объ основательномъ знаніи перваго, такъ убѣдительно, что даже Катонъ согласился съ нимъ и, находясь уже въ глубокой старости, началъ учиться по-гречески. Греческое образованіе для господствующихъ фамилій было общею потребностію; среди нихъ развился утонченный свѣтскій тонъ; въ разговорахъ они употребляли греческій языкъ, а если говорили и по-латини, то съ греческою тонкостію; въ ихъ собраніяхъ были читаемы или даже разыгрываемы греческія комедіи, между-тѣмъ какъ народъ предавался совершенно инымъ увеселеніямъ. *Плавтъ* еще разъ

обратилъ вниманіе въ своихъ комедіяхъ на народъ, но *Теренцій* совершенно выпустилъ его изъ виду, и въ этихъ двухъ поэтахъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга короткимъ промежуткомъ времени, весьма-ясно видѣнъ ходъ развитія характера римскаго общества. Отъ трагическихъ поэтовъ *Пакувія*, *Атція* и *Цецилія* до насъ дошло только нѣсколько отрывковъ; впрочемъ извѣстно, что они слѣдовали въ своихъ произведеніяхъ тому же направленію, какъ и Теренцій, и что народъ былъ къ нимъ равнодушенъ, между-тѣмъ какъ высшія сословія отыскали ихъ и покровительствовали имъ. Итакъ относительно просвѣщенія Римъ находился въ состояніи, какое обыкновенно бываетъ со всякимъ народомъ, котораго знатныя сословія вдругъ достигаютъ высокой степени образованія, развитаго другою націею.

Римской литературѣ послѣ того, какъ поэзія совершенно подчинилась духу греческой, оставалось еще одно направленіе, въ которомъ она могла принять національный характеръ; это направленіе было *риторическое*. Такъ-какъ самый образъ правленія требовалъ риторики и діалектики для общественныхъ дѣлъ, то поэтому нуженъ былъ только случайный поводъ, чтобы сдѣлать ихъ предметомъ всеобщаго изученія. Этотъ поводъ подало знаменитое посольство аѳинянъ, прибывшее въ Римъ для испрошенія помощи противъ Филиппа, царя македонскаго и имѣвшее на римлянъ такое же дѣйствіе, какое нѣкогда произвело появленіе сицилійскихъ софистовъ въ Аѳинахъ. Аѳиняне избрали для этого посольства трехъ мужей, бывшихъ въ то время главами философскихъ школъ: *Карнеада*, который былъ главою

школы платонической или такъ-называемой Академіи, *Критолая*, который былъ главою аристотелевской или перипатетической школы, и *Діогена Вавилонскаго*, который былъ главою стоической школы въ Аѳинахъ и получилъ прозваніе Вавилонскаго, потому-что родился въ Селевкіи на Тигрѣ. Во всѣхъ этихъ школахъ риторика, соединенная съ діалектикою, была главнымъ занятіемъ, посему естественно, что главы ихъ были также и первыми діалектиками и риторами. Всеобщее удивленіе, встрѣтившее ихъ въ Римѣ, можетъ быть объяснено не рѣчами, говоренными ими въ сенатѣ, гдѣ сенаторъ Ацилій служилъ имъ переводчикомъ, а только распространившимся между господствующими фамиліями знаніемъ греческаго языка. Чтобы дать понятіе своимъ слушателямъ о дѣйствіи діалектики, философы согласились говорить рѣчи на заданные вопросы безъ приготовленія, и Карнеадъ выступилъ въ Римѣ совершенно въ той же роли, какую прежде Горгій игралъ въ Аѳинахъ; такъ онъ вызывался говорить рѣчь сегодня въ похвалу, а завтра въ порицаніе справедливости, обѣщаясь въ обоихъ случаяхъ убѣдить слушателей. Катонъ весьма-живо чувствовалъ весь вредъ подобнаго образованія и настаивалъ, чтобы какъ можно скорѣе кончить съ послами дѣла, но это такъ же мало помогло, какъ и объявленіе цензора Красса, что такого рода школа есть ludus impudentiae. Римъ вскорѣ наполнился греческими рито-

рами, и хотя партія, державшаяся старины, и успѣла склонить сенатъ сдѣлать опредѣленіе curarent praetores, philosophi et rhetores Romae ne essent, однако эти полицейскія мѣры нисколько не помогли ей, и греческій элементъ одержалъ верхъ. Римскій духъ послѣ непродолжительной борьбы подчинился греческому, и періодъ совершеннаго торжества послѣдняго можно опредѣлить событіемъ, когда Катонъ не только самъ выучился по-гречески, но и досталъ себѣ греческаго раба, по имени Хилона, при помощи котораго на свой счетъ и подъ своимъ надзоромъ завелъ школу риторики *). Впрочемъ это направленіе имѣло слѣдствіемъ то, что литература получила въ Римѣ право гражданства; ибо какъ скоро философія, поэзія и исторія самымъ тѣснымъ образомъ соединены были съ изученіемъ краснорѣчія и правовѣдѣнія, то нашлась сторона, въ которой онѣ гармонировали съ римскимъ духомъ. Это соединеніе

---

*) *Горацій* въ первомъ письмѣ второй книги своихъ посланій дѣлаетъ занимательное обозрѣніе исторіи римскаго образованія. Онъ говоритъ ст. 156:

Graecia capta ferum victorem cepit et artes
Intulit agresti Latio.
Et post Punica bella quietus quaerere coepit,
Quid Sophocles et Thespis et Aeschylus utile ferrent.

Но это такъ мало дѣйствовало на народъ, что поэтъ, представляя намъ театральную сцену, на которой вкусъ народа сталкивается со вкусомъ всадниковъ, смѣется надъ этимъ въ слѣдующихъ словахъ:

Media inter carmina poscunt
Aut ursum, aut pugiles; his nam plebecula gaudet etc.

было приготовляемо со времени Гракха, но приведено въ исполненіе *Цицерономъ* и его современниками. Отъ предшествовавшихъ Цицерону ораторовъ не дошло до насъ ни одного сочиненія и мы знаемъ о нихъ только по его сужденіямъ; о нѣкоторыхъ, какъ напримѣръ о Крассѣ и Антоніѣ, онъ отзывается съ большою похвалою. Но Цицеронъ собственно былъ первый, который далъ литературѣ свойственное ей направленіе. Хотя онъ получилъ совершенно греческое образованіе, однако отъ этого онъ не только не разучился понимать и чувствовать свой природный языкъ, но даже, напротивъ, это болѣе всего способствовало тому, что онъ могъ узнавать собственный характеръ латинскаго языка и пользоваться имъ *). Кромѣ-того, что онъ отличался уже тонкимъ знаніемъ духа латинскаго языка и какъ ораторъ умѣлъ производить имъ сильное дѣйствіе, было еще другое обстоятельство, которое дѣлало его краснорѣчіе великимъ и единственнымъ, — это его искусство пользоваться исторіею. Цицеронъ вывелъ исторію на форумъ, чтобы, по примѣру грековъ, какъ онъ самъ выражается, вызывать изъ царства мертвыхъ достовѣрнѣйшихъ свидѣтелей. Дѣйствіе его краснорѣчія замѣтно во всѣхъ рѣчахъ, но особенно государственныя доставляютъ ему славу

---

*) *Cic.* de orat. lib. III. cap. 11: Quare cum sit quaedam certa vox Romani generis urbisque propria, in qua nihil offendi, nihil displicere,

великаго оратора **). Если бы даже не осталось ни одной изъ его рѣчей, то такое выгодное понятіе дало бы намъ о немъ одно то обстоятельство, что онъ, не прославившись на войнѣ, не имѣя приверженцевъ между аристократіею, безъ денегъ, безъ партіи, только своими талантами достигъ такого значительнаго мѣста въ государствѣ! И если онъ не сдѣлалъ для отечества ничего больше, то это надобно приписать слабости его характера. Цицеронъ, какъ *философъ*, является совершенно зависимымъ отъ грековъ, и вся его дѣятельность въ этомъ отношеніи направлена только къ извлеченію изъ греческой жизни того, что могло быть принято въ римскую. Онъ самъ нигдѣ не выдаетъ себя за самостоятельнаго умозрительнаго мыслителя; своимъ онъ только называетъ форму, а на содержаніе предоставляетъ полное право греческимъ писателямъ, которыхъ обыкновенно именуетъ. Вліяніе, оказанное на него философіею, онъ старался распространить на другихъ, и какъ ни былъ несправедливъ его эклектицизмъ въ ученомъ отношеніи, однако, не смотря на то, полнаго

---

nihil animadverti possit, nihil sonare aut olere peregrinum, hanc sequamur, neque solum rusticam asperitatem, sed etiam peregrinam insolentiam fugere discamus.

**) Dialogus de oratorib. cap. 37: Nec Ciceronem magnum oratorem P. Quinctius defensus aut Licinius Archias faciunt; Catilina et Milo et Verres et Antonius hanc famam illi circumdederunt.

уваженія заслуживаетъ его стремленіе заинтересовать римлянъ, народъ воинственный и склонный къ изученію правовѣдѣнія, предметами, касающимися не одной только внѣшней жизни. Цицеронъ разсматривалъ философскіе предметы, сообразуясь съ тѣмъ, какъ тогда занимались философіею въ Римѣ. Каждая секта философскаго догматизма имѣла здѣсь своихъ приверженцевъ; ученія эпикурейское, стоическое и академическое были приняты какъ законъ и образецъ во всей жизни и дѣйствіяхъ. На этомъ основаніи Цицеронъ разбираетъ каждый предметъ, соображаясь со взглядами, сдѣланными на него въ той или другой догматической системѣ. Потомъ изъ всего этого онъ извлекаетъ, какъ результатъ, то, что̀ ему кажется лучшимъ, притомъ всегда съ приложеніемъ къ практической жизни. Какъ *риторъ*, или учитель краснорѣчія, Цицеронъ былъ единственнымъ человѣкомъ, соединяя съ теоріею всѣ преимущества отличной практики, и въ самомъ дѣлѣ отъ кого лучше захотѣли бы слушать правила краснорѣчія, какъ не отъ того, кто былъ признанъ величайшимъ римскимъ ораторомъ? Особенное достоинство риторическихъ сочиненій Цицерона состоитъ въ томъ, что онъ все, чему по этой части учили въ греческихъ школахъ, сохранилъ для насъ и пояснилъ примѣрами. Что̀ касается до писемъ Цицерона, то они во-первыхъ занимательны потому, что сохраняютъ не вымышленный, какъ въ его діалогахъ о философскихъ пред-

метахъ, но настоящій тонъ общества. Далѣе, изъ отвѣтовъ цицероновыхъ корреспондентовъ видно, что иное, что мы приписали бы индивидуальности Цицерона, было характеромъ времени; потому-что всѣ знатные люди, съ которыми онъ находился въ перепискѣ, обнаруживаютъ такое же живое участіе къ умственнымъ и литературнымъ интересамъ, какъ онъ самъ, и даже, находясь въ опасномъ положеніи, не меньше занимаются литературою, какъ и политикою. Наконецъ въ письмахъ Цицерона мы можемъ изучить разнообразіе латинскаго слога, во многихъ отношеніяхъ весьма-любопытное. Однимъ словомъ: чтеніе цицероновыхъ писемъ принадлежитъ къ числу самыхъ полезныхъ и поучительныхъ занятій. Цицеронъ писалъ также стихи; я привожу это для того, чтобы показать, что въ вѣкъ, подобный тогдашнему, всякій человѣкъ образованный и со вкусомъ можетъ писать правильные стихи, нисколько не будучи поэтомъ. Для упражненія онъ перевелъ τὰ φαινόμενα Арата и, увлекшись тщеславіемъ, счелъ дѣла своего консульства предметомъ достойнымъ героической поэмы. Впрочемъ время вступило надъ этими стихотвореніями въ свои права; они потеряны всѣ кромѣ тѣхъ, которыя онъ приводитъ въ своихъ прозаическихъ сочиненіяхъ. Вліяніе Цицерона состоитъ въ томъ, что онъ поставилъ риторику въ основаніе римскаго образованія и тѣмъ далъ ей національный характеръ. Это риторическое направленіе распростра-

нилось теперь на всѣ отрасли наукъ и особенно на исторію и поэзію.

Сначала въ Римѣ знали двѣ формы писать исторію, свойственныя характеру римской жизни — *лѣтописи* и *записки*. Отъ первыхъ, которыя по всей вѣроятности ничѣмъ не отличались отъ хроникъ среднихъ временъ, до насъ не дошло ни одного отрывка, и къ вѣчному нашему сожалѣнію изъ множества записокъ, о которыхъ мы знаемъ, что онѣ были написаны, не сохранилось ни однѣхъ кромѣ комментаріевъ Цезаря. Такъ напримѣръ Скавръ написалъ три книги de rebus a se gestis. Рутилій и Катулъ также оставили свои записки *). О запискахъ Суллы и Лукулла, писанныхъ по-гречески, мы знаемъ изъ Плутарха, который не только пользовался ими, но даже приводилъ изъ нихъ цѣлыя мѣста. Отъ записокъ Брута, равно-какъ и Аттика также не сохранилось ничего; какъ образецъ этого любопытнаго рода сочиненій остались одни комментаріи Цезаря. Въ нихъ отпечатлѣлся весь духъ и характеръ этого необыкновеннаго человѣка, и можно видѣть даже въ писателѣ мужа, рожденнаго повелѣвать, дѣлающаго себя средоточіемъ всего, что ни случалось. Онъ вездѣ описываетъ фактъ простыми

---

*) *Tacit.* Agricol. cap. 1: Ac plerique suam ipsi vitam narrare fiduciam potius morum, quam arrogantiam arbitrati sunt, nec id Rutilio et Scauro citra fidem aut obtrectationi fuit.

словами; онъ не имѣетъ никакой причины умалчивать о жестокихъ притѣсненіяхъ и насиліяхъ, и единственное, чего должно читая его остерегаться, есть его апологическія обращенія, которыми онъ старается свои мѣры не оправдать, но представить дѣломъ благоразумія. Грубаго искаженія истины тѣмъ менѣе можно въ немъ предполагать, что онъ издалъ свои записки въ то время, когда находились въ живыхъ многіе свидѣтели — очевидцы описываемыхъ имъ событій. Совершенно-необыкновенное явленіе въ исторической литературѣ римлянъ есть *Саллюстій.* Кажется необъяснимымъ, какимъ образомъ человѣкъ безнравственный въ жизни могъ показаться въ сочиненіяхъ такимъ строгимъ проповѣдникомъ нравственности и порицателемъ тѣхъ самыхъ правилъ, которымъ самъ слѣдовалъ. Но если обратимъ вниманіе на изысканность его слога, на его стараніе ловить устарѣлыя выраженія и формы языка, то ключъ къ этой кажущейся загадкѣ найденъ. Тогда въ Саллюстіѣ узнаемъ человѣка, имѣвшаго довольно ума и силы, чтобъ приложить образъ сужденія древнихъ римлянъ къ своему времени. Посему-то онъ и избралъ рядъ низостей предметомъ своего разсказа, который тѣмъ больше представляетъ совершенства и искусства, чѣмъ больше является чистымъ произведеніемъ мыслящаго ума. Нося въ себѣ сознаніе нравственной испорченности, онъ нелегко вѣрить во что-нибудь благородное въ другихъ

и ищетъ пружины всѣхъ человѣческихъ дѣйствій въ эгоизмѣ и стремленіи къ чувственнымъ наслажденіямъ. Добродѣтель для него идеалъ, и такъ-какъ вслѣдствіе этого ея притязанія на людей представляются слишкомъ-высокими, то и въ теоріи весь взглядъ его на жизнь есть одна высокопарность. Римская исторія Саллюстія, потерянная для насъ, обнимаетъ только время съ того момента, когда Сулла сложилъ съ себя диктатуру, до закона маниліева, доставившаго Помпею начальство надъ войскомъ противъ Митридата: слѣдовательно не болѣе двѣнадцати лѣтъ, но онъ въ видѣ введенія начинаетъ съ борьбы Марія съ Суллою, такъ-что, если присоединить къ этому исторію Югурты и Катилины, его сочиненіе заключаетъ въ себѣ почти все седьмое столѣтіе отъ построенія Рима. Противоположность Саллюстію образуетъ авторъ жизнеописанія великихъ государственныхъ мужей и полководцевъ, обыкновенно означаемый именемъ *Корнелія Непота*. Между-тѣмъ какъ первый изображалъ въ людяхъ только эгоизмъ и представлялъ только своекорыстныя стремленія, Корнелій Непотъ въ краткихъ, но изящныхъ очеркахъ возвышалъ блестящую и благородную сторону человѣческаго характера. Цѣль его сочиненій—чисто-нравственная и наставительная. Его книга, подобно галлереѣ образцовыхъ произведеній, долженствовала возбуждать въ римскихъ юношахъ энтузіазмъ къ добродѣтели, воодушевлять ихъ патріотизмъ, испол-

нять храбростію и т. д., и она служитъ для этой цѣли донынѣ, будучи принята для преподаванія въ новѣйшихъ школахъ. Но первый *Т. Ливій* далъ римской исторіи оригинальное направленіе и чисто-національный тонъ. Ливій осуществилъ идеалъ Цицерона о національномъ историкѣ, который по его мнѣнію долженствовалъ пользоваться искусствомъ оратора, чтобы успѣшно дѣйствовать на читателей *). Согласно съ этимъ, исторія Ливія есть риторическое описаніе того, что̀ случилось по всей вѣроятности, и его цѣль состоитъ въ томъ, чтобы возбуждать въ душахъ читателей рѣшимость, мужество и воодушевленіе къ новымъ подвигамъ. Посему при безпристрастной оцѣнкѣ ливіева творенія всегда должно разсматривать его въ отношеніи къ цѣли, и кто станетъ отрицать, что онъ наилучшимъ образомъ достигъ ея и облекъ предъ потомками неугасаемымъ блескомъ дѣянія предковъ? Къ сожалѣнію изъ 140 книгъ этого національнаго творенія до насъ дошло только 35. У Ливія краснорѣчіе еще чисто и сильно, но оно очень-легко превращается въ декламацію, потому естественно, что тонъ историческихъ сочиненій

*) Мѣсто, гдѣ Цицеронъ выражаетъ объ этомъ свою мысль, находится въ его сочиненіи de leg. lib. I. cap. 2. Здѣсь Аттикъ проситъ Цицерона написать отечественную исторію, ut patria, quae salva per te est, per te eundem sit ornata. Potes autem tu profecto satisfacere in ea, *quippe cum sit opus*, ut tibi quidem videri solet, *unum hoc oratorium maxime.*

скоро измѣнился и чрезъ нѣсколько поколѣній уже принялъ направленіе, достигшее въ Тацитѣ своей кульминаціонной точки.

Характеръ августова вѣка во всѣхъ отношеніяхъ походилъ бы на характеръ александрійскаго, если бы таланты нѣкоторыхъ мужей, умѣвшихъ, не теряя самостоятельности, подражать греческимъ образцамъ, не осуществили многихъ родовъ римской литературы, которые доселѣ были оставляемы въ совершенномъ пренебреженіи. Сюда относятся три главные поэта, имѣвшіе по своему вліянію на поэзію римлянъ такое же значеніе, какое Цицеронъ для прозы. Оригинальнѣйшій изъ нихъ есть *Горацій* и поэтому надобно сперва сказать о немъ. Въ своихъ лирическихъ сочиненіяхъ онъ ограничивается подражаніемъ греческимъ стихотвореніямъ, въ которыхъ воспѣвается и одобряется мудрое наслажденіе жизнію; поэтому собственное значеніе его заключается не въ одахъ, но въ посланіяхъ и сатирахъ, въ которыхъ онъ является совершенно-самостоятельнымъ; въ нихъ съ удивительною граціею онъ проложилъ себѣ путь между поэзіею и прозою и облекъ стихотворство въ какую-то привлекательную простоту. Глубокое знаніе свѣта и людей и тѣсное знакомство съ потребностями высшихъ сословій доставили Горацію вліяніе не только на своихъ современниковъ, но и сдѣлали его книгу впослѣдствіи времени руководствомъ къ мудрой жизни для всѣхъ, желавшихъ соединить на-

слажденіе своимъ богатствомъ со вкусомъ и наукою *). Столь же великое вліяніе, только въ другомъ отношеніи, имѣлъ *Виргилій*, по чистотѣ отдѣлки, музыкѣ и гармоніи стиховъ, въ чемъ никто его не превосходитъ. Главное твореніе его есть героическая поэма «Энеида». Подражать гомерову тону не могло придти ему въ голову во время, такъ отдаленное отъ героическаго, оттого сила его состоитъ въ описаніи и искусство заключается въ удачномъ выборѣ предмета, который далъ ему возможность въ одно время сказать что-нибудь пріятное господствующей фамиліи Цезарей и польстить національной гордости римлянъ. Эней по преданію считается родоначальникомъ римлянъ, и отъ сына его Іула ведетъ родъ свой gens Julia — этого для искуснаго поэта достаточно, чтобы національное чувство соединить такъ тѣсно съ ласкательствомъ, касающимся царствующей династіи, что одно кажется необходимымъ для другаго. Но судя вообще, достоинство «Энеиды» состоитъ въ формѣ, и вотъ что̀ побудило поэта передъ смертью пожелать ея уничтоженія. Онъ чувствовалъ, что не имѣлъ довольно времени дать всѣмъ двѣнадцати пѣснямъ такую гладкость, чтобъ стереть всякій слѣдъ

---

*) Чтобы составить себѣ о Гораціѣ вѣрное понятіе, должно особенно прочесть 6-ю сатиру 2-й книги, гдѣ онъ описываетъ свою сельскую жизнь и 6-ю первой, гдѣ онъ разсказываетъ исторію своей жизни и описываетъ свое пребываніе въ городѣ.

труда, котораго стоило ему это твореніе. Впрочемъ вѣчно должно было бы сожалѣть, еслибъ это желаніе его было исполнено: потому-что, при всѣхъ несовершенствахъ «Энеиды», нельзя не сознаться, что поэтъ успѣлъ въ ней поэтически украсить латинскія преданія и римскую исторію, и влить въ греческія формы римскій духъ. Виргилій является оригинальнымъ въ своемъ стихотвореніи о земледѣліи. Дидактическое стихотвореніе, произведеніе александрійскаго періода, само по себѣ конечно имѣетъ характеръ прозы, но Виргилій умѣлъ найдти въ своемъ предметѣ поэтическія стороны и въ превосходныхъ стихахъ воспѣлъ поэзію природы. Совершенно-ошибочно направленіе, принятое имъ въ идиліяхъ, особенномъ родѣ поэзіи, который также разцвѣлъ въ первый разъ въ александрійскій періодъ и послужилъ ему образцомъ для подражанія. Греческій поэтъ Ѳеокритъ, съ успѣхомъ введшій этотъ родъ поэзіи при дворѣ Птоломеевъ, имѣлъ то преимущество, что могъ заставить своихъ пастуховъ и пастушекъ говорить на дорійско-сикеліотскомъ нарѣчіи и такимъ-образомъ простымъ чувствованіямъ придавалъ наивнымъ языкомъ еще болѣе прелести; напротивъ Виргилій употреблялъ въ своихъ идиліяхъ утонченный языкъ образованнаго общества и поэтому поставилъ убранство и размѣръ ихъ въ странное противорѣчіе съ содержаніемъ. Третій поэтъ, по своему вліянію заслуживающій быть поставленнымъ на ряду

съ Гораціемъ и Виргиліемъ, хотя значительно уступающій имъ въ силѣ дарованія, есть *Овидій*. Такъ-какъ его сочиненія легко можно понять и въ нихъ содержится много свѣдѣній касательно древней исторіи и миѳологіи, то въ средніе и новѣйшія времена они имѣли многихъ читателей и такимъ-образомъ пріобрѣли великое вліяніе на фантазію и представленія новаго міра. Впрочемъ, какъ мало Овидій обладалъ истинно-поэтическою силою, это видно изъ того, что онъ не оставляетъ ничего воображенію своего читателя, но самъ распространяется обо всемъ до малѣйшихъ подробностей. Въ этомъ отношеніи онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ поэтовъ, о которыхъ Лукіанъ смѣясь говоритъ, что, еслибъ они вздумали представить въ своихъ сочиненіяхъ Тантала или Иксіона, то имъ нужно бы было множество стиховъ, чтобы довести воду только до губъ Тантала, или чтобы заставить Иксіона одинъ разъ перевернуть свое колесо. *Катуллъ*, *Тибуллъ* и *Проперцій* во всѣхъ отношеніяхъ подражатели грековъ, и особенно Катуллъ изъ подражанія имъ пускался въ самыя трудныя тонкости и принималъ самые смѣлые размѣры. Но какъ ни велико оставалось вліяніе грековъ, во всякомъ случаѣ золотой періодъ римской литературы доставилъ по-крайней-мѣрѣ то, что и поэзія облеклась въ національную одежду и что гордость римлянъ могла любоваться собственными образцовыми твореніями.

Какъ славный памятникъ ученаго стремленія этого времени, мы имѣемъ передъ глазами обширное сочиненіе Страбона по части географіи. Страбонъ родился на востокѣ; основательное изученіе, далекія путешествія и собственное знаніе описываемыхъ имъ странъ дѣлали его особенно-способнымъ къ предпринятому имъ труду. Съ этими преимуществами онъ соединялъ еще ясное представленіе о томъ, каково должно быть землеописаніе, строгую критику и слѣдовательно отчужденіе отъ всякой страсти къ чудеснымъ разсказамъ. Поэтому его твореніе обладаетъ достоинствами, какихъ не имѣетъ ни одно произведеніе древности въ этомъ родѣ. Такъ-какъ отселѣ въ Римѣ какъ въ Александріи, стали заниматься учеными изслѣдованіями, то одинакая потребность произвела здѣсь такія же слѣдствія, какъ въ египетской столицѣ. Уже Цезарь хотѣлъ основать въ Римѣ публичную библіотеку и поручилъ учрежденіе ея ученому Варрону, но смерть рушила этотъ планъ его, равно-какъ и многіе другіе. Впрочемъ Августъ возобновилъ его. Онъ приказалъ сперва Азинію Полліону на площади подлѣ храма Либерты устроить зданіе для библіотеки и раздѣлить ее на двѣ части — на греческую и латинскую; другую библіотеку онъ заложилъ на Палантинскомъ Холмѣ. Имѣя большія библіотеки, Римъ сдѣлался теперь и средоточіемъ учености, и литература имперіи приняла два направленія — собственно латинское и гре-

ческое, причемъ замѣчательно то, что собственно латинскою литературою больше занимались впослѣдствіи времени не итальянцы, а испанцы, галлы и африканцы.

Конецъ первой части.

